

ЛАД

ВОЛОГОДСКИЙ

2009 г

2 (14)

Литературно-художественный журнал



В СИЗЬМЕ ВСЕХ ПРИЕЗЖИХ НАЗЫВАЮТ ГОСТЯМИ

За прошлый год в небольшом шекснинском селе
побывало более 50 тысяч туристов

Всё-таки невероятно живуч и находчив русский человек! Вспомните конец 80-х - начало 90-х годов прошлого века. Кто-то стремился нахватай как можно больше, кто-то думал, как выжить... А в Сизьме - обычном селе Шекснинского района - решили восстанавливать храм Святителя Николая Чудотворца, который стоял посреди села и разрушался потихоньку без присмотра и заботы. А в 1991 году открыли краеведческий музей.

- На церковь тогда смотреть страшно было: ни окон, ни дверей, ни полов, ни куполов, - вспоминает Владимир Егоров, директор сиземского

Центра традиционной народной культуры. - Мало кто верил, что её можно восстановить...

Мало кто верил и в будущее музея, который Владимир создавал по крупицам, обходя окрестные деревни, уговаривая бабушек пожертвовать на общее дело прялку, кадку, ложку, ткацкий станок... Власти отдали энтузиастам зал заседаний сельсовета, но очень скоро места стало мало. Постепенно восстанавливался храм, разрастался музей. Сейчас его экспонаты занимают все двухэтажное здание Дома культуры. Кстати, многие из этих экспонатов вполне в рабочем,



Владимир ЕГОРОВ



В музее хлеба



Храм Святителя Николая Чудотворца в Сизьме

что называется, состоянии - их ведь не только показывают гостям, но и используют. Могут, например, при вас половик соткать - красивый, прочный...

Центр традиционной народной культуры - это не только музей. Размещается он в нескольких домах, один из которых называется «Домом Емели». Да-да, того самого, из сказки. Рядом с селом есть Щучье озеро, так что без Емели, решили в Сизьме, не обойтись. Он и сам к гостям выходит, рассказывает, как на печке катались...

Туристам здесь не только Емелю представляют да прялки показывают.

- Кто-то, - говорит Владимир Егоров, - едет Богу помолиться, кто-то водичкой из источника облиться. Кто-то специально приезжает на праздники, которые проходят у нас как сто лет

назад и привязаны к православному календарю и историческим сизьменским праздникам.

Угощают гостей всеми местными вкусностями, главная из которых - знаменитые сиземские пряники. Их пекут по старым рецептам и на старых пряничных досках. Вот и получают высокие, сдобные - удашные, как говорят в Сизьме. И пиво здешнее известно по всей округе.

Гости нынешней традиционной ярмарки «Российские губернаторы в глубинке» побывают в Сизьме. Здесь рады их встретить, показать, как умеет русский человек жить и работать, даже если трудно.

Действительно, живуч и упорен русский человек невероятно. Особенно если живет не по своему хотению, а с оглядкой на Бога. Как в Сизьме...

Вологодская областная научная библиотека им. И.В. Бабушкина
Андрей Сальников
ФОТО АЛЕКСЕЯ КОЛОСОВА



В музее хлеба собрана утварь со всей округи



Сиземское вышитое полотенце



На этом станке можно и сейчас ткать половики.
И ткут ведь - да красивые какие!..



Павел ЗЕЛИНСКИЙ,
глава Сиземского сельского поселения:
«Всё, что мы создали,
надо сохранять, развивать. Сейчас у нас новые
проекты на очереди, и на всё это нужны средства.
Я думаю, что таким селам, как наше, где люди
стараются как-то развиваться, нужен особый статус,
например, туристско-рекреационной зоны».



В музее пива



Сизьма с колокольни смотрится по-особому



Экскурсоводы в Сизьме с любовью рассказывают о каждом экспонате - что, к чему, откуда...



Резная прялка



Как получилось, что именно сейчас, в двадцать первом веке, народ всё пристальнее вглядывается не в будущее - а в прошлое? Что там такого осталось, в этих резных прялках и цветастых сарафанах, что не дает спокойно держать их в музее? Зачем сегодняшние мальчишки и девчонки учатся ткать половики, печь пряники по древним рецептам?.. Они играют в игры своих прабабушек и прадедушек, поют их песни - и вовсе не ощущают себя чужими в нашем мире компьютеров и мобильных телефонов. Но, может быть, так и надо? Древние наряды, обычаи, навсегда, казалось бы, ушедшие от нас, возвращаются - и не только потому, что греют души людские, но и потому, что придают современной нашей жизни особый смысл. Точнее, помогают понять смысл жизни, который, собственно, один на все времена: люби Бога и людей, делай добро, береги окружающий мир... Оказалось, легче понять эти простые истины и осветить ими душу, обратившись к прошлому - ради будущего.

Об этом - многие материалы нынешнего номера нашего журнала.

Читайте в номере

И НЫНЕ, И ПРИСНО

Святитель Игнатий писал для тех, кто ищет пути в Царство Небесное.

Беседа с архиепископом
Максимилианом

ПРОЗА

Олег Ларионов.

СЕМНАДЦАТИЛЕТНИЙ. Повесть
Александр Цыганов.

ПОРТРЕТ ИМПЕРАТОРА. Повесть
Сергей Багров. ВРАЖЬИ ВОДЫ.

Повесть

Захар Прилепин.

УБИЙЦА И ЕГО МАЛЕНЬКИЙ
ДРУГ.

Рассказ

ПОЭЗИЯ

НОВЫЕ СТИХИ Ольги Фокиной,
Юрия Максина, Сергея
Богданова, Андрея Климова,
Тамары Красновой-Гусаченко

ПРИРОДА

Иван Королёв.

УРОКИ ИВАНА ПОЛУЯНОВА

ИСТОРИЯ В ДОКУМЕНТАХ

Николай Кедров.

ЛЮДСКОЙ ИЗЛОМ

«ВЕЛИКОГО ПЕРЕЛОМА»

РЕДКОЛЛЕГИЯ

В.И. Белов, И.А. Поздняков, В.В. Касьянов, В.Д. Воробьев, священник Александр Лебедев, С.П. Белов, В.В. Дементьев, А.В. Камкин, П.Ю. Мухин, А.К. Сальников (редактор журнала), А.В. Торопов, А.А. Цыганов

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА

В Сизьме всех приезжих
называют гостями **2-я стр. обложки,**
цветная вклейка

РОДИНОВЕДЕНИЕ

Вадим ДЕМЕНТЬЕВ. Слово о полку
Белозерском (окончание)..... **2**

И НЫНЕ, И ПРИСНО

Святитель Игнатий писал для тех,
кто ищет пути в Царство Небесное.

Беседа с архиепископом

Максимилианом **14**

...И да будет воля Твоя!

Священник Александр ЛЕБЕДЕВ
отвечает на вопросы о Боге,
вере и Церкви **24**

ПРОЗА

Александр ЦЫГАНОВ.

Портрет императора. Повесть **29**

Сергей БАГРОВ.

Вражьи воды. Повесть **70**

Олег ЛАРИОНОВ. Семнадцатилетний.
Повесть **85**

Захар ПРИЛЕПИН.

Убийца и его маленький друг.
Рассказ **100**

НОВОЕ ИЗДАНИЕ

Андрей САЛЬНИКОВ.
На золотой тропе **99**

ЛИТПРОЦЕСС

Российского читателя русские писатели
потеряли. Обрести его надеется помочь.

Гражданский литературный форум **107**

Будь реалистом - требуй невозможного!
Беседа Захара Прилепина

и Капитолины Кокшенёвой **108**

КНИГА В ЖУРНАЛЕ

Владимир ЛИЧУТИН.
Сон золотой (продолжение) **113**

ИСКУССТВО

Ангелина ГЛЕБОВА. Современное

состояние и перспективы развития
народных художественных промыслов
Вологодской области **156,**
цветная вклейка (иллюстрации)

ЖИВАЯ ПАМЯТЬ

Александра МАРТЪЯНОВА.
Мамино слово (окончание) **166**

ПОЭЗИЯ

Ольга ФОКИНА. Слава песенке наивной!
Из новых стихов **186**

Сергей БОГДАНОВ.

Незаметно придёт одиночество **190**

Андрей КЛИМОВ.

Не хочу простыть на сквозняке **192**

Тамара КРАСНОВА-ГУСАЧЕНКО.

Постучали не в окно, а в душу... **195**

Юрий МАКСИН.

Ощутимей зато волшебство... **199**

ПОЭТЫ НЕ УХОДЯТ

Памяти Владимира
ПОПОВА-ОСТРОВИТАНИНА **200**

НОВОЕ ИМЯ

Андрей АЛЕКСЕЕВ.
Счастлив жить без счёта дней **207**

ПРИРОДА

Иван КОРОЛЕВ.
Уроки Ивана Полуянова **209**

ИСТОРИЯ В ДОКУМЕНТАХ

Николай КЕДРОВ. Людской излом
«Великого перелома» **213**

ПУБЛИЦИСТИКА

Исаак ПОДОЛЬНЫЙ. Письма солдата
Владимира Бойко **229**

ЯЗЫК МОЙ

Людмила ЗОРИНА.
Хоже и неухоже **236**

Тамара ЗЕЛЕНИНА.
Двенадцать забытых слов **237**

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ФОТОМАСТЕРА

Алексей КОЛОСОВ.
Ферапонтовские зарисовки **цветная**
вклейка, 3-я стр. обложки

На 1-й и 4-й страницах обложки -
фотографии Марины и Андрея Кошелевых

ЛАД

Литературно-
художественный
журнал

ВОЛОГОДСКИЙ 2009, № 2 (14)

В 1991 - 1995 годах выходил под названием
«Лад. Журнал для семейного чтения».

С 2006 года - «Вологодский ЛАД»

Журнал зарегистрирован управлением Федеральной службы
по надзору за соблюдением законодательства в сфере
массовых коммуникаций и охраны культурного наследия
по Архангельской области и Ненецкому автономному округу
ПИ № ФС 3-0731 от 25.01.2008 г.

Учредитель -
ИНП «ФЕСТ»

Главный редактор -
А.К. Сальников

Адрес издателя: ИНП «ФЕСТ»,
160001, Вологда, Челюскинцев, 3.

Адрес типографии: 162600, ИД «Череповец»,
Череповец, Металлургов, 14 а.

Адрес редакции: 160001, Вологда, Челюскинцев, 3.
Телефон 8 (172) 72-55-70, **e-mail:** salnikov@krassever.ru

Тираж 1500. **Объем** 15 п.л. **Формат** 70х108/16. Печать офсетная.
Подписано в печать 24 июля 2009 г. Время подписания номера по
графику - 10 час., номер подписан в 9 час.

Заказ № 207270 Свободная цена.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

ВАДИМ ДЕМЕНТЬЕВ

СЛОВО О ПОЛКУ БЕЛОЗЕРСКОМ

Окончание. Начало в № 4, 2008, 1, 2009

Во времена первых князей в построении войск (или рати) соблюдался следующий боевой порядок: в середине стоял большой полк (или чело), по бокам - правое и левое крылья. В строю чела находились варяги и другие наемники, а также земские вои (полки), на крыльях - княжеские дружины. Это был главный ряд. Позднее прибавились передовой и сторожевой полки, и они вместе составили передний ряд. С конца XII века впереди всех выступали стрелки или стрельцы (лучники), представлявшие собой сборную из всего войска часть.

Содержать подобную воинскую силу могли только обеспеченные князья и властители, лучшие люди той или иной земли. Белозерье таким краем и являлось, поставляя пушнину, главную русскую валюту тех веков, рыбу, соль, другие товары. Через него шли товарные потоки с предгорий Урала, со всего Поморья. Не случаен вывод крупнейшего историка Белозерья А.И. Копанева: «В XI веке Белозерский край был уже значительно населенным и богатым». Также активно развивалось земледелие, которое, как пишет Н.А. Макаров, «появилось на Севере в XI - XII вв. (а на Белом озере, возможно, и несколько раньше)... Главным стимулом для колонизации на начальных ее этапах был пушной промысел». Летопись 1071 года перечисляет товарное производство в Белоозере, где наряду с зерном, рыбой и медом упомянуты меха, в частности, шкурки белки.

Период от правления Синеуса, пусть и кратковременного и в чем-то легендарного, до образования в здешних местах в XIII веке удельного княжества считается малоизученным, хотя последние археологические экспедиции и расширили наше знание о

древнем Белоозере. К примеру, в белозерской округе только деревень, возникших в X - XIII вв., выявлено около 60. «Любопытно, - замечает Н.А. Макаров, - что три крупнейших гнезда поселений X - XIII вв. на Белом озере находились в тех местах, вблизи которых локализуются лучшие промысловые угодья, - в приустьевой части Кемы, около Киснемы и у Крохинского брода в истоке Шексны. В двух последних пунктах на каменистых отмелях нерестились самые ценные породы рыб, и в XVII веке эти участки считались заповедными - здешний улов шел к царскому столу».

Известно, что после Синеуса край подчинялся князьям Великого Новгорода - Рюрику и Олегу. Затем перешел к Киеву, управлялся наместником. Об этом говорит летописный рассказ о сборе дани с белозерцев в 1073-1074 гг. боярином киевского князя Святослава Ярославича Черниговского Яном Вышатичем, сыном Вышаты - тысяцкого (главного воеводы) великого князя Владимира Ярославича. Столь знатный и родовитый киевский сановник мог быть послан в далекие края только за обильной данью, что лишний раз подтверждает значение Белозерья в истории Древней Руси.

С конца XI века Белозерский край перешел в подчинение Владимиро-Суздальской земли.

В эти века Белозерцы, по словам исследователей, принимали участие практически во всех войнах и походах. Первым упоминанием ратных действий местной дружины (или ополчения) считается поход князя Олега на Смоленск и на Киев в 882 году, в котором участвовало племя весь, ассоциируемое с Белозерьем. В 1096 году воины-белозерцы сражались с князем Изяславом в битве с Олегом Гориславичем под Муромом.

Следующий эпизод, относящийся к 1146 году (то есть за год до основания Москвы и Вологды), процитируем по Карамзину: «Князья Черниговские выгнали Святослава из Брянска, Козельска, Дедославля, но слыша, что Георгий (Юрий Долгорукий) прислал к нему 1000 Белозерских латников, отступили к Чернигову». Столь могучее войско, присланное из Белозера (княжеские дружины обычно насчитывали сотни человек), представляло собой огромную для тех времен силу. И это были хорошо экипированные и, вероятно, отлично подготовленные воины-латники, носившие металлические доспехи* (другой летописец пишет, что Юрий Владимирович Долгорукий прислал на помощь Святославу «тысячу бронник дружины Белозерской», да еще под командованием своего сына Ивана). Кстати, время встречи Юрия Долгорукого с опальным новгород-северским князем Святославом Ольговичем на следующий год после того, как он с помощью Белозерцев хотел ему помочь, и является первым упоминанием Москвы, датой ее рождения.

Количество воинов белозерской дружины, их вооружение, командование княжича Ивана говорят о том, что Север для великих князей стал отличным воинским гарнизоном и крепким тылом в бесконечных междоусобных битвах. Таковую роль Белозерье сохраняло и далее.

Об этом свидетельствует и следующая запись летописца под 1183 год, когда Всеволоду Большое Гнездо удалось организовать грандиозный поход русских князей на болгар. Волжско-камские болгары - это не нынешние братья-болгары. В X веке эти тюркские племена, кочевавшие с VII века в бассейне Нижней Волги, создали

собственное государство на Средней Волге и Нижней Каме. В XV веке потомки болгар стали составной частью Казанского ханства.

Среди прочих в походе на болгар участвовал и сын знакомого нам Святослава Ольговича князь Владимир Святославович. Но теперь Белозерским полком командовал сам великий князь Всеволод Большое Гнездо, а воеводами его были Фома, Дорожай** и другие. Судя по количеству воевод, полк представлял собой внушительную силу, не одну сотню ратников.

По всей видимости, белозерцы спустились на ладьях по Шексне к Ярославлю (месту встречи с другими полками) и оттуда вниз по Волге проплыли до устья реки Цевцы, где находился остров Исады. Здесь князь Всеволод оставил Белозерцев сторожить ладьи, а сам с большим войском отправился на штурм города.

Далее процитирую еще одного известного исследователя русской истории В.А. Кучкина: «В то время, когда Всеволод двигался к Великому городу, Белозерский полк, оставленный при ладьях, подвергся нападению болгар... Сражение было выиграно русскими. Разбитые татары бежали к Волге, к своим судам... Поход 1183 года был самым значительным походом русских князей против болгар в домонгольское время. Об этом походе знали в Новгороде Великом и помнили в Южной Руси, где автор «Слова о полку Игореве», обращаясь к Всеволоду, писал: «Великий князь, Всеволод!.. Ты можешь Волгу веслами раскропить...». Остается добавить, что болгары, напав на остров Исады, предполагали отрезать для русской рати пути отступления. Но Белозерский полк стоял насмерть и побил пятитысячное войско болгар, утопив к тому

* Военная лексика, как и земледельческая, в наших языках древнейшая по своим этимологическим корням. «Латники с копьями» упоминаются Гоголем в «Тарасе Бульбе», а портрет «блистающего в латах, как в огне» воина представил Пушкин в «Руслане и Людмиле».

** Таким образом, летопись донесла до нас имена первых известных нам командиров-белозерцев (Фому по другим источникам звали Ласковым). И, как бы сказали в XVIII веке, первыми шефами полка стали князья Иван Юрьевич, сын Юрия Долгорукого, и сам великий князь Всеволод Большое Гнездо.

же в Волге почти тысячу человек из нападавших.

Так в 1183 году впервые в русских летописях упоминается «полк белозерцов», и если взять этот год временем рождения этого воинского соединения, то сегодня ему бы исполнилось 825 лет - также юбилейная дата.

Белоозеро и раньше представляло собой яблоко раздора между Новгородом и Владимиро-Суздальским княжеством. Кроме указанных нами экономических и хозяйственных причин, здесь, на Белом озере, пересекались стратегические водные пути Древней Руси; само местоположение Белоозерского края было крайне выгодным и важным. По сути, тот, кто владел Белоозером, тот имел в руках ключ к богатейшим кладовым Севера.

Большое значение придавали Белоозеру в своей политике владимиросуздальские князья. Между тем строптивый Новгород не оставлял попыток отбить столь лакомые для всех земли. Об одном из походов в 1169 году повествуют сразу несколько летописных сводов. Новгородская дружина под командованием Даниила Лозутича (Даньслава Лазутиница) в количестве 500 человек отправилась в Заволочье собирать дань. Об этом узнал великий князь Андрей Боголюбский, который выслал навстречу им свой отряд (полк). Битва состоялась в окрестностях Белого озера: «И перехватила эта рать новгородцев на Белоозере, и началась битва» («Сказание о битве новгородцев с суздальцами»). Победа осталась за новгородцами. Правда, Псковская летопись указывает, что с новгородской дружиной сражались Белозерцы, но все другие источники указывают, что князь Андрей «прислал полк свой на них».

Это сражение долго помнилось. В постоянной экспозиции Государственной Третьяковской галереи жемчужиной собрания считается знаменитая икона «Битва новгородцев с суздальцами», созданная в середине XV века новгородскими иконописцами. Рассматривая ее, мы как будто переносимся за многие сотни лет в наше

прошлое. И хотя иконное изображение весьма условно, но сам его сюжет весьма необычен и представляет собой повествование о забытой нынче битве на берегах Белого озера.

Еще не раз Белозерцы участвовали в походах и сражениях, представляя собой немалую силу, которую при всяком удобном случае использовали князья-вассалы. С начала XIII века Белоозеро начало вновь «определяться», не само, конечно, по себе, а через княжеские разделы. В 1207 году Всеволод Большое Гнездо выделил сыну своему Константину вместе с Ростовом и Белоозеро. Через одиннадцать лет уже сам Константин Всеволодович «посла старейшего сына своего Василька Ростову на стол, а Всеволода на Ярославль на стол». А где же Белоозеро? А.И. Копанев не без основания предполагает, что «к Васильку перешло, очевидно, и Белоозеро, так как после смерти его князем на Белоозере сделался его сын Глеб Василькович, который был основателем особого Белоозерского княжества. Еще при жизни Константина из Ростовской земли выделился Ярославский удел, а при жизни сына его Василька Константиновича из состава Ростовского княжества выделилось Белоозерское княжество».

Эти переделы имели большое значение для белозерцев, путь к самостоятельности был ими воистину выстрадан, и сам край после Батыева нашествия стал считаться, как правильно пишет А.И. Копанев, «своего рода убежищем».

Значение Белоозера в русской истории как тыла Руси, как земли спасения неизмеримо возрастает. Сюда приезжает епископ Ростовский Кирилл, чтобы «избыть ратных людей», здесь селятся бежавшие из центральных земель, пострадавшие от татаро-монгольского ига сотни, тысячи русских семей. На Белоозерскую землю князь Глеб Василькович привозит из своих поездок в Орду выкупленных, освобожденных русских рабов и расселяет их в своем княжестве.

Но всё это будет чуть позже, а пока вернемся к 4 марта 1238 года, когда



Древний город Белозерк

на реке Сить, притоке Мологи, состоялась битва между войсками великого князя Владимирского Юрия Всеволодовича, основателя Нижнего Новгорода, и монгольского темника Бурондая, отколовшегося от основных сил татаро-монгол с целью завладеть как можно большей территорией. Наши полки (в том числе и Белозерцы) стояли лагерем у села Станилово на перекрестке дорог на Новгород и Белоозеро. Точнее, они размещались по окрестным деревням и селам Бежецкого Верха (ныне - северо-восток Тверской области).

Юрий Всеволодович не имел точных данных о противнике и о его местонахождении. Для прояснения ситуации на разведку был выслан воевода передового русского отряда Дорож (Дорофей Федорович). Тот никак не ожидал поблизости встретить татар, которые стремительным маршем, покоряя города Северо-Восточной Руси, двигались к реке Сить. Отряд боярина Дорофея Федоровича в

количестве трех тысяч человек вступил в бой с передовыми разъездами Бурондая в верховьях Сити, между селениями Божонки и Могилицы. Но тут подоспели основные силы неприятеля, и сопротивление отряда Дорожа было сломлено, а сам воевода, вырвавшись из окружения, преследуемый татарами, успел передать князю Юрию Всеволодовичу, что враг совсем рядом.

Фактор неожиданности сыграл свою зловещую роль. Русские войска не успели собраться, подготовиться к сражению, выстроить свой боевой порядок. Татары ворвались в их лагерь, где началась жестокая сеча. Почти всё войско великого князя, и он сам, и его племянник, ярославский князь Всеволод Константинович, «полегли костью» в тот день. Ростовского князя Василька Константиновича татары захватили в плен («взяли руками»). Видя его героизм и мужество на поле брани, противник предлагал князю перейти на свою сторону, но

Василёк гневно отметал даже самую мысль о предательстве. Какое-то время татары водили знатного пленника из одного своего стана в другой, добиваясь согласия, но поняв, что им ничего не добиться, зверски замучили и бросили тело в лесу. Там его вскоре нашла одна из местных крестьянок. «И причтен быть в лице мученик», - так, тяжело вздохнув, закончил свой рассказ летописец.

В Ростове Великом, в кафедральном соборе, под главным престолом сегодня погребен благоверный князь Василий (Василько) Ростовский. Сюда, на родину, его тело со следами ран и истязаний было доставлено из недалекого, у Борисоглеба, Ширенского леса. Как писал в тяжелый 1942 год нового иноземного нашествия в поэме «Князь Василько Ростовский» поэт Дмитрий Кедрин:

И умер князь кудрявый,

Но с той лихой поры

Поют герою славу

Седые гусляры.

Этот единственный эпизод из, вероятно, всей благочестивой жизни святого князя дошел до нас, но прославил прекрасного Василька Константиновича на века. Не со слов ли его вдовы Марии, первой русской женщины-летописца, написан вдохновенный портрет князя: «Был же Василёк лицом красив, очами светел и грозен, храбр в охоте, сердцем легок, до бояр ласков... Мужество и ум в нем жили, правда и истина с ним ходили (курсив наш, ибо как прекрасно сказано! - В.Д.). И сидел он в добрых днях на отцовском столе».

А в подклете соседнего ростовского Спасо-Преображенского, что на Песках, храма ныне покоятся и сама княгиня Мария, и ее сын Глеб Василькович Белозерский и Ростовский. Кто проезжает по московской трассе, по федеральной дороге «Холмогоры», сверните на Ростов Великий, найдите у ближайшего Спасо-Иаковлевского Димитриева монастыря отдельно стоящий пятиглавый Спасо-Преображенский собор. Здесь погребены вдова благоверного князя Василька княгиня Мария (1271 г.) и

ее младший сын, местночтимый святой благоверный князь Ростовский и Белозерский Глеб Василькович (память его совершается 23 мая и 24 июня).

Светильники «во мраке истории» - так можно назвать эту семью. Княгиня Мария была дочерью князя Михаила Всеволодовича Черниговского, еще одного мученика за веру, убитого в 1246 году татарами в Орде. Ее сестра и дочь князя Михаила, монахиня Ефросиния Суздальская, также прославилась благочестивой жизнью, врачеванием в монастырской больнице многих людей, пострадавших от войск хана Батыя.

Чем страшнее было наступившее время иноземного ига, тем активнее становилось сопротивление, прежде всего духовное, а затем и военное. Чудом русской святости можно назвать связанных близкими узами, одну семью, один род - князя Михаила Черниговского, его зятя Василька Ростовского, сына последнего Глеба Белозерского, дочерей Михаила Ефросинью Суздальскую и княгиню Марию, ставшими святыми в самый тяжелый для Руси XIII век.

Не забыта потомками и Ситская битва. В селе Божонка, где происходило наиболее кровопролитное сражение, установлена памятная стела в честь первых защитников Отечества. Она стала памятником ратным деяниям Белозерского полка, первым мемориалом из четырех других, которые на сегодня мы имеем, - в Белозерском кремле, под Полтавой, на Бородинском поле и у Малахова кургана в Севастополе.

ГЛЕБ БЕЛОЗЕРСКИЙ

Судьба этого князя по-своему показательна для тех драматических десятилетий. «В лето 1236 родися великому князю Василку Костянтиновичю Ростовскому сын Глеб» - записал летописец и через два года сделал новую запись: «А князь Борис Васильковичь сяде в Ростове... а брат его князь Глеб Васильковичь сяде на Белозере». Борису было тогда семь лет,

а брату Глебу всего два года. Ясно, что за них вершили дела в отчинах другие, пока новые владельцы не повзрослеют.

Ума набираться в то время приходилось по ходу своих хозяйственных и дипломатических забот. Уже в 1245 году Борис и Глеб (имена в честь первых русских князей-страстотерпцев) со «мнози князи» - в составе княжеской делегации - «поиде во Орду к царю Батюю».

Как он, князь Глеб Белозерский, по нашим возрастным критериям мальчишка, чувствовал себя среди убийц своего отца? Но сама жизнь заставляла ладить с татарами, искать с ними компромиссы, идти им на уступки. Сила солому ломит. Русь пока не была готова к открытому вооруженному сопротивлению, хотя время от времени, в том числе и в Ростовской земле, восставала против иноземцев («и побиша татар везде, не терпящее насилия от них»).

Дипломатическими уступками, вопросами сбора дани была вызвана и поездка князя Глеба к своему вассалу хану Сартаку в 1249 г. В 1251 г., когда ему исполнилось 14 лет, он, наконец, «сел» в Белоозере, в своей вотчине, переехав туда из Ростова. На то он получил ярлык от ордынцев.

Через шесть лет Глеб Белозерский «сбегается» в Орду в третий раз. Первым из русских князей он женится на ханской дочери, принявшей по традиции тех лет православие. «Бе бо всему хитр», - заключает летописец. Теперь он, уже татарский зять, с большой честью принимается в Орде, куда приезжал еще трижды - в 1269, 1271 и в 1277 гг. Последняя поездка с сыном Михаилом совпала со смертью в Орде ростовского князя, родного брата Бориса. Вместо него на важнейшее ростовское княжение татары поставили своего родственника Глеба Васильковича. Но недолго владел он своей отчиной - 13 декабря 1278 года умер на 42-м году жизни.

Такова краткая канва жизни первого удельного белозерского князя. Но не нами замечено, что в летописях и

других документах той поры имя Глеба Белозерского упоминается намного чаще и с более интересными подробностями, чем у других княжеских властителей. Память он по себе оставил крепкую и добрую. Как и немало местных легенд, связанных с основанием монастырей, рытьем речных перекопов, украшением церквей, своими многочисленными странствиями. Место его погребения - в белозерской часовне (или в церкви) святого Василия - и то легендарно.

Но, несмотря на дипломатическую политику Глеба Васильковича, его осторожность, татары не давали Белозерскому княжеству привилегий и не числили его на каком-то особом счету. Только что не нападали, не грабили, но здесь причиной была относительная удаленность Белоозера. И еще богатство, которое приносило хорошую дань. По словам вологодских историков, «во многих местах нашего края сидели татарские баскаки (сборщики дани) со своими отрядами. Об этом свидетельствуют сохранившиеся до наших дней названия многих деревень: Баскаково (на реке Шексне, близ города Череповца), Баскакова Гора (в Кирилловском районе на бывшем волоке у озера Никольского), Таттарово (там же), Баскаки (в Тотемском районе), Баскачье (у слияния рек Вычегды и Северной Двины)».

Иноземное иго и есть самая настоящая неволя, драма, трагедия. Но с героическими подвижниками, мучениками за веру Васильком Ростовским и Михаилом Черниговским в один ряд вскоре встали князья-воины, такие как Александр Невский, выдающийся полководец и государственный деятель, умелый и гибкий политик. Его лучшим учеником может считаться его племянник Глеб Белозерский.

Белоозеро переживало в эти темные времена подъем, вызванный его особым положением в начинающейся общерусской борьбе с «погаными», с ненавистным игом. «После татарского нашествия Белоозеро, - пишет А.И. Копанев, - было более населенным, чем раньше». Еще до Москвы,

объединившей русские земли, до ее исторической роли в борьбе с татаро-монголами здесь, на берегах Белого озера, был едва ли не первый центр сопротивления иноземным поработителям.

Через несколько десятилетий интерес к Белозерью стал подпитываться сильным московским влиянием, реальными стратегическими и экономическими расчетами, которые строил по поводу земель, находившихся за шестьсот с лишним верст, Иван Данилович Калита. Его знаменитые «купли», в первую очередь Белоозера (два века все крупнейшие русские историки: Карамзин, Соловьев, Чичерин, Любавский, Пресняков, Черепнин, Насонов, Платонов, все современные ведущие специалисты по истории Руси спорили и спорят, что под этими «куплями» понимать), имеют огромное значение для возвышения скромного Московского удельного княжества, становления Московского государства, а значит, и для всей тысячелетней истории России.

Князь Глеб Белозерский стоял у истоков процесса возрождения Руси, когда в других землях еще дымились развалины монастырей, княжеских палат и изб простолюдинов, когда поля были усеяны костями безвинных страдальцев. Белозерский князь не стал отсиживать за мологскими и шекнинскими болотами, за комельскими лесами, а повел активную хозяйственную деятельность, укрепляя свое княжество-форпост. Он был строителем в годы, когда всё вокруг было разрушено. «Многих христиан обиженных татарами избавил от плена, печальных утешил, нищих и убогих подаванием не обносил, странникам, сиротам и вдовицам помогал, поминая слово Господне. Церкви многие создал и украсил иконами и книгами, священников и монахов почитал, ко всем относился с любовью и милостиво. Смирненным был, ненавидел гордость и отвращался от нее, как от змея-искусителя... Немало жалости и плача оставил по себе всем знавшим его», - такими слова-

ми летописного некролога запечатлен в народной памяти князь Глеб Белозерский.

Глеб держал в Белозерье свою княжескую дружину (или полк). В книге Т.И. Осминского, Н.В. Озернина, И.И. Брусенского «Очерки по истории края (Вологодская область)» (1960 г.) сказано, что «со своим белозерским полком ходил Глеб в походы с ханом на Северный Кавказ и на камских болгар». Значит, даже в черные десятилетия отечественной истории русское военное искусство продолжало развиваться: ратное мастерство, воинская удаля теплились под кольчугами и шлемами белозерских воев и дружинников.

«Татарское нашествие, - заявляет тот же А.Н. Кирпичников, - не вызвало упадка русского военного дела - как на севере, так и на юге страны оно развивалось, пожалуй, с большей активностью, чем раньше». Может быть, эта оценка и чрезмерно завышена (вряд ли уж так успешно могло совершенствоваться ратное искусство в колониальной стране), но историк пытается обосновать свою точку зрения реальными фактами: «Весь строй войска и его основные тактические и технические приемы были унаследованы от домонгольского периода. Существовало хорошо заметное иностранцу почти национальное своеобразие боевых приемов и вооружения, названное венграми, поляками и шведами «русским боем».

«Военно-технический взлет Руси в XII-XIII вв., - делает еще одно неожиданное открытие А.Н. Кирпичников, - был настолько мощным и многообразным, что оказал заметное воздействие на всё последующее развитие боевой техники. Относится это и к организации военного ремесла, и к ассортименту изготавливавшегося оружия, и к некоторым приемам ведения борьбы с определенной очередностью использования технических средств. И к регламентированности построения полков, и, наконец, к продолжавшей существовать дружинной воинской идеологии».

Трагическое для Руси татаро-монгольское иго должно браться во всей совокупности исторических причин, факторов и следствий. Огромная территория страны с трудом управлялась и была, по сути, открыта для любого врага или захватчика. Препятствиями для завоевателей служили лишь природные преграды и отчаянная храбрость сражавшихся русских дружин и полков.

С одной стороны, удельные княжества препятствовали объединению сил перед грозным, сметающим всё и вся на своём пути врагом, а с другой, пытались обустроить свой край, ввести в хозяйственный оборот новые земли, промыслы и т.д. Из чересполосицы удельщины со временем выросло общенациональное ядро - Московское княжество, подчинившее себе добровольно и в борьбе другие княжеские вотчины.

Белоозеро еще со времен возвышения Ивана Калиты являлось союзником московских князей. Дочь Калиты, Феодосия, была выдана замуж за князя Федора Романовича Белозерского, героя Куликовской битвы. На Белоозере сидели московские наместники. Можно поэтически сказать, что исток у Белоозера Шексны и устье у Московского Кремля Неглинки - это были реки одного бассейна - московско-белозерского. Белозёры и сами с начала сороковых годов XIV века - москвичи по своей княжеской принадлежности.

Москва утвердилась в центре новгородских владений и создала себе в татарские времена тыл, сравнительно безопасный. Им она, прежде всего в экономическом и военно-стратегическом планах, и подпитывалась. «Купля» Белоозера, по словам историка С.Ф. Платонова, подразумевала не покупку (это слово в Древней Руси было многозначным), а договор, сово-

купление, соединение. В любом случае, Иван Калита сделал правильный, умный выбор. И наши земляки здесь не проиграли.

Белозерский князь Федор Романович, пишет Николай Борисов, автор прекрасной книги об Иване Калите в серии «ЖЗЛ», «не был завистлив, дружно жил со своим московским тестем, а потом и с шурьями - Семеном Гордым и Иваном Красным. В 1375 году Федор по призыву Дмитрия Московского принял участие в походе на Тверь... Его жена княгиня Феодосия Ивановна прожила долгую жизнь. Она была еще жива в 1389 году, когда по завещанию Дмитрия Донского основная часть Белозерского княжества была передана его третьему сыну, князю Андрею Дмитриевичу. Однако своей тетке Феодосье Дмитрий Донской оставил в пожизненное владение несколько Белозерских волостей. После ее кончины они должны были перейти к вдове Дмитрия Ивановича - княгине Евдокии».*

Важно еще заметить, что в состав Белозерского княжества входили земли нынешней Устюжны, которую в старину называли Устюжной Железнопольской. Издревле здесь добывали болотную руду и плавили в домницах, получая железо, которое шло, помимо хозяйственных нужд, и на военные цели, на доспехи и оружие ратников и дружинников. Даже сушеная рыба, знаменитый белозерский снеток, служил хорошим питанием воинов в дальних походах.

Всё это, вместе взятое, позволяет говорить о продолжении ратных традиций белозёр, героическим и самым мощным взлетом которых стало историческое сражение в 1380 году с войсками Мамай.

* Родственные хитросплетения московского и белозерского княжеских домов с интересными деталями, открытиями и сюжетами рассмотрел А.И. Копанев в книге «История землевладения Белозерского края XV-XVI вв.» (1951 г.). Кстати, этому выдающемуся историку принадлежит бесспорное доказательство женитьбы князя Федора Романовича Белозерского на дочери Калиты Феодосии Ивановне.

ЗОЛОТОЕ СЛОВО КНЯЗЬЯМ БЕЛОЗЕРСКИМ И ВОИНАМ БЕЛОЗЕРСКОГО ПОЛКА

Белозерцам поставлен памятник в древнем граде Белозерске и на Бородинском поле. Их жертвенный подвиг в Ситской битве с татаро-монголами отмечен с 1980 года памятником у деревни Лопатино в Ярославской области. Имя полка носит улица в Севастополе. Имеется монумент гренадерам Петра Великого под Полтавой. Имя Белозерцев вышито с 2009 года на знаменах гвардейского инженерно-саперного полка современной Российской армии.

И все же центральным мемориалом их ратных деяний стал главный православный собор России - столичный Храм Христа Спасителя. Уже на паперти нас встретит мраморная плита с выбитым на ней золотом названием «Белозерский полк». И далее по всему храму на таких же огромных плитах прослежен героический путь Белозерцев и других полковых соединений русской армии в войне с Наполеоном: основные баталии, воинские соединения, имена героически погибших за Отечество русских воинов.

Мраморные доски чу-



дом сохранились от первоначального здания. Видимо, даже в те тяжелые для православной церкви времена было решено не уничтожать Храм Христа Спасителя вместе с настенной летописью отечественных побед в Отечественной войне. Понимали, что это кощунственный вандализм*.

В Храме Христа Спасителя также находится чудотворный образ Богоматери Одигитрии Смоленской-Устюженской с клеймами земной жизни Богородицы, датируемый началом XVI века. Икона в серебряном окладе расположена справа на солее, у того места, где Президент России по большим православным праздникам молится за народ российский и за Отечество.

Эта икона - одна из исторических святынь России, как национальные флаг и герб. Отнюдь не случайно она олицетворяет верховную власть государства и спасение Отечества, и каждая телетрансляция из Храма Хри-

В Храме Христа Спасителя - главном православном храме России - свято чтится память героев, защищавших Отечество, в том числе и воинов Белозерского полка



* Леонид Максимович Леонов мне рассказывал, что уничтожение храма Христа Спасителя было своеобразной проверкой на верность некоторых знаменитых в те годы людей. Ворошилов ему как-то сообщил, что Ежов, руководитель тогдашнего НКВД, после одного из застолий в квартире правительственного дома на набережной, что напротив взорванного храма, будто ненароком отозвал к окну Климента Ефремовича и отдернул тяжелую гардину с видом на Москву-реку: смотрите, мол, на пустое место напротив. Он ждал реакции первого красного офицера. Ворошилов промолчал.

та Спасителя ее постоянно выделяет.

Икона происходит из собора Рождества Богородицы в районном центре Устюжна. Она спасла местных жителей во времена Смуты от польско-литовского нашествия. В 90-е годы прошлого века злые люди похитили этот чудотворный образ. Икона нашлась не так давно в Англии, и оттуда добрые люди вернули ее на Родину. Передавая Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II чудотворный Устюженский список Смоленской иконы Божией Матери, президент В.В.Путин сказал: «Хотел бы поздравить Вас с возвращением одной из самых древних и почитаемых на Руси икон, которая, казалось, была практически безвозвратно утеряна. Она покинула пределы России и вот теперь возвращена на Родину».

Устюженская икона - список с древнего образа Смоленской иконы Божией Матери Одигитрии. Для нас особенно примечателен тот факт, что в Византии, откуда она происходит, икона почиталась как путеводительница в военных походах, а на Руси с XVI века еще и как символ единства Русских земель.

Смоленская икона Богородицы - святой образ для русского воинства (перед ним служила молебн русская армия на Бородино). Хранившаяся в Смоленске, она бесследно исчезла в годы Великой Отечественной войны.

Город Белозерск имеет к обретенной устюженской иконе прямое отношение. Белозёры в декабре 1608 году предупредили жителей Устюжны о надвигающейся опасности со стороны вражеских отрядов и предложили выступить против поляков сообща, «друг за друга главы свои положить». Устюженцы-оружейники со славными воинами-белозёрами объединились. Почитаемая чудотворной с XVI века, икона вселяла в защитников северной земли веру и надежду, что натиск врага будет успешно отражен. Так и случилось. Дважды жители выносили икону Богоматери под стены осажденного города. В результате Ус-



Древняя Белозерская икона Богоматери «Умиление», написанная в первой трети XIII века, сейчас находится в Государственном Русском музее (Санкт-Петербург). В Белозерском Спасо-Преображенском соборе в 2008 году вернулся её современный список

тюжна героизмом ее защитников и чудесным заступничеством иконы спаслась.

Сегодня она спасает российский народ от очередной смуты. В этом ее глубоко духовное и символическое значение.

В вологодской истории имеются и другие промыслительные эпизоды.

Вроде бы одно только событие произошло в 2008 году в канун светлого праздника Рождества Христова в городе Белозерске, но зато какое! В местную действующую церковь вернулась икона Богоматери Белозерской - копия современного мастера, пожелавшего остаться неизвестным, со святыни Белозерского края, датированной началом XIII века, и находящейся в Государственном Русском музее в Санкт-Петербурге.

Семь с лишним веков этот чудный образ, хранившийся до 1930-х годов

в Спасо-Преображенском соборе, являлся самым древним и чтимым в Белоозере. Перед ним молились удельные князья, начиная с Глеба Васильковича Белозерского. Икону выносили из храма, когда провожали на поле Куликово ратников Белозерского полка. Перед ней просили о помощи и заступничестве, изливали сокровенные слезы любви и прощения десятки поколений жителей города и его земель. Пресвятая Богородица, изображенная в иконографическом типе Богоматери Умиление, являлась представительницей белозёров перед Богом. Она родственна защитнице Руси - чудотворной иконе Богоматери Владимирской.

Если вернулся список Матушки Заступницы, ее иконный Божественный лик, то будет жить и здравствовать славный град Белозерск. В это нужно верить.

К сожалению, пока на сегодняшний день не воздвигнут памятник воинам Белозерской дружины на Куликовом поле. В селе Монастырщина в Тульской области располагается мемориал памяти павших в великом сражении (по легенде, именно здесь были похоронены русские воины). На аллее Памяти и Единства, что у подножия памятника Дмитрию Ивановичу Донскому, установлены от благодарных потомков доски русским полкам - Серпуховскому, Ярославскому, Владимирскому, Коломенскому, Муромскому, Псковскому, Полоцкому... Имеются даже памятные плиты новгородцам, как известно, не принимавшим участия в сражении, и рязанцам, вообще предавшим князя Дмитрия Ивановича. А белозерской плиты до сих пор нет. Хотя еще в апреле 2007 года главой Белозерского муниципального района В.Л. Лебедевым было утверждено Положение об открытом конкурсе эскизов мемориальной плиты белозёрам, павшим на Куликовом поле.

В сентябре 2008 года мы побывали в селе Монастырщина с вологодским архитектором Владимиром Сергеевым (он, кстати, является автором

прекрасной песни о Белозерском полку). Владимир тогда рассказал, что победитель конкурса вроде бы определен, осталось лишь воспроизвести в материале эскиз и установить здесь, на Куликовом поле, мемориальную плиту.

Сергеев подробно фотографировал аллею Памяти и Единства в Монастырщине, но мы сошлись во мнении, что лучшего места для памятника белозёрам, чем у алтаря храма Рождества Богородицы рядом с аллеей, и не найти. Тем более, что аллея уже полностью заполнена мемориальными досками других русских земель, а по православной традиции у церковных алтарей хоронили самых именитых граждан и, естественно, народных героев.

К хлопотам по установке надгробия подключился и архиепископ Вологодский и Великоустюжский Максимилиан. Общими заботами, думается, патриотическое дело сделается, и в скором времени память наших земляков будет достойно отмечена в местах их подвига.

Правда, белозёры здесь, на тульской земле, не забыты. В экспозиции местного музея имеется зал, посвященный трем полям ратной славы России: Куликову полю, Бородино и легендарной Прохоровке - месту решающего танкового сражения в годы Великой Отечественной войны. В музейном зале представлены бронзовые скульптуры В.В. Глебова «Князь Белозерский», «Князь Вадбольский» и «Летчик Глебов» (автопортрет скульптора). Символика этих скульптур будет понятна, если пояснить, что В.В. Глебов, участник Великой Отечественной войны, является потомком князей Вадбольских из Белозерского княжеского дома.

Пока же нам остается закончить наше золотое, как принято в древнерусской традиции, слово о князьях и ратниках Белозерского полка следующей сентенцией.

В одной из своих книг автор этих строк писал, что символами Вологодской земли должны стать три экспоната, найденные экспедицией археологов в Белозерье: карбонизи-



Храм Рождества Богородицы в селе Монастырщина. Рядом с ним - аллея Памяти и Единства, где установлены памятные доски русским полкам, бившимся на Куликовом поле. Белозерской плиты до сих пор нет

ФОТО ЕЛЕНА АГЕНТОВОЙ

рованные (окаменевшие) зерна ржи тысячелетней давности, женские украшения, выделанные в местной ювелирной мастерской, и первые настоятельные христианские кресты. Если обратить эти находки в символы, то получится: Хлеб насущный, Красота рукотворная и Вера православная. Эти предметы, поднятые из толщи земли, из слоев X века, действительно должны храниться на самом видном месте главного выставочного зала Вологодской области. С них

началась наша земля, ее известность и слава.

Но сейчас нам хочется добавить еще один предмет, который не раз и не два находили в многочисленных раскопках археологи. Это железный наконечник боевой стрелы, метко поражающий врага.

Пусть под стеклом сохраняются четыре экспоната великой вологодской истории - зерно, подвеска, крест и стрела.

Хлеб, Красота, Вера и Защита их.

СВЯТИТЕЛЬ ИГНАТИЙ ПИСАЛ ДЛЯ ТЕХ, КТО ИЩЕТ ПУТИ В ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ

Беседа с архиепископом МАКСИМИЛИАНОМ

ФОТО ИРИНЫ ГОРБАЧЕВОЙ



В мае в Москве состоялась общественно-церковная конференция «Духовное наследие святителя Игнатия (Брянчанинова)». Она была организована Фондом святого всехвального апостола Андрея Первозванного. Участникам церковного форума направил послание Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл.

На конференции выступили архиепископ Ставропольский и Владикавказский Феофан (Ашурков), наместник московского Сретенского ставропигиального монастыря архимандрит Тихон (Шевкунов), наместник Данилова монастыря архимандрит Алексий (Поликарпов), протоиерей Максим Хижий (Владимирская епархия), автор нескольких работ о жизни святителя Игнатия и его творениях

О.И. Шафранова (Москва). Принял участие в конференции и архиепископ Вологодский и Великоустюжский Максимилиан.

Вернувшись из Москвы, он дал интервью нашему журналу.

- Владыко, то, что в Москве, в одном из престижных церковных залов, состоялась конференция, посвященная трудам и личности святителя Игнатия Брянчанинова, нас, вологжан, не может не радовать. Но почему она прошла именно сейчас? Ведь юбилей был в 2007 году, и провели его, мне кажется, неплохо.

- Согласен, в Вологодской епархии юбилей святителя Игнатия был проведен довольно энергично. Но разве этот

великий духовный писатель почитается лишь вологжанами? Знаю, что в Ставропольской епархии состоялась конференция, посвященная святителю Игнатию, - опять-таки, прежде всего потому, что с этим городом связан важный этап жизни святителя, он был там правящим архиереем и многое сделал, об этом подробно говорил в докладе на конференции архиепископ Ставропольский и Владикавказский Феофан.

Однако общецерковных мероприятий, посвященных великому духовно-

му писателю - нашему земляку, прежде не было. Конференция в Москве была общецерковной, на ней присутствовали представители православных средств массовой информации, поэтому церковный народ будет о ней информирован. По телеканалу «Союз» показали все выступления, уже и повтор был.

Святейший Патриарх Кирилл прислал приветствие её участникам, и это говорит о большом значении, которое священноначалие придает научному форуму, посвященному святителю Игнатию.

Подготовка и проведение конференции требует немалого времени и усилий. Не надо забывать и о том, что, кроме юбилея святителя Игнатия, в это время проводились и другие юбилеи известных святых. Кроме того, в это время произошли очень важные события в жизни Русской Православной Церкви. На Поместном Соборе был избран новый Предстоятель Русской Православной Церкви Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл.

- Наверное, о святителе Игнатии уместно говорить в любое время - ведь и на этой конференции подчеркивалось практически всеми, что творения этого великого духовного писателя необыкновенно важны для нашего времени.

- Полностью согласен с вашим утверждением. Можно выделить две стороны в творениях святителя Игнатия. Первая - это прекрасное знание святоотеческого наследия, которое является фундаментом для всех его творений. Он прекрасно знал пять иност-



Святитель ИГНАТИЙ (Брянчанинов)

ранных языков, читал творения святых Отцов в подлиннике и обладал прекрасной памятью. Когда святитель Игнатий посещал Московскую духовную академию, он побывал в библиотеке, где нес тогда послушание известный русский богослов протоиерей Александр Горский. «Было совершенно очевидно, - писал архиепископ Леонид Краснопевков, - что все преимущество в знаниях на о. Игнатия стороне. А когда вопрос зашел об аскетической литературе, то явно было, что отец Игнатий имеет не просто обширную начитанность, но и глубокое понимание и основательную ученость в этой области... и тогда он умел, чтобы не оскорбить чужого самолюбия, дать заметить, что это знание очень обыкновенное». Этот случай свидетельствует не только о высочайшем интеллектуальном его уровне, но и о высоких нравственных качествах.

Кроме того, он имел незаурядный литературный талант. В юности, когда Димитрий Брянчанинов, будущий святитель Игнатий, поступил в Главное инженерное училище, он посещал литературный кружок тогдашнего президента Академии художеств Алексея Николаевича Оленина, своего дальнего родственника. Здесь бывали лучшие литераторы того времени - Александр Сергеевич Пушкин, Константин Николаевич Батюшков, Иван Андреевич Крылов, Николай Иванович Гнедич... Литературные опыты юноши получили высокую оценку этих выдающихся писателей, которые составляют гордость нашей литературы.

- Возможно, Владыко, литература потеряла великого русского писателя в лице Димитрия Брянчанинова...

- С этим я не могу согласиться. Свои литературные дарования - а они, по свидетельству современников, были незаурядны - Димитрий Брянчанинов принес на службу Церкви, на службу Господу. Не случайно, наверное, до нас не дошли ранние литературные опыты Димитрия Брянчанинова, они растворились в его «Аскетических опытах» и других сочинениях святителя Игнатия, посвященных самому важному в жизни человека - поискам смысла жизни, поискам Бога.

Святые не сразу становятся святыми, они возрастают постепенно, от силы в силу. Святитель Игнатий начал писать с молодых лет, но публиковать их решил только в конце жизни, когда он достиг наибольшей высоты духовной. Всё ранее написанное он пересмотрел, переработал и только потом представил на суд православных верующих.

Его творения - не рассуждения теоретика, оторванного от жизни, а размышления человека, который трудился, подвизался в поисках пути в Царство Небесное и достиг его преддверия. В своих творениях святитель Игнатий делится своим уникальным опытом с теми, кто пожелает идти в Царство Небесное. Опыт этот драгоценен для нас, потому что это опыт человека, строившего свою духовную жизнь по



Преподобный МАКАРИЙ ОПТИНСКИЙ

советам святых Отцов и видевшего землю обетованную. Опыт древних святых Отцов он адаптировал к своему времени, так как изменились внешние обстоятельства жизни. Своим целожизненным подвигом он доказал, что творения Отцов не потеряли своего значения и в наше время. Более того - только святоотеческий путь и есть истинный путь к спасению.

Духовная дочь святителя Игнатия С.И. Снеессорева вскоре после его представления в тонком сне увидела святителя Игнатия, полного цветущей молодости, который обратился к ней с такими словами: «Думайте о смерти! Не заботьтесь о земном! Все это только - сон! Всё, что написано в моих книгах, всё - истина!» Святитель Игнатий - это суровый подвижник и великий ум, оставивший нам свои бесценные творения.

О том, что это был великий ум, свидетельствует история его пребывания в Оптиной пустыни. Там они с Михаилом Чихачёвым бедствовали. Димитрий Брянчанинов был очень слабого здоровья, а ему, как и всем оптинским монахам, давали только грубую пищу, которая ему совершенно не подходила. Михаил и Димитрий пытались

сами себе готовить, но не имели даже ножа, чтобы чистить картошку, топором чистили... Но и это Димитрию не помогло. Он заболел тяжелой болезнью и был близок к кончине. Строгий и непреклонный отец Дмитрия Брянчанинова, который отрекся от старшего сына, когда тот вопреки родительской воле принял монашество, узнав о состоянии сына, сжалился над ним и прислал экипаж, чтобы привезти его к себе домой и спасти его жизнь.

Когда послушник Димитрий Брянчанинов уходил из Оптиной пустыни, батюшка Макарий говорил: «Был Великий Арсений, и у нас в России был бы свой Великий Арсений, если бы он пошел другой дорогой. Это - Игнатий (Брянчанинов). Это был великий ум». Варсонофий Оптинский говорил, что, когда хоронили святителя Игнатия, «...ангелы дорносили его душу и пели: «Архиерею Божий, святителю отче Игнатие». Вот была ангельская песнь».

Здесь важно не то, что, по мнению преподобного Макария Оптинского, Димитрий Брянчанинов не достиг уровня Арсения Великого, а то, что его сравнивали с древним величайшим святым, одним из основателей монашеского жития. И, действительно, равного святителю Игнатию наставника для современного монашества трудно найти. Трудно найти равного ему по глубине ума, по глубине понимания Евангелия и учения святых Отцов...

Не хочу умалять ни святителя Феофана Затворника, ни Оптинских старцев, ни святого праведного Иоанна Кронштадтского, ни других святых, близких нашему времени. О святителе Игнатию преподобный Варсонофий Оптинский сказал: «Очень глубоко смотрел епископ Игнатий, и даже, пожалуй, глубже в этом отношении епископа Феофана. Слово его властно действует на душу, ибо исходит из опыта». Столь же высокую оценку творениям святителя Игнатия давали и другие святые и подвижники благочестия последнего времени.

- Как же объяснить, что мы имеем такого замечательного духовного учителя и почти не воспринимает его советов? Книги

святителя Игнатия сейчас выходят регулярно, было несколько изданий собрания сочинений, одно другого полнее. Кроме того, часто публикуются отдельные произведения его, письма... Но, глядя на сегодняшнюю церковную жизнь, не очень-то замечаешь следы влияния трудов святителя Игнатия... Почему это происходит, как Вы думаете, Владыко?

- Видите, в чем дело... Святые Отцы давно говорили о том, что снижается духовный уровень христиан. Святитель Тихон Задонский писал: «Христианство постепенно удаляется от людей и остается одно лицемерие». То есть остается внешняя сторона, которая важна, если наполнена силой соответствующего духа. Внешние формы важны настолько, насколько они оказывают благотворное влияние на душу человека. Святитель Игнатий писал как раз о самом важном - о сути христианства, о душе человеческой, о том, как исцелить её от страстей и грехов.

Мы же зачастую именно от сути, от духа уходим в сторону внешней формы, ставя её на первое место. А коль скоро остается одна форма без духа, она становится мертвой и подверженной разложению, как человек, из тела которого вылетела душа. Православный не отказывается от христианства, он считает себя верующим, он исполняет все внешние формы - пост, молитва и т.п., но жизнь свою изменить и жить по заповедям Божиим не желает. Он готов признавать христианство, но такое, которое не тревожило бы страстей, не заставляло бороться с ними... Борьба с ветхим человеком, со грехом - труд, и труд очень тяжелый!

Посмотрите на спортсменов - они же трудятся с утра до вечера, они себе отказывают во многом, соблюдают строгий режим и добиваются удивительных результатов. Так и святые. Они трудились в непрестанной борьбе со своими немощами и становились святыми. Достигали высшей степени уподобления Богу. Их называют преподобными.

Многие творения святителя Игнатия посвящены аскетике, и это не

только «Аскетические опыты» или «Аскетические проповеди». И во многих других творениях этого духовного писателя говорится о подвижничестве, о его значении для духовной жизни. Подвижник - это аскет, слово «аскео» значит «упражняюсь», «тренируюсь», «тружусь».

Вы знаете, многие любят по телевизору смотреть спортивные состязания - футбол, хоккей, баскетбол... Но многие ли из телезрителей сами заставляют себя выйти на футбольное поле, на баскетбольную или хоккейную площадку?.. Сегодня большинство таких любителей спортивных телепередач остаются теоретическими созерцателями. Так и в христианстве. Очень тяжело заставить себя трудиться, заставить себя преодолевать свои греховные привычки и склонности, бороться со страстями, простить обидчику, не осудить недоброжелателя, не позавидовать более успешному и так далее. Авва Лонгин говорил: «Пролей кровь и прими дух». А кровь проливать - это всегда тяжело, и не каждый желает это делать.

Другая причина малого внимания наших современников к творениям святителя Игнатия заключается в том, что он пишет о духовной жизни, хотя и не о самых её возвышенных формах, но и те степени, о которых он пишет, для многих - очень высоко, непонятно, неинтересно. Многие из нас поработены страстями, особенно гордостью и тщеславием; творения святителя Игнатия открывают нам наши немощи, срывают с нас красивую маску и обнажают наши болезни. Это нам неприятно, и поэтому многие отворачивают свои взоры от творений святителя Игнатия. Симеон Новый Богослов об этом пишет так: «От того, кто творит в Духе Святом, высокоумные и недугующие диавольскою гордынею отворачиваются, как высокоумного и горделивого, будучи словами его паче поражаемы, чем приводимы в умиление и сокрушение, а того, кто мелет, как жернов, и говорит от чрева своего и по науке, хвалят и принимают, хотя о деле спасения своего всё лживо толкуют. Таким образом, между такими нет того, кто бы смог добро как есть на



Покровское - усадьба Брянчаниновых. Вид со стороны парка.
ФОТО АНДРЕЯ САЛЬНИКОВА

самом деле распознать и видеть людей или дело спасения». Подобную мысль высказывал и преподобный Лев Оптинский: «О жизни высокой монашеской или схимонашеской не всякий может здорово судить, а особенно имеющий душевное око неочищенным».

- Как мы знаем, западное христианство пошло именно таким путём - путем максимального облегчения для человека его жизни в церкви. Католики и протестанты хотя и прельщают таким образом людей к вере...

- Стараться и кровь не проливать - вспомним выражение аввы Лонгина, и Царство Божие заработать, это, по-моему, говорит о лукавстве ума. Но Спаситель сказал, что Царство Божие нудится. Западное христианство больше не призывает своих прихожан бороться со страстями. Это очень приятно и удобно нашему ветхому человеку, чтобы успокоить свою совесть. Протестанты, к примеру, говорят: мы все святы святостью Иисуса Христа. Достаточно только верить в Спасителя, а святость Христа, Его Божественная кровь очищает все наши грехи. Значит, можно жить как хочется... Не хочу сказать, что там все преступники, нет; но они вряд ли борются со своими страстями, как учили святые Отцы, как призывает святитель Игнатий. У них хорошая нравственность, но трудно поверить, что у них высокая духовность.

- Но ведь это же очень сложно - бороться со страстями, это и неприятно к тому же...

- Творения святителя Игнатия (Брянчанинова) и не рассчитаны на то, чтобы кому-то было приятно, комфортно их читать. Цель творений святителя Игнатия - не создать комфорт для души, поработанной грехом, а помочь победить грех и приблизиться к Богу, к источнику всякого блага и радости. Благодаря его творениям мы видим, что имеем страсти, что с ними в Царство Небесное не войдешь. Надо бороться. Только истинный друг скажет нам правду, хотя бы она и была неприятна нам. А друг должен быть с характером. Именно таковы творения святителя Игнатия.



Преподобный ЛЕОНИД (в схиме ЛЕВ) ОПТИНСКИЙ

И, действительно, подчас нападает печаль, когда мы начинаем видеть состояние нашей души, уязвляемой грехами. Гораздо приятнее об этом не думать - знаете, как страус: спрятал голову в песок, и никаких проблем нет, всё хорошо... Но это печаль - печаль по Богу, это та печаль, которая призывает ко спасению.

Как похожи на такого страуса христиане, которые пытаются идти лёгким путем, хотя и спасаются комфортно. Сидя в мягком кресле, с чашечкой кофе рассуждать о тех или иных добродетелях, конечно, легче, чем стоять на долгих церковных службах, выполнять молитвенное правило, отказывать себе в исполнении греховных желаний, вошедших в привычку. Мы не хотим утруждать себя, лишать себя удовольствий. Зато учить других, как надо жить, мы всегда готовы.

Преподобный Серафим Саровский говорил: других учить - это как камушки с колокольни бросать. А самому исправляться - это как камушки на колокольню таскать. Камушки на колокольню таскать никто не желает. А вот поучать других, наставлять, укорять за нехристианское поведение -

это мы мастера, это всегда с удовольствием. Современные христиане стараются без трудов получить Царство Небесное, а святитель Игнатий лишает их этой иллюзии. Он призывает к труду, к подвигу.

Когда я в Троице-Сергиевой лавре нёс послушание в подсобном хозяйстве, мы приглашали ветеринарного врача, чтобы он посморел наших коров, подрезал им копыта и провёл другие профилактические мероприятия. И ветврач сказал, что коровы не любят людей в белых халатах, то есть ветеринаров. Это объясняется тем, что врачи часто доставляют коровам неприятные ощущения или даже боль. Но это делается для блага животных. Что им бывает больно, коровы понимают, а вот понять то, что через малую боль они избавляются от великой боли, у животных ума не хватает. К сожалению, многие христиане воспринимают окружающую жизнь подобным образом.

Среди людей, которые стремятся к комфортному христианству, творения святителя Игнатия не очень-то популярны. К сожалению, их становится всё больше: сегодняшние христиане в основном - по имени христиане, а не по сути. Святитель Игнатий писал для тех, кто хочет постичь суть христианства, он им помогал в трудном, опасном, тернистом пути к Царствию Небесному. Поэтому, думаю, святитель Игнатий недостаточно известен широкому кругу. Но он не один такой. Преподобный Нил Сорский, юбилей которого мы в прошлом году отметили, - тоже святой малоизвестный, несмотря на огромное значение для Русской Православной Церкви. Он тоже писал не о внешней форме христианства, а о внутренней брани.

- А что можно сделать, чтобы такие святые, как святитель Игнатий, преподобный Нил Сорский, стали более известны?

- Эти святые учили, что такое правильная христианская духовная жизнь. Чтобы заинтересовать людей такой жизнью, нужны живые примеры христианских подвижников. Они были в древности, есть и в наши дни,

хотя и чрезвычайно редки - вспомним отца Николая (Гурьянова) с острова Залита, архимандрита Иоанна (Крестьянкина) из Псково-Печерского монастыря, архимандрита Кирилла (Павлова) из Троице-Сергиевой Лавры... Люди видят, что жить по-настоящему по-христиански возможно, и у них появляется стремление подражать таким подвижникам. Живой пример гораздо действеннее любой книги, так как книга содержит много сухого, мертвого. Но, когда живые подвижники умалились до крайности, их место заняли книги и творения таких духовных писателей, как святитель Игнатий и святитель Феофан Затворник. Оптинские старцы...

Подвижники - это, конечно, подобные нам люди, с такими же, как у всех, страстями и недостатками, но они отличаются от нас духовным горением, горячим желанием искоренять свои слабости и немощи. Если же мы желаем спастись без труда, то творения святителя Игнатия нам мало полезны. Больше нужны другие книги - о чудесах, о мироточениях, о прозрениях, о каких-то паломничествах...

- Выходит, Владыко, о чудесах и паломничествах и писать не стоит?

- Надо понимать, что любое чтение может быть и вредно, и полезно, - это зависит от духовного уровня читателя. На первом, начальном этапе, когда человек только приближается к пониманию сути христианства, такие книги могут и полезными быть, они могут заинтересовать человека, стать толчком к следующему этапу, к более глубокому постижению веры христианской. Но если он дальше не пойдет - тогда, к сожалению, труды святителя Игнатия вряд ли ему потребуются. Он будет полагать, что главное - это как раз мироточащие иконы, чудесные исцеления. Такие люди удовлетворяются внешней формой, внешними знаниями о христианстве, внешним деланием.

Святые говорят, что внешнее делание - это лист. А всякий лист на дереве только тогда хорош, когда это дерево дает в конце концов плод. Возьмем

любое плодое дерево - яблоню, вишню, грушу... Все они нужны нам настолько, насколько они плодovиты. Вспомним бесплодную смоковницу. Так же и в христианстве. Все эти внешние явления и формы хороши, когда они приносят добрый духовный плод. Но они могут принести и злой плод, ядовитый плод. Во-первых, приходят помыслы - дескать, ты не такой, как все, выше их; ты же соблюдаешь большое молитвенное правило, кладешь много поклонов, много постишься... Тщеславие всегда найдет себе пищу. И чем выше внешние подвиги, тем больше пищи для тщеславия. И чем больше такой человек будет подвизаться, тем больше его будут обуревать тщеславные помыслы. Кроме того, внешние подвиги могут стать известны окружающим, подвижника начинают чтить, хвалить, превозносить... Если человек не трудится духовно, превозношение попадает на удобренную тщеславными помыслами почву, и его самомнение и другие страсти растут как грибы после дождя...

Святитель Игнатий об этом предупреждает. Конечно, человеку, который мнит о себе, будто он уже где-то рядом с Антонием Великим, тяжело отказать от высокого мнения о себе, тяжело понять, что он ничего, по сути, не достиг. Для гордого человека это практически невозможно. Поэтому если даже человек, охваченный самомнением, гордыней, возьмется читать творения святителя Игнатия, спустя некоторое время он их может просто в сторонку отложить и постарается забыть, чтобы совесть успокоилась и не обличала его за нерадивую жизнь. А для большей убедительности такой человек постарается найти недостатки у святителя Игнатия и тем самым принизить значение его творений. Вероятно, этим можно объяснить то, что только в последнее время православные стали пытаться критиковать этого святого. Раньше такого не было.

Что у него находят негативного? Его обвиняют в том, что он за шесть лет сменил семь монастырей. Конечно, общее правило учит, что то древо, которое часто пересаживается, не при-

несет плода, поэтому монаху надо подвизаться в одном месте. Это очень важно, но везде необходимо рассуждение. Чем объясняются частые переходы святителя Игнатия из монастыря в монастырь? Попробуем ответить на этот вопрос.

Во-первых, он около года был в послушании у преподобного Льва Оптинского. И, естественно, за послушание перемещался вместе с ним из одного монастыря в иной. Таким образом он побывал в трех монастырях: Александро-Свирском, Площанской пустыни и Оптиной пустыни.

В это время он вышел из послушания преподобному Льву. Это также ставится ему в вину. Некоторые называют это разрывом. О причинах их расставания нам судить очень сложно, так как их духовная жизнь гораздо выше нашей, и нам мало открыта. Наши суждения о поступках святых подобны суждению школьника о поступках и решениях академиков. Мало того, тогда этот вопрос решался с рассмотрением множества обстоятельств, нам неизвестных, двумя лицами, оба из которых уже причислены к лику святых. А мы, не будучи знакомы с многими обстоятельствами дела, зная лишь о некоторых из них из книг авторов, которые не были участниками этого события и излагали весьма субъективно, пытаемся дать оценку.

Несмотря на изложенное, многих интересует вопрос о причине расставания святителя Игнатия и преподобного Льва. Попробуем дать ответ с учетом всего вышесказанного. Для этого дадим слово участникам этого события.

Из записок Михаила Чихачева, духовного друга святителя Игнатия, нам известно, что святитель Игнатий был в строгом послушании у преподобного Льва около года. Вскоре его перестало удовлетворять руководство преподобного Льва, «ибо старец, по слову святителя Игнатия, не может решить всех недоумений, которые приходится по большей части решать ему самому». Несмотря на это, он продолжал оставаться в послушании преподобному Льву. Вскоре в тонком сне ему было дивное виде-



Игумен МАРК (Лозинский). К 100-летию со дня кончины святителя Игнатия он защитил магистерскую диссертацию «Духовная жизнь мирянина и монаха по творениям и письмам епископа Игнатия (Брянчанинова)». В 2007 году, к 200-летию со дня рождения святителя Игнатия, второй том этого фундаментального исследования был издан Кирилло-Белозерским монастырем по благословению Высокопреосвященнейшего Максимилиана, архиепископа Вологодского и Великоустюжского

ние. Об этом видении было сказано преподобному Льву, и он, не усомнившись в истинности данного видения, благословил святителя Игнатия более не обращаться к нему, «а состоять под ведением общего монастырского духовника». Оставление духовного руководства преподобного Льва произошло по благословению самого же преподобного Льва и за послушание святителя Игнатия. Это никак нельзя назвать разрывом. Напротив - это шаг послушания.

Мало того, и после этого святитель Игнатий находился с преподобным Львом в теплой переписке, из которой следует, что между ними сохранились добрые отношения и полное единодушие. И эти слова находят подтверждение в реальном деле. В 1840 году на преподобного Льва усилились гонения, он обратился за помощью к святителю Игнатию, благодаря заступничеству которого старца оставили в покое.

Профессор Московской духовной академии игумен Марк (Лозинский) причину расставания объясняет следующим образом: «Думается, что к описываемому времени будущий святитель достиг такой же, а может быть, и большей духовной высоты, чем его руководитель, иеромонах Леонид», а для того, чтобы руководить, нужно быть значительно выше пасомого. Несмотря на неудовлетворенность духовным руководством старца Льва, святитель Игнатий не выходил из послушания ему и удалился от преподобного Льва с его благословения.

О перемещении святителя Игнатия из Оптиной пустыни было сказано ранее. В Кирилло-Новоезерском монастыре святитель Игнатий (Брянчанинов) из-за очень влажного климата заболел жестокой лихорадкой и после нескольких месяцев мучительной болезни вынужден был оставить обитель на Новом озере. Далее в Семигродную пустынь и в Пельшемский Лопотов монастырь он перемещается не по своей воле, а по воле епархиального архиерея. В Троице-Сергиеву пустынь святитель Игнатий перемещается опять же не по своей воле, а по воле Государя Императора.

Причина перемещений святителя Игнатия из монастыря в монастырь ускользает из поля зрения его критиков, как и то, что он провел почти четверть века в нелюбимом им монастыре с неблагоприятным для него климатом, который он считал «по всему несоответствующим его целям духовным». Они также упускают из вида то обстоятельство, о котором игумен Марк (Лозинский) писал: «Только истинное монашеское послушание не позволило ему уклониться от нового назначения» в Сергиеву пустынь под Санкт-Петербургом.

Когда мы что-либо делаем, мы в это дело вкладываем часть своей души. Мы сродняемся со своим делом. Оно становится нам близким и дорогим, и чем больше сил и времени вкладываем в дело, тем более дорогим для нас оно становится и тем тяжелее нам с ним расставаться. Но не так было у святителя Игнатия.

За 24 года святитель Игнатий привел Сергиеву пустынь в прекрасное состояние, как материальное, так и духовное. Но, по словам святителя Игнатия, Сергиева пустынь так и не стала ему близкой и дорогой. Она осталась ему чужой. О Сергиевой пустыни он писал: «Ни к чему в ней не прилепилось сердце, ничего мне в ней не нравится. Я занимаюсь устройством ее как обязанностью, принуждаю себя любить Сергиеву пустынь. Обитель эта совершенно не соответствует потребностям монашеской жизни. Одного прошу, чтоб развязали меня с Сергиевой пустыню. Всякое решение Святейшего Синода приму с благодарностью». Из этого можно увидеть, насколько тяжело ему было быть настоятелем пустыни. А этот тяжелый крест он нес почти четверть века. Насколько же тверд он был в подвиге послушания, а значит, и насколько он был высок духовно!

Подводя итог, мы видим, что два монастыря святитель Игнатий покинул из-за жестокой болезни, которая грозила ему смертью, а остальные перемещения были не по его воле, а за послушание. Получается, что частые перемены монастырей - это не его недостаток, а напротив, плод его истинно монашеского послушания.

- Некоторые еще критикуют святителя: дескать, в наше время его писания ничего уже не дают...

- Да, есть такие, кто просто не смог понять его творений. Другие никак не смогли согласиться с мыслями святого, потому что они противоречат принципам их жизни, а расставаться со своими принципами они никак не хотят. Такие люди начинают критиковать святителя, они стараются и себя, и других убедить, что точка зрения святителя и не подходит к нашему времени. Известный современный духовный архимандрит Иоанн (Крестьянкин) писал так: «Время такое настало, что у многих личные интересы легко заслоняют истину». В наш век принято ставить под сомнение всё, что каким-либо образом колеблет сложившуюся у нас точ-

ку зрения. Свою иерархию ценностей многие люди считают главной и непоколебимой, остальные мнения они или приспособливают под нее, либо отбрасывают как ошибочные. Тем самым серьезно ограничивают свои познавательные возможности и сужают горизонты познания.

В то же время очень сильно сказал о творениях святителя Игнатия преподобный Варсонофий Оптинский: «Сочинения епископа Игнатия (Брянчанинова) необходимы, они, так сказать, азбука духовной жизни». Как без изучения и освоения азбуки нельзя учиться дальше и изучать более высокие науки, так и сочинения святителя Игнатия являются настольной книгой ревнующего о своем спасении, без которой очень сложно идти дальше по пути духовного делания. Но в его творениях не только азбука, там и высота богословия. «Когда я читаю сочинения епископа Игнатия (Брянчанинова), - говорил преподобный Варсонофий Оптинский, - я удивляюсь его прямо ангельскому уму, его дивно глубокому разумению Священного Писания... Его сочинения как-то особенно располагают к себе мое сердце, мое разумение, просвещая его истинно Евангельским светом».

- Об этом Вы ведь и говорили в своем докладе на конференции «Духовное наследие святителя Игнатия Брянчанинова»...

- Кстати, критикуют святителя Игнатия и известные богословы. Это, на мой взгляд, начало отказа от наследия святых Отцов. По-моему, такие действия - тревожный сигнал. Похоже, мы вступаем на путь западных Церквей, на путь протестантов, которые отгинули святоотеческое Предание и на его место поставили свой ум, свой духовный опыт, всё внимание перенесли на внешнее.

Это очень опасный путь. Мой доклад посвящен разбору брошюр иеромонаха Доримедонта, который критикует учение святителя Игнатия о послушании и, на мой взгляд, делает это необоснованно. Но доклад касается не только его. Иеромонах Доримедонт ясно выразил тот дух времени, который всё больше набирает силу.

Беседовал Андрей САЛЬНИКОВ



...И ДА БУДЕТ ВОЛЯ ТВОЯ!

Священник Александр ЛЕБЕДЕВ

отвечает на вопросы
о Боге, вере и Церкви

Зачем Бог нас пугает? Без содрогания читать Ветхий Завет или Откровение Иоанна Богослова просто невозможно.

Интересно, что в качестве страшных страниц Библии названы те, которые касаются либо прошлого (Ветхий Завет), либо будущего (Откровение Иоанна Богослова). Что касается прошлого - тут пенять не на кого. Священное Писание лишь описывает исторические реалии того времени, и если они страшны, то благодаря тому, что люди их наполнили таким содержанием. Однако Библия описывает не только историю отношений между людьми, но и историю отношений между Богом и людьми. Многие угрозы, обещания кар, да и сами кары, ниспосылавшиеся когда-то Богом на людей, народы и человечество, действительно устрашают. Но я в этом не склонен винить Бога. Лекарство должно быть, как любят сейчас говорить, адекватным болезни. И остается только поражаться, насколько глубоко была порой пропитана самыми грязными грехами жизнь людей, что приходилось эту гниль выжигать буквально каленым железом.

Что же касается будущего, то ничего не поделаешь: Бог есть Истина, и Он не может лгать или что-либо скрывать от нас. Он всегда говорит правду, и что поделать, если она иногда бывает пугающей. Кстати, к Откровению Иоанна Богослова - книге, описывающей приход антихриста, последние судьбы мира, пришествие Христово, Его окончательную и полную победу над злом и начало жизни вечной, у Церкви отношение особое. Эту книгу, в отличие от дру-

гих новозаветных текстов, никогда не положено читать в храме во время богослужения. Можно предположить, что как раз из стремления пощадить нас, а особенно наше воображение. К тому же книга изобилует символами, которые не поддаются однозначному толкованию. Временами непонятно, как понимать то или иное повествование. Это можно объяснить: ведь Откровение - книга пророческая, описывает события будущего, она станет понятной именно тогда, когда события эти начнут исполняться. Подобным образом рождение, жизнь, смерть и воскресение Христа сделали понятными многие ветхозаветные пророческие тексты, до этого допускавшие различные толкования либо вовсе бывшие загадкой.

Верно и мудрое житейское наблюдение: каждый видит в книге то, что хочет увидеть. Кто-то пугается описываемых в Откровении Иоанна Богослова мировых катастроф, боится прихода антихриста и связанных с ним гонений на веру, а кто-то не заикливается на описании агонизирующего зла, чье-то внимание более приковано к торжествующему победу над злом Христу. К второму типу людей относится, кстати, и автор Апокалипсиса - евангелист Иоанн Богослов. Он завершает свою книгу не словами страха: «Да не будет этого, да смилуется Господь, да минет меня чаша сия, да отложит Господь время этих событий» и тому подобными, а словами надежды на скорое исполнение пророчеств: «Свидетельствующий сие говорит: ей, гряди скоро! Аминь. Ей, гряди, Господи Иисусе!» (Откр. 22, 20).

До сотворения нашего мира было ли известно, что человек согрешит и падет?

Конечно, да, ведь Бог всеведущ и вечен - для Него нет времени: прошлое-настоящее-будущее, Ему явна вся совокупность бытия всего сотворенного мира. Нашему уму это удивительно и непостижимо, но еще более удивительно то, что Бог всё же сотворил человека, зная, какой ценой предстоит искупать его будущее грехопадение. Есть в богословии такое понятие - «предвечный совет». Это расширенное и углубленное восприятие одной библейской строки. Согласно книге Бытия, Бог перед сотворением человека произнес: «Сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему» (**Быт. 1,26**). Толкователи видят здесь первое указание на то, что Бог не есть Одна личность (не Сам же с Собой Он общается), и расценивают это место как указание на диалог между Богом Отцом и Его Сыном. Содержание этого диалога можно представить себе так:

- Сын Мой, сотворим человека.
- Да, Отец.
- Но он падет и подвергнется смерти.
- Да, Отец.
- И для его спасения Ты воплотишься и понесешь страшные страдания.
- Да, Отец, да будет воля Твоя.

Сотворению человека предшествует готовность Бога на жертву. Это и принято подразумевать главным содержанием предвечного совета.

Почему самоубийц в Церкви не отпевают и не поминают, а по отношению к убийцам, например, что-то такого не слышно? А человек, между прочим, никому вреда не принес.

Церковь отказывает в отпевании не только самоубийц, а вообще людей, к ней (Церкви) не принадлежащих или отпавших. Отпадение от Церкви может совершиться либо уклонением в ересь, либо совершением греха и отказом от покаяния. Таким образом, Церковь не отпевает нераскаянных и упорных грешников. Если человек

перед смертью имел возможность принести покаяние в своих грехах, но сознательно отверг эту возможность, его отпевать не должны. Он определился: Церковь ему не нужна, и Церковь в ответ не навязывает ему свои молитвы. Близким такого умершего нужно смириться с положением дел. Нельзя стать или сделать кого-либо православным посмертно, точно так же, как нельзя стать посмертно, к примеру, мусульманином или коммунистом.

Если же человек явным образом не обозначил свою антицерковность, то его обычно отпевают, памятуя о том, что, подобно благоразумному разбойнику, он мог принести Богу покаяние за считанные секунды до смерти. Но о самоубийцах такого не скажешь: последнее, что они совершают в жизни - это грех, и что особенно страшно, после совершения этого греха покаяние становится невозможным. Человек умирает в состоянии нераскаянного греха, поэтому его и не отпевают. В Древней Руси по этой причине не отпевали тех, кто погиб, сознательно и бесцельно рискуя жизнью (совершая какие-либо «подвиги» на спор), а также тех, кто погиб на разбое (не потерпевший, а разбойник).

Вероятно ли спасение человека с позиции Православия, если он «живет по совести»?

Прежде всего нужно сказать, что ответ на такой вопрос знает только Тот, Кто будет определять будущее каждой души человеческой, то есть Сам Бог. Мы можем лишь предполагать с какой-то долей вероятности, как, нам кажется, может обстоять дело. Вопрос задан очень общо и допускает варианты: знал ли такой человек о Христе, сознательно или лишь в силу обстоятельств он ограничился «жизнью по совести», насколько чутка Его совесть? Всё это может влиять на наши рассуждения о будущей участи такого человека. Лично я вопрос этот разрешаю для себя (неприменительно ни к кому, гипотетически) в сторону «скорее нет, чем да». Но! Я ни в коем случае на этом не настаиваю.

Попробую поделиться своими размышлениями. Рай - состояние единения с Богом, со Христом. Возможно ли в таком случае спасение без Христа и помимо Христа? Очевидно - нет. Еще при жизни человек должен иметь стремление быть ближе к Богу, для такого человека и рай будет радостен как раз потому, что осуществится стремление всей его жизни. А если такого стремления не было - будет ли рай в радость? И возможен ли безрадостный рай? Стремление к Богу начинается реализовываться в жизни человека (во всяком случае, так должно быть) с крещения. В крещении происходит сочетание человека с Христом и впоследствии вся его жизнь должна быть укреплением этого сочетания. О крещении известны категоричные слова Христа: «Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет» (**Мк. 16,16**). Можно понять эти слова так, что Христос проводит четкое и неоднозначное разграничение между верующими крещеными людьми и всеми остальными.

Но ведь встречаются люди со своеобразным ощущением Бога, если можно так сказать, неформальным, неоформившимся ощущением. Они вроде признают, что что-то или кто-то там есть, но представления эти расплывчатые. Вроде и верой не назывешь, а вроде и не без веры живет человек. И совесть - это, на мой взгляд, как раз одно из проявлений такого ощущения Бога. Поэтому остается некая надежда на милосердие Божие, которое, возможно, распознает в этом ощущении некую устремленность к Творцу.

В любом случае, отвечая на такой вопрос, следует предавать «живущего по совести» человека суду Божию и не присваивать себе право вязать и решать. Надежду на то, что всё не окончательно потеряно, дает осознание того, что Бог милостив, Его милость выше справедливости, и Он всегда ищет возможности оправдать, а не осудить человека.

Единственное, что можно сказать точно, так это то, что если я, зная о

Христе и о Его словах, все же предпочту жизнь по своему собственному разумению, пусть и совестливому, то не спасусь. Ведь для меня это будет путь уже сознательного отвержения Христа. Как, впрочем, и для каждого, кто прочел эти строки.

Может ли человек быть уверен, что он спасен?

Надежду на спасение человек иметь может и даже должен её иметь. Чего не скажешь об уверенности. В этом вопросе, кстати, протестанты расходятся с нами, православными. Они считают, что спасается человек верой, и только верой. Поэтому как только я внутренне согласился с тем, что Христос есть Бог и что Он Своими страданиями покрыл мои грехи, так сразу следует вывод о том, что и наказание за мои грехи мне не грозит. Если, конечно, я веру свою сохраню. Вроде всё верно, но на практике такого рода самоощущение вводит человека в состояние хорошо замаскированной гордости. Заметьте, что большая часть сектантов протестантского толка озабочены исключительно спасением других, отсюда их необычная миссионерская активность. А чем еще, грубо говоря, заниматься, если сам, считай, уже спасен?! Но если вспомнить слова Христа: «Что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоём глазе не чувствуешь?... Лицемер! вынь прежде бревно из твоего глаза и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего» (**Мф. 7. 3-5**), то станет понятно, что сектантская однобокая озабоченность спасением других свидетельствует о не вполне благополучном состоянии собственной души, чаще всего даже неосознаваемом.

Православие же рассматривает тему веры и спасения несколько глубже. Дело в том, что человек - это не только мозг, но и сердце, и душа, и тело. Если человек умом понимает спасительность воплощения, страданий, смерти и воскресения Христа, то это далеко ещё не значит, что весь остальной его (человека) состав откликнется на это понимание. Чаще

всего получается иначе: допустим, уверовал человек, хорошо, но(!) время от времени ловит себя на неправославных или неблагочестивых мыслях, на нехороших движениях сердца (осуждении, зависти, раздражительности), да и если на жизнь его посмотреть, то далеко не всегда можно сказать, что она (жизнь) вере соответствует - грешить-то не перестал. Можно, конечно, утешаться, что уже меньше грешу, но утешает это мало - ведь с нас, верующих, Господь спросит строже. Вот и получается, что, уверовав в Бога, человек только начал свой путь к Нему, и на этом пути он должен все свои мысли, все чувства, все поступки, всю жизнь верой пропитать и преобразить. И можно представить, что путь этот нелегок и нескор, что на нем могут быть взлеты и падения, что вера, если не прилагать усилий и не развивать её, принесет не спасение, а осуждение. Ведь в притче о талантах (**см. Мф. 25, 14-30**) наказан был человек не за то, что он свой талант растратил или погубил, а за то, что лишь сохранил его, не приумножив.

Идущий по пути преображения своей жизни человек сталкивается с удивительным явлением. Казалось бы: чем более человек проникается верой, чем меньше он грешит, чем более чистыми становятся его мысли и чувства, тем больше должна становиться его уверенность в спасении. На деле же наоборот. Святые - люди, достигшие высот нравственного совершенства, - искренне переживали чувство собственного недостойнства. Объясняется это тем, что чем больше человек очищает душу, тем более острым становится его духовное зрение и тем больше он видит в себе грехов, которых раньше просто не замечал. Подобным образом, чем ближе к источнику света мы приближаемся, тем более заметной становится грязь на испачканной одежде. Поэтому и существует такая святоотеческая поговорка: «Держи ум во аде и не отчаивайся». «Держи ум во аде» - потому что все мы грешники и недостойны рая. «Не отчаивайся» - потому что нет греха,

превышающего милосердие Бога. Бог сотворил человека настолько разносторонним, что ему возможно сочетать в себе и то, и другое. Только такое состояние души правильно. Потеря надежды на свое спасение, как и, наоборот, полная в нем (спасении) уверенность - это духовные болезни.

Мы говорим о вере, а что это такое? И откуда она берется?

Что такое вера, на собственном опыте знают очень и очень многие люди, однако очень немногие могут передать словами - что это такое. Внутреннее ощущение есть, а слов, чтобы его передать, - нет. Это, кстати, не такое уж редкое явление, и не только веры касается. Поэтому я буду пытаться подобрать слова и прошу простить меня за то, что они не смогут отразить всего того, что есть вера.

Итак, вера - это живое убеждение в бытии Бога. Не просто констатация факта, а переживание его по отношению к себе. «Ну, есть Бог, ну и что?» - конечно, такое признание существования Бога верой назвать трудно. А вот: «Бог есть, как это здорово» - уже вера. И следующий шаг - «Бог есть, значит, мне надо что-то делать». Далее это «что-то делать» довольно быстро, естественно и органично выливается в молитву, покаяние, построение своей жизни по заповедям. Подобно воде, которая, чтобы не разлиться, сохраняется в сосуде, вера облекается в обрядовые формы - человек вживается в Церковь Христову. И уж не знаю, как это происходит, но буквально на всё человек смотрит уже глазами веры, всё осмысливает через неё, и, пожалуй, нет таких сторон жизни человека, где бы его вера не давала о себе знать.

Откуда вера берется - большая загадка. Есть у Христа притча о посеянном семени. По своему опыту я знаю, что она может подойти к описанию появления веры в человеке. «Царствие Божие подобно тому, как если человек бросит семя в землю, и спит, и встает ночью и днем; и как семя всходит и растет, не знает он, ибо земля сама собою производит

сперва зелень, потом колос, потом полное зерно в колосе. Когда же созреет плод, немедленно посылает серп, потому что настала жатва» (Мк 4, 26-29).

Действительно, можно говорить о том, что на появление и выбор человеком веры влияет: во-первых, его окружение, встречи с людьми и ка-

кие-либо события его жизни, во вторых, конечно - его собственная воля. Но третий, решающий и таинственный фактор - это действие Божие. Каким-то непостижимым образом Он всевает веру в человека, она как бы сама собой появляется в сердце, и лишь потом мы замечаем, как она начинает прорастать.

Напоминаем читателям, что редакция журнала «Вологодский ЛАД» ждет ваших писем с вопросами для батюшки.



ФОТО
АЛЕКСЕЯ
КОЛОСОВА

ПОРТРЕТ ИМПЕРАТОРА

Повесть

... придет время, будет время, узнаете вы,
что такое православная русская вера!

Н.В. ГОГОЛЬ, «Тарас Бульба»



**АЛЕКСАНДР
ЦЫГАНОВ**

Александр Александрович Цыганов родился в деревне Русаново Кирилловского района Вологодской области. После окончания Ферапонтовской школы учился в школе водителей, работал в совхозе «Родина» рабочим, слесарем.

Служил в армии, в ракетных войсках стратегического назначения. После армии закончил Вологодский педагогический институт по специальности «учитель русского языка и литературы». Долгое время добровольно работал в колонии с лицами, совершившими тяжкие преступления. Автор многих книг прозы, вышедших в разных издательствах страны.

Лауреат литературной премии МВД СССР, Всероссийской литературной премии им.

В. М. Шукшина «Светлые души»,

Государственной премии Вологодской области. Член Союза писателей с 1989 года. Живет и работает в Вологде. Новый рассказ писателя будет опубликован в готовящемся к изданию сборнике прозы

«Здесь или где-то там».

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Августовским тихим вечером в стороне от основной дороги, километрах в десяти от областного центра, затаилась на одном из поворотов дороги гаишная машина, подстерегающая водителей, наивно считающих, что именно они и являются хозяевами трассы. Как и положено для засады, машина скрылась за кустами, хотя особой надобности не было: в основном здесь было традиционно пусто. Просто это являлось нелишним для дежурного экипажа: в салоне мирно беседовали два уже хорошо поддавших офицера. В походном порядке отмечался день рождения одного из них, Кольки Рыжего, здорового майора с вытаращенными глазами на красном грушевидном лице. Между собеседниками по-домашнему располагалась, похоже, не первая бутылка увеселительной на разостланной газете, а на ней - зелень, колбаса и хлеб, профессионально нарезанные.

Праздничная трапеза не мешала блюстителям порядка привычно наблюдать за трассой, по которой, кроме предосеннего ветерка, ничего давно уже не пробегало.

- Ну, за меня, - продолжал свой пир гаишный майор, - за меня, красиво-го!

- Желаю, чтоб, - подхватил и Колькин подпевала Жора Двойненко: всегда уж чуть не с открытым ртом смотрел на своего краснолицего напарника.

По дороге, мигая многочисленными, как у парохода, огнями, промчалась иномарка - только ее и видели.

- Ё-моё, - обрадовался Колька Рыжий, скоренько свертывая трапезу. - Да тут целая зарплата пролетела!

Милицейские «Жигули» под майорским предводительством выскочили

на трассу с намерением удариться в погоню за нарушителем, и в это время произошло событие, круто изменившее судьбу не только этих двух служивых людей. Перед машиной что-то мелькнуло - и тотчас раздался скользящий стук податливо отлетевшего человеческого тела.

Рыжий тормознул так резко, что двинул собственным лбом в стекло, после выскочил из кабины и, раскачиваясь, как пингвин, устремился к обочине, следом не отставал во всю молодую прыть и Жора Двойненко. Сбитый человек обнаружился быстро. Тот ничком лежал на обочине, подвернув под себя руку, а в другой оставалась обыкновенная дерматиновая сумка, из которой выкатилась картошка, свекла, морковка и лук.

Жора, перевернув сбитого, растегнул у него староосеннее пальто и приник к груди, прислушиваясь.

- Ну, - не вытерпел старший по званию, - примерз там, что ли?

Двойненко поднял голову, форменная фуражка оказалась сдвинутой на ухо.

- Похоже, того... - он заоглядывался по сторонам, - не дышит. Кирдык мужику.

- Ти-хо. - Колька, не подходя, издали ткнул пальцем в сторону сбитого. - Уверен? Точняком кони кинул?

- Точней не бывает. - Жора, у которого хмель вылетел разом, беспрестанно открывал и закрывал рот. - Вон и голова вся в крови. Чего теперь делать-то?

- Это ты у Чернышевского выясняй, - пробурчал Рыжий. - А у нас, парень, - он повертел головой туда-сюда, но кругом было пусто, - одна дорога... Похоже, мужика и верно долбанули. Узнают - обоим капут. Следующий день рождения будем справлять в камере у параша, и, если повезет, на южную сторону.

Жора, чтобы удостовериться, еще раз сунулся к парню, но старший по званию, подскочив, рывком дернул его обратно на дорогу.

- Замри. Что еще не понял, мешок с погонами? Быстро делаем ноги отсюда. Протри глаза: картошка, паль-

тишко да сумка с помойки - кто ж такого искать будет? Это тебе не новый русский, чтоб землю носом рыть. Поди-ко, от родичей с харчишками правил: вот и разберись, чего это его с голодухи под машину сунуло?

Двойненко, казалось, не слушал зажигательно-убедительной майорской речи: опустив голову, он отвернулся в сторону.

Поведение напарника Рыжему по душе не пришлось, и он решил изменить тактику.

- Значитца, так, Георгий свет Александрович. - Взяв Двойненко за грудки, он крепко встряхнул. - Для тех, кто в танке, объясняю еще раз. Мы ничего не видели, ничего не знаем. Вообще не при делах. Если где-то случайно скашляешь - сдам и не моргну. Скажу, что ты сбил, а я по слабости душевной пожалел. Прикрыл. Понял? Даже самолично капот зарихтую, чтоб все чин-чинарем было. Не забыл, кто у меня в прокуратуре? Вот и догадайся с первого раза, кому поверят. В худшем случае мне выговорешник влепят, да и то еще бабушка надвое сказала. А для тебя это - контрольный выстрел. На этом жизнь и закончится, ферштейн?

- Может, все-таки честно скажем, как было? - Жорин голос был потише тихого. - Ведь правда не виноваты. Случайно все. Не совсем же наши лопухи.

Колька Рыжий, внезапно ткнув в двойненкоковский живот пальцем, громко кхыкнул, как если бы выстрелил из пистолета:

- Ты покойник, лейтенант Долбило!

И такая ярость оказалась в майорском голосе, что сразу усвоилось: обратная дорога заказана. Иначе все может быть: недаром бывшие напарники Рыжего даже при одном упоминании его имени сразу рот на замок, и слова не вытянешь.

Видя, что тактика возымела действие, майор, не меняя выражения грушевидного лица, как ни в чем не бывало продолжил:

- Мы на службе. Не забыл? Рванем по кирилловской трассе, там водил

попасем. Заодно и порубаем. У матросов нет вопросов?

И гаишная машина, развернувшись, помчалась к автовокзалу ближайшего населенного пункта. Там служивые побывали в буфете, переделанном из кассы, где вежливо были встречены буфетчиком, молодым мужчиной нерусской наружности, как бы с навечно приклеенной задушевной улыбкой. Угостив прибывших горячим с приправленной бутылочкой сухого, он охотно ответил на все дежурные вопросы, а после они даже в подсобке о чем-то пошептались с Рыжим, откуда последний появился, походя застегивая кнопку на форменной куртке.

Словом, шло самое обыкновенное дежурство в последние деньки северного лета. К этому времени Жора Двойненко, кажется, и сам незаметно поверил, что ничего из ряда выходящего, о чем бы надо печалиться, не произошло. Все как всегда - и рядом надежный мужик, который хорошо знает, как жить на этом свете.

Но как ни крутись, их, как и всяких преступников, все же не могло не потянуть на место собственного преступления. Дело шло к концу смены, и Колька Рыжий решил из профилактических соображений стогнать к той самой отворотке, для очистки совести.

Не выходя из машины, Рыжий открыл тонированное стекло, всматриваясь в ту сторону, где был оставлен, как он в сердцах выразился, «неновый русский».

Жора к тому времени, порядком утомившись, дремал, откинув голову на спинку сиденья, - пацан пацаном.

Вскрик напарника был таков, что заставил его еще во сне покрыться испариной. Колька, хамкая, тыкал пальцем перед собой: обочина оказалась благополучно пустой.

Оба офицера, как по команде, пуль вылетели из кабины и наперегонки бросились к окрайке дороги - прочесали и близлежащие кусты. Результаты розыска настроения не улучшили. Казалось бы, погибший замухрышка каким-то чудодейственным

образом воскрес и исчез с места своего несостоявшегося упокоения, заодно прихватив и сумку с провизией.

Грядущая перспектива напрашивалась сама собой и обоих гаишников не устраивала. Яснее ясного, что очнувшийся гражданин при первой возможности доброжелательно поведает где надо историю о том, как его ни с того ни с сего сбила милицейская машина и бросила на произвол судьбы умирать на пустой дороге. А если это обстоятельство учесть еще в свете последних решений президента по укреплению дисциплины в милицеских рядах и борьбе с коррупцией в этих же нестигаемых внутренних органах?..

- Или он нас, - после краткого молчания подвел итог майор, - или мы его. Сечешь, лейтенант Долбило?

На обиды у Жоры Двойненко не было времени. Его богатое молодое воображение уже рисовало картину общей камеры, куда его вводят тупорылые контролеры, а со всех сторон глядят на него, не мигая, бритые испытые физиономии и молчаливо указывают грязными пальцами на место будущего Жоринаго проживания - примерно там, где Рыжим предполагалось отметить свой будущий день рождения. Двойненко прерывисто, в два захода, вздохнул.

- И я о том, - рассудительно вещал Колька, - наша задача - опередить этого фраера. И задержать. Как предполагаемого преступника. Сечешь за ходом мысли? Они ж на этих ориентировках откатаны все на одно лицо: без пузыря не различишь. Бумагу видел: насильник действует в Заречье и Кувшинове? Главное - нам его за хобот и в «обезьянник». А уж оттуда запросто не выползешь, сечешь, дружбан? И закрутится колесо! Везде свои люди!

- Как же быть, - уже не слушая напарника, бубнил Жора. - Вот, понимаешь, влипли так влипли...

Договорить он не успел. Перед его и без того померкшим взором окончательно потух свет, и он погрузился в спасительное забытие. Очнулся уже в кабине на сиденье.

Рядом, задумчиво почесывая лоснящийся нос, насмешливо косился Колька Рыжий.

- Очухался? - участливо спросили у напарника. - Или еще налить?

- О господи, - зашевелился Жора, удобнее умачиваясь на сиденье и морщась. - За что меня так?

- А не будь бабой. - Рыжим больше не хотелось понапрасну терять время, и он, видно, уже принял какое-то окончательное решение. - В последний раз спрашивают русским языком: со мной или нет?

- Или да, - отвернулся Жора. - И так уже это не жизнь пошла...

- Заткнись, - было ему посоветовано, - и слушай инструкции. Сейчас гоним до поста. Узнаем, что за машины проходили с этой стороны. Глядишь, что и проклянет.

Пробыли они на посту с добрый час, поболтали с коллегами, погоняли чай, а для сугрева незаметно уговорили за Колькино здоровье и ненавязчиво выставленную им бутылочку светлой.

Повод для этого был более чем обнадеживающий. Как выяснилось между делом, в город за это время с их стороны прошла одна лишь машина, да и та «копейка». И если она подобрала, а с такой станется, - будем говорить, их клиента, то доставила, скорее всего, в горбольницу, или, на крайний случай, к нему домой. Во втором варианте следы неизвестного теряются, в первом же - есть хорошие шансы разыскать предполагаемого преступника. Если бы еще повезло - и оказались хоть какие-то мало-мальские приметы, тогда совсем наше дело правое, мы победим.

- Приметы есть, - вдруг буднично сообщил Жора Двойненко. Они уже, сдав дежурство, мирно беседовали перед въездом в город. И, похоже, Жора примирился с неизбежным. - Ориентировки ориентировками: там и верно все на одно лицо. Только нашего при желании разве ленивый не найдет.

- Ну-кося, - оживился Рыжий. Его порадовало, что Жора на самом деле перешел на его сторону. - Выкладывай, брат, как на духу!

- Чего уж теперь, - Двойненко посмотрел ему прямо в глаза. - Короче: мужик этот вылитый Николашка, одна копия.

- Какой Николашка? - не понял Рыжий. - Опять не в ту степь понесло?

- Да царь-то был у нас, - удивился Жора такому непониманию, - забыл, что ли? Ну, кровавый! Я еще это сразу приметил, а теперь точно уверен: один в один похож!

- Сиди ты, - поразился Рыжий. - В натуре?

- Говорят - копия. И усы, и борода, все как в кино недавно показывали. Прямо портрет настоящий, как с фотокарточки снято. Их еще это... - Жора зашевелил пальцами, подбирая подходящие слова, но махнул рукой. - Ну, святыми хотели сделать. Церковь-то. Или уже сделали, не знаю. Всей семьей, скопом. По телику же столет как в обед талдычили не одну неделю. И не захочешь, да запомнишь. И тут тоже: на нашего-то как глянул: вылитый царь в пальто и с картошкой под дорогой валяется.

- Выходит, тогда не добили, - пошутил старший по должности. - Ладно, братан, делаем так. Завтра с утрачка по гражданке и займемся делом. Если в больничке мужик - никуда не денется, а коль домой добрался - хуже, придется повозиться. Ничего, бог не выдаст, свинья не съест!.. Изпод земли достанем твоего царя!

ГЛАВА ВТОРАЯ

Игорь Русанов, придя в память, долго лежал неподвижно, не решаясь шевельнуться: не понимал собственного местонахождения. Изредка обводил глазами потолок и, вздыхая, очередной раз забывался. Слабость была невероятная, такое чувство, что силы вообще иссякли - покинули тело, и оно, невесомое, жило отдельно жизнью. А в этой жизни, как ни странно, было одно маленькое преимущество: земные заботы сами собой отодвинулись в отдаленную перспективу и никоим образом не давали о себе знать. Из ласкового забытья вывела молодая женщина в белом халате, которая ни

много ни мало отключила Игоря от капельницы и, вглядевшись в его лицо, отчего-то с восхищением шепнула: «Вот это да!» И ушла скоренько. А он не то что наличия капельницы не заметил - свое имя не сразу на ум пришло. А здесь маленько пооживился: с детства осталось стойкое убеждение - раз врачи рядом, все будет как надо. И стал для начала по сторонам оглядываться, в себя приходить. По всему получалось, это была больница. Загадкой оставался промежуток времени, из которого непонятным образом и попал Игорь Русанов в эту комнату. Мало что тело как каленым железом жгло, так еще и повернуться не представлялось возможным. Тем временем наши надежные помощники глаза, кои, как известно, еще являются и зеркалом души, разглядели внимательнейшим образом окружавшее, и кое-что прояснилось. Эта длинная, довольно грязноватая комната с рядом кроватей, снабженных какими-то громоздкими приспособлениями, оказалась, сразу и не поверится, реанимацией. Над входной дверью, на стекле, и возвещалось об этом красной трафаретной надписью. Безрадостную обстановку реанимации с голыми сизыми стенами дополняли неподвижные люди на кроватях, а одна, дальняя, оказалась с накиданными прямо на голый матрац металлическими банками. Довершало обстановку полное отсутствие каких-либо людей, даже дверь на выход оказалась несколько приоткрытой.

Все это с трудом могло внушать серьезное доверие к месту пребывания. Надо было как можно быстрее собраться с мыслями и начать соображать как всякий нормальный человек. Если бы в приоткрытую дверь реанимационной в эти минуты кто-либо случайно заглянул, то он-то как раз и принял бы лежащего мужчину с бородой и усами за не совсем здоровомыслящую личность. То, подняв синие глаза к потолку, он что-то шептал вполголоса, а то, успокаиваясь, вновь начинал что-то горячо, вполголоса наборматывать. Но удивительней всего было происходящее в это

время с мужчиной. Его бледное, еле не прозрачное лицо становилось похожим на обычное лицо здорового человека; лишь с левого виска к щеке спускалась кровавая царапина да похожая пересекала высокий лоб, прикрытый темно-русыми волосами. В общем-то, с небольшой натяжкой можно было признать, что человек на глазах постепенно приходил в себя, улучшилось дыхание, да и взгляд стал походить на более-менее терпимый, не замутненный страданиями.

На боковой койке, не открывая глаза, застонал мужчина, и Игорь, забывшись, вскинулся было помочь. Куда там - за самим еще надо глаз да глаз. Правда, эта общая слабость уже отчего-то не беспокоила: как ушли силы, так и возвратятся. Другое, еще не вернувшееся в сознание, все ощутимее подмывало изнутри и вскоре стало тревожить настолько серьезно, что, наконец, просто отпустило память в «автономное плавание».

Ох ты, господи, ведь дома его ждут не дождутся - совсем заждались! Машенька, как на грех, заболела - простыла, да и Алешка еще полностью в себя после той же простуды не пришел: поветрие какое-то на семью навалилось!.. Он и поехал ближе к вечеру к родителям за медом - все так и было. Тогда каким образом он отныне здесь, на больничной койке, без меда и всего того провианта, что в нагрузку было наложено в старую материнскую сумку?..

Откуда-то из верхнего угла палаты, наискось к полу, ослепив глаза, высветилась бело-огненная полоса - и пропала. Но за это пропащее время явью высветило происшедшее - на него, мирно шедшего по дороге, раздвинувшись до невероятных границ, сбоку вылетает то ли военная, то ли милицмейская машина и, накрывая беспросветной темью, растворяется в нем...

Похоже, на дворе было раннее утро, и надо было во что бы то ни стало выбираться из этих апартаментов. Между тем в палату, как по заказу, никто не шел, и Игорь твердо решил ретироваться своим ходом.

За дверью реанимационной оказался старый громоздкий шкаф, в углу, возле стены, с обвисшей дверцей. И Игорь с неким изумлением увидел торчащую из него собственную сумку, материнская провизия тоже присутствовала. Это обстоятельство его просто успокоило. Не спеша раскрыв шкаф, он вытянул сумку, приподнял, соображая, способен ли вместе с грузом добираться домой? Похоже, удача сегодня была на его стороне.

Игорь тихонечко спустился по лестнице второго этажа в фойе, где незамедлительно был оговорен подследственным стариком дежурным в черной форме: почему посетители ходят в медицинском учреждении без бахил?

Оставалось лишь развести виновато руками, и вскоре Игорь был на улице. Раннее утро, свежо, прохладно, еще пустынно. Но вскоре желтая дребезжащая маршрутка уже везла его в обжитые края. Пришлось на заднем сиденье откинуться на спинку: голову то обморочно кружило, то внезапно подступала удушающая тошнота. И, конечно, хотелось пить, - беспрестанно, мучительно. Едва до дома добрался, из последних сил позвонив в домофон, - и дальше опять подступило забытье.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Кажется, никогда в жизни не страдавший угрызениями совести Колька Рыжий с утра пораньше вытащил Жору Двойненко на поиски таинственного незнакомца, так похожего, по двойниковским словам, на последнего царя. Не мудрствуя лукаво, соборники вскоре были в горбольнице, «на травме»: только туда и мог поступить прыткий беглец. Здесь их поджидал сюрприз, который приятным можно было бы назвать лишь с натяжкой. Оказывается, вчера вечером действительно поступил больной в реанимацию, но уже утром необъяснимым образом исчез, хотя по всем признакам вряд ли мог самостоятельно добраться, простите, даже до туалета; заодно вместе с ним исчезли и

его вещи, которые второпях были оставлены в шкафу перед самой реанимационной. Врач, беседовавший с офицерами, чувствовал себя несколько виноватым: конечно, медперсонал прозевал исчезнувшего, иначе бы этой ситуации не получилось. Тем более милиционеры заявляли, что пропавший из реанимации человек является предполагаемым маньяком, и даже снабдили врача ориентировкой. Тот после всего этого, казалось, вовсе упал духом: сидел и молчаливо мял газету, которую перед приходом офицеров читал с явным увлечением.

То, что произошло дальше, его вовсе напугало: один из милицейских, что помоложе, вдруг покраснел, как помидор, налился густой краской, - как бы удар не хватил, - мелькнуло во врачевской голове. И все отчего-то тыкал пальцем в газету. За это короткое время немало мыслей посетило дежурного врача, успевшего с необыкновенной ясностью припомнить все, за что, как говорится, был и не был виноват, вплоть до зловещей милицейской шутки: «То, что человек на свободе - это не его достижение, а всего лишь наша недоработка».

Но все оказалось проще: молодой милиционер, с поразительной быстротой выхвативший из рук газету, лишь коротко бросил: «Свежая?» На что был получен нечленораздельный ответ, что неизвестно, просто валялась в столе.

Возможно, врач еще долго приходил в себя после такого же, как и появление, стремительного ухода милиционеров, не исключено, что он даже слегка приложился к заветной фляжке, что давно уже уютно обитала в левом кармане брюк; только это уже не имело никакого отношения к милицейским.

Даже сам Колька Рыжий был удивлен поведением молодого коллеги, который, крепко ухватив его за рукав пиджака, молча тащил за собой на улицу. И даже вопроса не дал задать Рыжему, так же молчком сунув тому газету, когда они уселись в ближайшем скверике.

Цветная страница областной газе-

ты «Русский Север» красноречиво расставила все на свои места. С первой полосы газеты на них - сразу и не поверится! - смотрел собственной персоной их неуловимый беглец, а рядом был отчего-то изображен царь; и Колька слегка потряс головой, точно ему нехорошее привиделось, но следующее текстовое разъяснение вернуло Рыжему привычную ясность мышления.

«Конкурс двойников «Второе «я» завершен, - еле не аршинными буквами свидетельствовала заглавная верхушка газеты. - Пенсионер МВД Валерий Гостинщиков из Сокола, учитель Александра Лебедева (Вологда), весь отдел основных средств централизованной бухгалтерии Бабаева, торговый работник Вера Ялаева (Череповец), ученица Ферапонтовской школы Нина Васильева (Кирилловский район) решили отдать пальму первенства учителю одной из школ города Вологды Игорю Русанову и последнему русскому царю Николаю II. Итак, фанфары! Победителю конкурса двойников - вологодскому учителю Игорю Русанову, до удивления похожему на последнего русского царя Николая Второго, будут вручены диплом победителя конкурса «Второе «я», бесплатная подписка на «Русский Север» аж до конца года и памятный сувенир от «РС».

- Проще пареной репы, - радовался Колька Рыжий. - Сейчас рванем в эту газетку, срисуем адрес мужика, а остальное, как говорится, дело техники!

И настроение у обоих доморощенных сыщиков сразу улучшилось, да и день наступивший не подводил. Уютные городские улицы жили привычной жизнью и еще не были до безобразия замусорены, что происходило, как правило, к вечеру. Образцом всякого рода скоплений бытовых отходов достаточно убедительно служила центральная площадь, на которой как раз сбоку и приткнулась редакция популярной в свое время газеты. Это нынче интерес народонаселения к печатным изданиям, как и ко многому другому, без чего, казалось бы, ранее

жизнь и не мыслилась, резко упал; разве что хватало еще последнего ума верить уже еле не въевшейся в человеческий мозг телеэкранной бесовщине.

Между тем редакция этой газеты даже по земным меркам еще совсем недавно буквально владела умами этого далеко не маленького северного города. В любое время года как на улицах, так и в транспорте нередко можно было услышать традиционный вопрос: «Читали сегодняшний «Русский Север»?» В то время, можно сказать, не на жизнь, а на смерть шла затяжная борьба редакции газеты - шутка ли! - с самим губернатором! С первым губернатором этой области. Кстати, как вообще в природе может быть такое словосочетание: губернатор области? Логично предположить, что коль существует губернатор - соответственно, должна быть и сама губерния. А это уже доля наша, абсолютно иной жизненный уклад. Наверное, у этой загадки долго еще не будет отгадки. Как и у одной из многих подобных, к примеру, примеченных автором однажды в солидном учреждении на добротных, обитых кожей дверях: «Отдел по организованной преступности». И здесь, согласитесь, обывательский ум не может не задаться предательским и совершенно не каверзным вопросом: «Где, как не здесь, и находится эта самая организованная преступность?» Аж с целым отделом во главе! Хотя, не правда ли, убедительнее и, разумеется, грамотнее, а главное, безопаснее для того же обывательского воображения звучала бы надпись: «Отдел по борьбе с организованной преступностью»? Впрочем, а не всё ли никнет в сравнении с государственной геральдикой, изображающей двухглавого орла, венчающегося короной, которая, как известно, должна свидетельствовать о принадлежности государства к монархическим державам?..

Конечно, подобные мысли ни в коей мере не могли посещать отягощенных лишь одной заботой ищущек, бодро шагающих по коридорам легендарной редакции. В том, что они по-

лучат нужный адрес, сомнения не было. Жора еще не успел уточнить у пробегающего очкарика с пачкой листов местоположение редактора, как Колька уже шустро открывал дверь с надписью «Приемная». Но, оказываясь, не на всяк роток накинешь платок. Только было попытался Рыжий, помахав перед носом унылой скучной секретарши своим красным удостоверением, заикнуться об адресе, как тут же и получил от ворот поворот.

- Редакционная тайна, - молвила, даже не глянув на просителя, женщина. А вид удостоверения на нее не произвел вообще никакого впечатления. Знать, здесь давно привыкли к посетителям любого калибра и ни для кого исключения не делали.

- Редакционная тайна, - заученно твердила женщина, отчего-то вообще избегая смотреть в глаза стоящих напротив еще молодых крепких мужчин. - Никому никаких адресов не даем! Исключено! - И, указав на дверь редактора, добавила: - А его нет и не будет. В длительной командировке! - Она точно бы угадала в этот момент тайное намерение бесцеремонного Рыжего взять маленьким штурмом владения главного редактора. Но все же на неожиданный вопрос Жоры Двойненко - не будет ли продолжения конкурса «двойников» - вполне миролюбиво было отвечено, что еще не вручены подарки и за предыдущий, недавно закончившийся.

С тем, несолоно хлебавши, компания и покинула негостеприимное учреждение. Но это не то что не остановило, даже наоборот - вдохновило деятельного, богатого на воображение Кольку Рыжего.

- Не вопрос, - бодро наборматовал он, правя свои стопы в родной отдел. - Сейчас в темпе вальса обзвоним все школы - выпечим адресочик! Куда он денется с подводной лодки!

Рождение его плана было обязано неожиданному двойниковскому вопросу: перед началом учебного года, конечно же, все школьные завучи на месте, и кто как не они прекрасно знают преподавательский состав своей школы. Им и карты в руки: какой за-

вуч не сочтет за честь помочь уважаемой газете, дабы для вручения приза победителю назвать его домашний адрес, который по случайности тот запомнил оставить в редакции?

Повезло уже с третьей попытки. Одна из зареченских школ кокетливым спешащим голосом заверила, что именно в их учебном заведении и преподает в старших классах историю Рusanов Игорь Александрович, так сказать, собственной персоной. И так же спешаще, еле не угодливо сообщила адрес, по собственной инициативе снабдив в нагрузку и домашним телефоном. И вдруг вполне обыденным голосом, даже с некой обидой, досказала:

- Станный он какой-то, ей-богу. На этом царе совсем уж помешался. Всякие книги, вырезки из газет, видеофильмы собирает, даже однажды специальный урок по нему проводил - едва выговор от директора не схлопотал. А раз вообще с одним профессором из педагогического из-за этого схватился, едва расцепили, тот тоже горячий оказался. Все царя, видишь, защищает на каждом углу. На какие-то конференции то и дело из-за этого разъезжает. Да и сам как две капли воды еще вдобавок на него похожий. Надо же такому случиться в жизни. Так мы как узнали про этот конкурс в газете, даже его фотографию туда послали - он возьми да и выиграй. Думали, мужику потрафим немножко. Нет чтобы людям спасибо сказать или тортик к чаю купить - надулся как сыч и ни с кем не разговаривает. Хотели ж как лучше, вот и делай после этого людям добро!

Словоохотливая женщина очнулась, когда выяснилось, что она давно уже беседует с коротко пикающей трубкой, а такое в ее планы не входило, заставив лишний раз усомниться в размерах людской благодарности.

Тем временем заговорщики проводили очередное оперативное совещание. Проходило оно уже, правда, в близлежащем кафе, за дальним столиком, заставленным кружечным местным пивом.

- Мужик-то, оказывается, фарто-

вый, - Колька дул пиво с явным удовольствием и рассуждал будто бы сам с собой: - Центровой, на виду. Такого втихую не сделаешь. А уж то, что молчать не будет, как его долбанули менты - и к бабушке ходить не надо. Горит, Жоржик, у нас трава под ножками. Надо думать - и в темпе вальса.

А Жоре секунднo привиделось всё это сном - правда, необыкновенно кошмарным, но который, так или иначе, всё одно проходит, и он лишь вяло, с унылым безразличием тянул из своей кружки.

Очнулся, обнаружив перед собственным носом мобильный телефон, хозяин которого вещал уже принявшим решение густым голосом:

- Теперь задача такая, о мой трусливый собрат, - тут Колька для важности даже поднял свой указательный, тоже поросший рыжим пальцем. - Сейчас ты звоночком вызываешь нашего ненагражденного в областную газету - по дороге мы его в условленном месте перехватываем, остальное дело техники. Звони с моего - номер засекречен. - И Колька насильственно втолкал свой мобильный во враз вспотевшую Жорину длань.

Молодой поделщик затравленно откинулся на спинку пластмассового стулика и, сжав телефон, торопливо огляделся по сторонам. Но кому могло быть до них хоть какое-то дело, и посетителей, кроме них, в кафешке не наблюдалось, лишь в дальнем углу маялся молоденький скучный официант и от нечего делать баловался в такую же «райскую» игрушку.

А Рыжий уже, кивая на телефон - мол, нечего турусы разводить впустую, громко диктовал номер, по которому Жоре следовало вплотную встать на тернистый, не по своей воле выбранный путь. В мобильном попикало, вызывая абонента и, несмотря на плохую связь, Жорой вдруг услышался то ли ангельский или еще какой-то неподвластный нормальному слуху - такой неслыханной чистоты женский голос, что он лишь тупо уставился на телефон, не в состоянии сразу заговорить.

Дальнейшее Колька Рыжий наблю-

дал со стороны: за это время он взял себе «соточку» благородного напитка и потягивал, с некоторым удивлением наблюдая, как меняется выражение лица и без того малосообразительного, по его мнению, напарника.

Поговорив, Жора вновь уселся за пластмассовый столик, не глядя на шарил кружку и выпил пиво как воду. А Колька уж тут как тут: напротив - не жди добра - вечно мутными глазами изучающе поигрывает.

- А если еще раз по сусалам, - склонил он голову, - простого дела нельзя поручить фраеру. Какой опять снежный ком с горы скатился, что у нас дар речи пропал? - И, прежде чем предпринять очередной шаг, выслушал Жору Двойненко, который неразборчиво, себе под нос, бубнил уж вовсе невнятное:

- Понимаешь, у этого «царя» и баба-то вроде такая же ненормальная. Что-то все про бога да про церковь говорит. Что ейный «царь» должен завтра ехать куда-то... не знаю куда. Ну, короче, куда-то далеко. Если выздоровеет, сказала. Вечером, в семь часов. К святому, что ли, какому-то - вроде по договоренности. На автобусе. Какой-то поездкой это называется: паломническая, что ли, не разобрал. Как раз от этой церкви, что напротив нас, вон через дорогу. А выигрышей им никаких не надо, говорит: мол, в дар какой-то пусть отдадут. Все как на духу выложила. Слушай, Николай Петрович, давай оставим их в покое. Честно - ну не те они люди, из другого теста. А голос-то еще, понимаешь, какой у ей, если бы только сам услышал...

Но то, что дальше слышалось самолично Жорой Двойненко, вновь вернуло ему здравый рассудок: ни много ни мало, а Рыжий довольно уверенно уже беседовал по своему мобильному с зампрокурора области. Вроде бы никого с ним и не бывало рядом - только глаз своих мутных с соседа не сводил.

- Хорошо, говоришь, живет прокуратура? И ладненько - тогда что-то в гостях у нас давненько не бывал. Не дело это - и отец уж не раз порывался

коньячком хорошим побаловать. Заходи, давай, Сергеич, не зазнавайся, лады? Да и у меня к тебе небольшой разговор нарисовался: словом, ждем у нас всем семейством, скажем, на выходные, добро?

И Колька, бодренько отключившись, почесал свой вечно лоснящийся грушевидный нос и лишь после, точно наконец-то узрев напарника, удивился:

- Слушай, ты чего-то здесь хрюкал или мне послышалось?

А Жора уже окончательно понял, что из такой железной хватки ему самостоятельно не выбраться, и обреченно опустил голову долу.

Тем временем старший по званию, наказав сидеть на месте и даже не двигаться, не торопясь направился напрямик в ту самую церковь, о которой ему бубнил незадачливый напарник. Жора, приоткрыв рот, наблюдал, как Рыжий степенно подошел к церковным дверям, трижды перекрестился и даже по дороге дал чего-то из денежек испитому замурзанному мужичку, торчащему прямо на крыльце, у самого входа. Потом, не оглядываясь, скрылся за дверями. А у Двойненко отчего-то все пересохло в горле, и он вновь приложился к высокой пивной кружке с фирменным рисунком на толстом стекле.

День был - всем дням день. Хорошо и спокойно кругом, еще не потерявшее силу солнце грело благодатно, и не чувствовалось в городской жизни обычной суеты, нервозности, усталости. Мимо безостановочно шуршали бесконечным потоком машины всех мастей - глаза поневоле разбегались.

Между тем вскоре из церкви появился и добровольный ходок. Так же не спеша, хозяйски перешел дорогу, поманил сидевшего неподвижно Жору своим крючковатым пальцем. И в ближайшей аллейке, начиная со слов: «Теперь мы в теме», - состоялся разговор, к концу которого Двойненко решил, что он просто-напросто сошел с ума, но это уже его даже не испугало.

Вся канитель состояла в том, что

церковные то и дело ездили на заказных автобусах по святым местам, колеся едва ли не по всей матушке России. И называлось это действительно паломническими поездками. Самым удивительным оказалось то, что места на эти автобусы расхватывались заранее, даже, затылок в затылок, записывались в очереди. Делалось всё это в церковных лавках, где готовились специальные списки, а сами поездки не имели никакого отношения к увеселительности, собирая под свои знамена только заинтересованных этим делом людей, и обязательно сопровождаемые попом. Такие тут были порядки. И теперь-то действительно предстояла подобная очередная поездка сроком до трех дней к какому-то уж больно знаменитому святому - тут Рыжий, важно помолчав, заключил: «К нему даже сам Путин недавно ездил! - И, будто между делом, добавил: - А тебе сам бог велел!»

В ближайшие минуты ситуация стала предельно ясной. И если бы сейчас, скажем, грянул гром среди ясного неба, он был бы уже не в состоянии внести большей смуты в начавшую стремительно меркнуть молодую двойненковскую жизнь. Тому предстояло без всяких-яких завтра же отбыть с этим автобусом на правах паломника в какое-то таинственное Дивеево, находящееся где-то у черта на куличках, - не праздным пассажиром и даже не согладатаем: это было бы еще полбеды. Жоре Двойненко следовало неотлучно находиться при этом жизнелюбивом «царе», если, конечно, тот все-таки разродится ехать, - и при первом же удобном случае незаметно угостить его самой обыкновенной таблеткой-таблеточкой - такой беленькой, быстрорастворимой. А таблетка эта, по майорским словам, всего-навсего изымет лишнее, ненужное из памяти отбившегося от рук «царя». Она в общем-то безвредная, - увещевал руководитель операции, - зато после этого можно уже всегда спокойно жить и не тужить. А ему, Двойненко, вообще надо быть благодарным Николаю Петровичу Рыжову: он даже для Жоры собственноручно ме-

стечко выхлопотал и денежки из собственного кармана за эту поездку выложил. «Мест не было, - добавил он несколько задумчиво, - но, как сказали в церкви, одно как раз случайно освободилось к этому времени». Жоре остается только отдать назавтра сюда же свои паспортные данные - и вся недолга. Ему и больничный был твердо пообещан за эти дни, плюс добрая душа Рыжего обязалась выплатить по окончании акции солидное денежное вознаграждение. И чего еще надо человеку в его, двойненковском, положении: не жизнь, а лафа.

На Жору - Рыжий, сославшись на неотложные дела, скоротечно отбыл, - вдруг накатила дополнительная волна страха. Им внезапно осозналось, что, похоже, впервые придется абсолютно самостоятельно решать задачу со многими неизвестными, которая еще непонятно чем обернется лично для него самого, - и сердце самой настоящей морзянкой отозвалось под футболкой со спортивно накачанными мышцами.

Теперь улицы родного города казались даже чужими, настолько голова была под завязку забита новостью какими безрадостными размышлениями. Хотя как на минутку было не остановиться, к примеру, возле старинного здания «Труда», где восторженный розовощекий Жора еще белобрысым отпрыском впервые шагнул на борцовский татами и, к собственному удивлению, легко расправился с уже опытным разрядником, чем неизмеримо порадовал своего не отстающего ни на шаг отца, который и в дальнейшем верным оруженосцем сопровождал всюду во время его многочисленных выступлений, уже в качестве известного спортсмена и - хочешь верь, хочешь нет, - обладателя черного пояса по карате. Умение орудовать кулаками уже в местном милицейском институте дало первые всходы: в свободное от учебы время молодой курсант подражался вышибалить в забегаловках разного калибра, где и испытал ни с чем не сравнимое чувство превосходства перед кем бы то ни было. Проще говоря - граж-

данам нетрезвого вида бил физиономии налево и направо. Со временем, по окончании института, это вошло в привычку и стало неотъемлемой частью служебных обязанностей. Правда, нелишне отметить, справедливости ради, что поначалу Жора не намеревался вводить подобное в обязанности, заступившись как-то за пострадавшего в кабинете оперативников, за что и было получено немногословное нарекание: коль назвался груздем, полезай в кузов. Не изображай из себя чистенького: здесь еще ни одного кобеля не отмыли добела. И как-то сразу успокоился; а однажды даже преуспел в собственном усердии, излишне потрудившись на одном из дежурств над внешностью благообразного гражданина в золотой оправе, оказавшегося генеральным директором одной из многочисленных фирм, дружно расплодившихся на родных просторах. Благообразный гражданин, зная свои не только обязанности, но и права, незамедлительно подал заявление в грозную блюстительницу закона - прокуратуру. И, конечно, были бы сплетены Жоре крепенькие лапти, но тут-то, как кнут, и подоспел давний знакомый Колька Рыжий, в миру Николай Петрович Рыжов. Всего лишь один маленький звонок в эти суровые государевы врата - и Двойненко был благополучно избавлен, скажем так, от разящего удара колуном в лоб. Но зато уже с тех незабвенных времен и визжал, неприязненный, став Колькиным напарником и будучи нередко посвященным, упаси господи кому другому знать, во многие темные дела-делишки Рыжего. А вот теперь, похоже, и приспел Жоре самый настоящий расчет: как ни крутись, все к этому и шло.

К вечеру, возвратясь домой и отказавшись от родительского ужина, он забрался в свою, еле не полностью оклеенную спортивными дипломами комнату, где безвылазно, сам не свой, и пролежал на диване до самого утра. Уже после полуночи созрело твердое решение не ехать - будь что будет. Как-то само собой стало ясно, что та будто безобидная таблеточка, коей

необходимо было при первом удобном случае прикормить «царя», возможно, и лишит его частично памяти, но, скорее всего, это произойдет уже после того, как он предварительно отправится в мир иной, - эта мысль, самостоятельно окрепнув, откровенно жгла и, не давая покоя, начисто лишила сна.

Сказать, что Жоре все-таки удалось заснуть, было бы неправильным, но ему, внезапно успокоившемуся, в какой-то момент разом увиделся солнечный, очень светлый день с уходящей вдаль просторной пустой дорогой. И вот он, один-одинешенек, идет по этой дороге, которая белой скатертью так и стелется перед ним, неумолимо шагающим. Как вдруг мгновенно открылись на его пути щиты не щиты, стенды не стенды - что-то похожее на сегодняшние электронно-рекламные экраны, и на одном из них действительно появились, быстро сменяясь, бегущие буквы. И он, Жора Двойненко, читает и читает эти, точно знакомые когда-то, удивительные, душу успокаивающие слова, тут же с огорчением забывая их потаенный смысл, пока буквы нижнего ряда, став неимоверно большими, не остановились вовсе, замерли, светясь. И на экране остались лишь два гигантских слова: «Иди и напитайся!» И Жора, открыв глаза, сел на диване, чувствуя в душе такое состояние, каким раньше никогда бы не смог похвастаться и которое следом, просто и ясно, званным гостем пало и на ум - была не была, а надо будет съездить в это таинственное неведомое Дивеево.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Весь день многочисленное семейство Русановых не отходило от Игоря. Как раз к вечернему легкому холодку и жар спал, а хозяин провалился в спасительный сон, который хоть оказался короток, да только сладок: задышалось человеком спокойно и чисто, без пугающих, со свистами, хрипов.

Все это время Игорь пребывал в некоем промежуточном состоянии

между былью и небылью; и к нему, как и тогда, еще первоначально, в восьмилетнем возрасте, явственно вставало в горячей памяти чудодейственное, спасительное, бывшее наяву...

В детстве он вообще часто болел. То грипп, то ангина, то еще что-то невероятно аллергическое, а то на десерт и вообще вирусное на недельку-другую достаивало его своим вниманием. Скучать не приходилось. Но один раз Игорь Русанов точно оказался, как говорится, на грани жизни и смерти. Ему только-только успело восемь годиков стукнуть. Тут вместо дня рождения и свалило разом. Огнем весь парень горит, а родители, особо тогда и не верующие, только плакали да молились. И Игорь, чтоб их пожалеть - показать, что все хорошо, спустился с постели на пол и почувствовал сильное головокружение от слабости. В это время сквозь мутную пелену, застывшую глаза, увиделось, как к ним вошел незнакомый человек и стал говорить родителям, чтоб они молились убиенной царской семье о его, Игоревом, выздоровлении. Он так и сказал: «Вашему отроку помогут только Царственные Мученики!» А следом еще настойчивее повторил родителям: «Молитесь, он уже умирает!» А Игорь в это время и правда стал терять сознание и начал падать. Тогда незнакомец подхватил его на руки и сказал: «Не умирай!» Затем он положил Игоря на кровать и стал уходить. Мать тогда спросила его: жив ли их сын? Он ответил: «Молитесь им, Богу всё возможно!» Родители опять было в голос наладились зареветь и стали просить незнакомца остаться и помолиться вместе. На что он твердо ответил: «Не будьте малoverны!» И ушел. Как только родители сами по себе обратились с молитвой к царской семье, Игорь очень ясно увидел, что к ним входят какие-то люди. Первым зашел мужчина, за ним - женщина и мальчик с девушками. Все они были одеты в блистающие длинные одежды, на головах золотые царские венцы, камнями украшенные. Такое только в кино показывали. У

мужчины в правой руке было белое квадратное полотно. Он положил его Игорю на лицо и стал молиться Богу. Затем он снял покрывало, взял мальчика за руку и помог встать с кровати. Здесь Игорь почувствовал себя легко. Мужчина и спросил тогда: «А ты знаешь, кто я?» «Врач...» - ответил Игорь. А он на это сказал: «Я не земной, а небесный врач. Бог меня к тебе послал. А так - ты больше уже не встал бы. Ты не умрешь, а доживешь до моего прославления. Я Император Николай, а это вся моя Святая Семья. Она мученическим путем пришла к Богу». И назвал всех по именам. Игорь подошел к царевичу Алексею и стал рассматривать его венец. Вдруг его мать закричала: «Парень-то у нас горит!» И родители забегали, стали везде искать воду. А Игорь спросил: «Мама, кто горит?» Она только одно кричит: «Отойди от огня, сгоришь!» И как бы ни было Игорю еще тяжело, он немного удивился: «Здесь только люди, а огня нет». А отец ему точно откуда-то издалека и отвечает: «На самом деле, очень большое пламя! Огонь ходит по комнате, но ничего не загорается! Что за чудо?!» Тогда Игорь им и сказал: «Не волнуйтесь, это - врачи, которые пришли меня вылечить».

А когда они - царское семейство - уходили, Игорь спросил у государя Николая: «Как это они пришли к Богу мученическим путем?» А следом еще спросил: «А что, нельзя просто так взять и пойти к Богу?» Царица Александра сказала: «Не надо, не пугай мальчика». А государь грустным голосом ответил: «Все должны это знать! С нами такое сделали, что ужасно и говорить!.. Они нас всыпали в бокалы... и пили с удовольствием, и злорадствовали, что так нас уничтожили!..» - «Как это вас всыпали в бокалы и пили?..» - Игорь и до сих пор не в силах представить подобной нечеловеческой жестокости. - «Да. Они так с нами поступили, - ответил тогда царь Николай, - не хочу тебя пугать, пройдет время, и всё откроется. Когда вырастешь, то говори людям прямо: пусть наших останков не ищут, их нет».

Потом, когда Игорь уже выздоровел окончательно, люди из соседних домов спрашивали: «Кто же к вам приезжал? Что за родственники у вас были? Что это за люди были у вас, да так одеты?» И восьмилетний Игорь, уже тогда понимающий, что молчание еще никому не вредило, всё же снова сказал: «Это были врачи небесные. Они приходили меня вылечить». А соседи, считавшие не только Игоря, но и всю их семью, мягко говоря, странной, не придали этому никакого значения: не хотят люди говорить правду - дело хозяйское.

А второй случай явления царской семьи был у Игоря, когда он учился уже в восьмом классе. Это произошло за год до перевода отца на родину из Мордовии, где он далеко не первый срок вынашивал офицерские погоны на плечах. Явление это случилось в школе, прямо во время урока. Тогда в тех краях было много антирелигиозных лекторов, потому что в селах почти все были верующие. Приезжая женщина, которая явилась к восьмиклассникам в класс, была удивлена, что все девочки в платках. Она объяснила, как ей думалось, убедительно, что наши враги - это цари и что их не надо бояться, потому что их больше нет! «Царей, - говорила эта дама, - надо свергать, а делать надо дела Ленина, служить ему...» А один из Игоревых одноклассников, Юра Васильев, тогда сказал ей: «Если их нет, то их не ругать надо, а их надо помянуть... За убиенных надо молиться!» И вдруг откуда-то сверху сходит император Николай со всем своим семейством и говорит приезжей лекторше: «Кто здесь царей поносит и хулит?!» А лекторша схватила за голову, присела и как крикнет: «Горю!» Да и упала. А государь Николай берет ее за руку и говорит: «Встань, не губить пришел, а спасти». Женщина-лекторша поднялась и шепчет: «Видела большой пожар, и люди - там!» А царь сказал: «Это не пожар видела, а мучения в аду». Она спросила: «Как в аду?! Мы же ад разрушили и песню сочинили». А он ей ответил: «Вы не ад

разрушили, а дела святые: Царя свергли, храмы порушили, святые попрали!» Антирелигиозная лекторша и спрашивает: «А ты кто?» Государь Николай на это ей ответил: «Я тот, кого ты хулила, чье имя поносила». Тогда она сказала: «Как это? Ведь вас нет в живых! Вас всех стерли в порошок!» А император Николай ответил: «У Бога мы все живые!» И добавил: «Вот, видишь, меня убили, но я не умираю... Иди и покайся!» Женщина прямо вылетела из класса. Государь подошел к школьникам и всех благословил. А Игорю сказал: «А ты доживешь до моего прославления. Запиши всё виденное». Царица Александра, она все время как незамеченная рядом была, сказала государю: «Ведь ты еще не прославлен, а уже благословляешь». А он повернулся к ней, улыбнулся и сказал: «Не ты, а мы! Благословляем мы все вместе!» Затем император Николай еще раз всех благословил, и они удалились. В этот раз царская семья была одета в обычные одежды. Государь - в коротком военном костюме, перетянутом поясом, царевич Алексей - точно так же, а царица с царевнами - в платьях до пят и с длинными рукавами.

Школьный учитель все это время был в классе. После того, как у него прошел мало-мальски испуг, он спросил: «Что за огонь был, а дыма не было?» И еще, покрепнув в голосе, опять спросил, уже спокойнее: «Вы все целы? Никто не обгорел?» А ребята ему ответили: «Это люди были, огня не было». Он тогда стал все расспрашивать, и ему ребята честно рассказали, что здесь был император Николай со своей семьей. А он в недоумении повторял только одно: «Так ведь императоров сейчас нет!..»

После этого необыкновенного события Игорь послушался наказа императора Николая и все увиденное старательно и подробно записал, заодно дополнив тетрадочку воспоминаниями яви восьмилетнего возраста. И однажды, набравшись смелости, написанное показал одному товарищу, но маловерный батюшка не просто не поверил подростку - он вы-

смеял Игоря прилюдно, да еще заодно и карой небесной пригрозил. И парень вне себя от происшедшего порвал тетрадочку, а вскоре их семья и уехала на родину - далеко на Север, где отцу к тому времени дали квартиру.

И в десятом классе его, Игоря Русанова, жизнь уже окончательно изменилась на самом деле. Произошло это земное чудо под вечер: он торопился после уроков домой, да на выходе в аккурат у школьного окошка встретился глазами с русоволосой синеглазой девушкой - синева ее глаз напоминала разве что дневной небесный свет. Любое другого сравнение было бы просто неразумным. Только главное оказалось в другом: сразу понялось *там*, где впервые сильно, до испуга и боли, сжалось и застучало, что именно ее - родного человека - он всегда ждал и знал, что они обязательно встретятся. У Ниночки, родного человека, еще и голос-голосочек оказался под стать происхождению ее дивных небесных глаз. Дальнейшие годы лишь подтвердили, что удивительная обладательница редкостных небесных даров способна не только дожидаться отдававшего долг родине Игоря, но и стать его женой, подругой, верным другом, - словом, той самой единственной, для которой, казалось, и писались именно все самые лучшие песни и ставились самые замечательные фильмы. Но не дал им Бог детей: горечь, точившая верные сердца, привела их в детский дом; и вскоре, один за другим, зазвенели детские голоса в трехкомнатке, которую родители им оставили, перебравшись сами в родовое деревенское гнездовье под самым городом. Для кого-то четыре девочки да на рассаду мальчик, может, покажется и довольно многовато для простого школьного учителя и воспитателя детского садика. Да только где любовь да лад - такая мера, конечно, не для примера.

За последние годы взрослый Игорь Александрович Русанов, отец большого семейства, еще неоднократно видел царя Николая во сне. Даже было, когда государь сказал: «Не верят тебе, но скоро поверят. Пусть духовенство

скажет властям: «Мы не станем признавать подложные мощи, оставьте их у себя, а себе мы оставим святое имя Государя и предсказания о нем святых угодников. Скажи священству, чтобы писались иконы и была молитва. Через иконы буду вымаливать чудесную помощь, имею власть помогать многим... А на иконах пусть нас не разделяют. Нас пережгли в порошок и выпили!..* И пусть мощей не ищут. Если духовенство тебе не поверит и назовет безумным, то передай всем то, что я тебе скажу! Если лжемощи захоронят в фамильной гробнице, то гнев Божий падет на то место!.. Произойдет ужасное не только с храмом, но и с городом! А если эти лживые мощи станут выдавать за святые, то умолю Господа, чтобы попалил их огнем... все лжецы упадут замертво! А в тех, кто будет прикладываться к лжемощам, войдет бес, они будут сходить с ума и даже умирать! И потом будет война! Бесы выйдут из бездны, выгонят вас из домов ваших, а в храмы не пустят... Говори всем, что если государя Николая прославим, то он всё устроит!.. И войны не будет!.. Запиши и передай духовенству. Как только потрудитесь во славу Божию, так пожнете плоды!» Он

повторил это несколько раз и показал на настенный календарь, где было его изображение со всем семейством, и сказал: «Повесь в святой угол и молись». **

Может быть, этот вечер был одним из счастливых в семействе Русановых. Во-первых, сам Игорь не только встал самостоятельно с кровати и вместе со всеми, хоть немного, но с удовольствием повечерял и даже, верный своей привычке, слегка шутил, правда, для того, возможно, чтобы избавиться от вопросов о происшествии. До сих пор, когда доводилось отчего-то недоговаривать полную правду, он так и не разучился краснеть. Так что его разлужбная Ниночка с чадами легко могла раскусить хозяина, и, избегая понятного, но излишнего любопытства родных, он вскоре опять потихоньку и прилег у себя в комнате. Впрочем, если честно, и сказать было все равно нечего. Действительно, Игорь не ведал, что на самом деле случилось, да и знать не хотелось. Жив-здоров - и слава Богу. И живительной ниточкой вновь заструившиеся воспоминания о его удивительных сонных видениях длиною в человеческую жизнь внезапно обо-

* В книге известного ученого Владимира Ивановича Даля «Розыскание о убийнии еврейских христианских младенцев и употребление крови их» (С.Пб., 1844) можно прочитать об этом следующее: «В 1454 году в Вене казнено несколько евреев за то, что убили ребенка, вынули сердце, сожгли его в порошок и пили его в вине» (стр. 42). Об этом же пишет и бывший раввин, обратившийся в христианство, монах Неофит в своей работе «О тайне крови у иудеев в связи с учением Каббалы» (С.Пб. 1914): «Иудеи убивают христиан по трем причинам: во-первых, из адской ненависти к Христу; во-вторых, для разных суеверных магических и каббалистических упражнений, ибо они знают, что диаволу приятна человеческая кровь, а в особенности христианская. В-третьих, из религиозных побуждений (гл.10) кровавым порошком или пеплом иудеи пользуются еще 9 июля. В этот день они радуются и оплакивают разрушение Иерусалима Титом Веспасианом. По этому случаю пеплом пользуются двояким способом. Прежде всего натирают им себе виски. (...) В этот день все без исключения иудеи обязаны есть крутые яйца, посыпанные этим пеплом. Этот обычай носит у них название Сидо амафрекес. (...) На первый взгляд удивительно, что соль заменяется каким-то пеплом или порошком, но когда тайна объяснится, ничего удивительного не будет. Этот пепел заменяет собою не соль, а свежую христианскую кровь» (гл. 7).

Недалеко от места сожжения тел убиенных «ипатьевских узников» следователь Н. А. Соколов обнаружил скорлупу от полусотни куриных яиц. Остается напомнить, что наш Государь Николай Александрович (вместе с Семейей и приближенными) во исполнение талмудических предписаний был жидами убит 4 июля, то есть за несколько дней до обряда «Сидо амафрекес», а потом был сожжен в прах для окончательного завершения каббалистического ритуала - празднования мести гоям за разрушенный иерусалимский храм.

** Раба Божия Нина удостоилась от Господа быть свидетельницей чудесных явлений святой убиенной Царской Семей. Причем приходили они к ней наяву, все семеро. На протяжении всей жизни Нина неоднократно видела святого убиенного Царя Николая Второго, но уже в сонных видениях. Ее полные данные - в Комиссия по канонизации святых.

Из книги «Николай II: Венец земной и небесный», «Лествица», Москва, 1999.

рвались, впервые натолкнувшись на неожиданную, выскочившую, как убийца, мысль. А ведь и дом-то Игорев расположен, оказывается, буквально в двух шагах от старинного деревянного особняка, ныне охраняемого, как гласила деревянная табличка на лицевой стороне, государством, и вмещавшего в послереволюционные годы иностранную дипломатическую миссию. И именно отсюда - имеющий уши да услышит! - накануне расстрела царской семьи отправился ночной порой черный человек, чтобы за несколько часов до убийства невинных нанести на двери страшной комнаты особые знаки-метки, венчающие торжество задуманного злодеяния. И не потому ли нейдет - видно, уже никогда и не наладиться покою у Игоря Русанова и ему подобных, которым - хочется верить - несть числа...

А в доме между тем вновь слышались веселые голоса, и в одной из комнат Настя уже что-то вполшепота выясняла у Татьяны и Оленьки. Но вскоре все успокоилось, когда узналось твердое отцовское решение на завтра все-таки отправиться в паломническую поездку. Дружно все наладились готовить отца в дальнюю дорогу. Кто занимался провиантом, кто собирал дорожную одежду, а Машенька, еще не совсем окрепшая от простуды, под материнским руководством «о здравии» и «за упокой» писала аккуратные записочки, чтоб никого из своих не забылось в поездке упомянуть. Словом, всё как всегда: это была далеко не первая отцовская поездка по святым местам. И подготовка к ней в дружной русановской семье завершилась уже далеко за полночь.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Возле небольшого храма через дорогу от гостиницы было оживленно,людно и как-то по-особому празднично. Вообще эта церковь в народе между собой с некоторых пор называлась семейной, в ней всегда было уютно, спокойно и, правда, как в хорошей избе, по-домашнему надежно. Еще совсем недавно она стояла возле про-

езжей части дороги неприметной, даже какой-то ущербной в своей неприметности. Многие горожане даже не знали, что это самая настоящая церковь. Торчит какое-то кирпичное место, крытое деревянной линиялой крышей, - и пусть себе стоит. То ли дело - рядом через дорогу знаменитая пивная «Засада», куда, приходится так выразиться, уж никогда не зарастала народная тропа. Но вот в этой неприметной церквушке появился наконец-то настоятель, совсем еще молодой, но какой-то ревностно-хозяйственный и молитвенный. Сила в нем оказалась именно та, что сдвинула дело с мертвой точки. Появились первые прихожане, их становилось с каждым разом больше - особенно это отмечалось после простых и ясных проповедей нового настоятеля. Потихоньку-помаленьку закипела работа как вокруг, так и в самом здании; тут для нужного дела и благодетели сами нашлись. И где-то через год, как не удивиться, многое изменилось: церковь по-хорошему ожила; наладились и паломнические поездки по святым местам. Настоятель сам был в них сопровождающим, и это всем опять же нравилось, было безбоязно ездить, не страшил никакой путь и возможные препятствия на неблизкой дороге.

Нельзя было не обратить внимания, что народ к отъезду подобрался здесь своеобразный: все какие-то внутренне, по-особому торжественные, тихие; а если со стороны, по-простому выразиться - слегка пришибленные. Такой вывод, к примеру, незамедлительно сделал Колька Рыжий, уже не по первому разу инструктируя Жору: они пристроились в стороне ото всех, у кривой пыльной березы с безнадежно обвисшими ветвями, откуда прекрасно было видно всех подходяще-уходящих. Встретились, конечно, заранее, чтобы, главным образом, не прозевать возможного прихода «царя». Рыжий с ходу сунул Жоре пакетик с таблетками, значительно воздев и молча погрозив корявым пальцем: мол, головой отвечаешь! И Двойненко, моментально сунув пере-

данное в нагрудный карман куртки, хрустко щелкнул кнопкой - куда они денутся! Но он же сразу и заметил, что обычно наглый Колька ведет себя по-другому, не как обычно: часто помаргивает глазами, мелко косится по сторонам и постоянно потирает, видно, потеющие руки. И ночная мысль о непростых таблеточках вновь крапивно пообожгла молодого проныру пониже сердца.

И тут вдруг Рыжий вовсе побледнел, отшатнувшись от Жоры: откуда-то у них из-за спины неспешно вышел, направляясь к церкви, тот самый сбитый мужик с пластиковым пакетом в руках. Им обоим одновременно почудилось, что он всё это время незаметно находился позади и прекрасно обо всем слышал. Да еще, перекрестясь перед входом, мельком оглянувшись в сторону - и оба подельника могли дать голову на отсечение, что они точно еще были увидены и с лица! И после этого разве могло быть уже два мнения о дальнейшей судьбе «царя»; даже у все время хоть и тосковавшем, но окончательно сообразившем нутре Двойненко, что своя рубашка и взаправду ближе к телу.

- Ты понял? - подлил масла в огонь Колька. - Нет, ты догоняешь: да он нас просто сфотографировал, гад! Мол, знаю я вас - и не боюсь! Теперь мы точно на крючке!

В это время все автобусные потянулись тоже в церковь и, махнув Рыжему рукой, Жора уныло двинулся следом за остальными. В церкви, где уже Двойненко перед этим был со своим паспортом, все столпились, вышел к ним еще молодой, с усами и бородой, с волосами на пробор мужчина и стал читать какую-то заунывную молитву, а стоящие перед ним эти слова повторяли хором. «С этим попом и поедем», - сообразил Двойненко. Слов молитвы он не понимал, да и вникать в них особо не собирался, лишь всё время незаметно косился на свою жертву. Сбитый ими мужик был бледен: прикрыв глаза, он, казалось, был полностью погружен в свои мысли, изредка шевеля губами вслед за другими. Когда все закончилось, он дви-

нулся вперед к темной иконке возле решетчатого окна. Остановился перед ней, перекрестясь, а после, к Жорину удивлению, бухнулся перед ней на колени. Двойненко глаза на нее поднял и обомлел: мужик точно перед самим собой, изображенным на иконе, стоял: верно уж, чудные чудеса. Да только на ней золотистым было написано: «Святой Государь Николай».

«Так вот ты какой!», - отчего-то молнией мелькнуло в двойненковской голове. А к чему это - он так и не понял, да и раздумывать было не ко времени: все направились на выход. Возле автобуса, на лобовом стекле которого была вставлена картонка с надписью «Паломническая поездка», стояла женщина и распоряжалась посадкой: была она, худенькая, в длинном, почти до пят темном платье, слегка криклива и суетлива. Казалось, не обращавшие на нее внимания входящие добросовестно рассаживались именно туда, куда и указывалось, - спокойно, без обычной посадочной нервозности и суеты. Двойненко досталось место в середине автобуса, у окна, куда с добром, и он, спокойнее вздохнув, пакет свой сунул прямо под ноги, а куртку пристроил на предоконную вешалочку. И, мельком глянув, успел заметить прошмыгнувшего за стеклом Рыжего. «Пасет, - понял Жора. - Похоже, и того, и другого. Этот уж пока сам не проверит, никому не поверит».

Автобус был большой, с двумя водителями, один из которых, как в шахту, уполз тотчас куда-то вниз отсыпаться, а другой степенно и уверенно сидел на своем законном месте, уже одним присутствием внушая полное спокойствие. Последним на переднем месте уселся поп в черной рясе с большим крестом на груди, и автобус тронулся с места.

Жора, разглядывающий заоконный пейзаж, обернулся на соседнее место и едва не ойкнул: рядом с ним сидел как раз тот самый мужик, похожий на царя! Уж больно незаметно всё у него получалось: вечно как изпод земли вырастал! Между тем сосед не только на Двойненко, но, похоже,

вообще ни на что и ни на кого не обращал внимания: скорее всего, ему было просто тяжело, и сидел он со склоненной головой, прикрыв глаза. «Да откуда ему знать про нас! - и подсказалось тут изнутри Жоре. - Совсем уж людей не по-детски глучит!»

Проезжали мимо новостроящегося торгового комплекса: на фоне сизо-серых панелей смотрелся он вовсе ненашенским, нереально-гигантским, и от этого чужеродия не могло не пронять в любой взглянувшей душе. Вообще, в этом северном городе, пока автобус легко и сильно проходил через центр и его ближнее окружение, внушительно бросалось в глаза явное несоответствие еще сохранившихся в основном старинных деревянных зданий и подобных новостроящегося комплексу - громоздких и безвкусных, объемно-однотипных, с прилегающими вокруг да около магазинчиками с зачастую невероятной, дополняющей фантасмагорическую картину рекламой, к примеру, только что увиденной пассажирами на одном осовремененном магазине-павильончике: «02 - ваша надежная крыша!» К слову, также было общеизвестно, что город, как, впрочем, и большинство его родимых русских братьев, основательно подвергся законно-незаконному заселению темного окраинного люда из бывших союзовских республик-побратимов. А в некоторых районах этого северного светлого края, вынужденно дополняется, местные хлебосольные градоначальники в своих расселенческих полномочиях разошлись не на шутку, результатом чего одно из исторических мест даже получило географическое название «второй Чечни». Выше было и того хуже: в областном центре, через реку, считай, близ самого кремля, умудрились даже тихой сапой соорудить аккуратную мечеть, и никакое общественное мнение не в силах было противостоять этому варварству, пока не вмешалось само Провидение, трижды приглубив - долбанув летней молнией аж в центровину этого чужеродного сооружения; и любое тамошнее движение с некоторых

пор вынужденно прекратилось - на время затихло.

Автобусу, бесшумно проезжавшему именно этой стороной, увиделось полуразрушенное здание бывшего кинотеатра «Родина», за которым и притаилось то, что трижды было настигнуто - пригвождено летними русскими молниями. А за городом августовская погода не изменилась: вечер походил на лучшие детские воспоминания, когда увиденное остается в душе навсегда вековечно светлым и спокойным.

И уже не единожды Жорой Двойненко оглядывалось незаметно на сидящих пассажиров, которых, похоже, с обычными можно было сравнивать приблизительно. На многих сиденьях мирно читались, некоторыми вполголоса, явно церковные книжки, а если и беседовалось - тоже вполголоса и, похоже, на такие же церковные темы. И тут нелишне добавить, что все это вносило в автобусную атмосферу какой-то уют, обыкновенное спокойствие. Сам Жора уже перестал взгляды на соседа, по-прежнему отрешенно-недвижимо откинувшегося на сиденье и, более того, умудрившегося так скукожиться на своем месте, что Двойненко доставалась львиная доля свободного рассиживания. И тогда Жора расслабился и благополучно задремал, свободно поглядывая на заоконное пейзажное сопровождение. Очнулся уже в самом Ярославле, на въезде в город: автобус терпеливо дожидался на перекрестке напротив винно-водочного магазина и тут тоже - на тебе - с незамысловато-глубинным наименованием «Вечный зов». Жорой запоздало хмыкнулось, а автобус уже скоро мчался по чистым и широким ярославским улицам.

Между прочим, через несколько часов, будучи на подъезде к «городу невест» Иванову, ему довольно просто представилась благодатная возможность завершить свою миссию досрочно, без лишней нервотрепки, в минуту-другую. Сосед наконец-то очнулся, открыв глаза - они оказались совершенно синими, подернутыми не отступающей внутренней болью. И

слегка, устало кивнул Жоре, на что последний ответил «алаверды». А «царь», не без труда справившись с подставочкой для трапезы, вделанной на спинке сиденья, достал из пакета термос и налил в стакан чай, пристроив его на малюсенькой, в ладошку, пластмассовой подставке. После вновь склонился к пакету, тем самым подфартив перспективному злодею, которому оставалось только бросить окаянную таблетку в стаканное содержимое. И пока тот, не давая себе отчета, как ошпаренный, дергал по всем карманам, совершенно забыв местонахождение яда, автобус в освещенной темени будто бы вошел в уже настоящую, чернильную темноту и, мягко уркнув, остановился. И все, кто еще не спал или полудремал, с нарастающим изумлением стали вглядываться в этот мрак - город оказался вовсе лишенным даже малейшего освещения.

Оба водителя, вполголоса посоветовавшись, открыли переднюю дверку, кое-кто потянулся на выход подышать воздухом, оглядеться и размяться. Пассажиры, правда, оказались такими тихими, что невольно могло создаться впечатление, будто железо движущееся шло в своем направлении едва не пустым. Однако где-то на задних местах возникло оживление, какая-то возня, заговорили погорячее. И, наконец, на волю тяжело ступил крупный немолодой мужчина с широко открытыми глазами и аппаратом для измерения давления, прижимая его к боку. Автобус усилил свет передних фар, и в этом освещении паломник измерил давление, сразу сунув себе в рот пару таблеток-круляшек. В это время один из водителей умудрился в темноте разговаривать с ночным пешеходом на предмет выезда из «города невест». И вскоре автобус тихонько, километр за километром, принял петлять в многочисленных закоулках, казалось, нескончаемого, чернее черной, ночи города.

Жоре, подуставшему паялиться в законный мрак, вновь увиделось, что его сосед, подкрепившись чаем с кус-

ком хлеба, снова задремал, уронив голову на грудь. И он было тоже наладился придавить часок-другой дороги, но его сбивал заспанный шепот соседей, не громкий, но достаточный, чтобы разобрать, о чем шла речь. Вернее, говорилось одним, явно по голосу моложавым, но крепко озабоченным собственной жизнью. У него она, эта жизнь, видать, не слаживалась, и он мечтал потолковать с каким-нибудь монахом на предмет совета насчет дальнейшего житья-бытья. На что ему, тоже шепотом, отвечалось, что они едут в женский монастырь, где есть монахи, но они только ведут службу и исповедуют, не вступая ни в коем случае ни с кем в любые разговоры. На это ему тоже что-то ответное говорилось, но голоса становились тише и тише, пока задних пассажиров тоже, как перед этим и Жору, не вальнуло в крепкий дорожный сон. А автобус, темный и громоздкий, в тихой августовской ночи неслышно двигался, можно сказать, наугад, куда-то вперед и только вперед - точно в самую вечность, непознаваемую, таинственную, бесконечную.

Утро встретило паломников в старинном Муроме: подъехали к женскому монастырю, от которого - рукой протяни - располагался и мужской. Все здесь походило на летний день: во всем окружающе-зеленом на разные голоса распевали пернатые, радуящеготоропливо ударили в колокола, а из автобуса появлялись, по определению Рыжего, пришибленные и без слов, сложив ладошку на ладошку, направлялись к молодому попу и целовали ему руку. Жора благоразумно остался в стороне, не отпуская из вида своего «царя»: тот уже поожил, подойдя один из первых к поповской руке, а после, щурясь своими глазищами на вынырнувшее по-летнему солнце, чему-то тихо улыбался. Выглядел он весь как-то по-домашнему просто и мирно, безобидно, - и это невольно отметилось в двойненковской буйной головушке.

Для некоторых путешествующих этот маршрут, зная, был хорошо известен: под поповским предводитель-

ством все дружно двинулись к монастырским воротам. Внутри шла служба, и было, это невольно отметились самим Жорой, необъяснимо-умиротворенно и надежно, спокойно. Кто-то кому-то из приехавших показывал большую икону, где хранились, здесь Двойненко поднапрягся, не понимая, - частички мощей самого Ильи Муромца, а также невдалеке находилась мироточащая икона; была она вся будто бы в подтеках и мутных разводах на большой черной доске с изображением какого-то строгого святого. Рядом оказался вчерашний заспанный сосед: он изумленно смотрел, слушал и все разглядывал, как ребенок. И он же, находясь уже во дворе на улице со своими, все это услышанное и увиденное пересказал, как другу, Двойненко, точно того и не бывало рядом.

Вообще все автобусные послушно ходили за своим сопровождающим; побывали они и в мужском монастыре, кстати, откуда открывался внутризахватывающий вид на скользяще-блистающую под теплыми лучами широченную Оку. Выяснилось, что в этих краях путешественникам, похоже, придется незапланированно «позагорать». Понтонный мост, через который переправлялся весь транспорт, был в это время разобран, надежда оставалась на паром, который трудился, как лыска, без устали; там стояли десятки всевозможной разнокалиберной техники, заплонив собою всю дорогу.

Автобусные водители оказались оба немногословными, но шустрыми: своевременно разузнав такое дело, они подогнали свою технику в хвост бесконечной колонны и стали терпеливо дожидаться законной очереди. Большинство пассажиров сидело спокойноненько на местах, в основном читая те же церковные книжки, другие мирно дремали, а некоторые прохаживались рядом, рассматривая реку, а также этот небольшой, с крупными горушками, уютный городок. Солнце жарило во всю пропалую, и кругом царила, думалось, без тревог и забот, самая что ни на есть мирно-

умиротворенная жизнь. И в довершение к этому следовало отметить полное отсутствие привычной современной картины со страждующе-жаждущими, и это наводило на некоторые странные размышления, к примеру, связанные с уже недалекими краями святого, куда и держали свой путь паломники.

Приглушенный звонок мобильного телефона застал Жору Двойненко спокойно сидящим на припаркованной деревянной эстакаде под жмурками муромскими лучами. Далекий голос подельника, поинтересовавшись делами, закрепляюще напомнил о цели этой своеобразной командировки. И говорилось Рыжим с минутой-другую, а Жоре вновь стало не по себе. Мало, что он невольно уже стал избегать думок касаясь своей миссии, так еще отчего-то вся эта поездка, похоже, стала слегка ложиться ему на душу. Телефонное напоминание подстегнуло задремавшую было двойненковскую бдительность. И он разыскал глазами «царя»: тот был невдалеке, не собираясь ни от кого прятаться, более того, - открыл старую толстую книжку и внимательно ее читал, изредка подкашливая и морщась от какой-то не отпускающей его боли. А Жора незаметно ощупал карман куртки, которую, несмотря на жару, снимать на всякий пожарный не решался. Мало ли что на уме у этих пришибленных, хотя обычная милицейская подозрительность была здесь явно лишняя: некоторые из автобусников, например, даже свои съестные припасы многим предлагали, ссылаясь на предстоящую исповедь в дивеевском монастыре.

Вдруг один из таких, в годах, худой и длинный, стал заваливаться с деревянной скамейки, следом и вовсе сполз на землю, а изо рта пошла пена. Все происходило молчком. И что тут заделали свои: забегали, как за родным; подскочил двойненковский заспанный сосед, оказавшийся врачом. И он же по мобильному вызвал «скорую». Вскоре длинному, не перестававшему мычать, сделали укол, и он затих, успокаиваясь. А возле него про-

должали хлопотать, как говорится, свои да наши, вплоть до того, пока не подошла очередь их автобусу забираться на паром. Такая громада для плавучей железяги была явно громоздкой, и автобус благодаря только мастерству перепотевших и без того водителей с трудом вполз на паром, который потихоньку отчалил, медленно разворачиваясь к противоположному берегу по-прежнему блестящей Оки. Выбираться же на сушу оказалось и того сложнее: паромный борт был выше отмели, и низкопосадочный автобус долго мучился, приноравливаясь удобнее осчастливить сушу своим присутствием. Наконец каким-то макаром неуклюже выполз на землю и, газанув, попытался рвануть на горку, на самый верх. Да не тут-то было: задние колеса, подпрыгнув на невидимом камне, осели на месте, и движение прекратилось. А под самой машиной что-то ощутимо хрустнуло. Оба водителя мигом оказались под днищем транспорта, откуда вылезли не сразу, имея грустный вид, но стараясь этого не показывать, лишь один из них безнадежно махнул рукой. Стало понятно, что объявлен незапланированный и, видно, далеко не краткосрочный привал.

Паломники не проявили ни малейших признаков тревоги. Все не спеша спустились к широченному речному берегу и стали степенно и обстоятельно располагаться на отдых: растилали на траве разномастные одеяла или же раскидывали что-то из верхней одежды. Солнце к тому же продолжало неумоимо радовать, и можно было просто валяться на траве и в ус себе не дуть.

Рядом с Жорой Двойненко пристроился говорливый доктор, а чуть левее, куда уж денешься, случился и «царь» собственной персоной. Для него вроде бы вообще ничего вокруг не существовало: подложив под голову руки, лежал он неподвижно, сине щурясь в высоченное бездонное небо - кого-то оттуда ждал, что ли? Но через какое-то время и ему, как уже давно окружающим, захотелось пить: достав термос, он было налил в ча-

шечку, но подумав, откуда-то из недр пакета извлек еще одну, тоже наполнив чаем. После предложил доктору, а когда тот с удовольствием ее выдул, то же самое сделал и для своего молодого автобусного соседа. И вновь фортуна благоприятствовала Двойненко: передавая ему пластмассовую чашечку, «царь», неуклюже задев свою, только и видели, кувырнул ее в траву-мураву. И пока он растерянно оглядывался кругом, осмысляя происшедшее, тут-то Жора, как в тумане, и успел сделать свое черное дело: молниеносно выхватив таблетку, сунул ее в свою чашку, и она, на глазах расплескиваясь, вдруг буквально заходила ходуном. Двойненко с ужасом осознал, что не только не способен джентльменски предложить отравленный напиток соседу, а не в состоянии даже управлять своими действиями. Но профессиональные практические навыки не дремали и взяли верх над молодыми чувствами: переодетый милиционер также быстро сумел и в себя придти, лишь в жар кинуло. Но это оказалось не последним испытанием: под рукой, уже уверенно держащей чашку, что-то внезапно и вертко прошуршало, попримяв траву. Поди тут разберись, что было: может, и змейка какая с оказией случилась. А этого уже переодетый не выдержал, и - к добру для него или к худу - но и это содержимое оказалось в траве. По времени было это не дольше воробьиного подскока на земле. Так что никто и не сообразил ничего, только все оказались без чая.

А Жоре, и без того донельзя впоптевшему, оставалось лишь будто бы виновато развести руками и, в два приема раздевшись, прямо от берега бухнуться в спасительную водную стихию, в сторонку от уже барахтающихся в воде автобусников.

«Ну и накосячил! - палило в его раскаленной головушке. - Совсем уж дурака включил: чуть мужика не угробил!» В эти минуты Жора как на духу мог поклясться кому угодно, что и в мыслях подобного не было - все произошло помимо его самого, необъяснимо, безотчетно, - вообще неуправ-

ляемо. И сейчас, осознавая возможные последствия происшедшего, Двойненко, едва не подвывая, изо всех сил намахивал саженками, желая одного: только забыться и никогда не помнить чудом не случившейся прибрежной беды.

И именно в эти страдательные минуты кто-то вдруг неудержимо сильный схватил его из-под воды за ноги и стремительно потянул вниз, на самое дно. Сначала Двойненко, не сообразивший происходящего, безвольно пошел в означенном направлении, прихватив приокской водицы и вытаращив глаза - мгновенно перехватило дыхание. После напрягся, пытаясь вырваться из невидимого чудовищного плена, но не тут-то было: снизу держали настолько крепко, что пловец, дернувшись раз-другой, неудержимо, как ребенок, заверещал, выкрикивая одно-единственное, традиционное для подобной ситуации слово-олово. Ослабевающим с каждым мгновением пловец и не помнилось, сколько, захлебываясь, накрикивалось это спасительное слово, но в какой-то момент явственно стало осознаваться, что дополнительно подключилась еще какая-то сила, таща его уже в противоположном направлении, на воздух, на свободу - вперед, к жизни.

Очнулся он уже точно на берегу, даже руками вокруг пошарил, чтобы в спасительности удостовериться: это и верно был берег, суша, а сверху все также жизнерадостно светился золотисто-желтый, оплавленный по бокам, солнечный круг. Не поднимая головы, он поогляделся по сторонам и натолкнулся на внимательный докторский взгляд заспинного соседа, на что последний хлопнул себя по бокам:

- Живой! - сказал он громко, раскатиисто, радостно. И даже зачем-то поаплодировал, видя поднимающегося на своих двоих Двойненко. А тот опять чуть не нырнул обратно в травку: дрожмя дрожали ноги.

- Ему спасибо скажи! - показывая на «царя», продолжал единолично вещать неунывающий доктор-страдалец. - Хорошо хоть вовремя заметил, иначе кормил бы сейчас рыб в Оке!

В следующие минуты от едва не перебивающих друг друга паломников выяснилось, что никто и не обратил внимания на молодого парня, уверенно нарезающего круги невдалеке от берега, где, как оказалось, не только уже присутствовала серьезная глубина, но - что самое страшное - крутило व्यюн, водную «воронку». Именно она-то, враз спеленав, неудержимо и повлекла пловца в обетованные места проживания класса пресноводных. Ведь и другие автобусники в это время были тоже рядом с двойненковским соседом, но как он, вроде ничего и никого не замечающий, сумел вовремя углядеть подступившую беду, - оставалось загадкой. Не раздумывая, хлопнулся в воду, скоро доплыл и, схватив утопающего за волосы, отбуксировал к спасительному бережку. Там уже и остальные не подкачали, помогли на сушу вытащить и даже всем скопом оказали первую медицинскую помощь. Сам же спасатель и не думал ни с кем вступать в разговоры: вновь ушел в себя, открыв неизменную книгу с изображением креста на обложке. Наверное, поэтому и страсти, не разгоревшись, потухли на пустом месте. А все вновь разбредились по своим местам И лишь тогда Жорой выдавилось соседу потише тихого: «Спасибо», на что тот лишь качнул головой.

Казалось, нечему и меняться было в этом мире, разве что одним живущим, слава богу, оставалось больше на земле этой, хоть вдоль и поперек изломанно-истоптанной, но по-прежнему вечной и неизмеримо милосердной. Только и без него, этого одного-единичного, как говаривал когда-то наш классик, народ все равно был бы неполный. И о чем нынче аж почти до самого вечера думалось-дремалось этому спасенно-живущему - известно разве что ему самому да Всевышнему: вплоть до водительского клича, зовущего на посадку, лежалось Жорой Двойненко на траве-мураве недвижимо, тихо, почти обморочно-покойно.

Вскоре автобус вновь стремительно, будто и сам отдохнувший, мчался уже по нижненовгородским обширно-

широчным угольям, и дух захватывало от одного вида - от края до края - бесконечных зеленых полей и лесов, многочисленных речушек-чистюлек, а также сел и деревень, то и дело встречающихся на паломническом пути. И ни в какую душу не могло вместиться не то что мысли - самого обыкновенного намека на захлеснувшего еле не через край нынешнего кликушества о решительном разрушении, даже почти гибели всего нашего, сущего, дарованного однажды раз и навсегда для всех вместе и каждому живущему по отдельности лишь только по строгой разнарядке свыше.

Наконец вдали, за горами за долами, после очередного подъема на довольно крутую горушку, открылся вид, какой, увидев однажды, - не забудется. И оттуда - прямо в глаза сидящих - бело и безмолвно засветились храмы, а во внезапно наступившей тишине кто-то из сидящих бережно прошептал: «Дивеево!»

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Преддивеевская деревушка-селение встретила тихо въезжающий августовским туманным вечером громадный автобус неизвестно откуда взявшимся и, можно смело сказать, внеземным запахом-благовонием, умиротворенно расплывшимся по всему железному помещению. Сидящие удивленно заперевглядывались, вполголоса делясь друг с другом впечатлениями, хотя отдельная, небольшая часть пассажиров, ничего не учувшая, стала играть в переспрашивание. А транспорт уже величаво вливался в само Дивеево, замелькали деревянные дома, уступая место открывающимся во все свое величие храмам. И все приплюснуто прильнули к широченным окнам: *оттуда* действительно веяло - там открывалась новая таинственная жизнь.

И только успели пассажиры выйти на волю, как одному из них, Жоре Двойненко, последовал звонок из прежней жизни: его далекий вологодский напарник, словно бы присутствуя рядом, доверительно делился

впечатлениями о застольной трапезе с гостем-прокурором, проходившей в означенное время в дружеской домашней обстановке. Жора, прикусив губу, не только отключился, но и поставил телефон на «беззвучный режим», впервые мысленно проклиная этого вездесущего представителя «мобильного рая».

Пока столпившиеся у автобуса разглядывали окрест, конечно же, больше задерживаясь взглядами на зеленоватой громадине храма, их сопровождающий священник вместе с худенькой женщиной сходили куда-то в том таинственном направлении, пройдя через ворота высокой ограды, и через некоторое время позвали всех за собой. Оказалось, что храм вот-вот закрывался, но как узналось, что приехавшие из краев, где более ста тридцати святых, просиявших на земле вологодской, паломникам было разрешено пройти к раке и приложиться к мощам самого батюшки Серафима. Все происходило в полумраке громадного и изнутри помещения: своды полукругом уходили куда-то ввысь, было просторно, свободно, небоязно. Цепочка приезжих выстроилась в очередь к золоченому шатровому сооружению, все поднимались по одному на возвышение, на котором в таком же обрамлении была рака с мощами. И, перекрестясь, трижды наклонялись под эту небесно-благодатную сень к месту нахождения ног, живота и головы, - к *тому*, что было внутри. Когда дошла очередь до Жоры Двойненко, постоял он внаклонку в раздумчивой полутьме над золоченым сооружением и после, будто очнувшись, прошел дальше, на выход, лишь чуя в себе усилившиеся толчки горячей крови.

Между тем паломники не по перворазке еще успели по душевному желанию приложиться и к некоторым иконам, хотя кто-то невидимый уже тихонько, аккуратно поторапливал на выход. На улице сопровождающий поп повел всех на ужин, чем немало удивил, например, того же Жору, не привыкшего к подобной посторонней заботе. Покормили всех в низком

сводчатом помещении, именуемого трапезной: стояли простые длинные столы с такими же скамейками, за которыми, ей-богу, елось-уписывалось за обе щеки, а на верхосытку случился чай со странным, ранее многими не изведанным вкусом. Оказалось, сия заварка называлась травой снить, коей в уединении в течение несколько лет только и питался сам батюшка Серафим; также не лишним можно было вспомнить, что всех без исключения приезжающих в эти таинственные края старец заповедовал поить-кормить и спать укладывать бесплатно, что, конечно же, и исполнялось дивеевскими монахинями исключительно добросовестно.

Автобус, вырулив, направлялся по тихим спокойным улочкам между деревянных домов к одной из окраинных монастырских гостиниц, где было отведено место для путешественников: спустились вниз, к маленькой речушке, и поднялись в горушку, подплыв к двухэтажному продолговатому зданию, оказавшемуся гостиницей. Перед заходом в помещение поп пригласил желающих вскоре после устройства сходить окунуться в святом источнике Казанской Божией Матери, - так и сказал, чему-то сам улыбаясь.

В чужой монастырь со своим уставом у русских не принято хаживать, поэтому еще при входе сняв обувь, все степенно, неслышно подходили к молчаливой усталой женщине за простеньким столиком и показывали паспорта, после чего следовало распределение по спальным местам. Покой чувствовался исключительный: враз любой душе в тутошних краях становилось уютно, домашне и точно бы кем-то охраняемо. Правда, гостиницей все это можно было именовать с некоторой натяжкой: в обыкновенных, без прикрас, комнатах стояли лишь двухъярусные нары да висели на неоклеенных стенах простенькие иконки, в основном на картонках, небольшие. Зато до чего, разбросав руки-ноги, славно раскидывалось на этих нарах - любые матрасы-перины утомленно-

му, желающему отдохновения телу и в подметки не годились!

Но уже кликали желающих пойти к древнейшему святому источнику - Казанскому, как раз и находящемуся пониже их гостиницы на окраине села Дивеево, за Голубиным оврагом, о котором местное предание сохранило память о троекратном явлении на том месте Божией Матери, так что окрестные жители обещали устроить здесь церковь, исполнить сие обещание в лице своих потомков уже в наши дни, когда близ источника была возведена деревянная церковь в честь Казанской иконы Божией матери. Здесь же была построена и купальня. В источнике часто совершается таинство крещения, по причине близости к Казанской деревянной церкви. На источник же ежегодно приезжает огромное количество паломников. С молитвой к Царице Небесной они набирают воду и окунаются в воды источника в деревянной купальне. Многим даруется облегчение от различных недугов; и особенную помощь получают бесноватые.

Обо всем этом поведал поп с перекинутым через шею полотенцем, идя по дороге к источнику в обыкновенной, выпущенной поверх брюк рубашке. И, словно в подтверждение его рассказа, возле самой купальни две женщины, назвавшиеся трудницами, вперевивку поведали историю, случившуюся не более как двумя часами назад. Точно так же, как и эти паломники, пришла одна приехавшая к святому источнику и окунулась в него, в тот же миг заорав не по-людски, настолько страшно, будто внутри ее обнаружилась нечеловеческая сила, так что у этих трудниц от услышанного рева бесноватой встали дыбом волосы, и они еще до сих пор не могли толком прийти в себя.

И без того не собиравшемуся к этому источнику Жоре стало маятно, даже не по себе: сунься сейчас в эту воду со всей компанией, вдруг как и в нем кто-то окажется, - что тогда? Ведь до чего не хотелось подниматься - глянь, все как по команде потянулись на выход, что он, рыжий? И стой сей-

час, как дурак, глазами хлопай: как бы дышло куда не вышло! Можно и смотаться втихаря, да только и остальным, похоже, не лучше, чем ему, даже «царь», что опять соседом по нарам оказался, нынче тоже что-то, по двойненковскому мнению, по сторонам заглядывался.

Примером явился сам поп, спокойно шагнувший к невеликой по размерам, крашенной светло-голубым деревянной купальне, следом молчаливо потянувшись и остальная часть мужеского сословия. И женской половине, терпеливо ожидающей своей очереди под тускловатым освещением, не могло, конечно, видаться, что внутри было почти потемнее темного, лишь снизу отблескивала вода этого старинного источника.

Пол на поверку оказался совершенно сырым, и, раздеваясь кто как мог, все развешивали одежду на обыкновенные настенные гвозди, а с самих стен смотрели на происходящее тоже поблескивающие иконки, тем самым придавая некую бодрость духа собравшимся. И тут опять не подкачал сопровождающий: раздевшись догола, он перекрестился и по деревянному трапику спустился вниз, в воду, которая и оказалась всего-навсего не выше плеч.

«Во имя Отца, - ушел он под воду, сразу появляясь оттуда с широко распахнутыми глазами, хватая воздух, - и Сына, - вновь погружаясь в святой источник, - говорил священник, - и Святого Духа», - закончил он действо и стоял, тяжело, прерывисто дыша, смотря перед собой. Следом, без раздумий, ступил в купальню и «царь»: тот, на удивление все спокойно исполнив, поднялся с батушкой наверх, чтобы одеться. Кстати, полотенцами они не вытирались, лишь промокнулись. Потихоньку, во главе с примолкшим доктором, и остальные стали следовать наглядному примеру: слышались вскрики и всхлипы, кругом шумно задышалось и закашлялось, а худой эпилептик после первого же погружения не столько поднялся, как всплыл, почти недвижим, но тоже все исполнил добросовестно. С

тем же намерением не выглядеть «рыжим» и Жоре Двойненко пришлось провести эксперимент над собственной личностью: выяснилось, что это не больше чем насмешка считать здешнюю воду холодной, - она была просто ледяной. Молодой растущий организм переодетого милиционера в мгновение ока пронзили, еле не лишив сознания, мириады живых невидимых игл. «Кажись, кирдык», - успелось пронестись в потухающем мозгу сотрудника внутренних дел, как вдруг в этот же невероятный миг и пришла неведомая доселе радость, а все двойненковское сущее стало легким, невесомым и готовым вознести его обладателя в горние высоты. Разве что загорланить-запеть во все легкие и оставалось человеку. Но это было бы не место и не время, и к тому же индивиду, абсолютно лишенному голоса и слуха, лучше в одиночку заниматься подобным делом. И Жора, шатаясь, выбрался наверх, где в небольшой, необидной толкучке одевшись, вскоре очутился на воле. На смену тотчас ожидаемо отправилась женская паломническая половина, которая вскоре, тоже не отставая от сильной части человечества, жизне-радостно заохала-завизгивала в деревянной купальне старинного святого источника в честь Казанской иконы Божией Матери.

Обратно все, обогреваемые дивеевским ночным теплом, возвращались притихшие, собственн, уже по совершенно темной дороге, изредка переговариваясь друг с дружкой и, главное, с чувством, какое случается, когда рядом только родные, наконец-то встретившиеся после долгой и вынужденной разлуки люди...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Как говорится, только и оставалось ахать дяде, на себя глядя: такой вид под колокольный всеохватный звон открывался на Свято-Троицкий Серафимо-Дивеевский монастырь у прибывших на утреннюю службу паломников. Дух захватывало, держало и не отпускало! Служба начиналась в зе-

леноватой громадине Троицкого храма. Еле не вся монастырская территория, окруженная чудными праздничными цветниками, была заполнена духовно страждующими, прибывшими из разных краев-областей все еще необъятной матушки-родины, а также, выражаясь по-современному, гостями из ближнего зарубежья. Невольно казалось, что все это являло частичку твоего собственного дома, настолько кругом было уютно, по-дворовому тепло и вдобавок еще кем-то вековечно-невидимым надежно охраняемо. Не было ни спешки, ни суеты и прочих схожих глупостей, чуть ни с рождения ставших нашими надежными жизненными поводырями.

Большинство паломников сразу же проходили в сам храм, поднимаясь по широченным высоким ступеням, внутренне охватываемые мгновенным холодком непередаваемого волнения, предчувствия чего-то неизведанно-нового; давно, быть может, с самого рождения ожидаемого. На самом дворе тоже оставались: отдыхают сидели на скамеечках, уйдя в свои думы-мысли, стояли у киосков с православными сувенирами, книгами, иконками и многим таким, чего хотелось бы и иметь у себя и, конечно же, потом-после по приезду кому-нибудь желаемому подарить; а один паломник вообще как вкопанный остановился, вероятно, находясь уже в другой, ему одному ведомой и, судя по изумленному выражению лица, прекрасной жизни.

А за Преображенским собором, сразу же за монастырскими воротами, начиналась канавка Божией матери, где Царица Небесная, по заверению самого преподобного батюшки, незримо появляется каждый божий день, и который также во время оное рек, что все, хоть однажды побывавшие в Дивееве, будут в раю. И это, передаваемое с самого начала поездки из уст в уста, опять услышалось Жорой Двойненко на скамеечке у одного из киосков, где он решил временно отсидеться: с вечера не выспалось, и теперь представителем милицеских нестигаемых рядов откровенно

дремалось, вполуха слушая шепот-разговор двух благообразных, очень опрятных старушек.

Похоже, все приехавшие с ним без остановки утянулись в храм, с раннего утра не выказав не только ни капельки усталости, но даже наоборот: были все по-особенному радостные, ровно наконец дождались чего-то главного. Даже доктор и тот стал как вся эта странная компания, не говоря уж о «царе» или самом попе, который едва не летел, направляясь на эту утреннюю службу. Ведь нудно же один бубнеж непонятный слушать - что им там всем, медом намазано? Однако и не дремалось, хотя всё кругом к подобному мероприятию располагало. Никто уж не мешал. Кстати, нельзя не отметить, что во всем происходящем нашлась и капелька пользы отдыхающему: впервые хотелось ни о чем не думать и не переживать. Подступало к душе молодого парня то самое состояние, что так безукоризненно выверенно русским гением: «... но есть покой и воля». И дышалось ему, правда святая, и вольно, и покойно. А ноги уже сами незаметно подняли и несли к широченным ступеням - туда, к открытым храмовым воротам, - уж не в новую ли жизнь, парень, голова твоя садовая, чего-нибудь да думает?..

Ступалось и при входе и далее отчего-то до не привычности робковато, осторожно, оглядываемо. Одно во вчерашнем вечере ввалиться с дороги сюда в полутьме, другое дело - перед впервые глядящим взором открывается изумительная по силе внутрихрамовая картина неведомой доселе и красоты, и размеров, и всего того, что находилось, жило, двигалось и питало живую душу желаемой ею пищей; глаза человеческие невольно разбегались во все стороны, не успевая не то что запоминать - даже маломальски разглядеть мир, где всех страждущих по вере их ожидало спасение.

Во-первых, оказывающийся за храмовым порогом неминуемо увидывался с огромной иконой, откуда еле не вживую встречался с суровым и

одновременно единственно-милосердным, родным взглядом самого батюшки Серафима, так что сердце человеческое невольно подпрыгивало в груди и радостно, и тревожно. И влево, и вправо всё запружено народом, но нет нашей обычной нервозности, какая, однако же, бывает у нас порой в церквях при службе; вообще в этой золотой внутренней необъятности монастыря с громадами надмирных окон, выше которых было разве что одно пение певчих, любой из присутствующих на какой-то неуловимый миг ощущал себя точно стоящим на воздухе - такая чудная сила витала в этих уходящих в поднебесье стенах. Все блистало золотом, небесной роскошью, от обилия икон прилиvalo к голове спокойствие; а очень чувствительной натуре легко могло почуяться среди этой сказки и еле уловимое пение райских птиц... И венчала эту неземную картину сень над ракой с мощами преподобного Серафима, Саровского чудотворца, всемирного светильника нашей веры. Так не отсюда ли, не от этой ли самой земли, где ежедневно незримо ступают *Стопочки* Самой Царицы Небесной, грядет, приближается час, о коем так пророчески вещалось гоголевским провидением в «Тарасе Бульбе»: «... будет время, узнаете вы, что такое православная русская вера!» Чуют всё это дальние и близкие народы - крепко чуют! - только лишь нам самим, русским, и осталось осознать это как надлежит да собраться с силами, Богом данными». И лишь тогда, по предвидческой прозорливости русского гения, «подымется из Русской земли свой царь, и не будет в мире силы, которая бы не покорилась ему!»

...Служба, взаправду, торжественная - другой тут, видно, и не дано бывать, шла своим чередом, но это не мешало присутствующим между делом потихоньку приобретать иконки, крестики, свечи, заказывать записочки; и еще, Жорой Двойненко это заметили не сразу, стало народу поболее сбиваться к левой стороне храма, прямо к блестящим, как золо-

то, маленьким воротцам, своим не менее блестящим отводочком ограждающим прямой доступ к мощам батюшки. Между молящимися то и дело показывались молчаливые, с полуопущенными закрытыми головами монашки; порой они, с кем-то из толпы вполголоса поговорив, уводили, как здесь шептались паломники, потрудничать. Между тем у золотых воротец становилось жарче, и монашка, стоящая с другой стороны, внезапно приподняв на ненадолго глаза свои застенчивые, какие бывали только у деревенских девушек, увидела, кого ей надо было, и молчаливо подозвала к воротцам. Сначала тем же Жорой Двойненко показалось, что кличут именно его, на что он даже было вскинулся сторяча, но уже рядом от него стал продвигаться через расступающуюся толпу человек, неловко спотыкаясь и явно конфузясь; и этим человеком оказался опять же неизменный двойненковский сосед, чуть не нарушенный ими «царь». Его и здесь в «дамки» выводили! И все услышали, как монашка просительно наказала ему, чтоб, находясь здесь, на месте ее, всем бы говорил, что вход к мощам преподобного Серафима Саровского будет скоро не от воротец этих золотых, а с улицы, с северной стороны храма. И «царь» послушно встал на ее место, терпеливо и тихонько объясняясь с теснящимися к воротцам. Но уже и без того немалая часть безоговорочно потянулась на выход, чтобы с северной стороны попасть к мощам святого старца.

Между тем самой службой неожиданым образомхватило и Жору Двойненко. Собственно, им это и не заметили, лишь ощутило стало чувствоваться происходящее внутри его самого: там от какого-то источника приятно теплило, начиная убаюкивать душу, а горячую молодую головушку, слегка окружив, затуманило. И стало ему в это время отчего-то хорошо. А с северной стороны уже открыли место для продвижения к святым мощам, и нескончаемый людской ток терпеливо выравнился в нужном, спасительном направлении, начиная

тихонько течь под батюшкино небесное благословление.

А с «царской» стороны все-таки пытались хоть и не назойливо, но несколько настырно-тихо проникнуть туда же, куда так неудержимо манило сердца паломников. Вел себя «царь», как и было наказано монашской, конечно же, правильно, хотя хорошо было видно, как им тяжело отказывалось подходяще-упрашивающим. И раз-другой он, приоткрывая чуток золотые воротца, аккуратно пропустил совсем уж еледвигающихся, да безмолвно прошла женщина с целым выводком ребятни мал-мала меньше. Видно, рассудил про себя, что благословившая на такое послушание монашка, Бог даст, не осудит за это строго. Кстати, возле него неотрывно пребывал изначально говорливый доктор, теперь же изменившийся не столько внешне, как внутренне чувствующийся другим человеком и, похоже, думающий одну какую-то свою запредельную думу. К нему-то и обратился о чем-то вскоре «царь» - выяснилось, с просьбой о подмене, потому как тот немедля заменил его на воротцевом месте. И быстро оказался фаворитом: мимо никому и, как говорится, ни под каким лозунгом пробраться под батюшкину сень не удавалось. Довыстаивало доктора со своей добросовестностью до того, что дождался незаметного к нему подхода седого монаха. И тот, кротко, но строго повнушав что-то стражу, удостоил следом его своей беседы на различные докторовские вопросы-распросы, никоим образом не задев ничего слуха, ничего взгляда. А в слегка приоткрытые воротца спокойно и тихо текли к мощам преподобного спасавшиеся со всех концов белого света.

И никому, право слово, в голову-головушку не пришло бы упрекнуть двигающихся не с той очереди: душа душою, когда необходимо, видит-чует из далекого, уж нам, грешным, и подавно неведомого далека. И в неопикуемой красоте, невероятно просторном поднебесном зале продолжалась служба, которой, думалось, не

будет конца и края. Возможно, это и подтолкнуло того же Жору Двойненко с непривычки выйти ненадолго передохнуть, да еще, в придачу по привычке, повыглядывать на улице исчезнувшего из поля зрения «царя». Недалеко от киоска и обнаружились свои да наши в лице доктора-говоруна, который сиял прямо-таки начищенным пятаком и немедленно предложивши сходить с ним до ближайшего магазина за пленкой для фотоаппарата - такое у него обнаружилось желание поснимать на память местные виды. А по дороге им взახлеб рассказывалось не столько о так желаемой и случившейся беседе с монахом, сколько о его, личном, теперешнем понимании нашего житей-бытья. Оказывалось перво-наперво, не стоило, по его, докторскому, разумению, бояться жить да понапрасну задумываться - и вся недолга. Не отличавшимся излишней скромностью Жорой на сей раз промолчалось и о собственном достижении: будто всю душу зажимавшая последнее время невидимая, но довольно весомая плита наконец-то освободила незаконно занятую территорию и оставила его обладателя в покое.

Всё село, состоявшее в основном из деревянных, местами каменных строений, необъяснимым образом казалось знакомым точно с рождения. Тихо и спокойно; даже собаки, если и имели честь обосноваться в этих краях, не обнаруживая своего присутствия, не влаивали, отчего-то не виделась и мелкая глупо-куриная живность. Но возле универсама, не обращая внимания на окружающий мир, перешла на другую сторону дивеевской улицы пара непомерно гордых гусей, осторожно прошуршала старенькая прошловековая машина, прошествовали из-за высоченно-высоких деревьев со стороны святого источника матушки Александры две озабоченные немолодые женщины - и вновь вековая тишина обняла это надмирное зеленое село.

Между прочим, фотоаппаратным приобретением суждено было и на пробу испытать ныне восхищен-

ную докторскую натуру. Вновь у тех же киосков за монастырской оградой задумалось им, озабоченным, приобрести для дома, для друзей православные сувенирные изделия, - хватя он по карманам раз, другой и третий - пусто. Митька прятл: нет того, без чего еще трудно пока жить да быть. Даже карманы не поодноразне были вывернуты докторской рукой: потеря могла случиться только в универмаговских краях, но не уродилось еще таких дураков, радостно разыскивающих доктора-ротозея для немедленной передачи последнему его кровно заработанных. И было предложено - кем бы думали? - самим «царем», случившимся здесь, вернуться обратно универмаговой дорогой за потерей, - да с такой уверенностью говорилось, что ко всей честной компании еще и эпилептик в придачу пристроился. И остается только верить на слово, когда у взошедших на площадку второго этажа магазина, где приобреталась покупка, буквально вытаращились глаза от вскрика эпилептика: «Деньги!» И точно: на площадке в открытую перед отделом с фотоматериалами благополучно лежала докторская тысячерублевая потеря, мимо которой уж один-другой за прошедший час не мог не пройти - все было на виду, хотя бы у той же продавщицы. А вот открылось маловерным тогда, когда уже вряд ли кем могло просто даже повериться в возможность находки; разве что за исключением «царя»: тот парень ровно заранее знал происходящее. Стоял, да как всегда, чему-то своему тихонько улыбался.

Утренняя служба закончилась; паломников приглашали потрапезничать: деревянные столы были приготовлены прямо на улице, некоторые под навесами. Вкуснее не бывало даже в детстве. Действительно, живое ощущение родного здесь успокоительно не покидало любого и каждого. Да и день дивеевский вновь освещал чисто, светло, радостно и бесконечно.

У входа в храм с Игорем Русановым, «царем», о чем-то беседовала монашка, после чего он, взяв благословление своего батюшки, - к попу

тут относились как к командиру на войне, - выбрал в провожатые знакомую универмаговскую компанию, и все направились за монашкой в Игуменский корпус: там требовался перенос останков каких-то знаменитых дивеевских представителей, лежащих в огромных и тяжелых деревянных ящиках. Но даже сам «царь» точно споткнулся, узнав от сопровождающей, что именно в этом здании в свое время останавливалось святое императорское семейство. Тому свидетельством была и черно-белая размытая фотография с параллельно идущей надписью, однако выполненная рукою императора четко и крупно: «... я питаю абсолютную уверенность, что судьба России, моя собственная судьба и судьба моей семьи находятся в руке Бога, поставившего меня на то место, где я нахожусь. Что бы ни случилось, я склоняюсь перед Его волей, с сознанием того, что у меня никогда не было иной мысли, чем служить стране, которую Он мне вверил».

- Кстати, через четыре года как стал царем, Николай Второй единственный предложил провести мирную конференцию в Европе, - ровно самому себе под нос сказало Игорем Русановым, - и не простую, чтоб знали, а об ограничении вооружений и обеспечении мира, - вот вам и «кровавый», не мешало бы иногда в историю-то заглядывать!

И сразу после того, как послушание паломниками было добросовестно исполнено, быть может, в знак признательности, для них единолично была устроена экскурсия в синий домик, где во время прославления преподобного батюшки Серафима живала знаменитая на всю Россию Христа ради юродивая блаженная Паша Саровская. От проводившей экскурсию монашки по более чем скромной комнате, со стены которой на всех внимательно и широко, необыкновенно проникновенно смотрела пожилая тяжелая женщина в кофте горошком, узналось, что сам государь был осведомлен не только о Дивееве, но и о Паше Саровской. Во время прославления император со всеми

великими князьями и тремя митрополитами проследовал из Сарова в Дивеево, куда на торжество собралось около двухсот тысяч человек. Вдоль дороги, ведущей к Сарову, по преданию, по обеим сторонам его встречала вся обитель, это восемьсот пятьдесят дивеевских сестер. А блаженная Паша, ожидая государя, не велела готовиться особо, но попросила сделать из глины девять солдатиков и сварить чутунок картошки «в мундирах». Игуменья приказала вынести из келии блаженной все стулья и постелить большой ковер. В экипаже они все подъехали к келии Паши Саровской. Их величества, все князья и митрополиты едва могли войти в эту келью. Блаженная, когда государь вошел, взяла палочку и пощипала головки у всех солдатиков, предсказывая их мученическую кончину, а к трапезе предложила картошку «в мундирах», что значило суровость их последних дней. Потом сказала: «Пусть только царь с царицей останутся». Государь тогда извиняюще посмотрел на всех и попросил оставить его и государыню одних, - видимо, предостоял какой-то очень серьезный разговор. Все вышли и сели в свои экипажи, ожидая появления их величеств. Игуменья выходила из келии последняя, но послушница оставалась. И вдруг матушка игуменья слышит, как блаженная, обращаясь к царствующим особам, сказала: «Садитесь». Государь оглянулся и, увидев, что негде сесть, - смутился, а Паша Саровская и говорит им: «Садитесь на пол». Вспомним, что государь был арестован на станции Дно. Великое смирение - государь и государыня опустились на ковер, иначе бы они не устояли от ужаса, который им говорила блаженная. Она им сказала всё, что потом исполнилось, то есть гибель России, династии, разгром Церкви и море крови. Беседа продолжалась очень долго, их величества ужасались, государыня была близка к обмороку, наконец, она сказала: «Я вам не верю, этого не может быть». Это было за год до рождения наследника, и они очень хотели иметь наследника. Кстати, долгожданный

наследник и появился наконец на свет Божий после того, как государь и государыня самолично побывали в целебных водах святого батюшкиного источника. А Паша Саровская достала тогда во время беседы с кровати кусочек красной материи и говорит: «Это твоему сынишке на штанишки, и когда он родится, то поверишь тому, о чем я говорила вам». С этого времени государь и начал считать себя обреченным на крестные муки, и позже говорил не раз: «Нет такой жертвы, которую я бы не принес, чтобы спасти Россию». К слову, и далее со всеми серьезными вопросами государь обращался к блаженной Паше Саровской, посылал к ней великих князей. Келейница блаженной говорила, что не успевал один уехать, другой тут как тут, следом прибывал. Известно, что Паша Саровская однажды передала: «Государь, сойди с престола сам». А сама перед смертью всё клала земные поклоны перед портретом государя. Когда уже была не в силах этого делать, то ее опускали и поднимали келейницы: «Что ты, мамашенька, так государю-то молишься?» - «Глупые, он выше всех царей будет». Еще говорила про государя: «Не знай, преподобный, не знай, мученик!» И незадолго до смерти блаженная сняла портрет государя и поцеловала в ножки со словами: «Миленький уже при конце». И до последнего своего земного дня Христа ради юродивая блаженная Параскева (Паша) Саровская в своих условиях, но ясных поступках и словах предсказывала надвигающуюся грозу на Россию. Портреты царя, царицы и семьи она ставила в передний угол с иконами и молилась на них наравне с иконами, взывая: «Святые царственные мученики, молитесь Бога о нас».

То ли день потускнел у вышедших из синего домика на волю паломников, то ли так душой уткнулось - временно сделалось неподъемно, что даже у вечно говорливой и хлопотливой поповской помощницы во всем черном тоже молчалось, хотя уже их давненько подзывал один из водителей автобусной громадины, вероятно,

для решения обычных хозяйственных дел-забот.

Еще во время рассказа об этой блаженной старухе Жорой Двойненко отметилось, что экскурсоводческой непроницаемой монахиной порой нет-нет да уж вовсе незаметно взглядывалось в сторону ихнего «царя» - так, что и ему самому вдруг захотелось хоть о чем-то переброситься парой-другой слов с этим, честно говоря, непонятным вологодским мужиком. А тут как раз потихоньку все стали разбродиться по разным делам, и Жора уже было подзадержался возле своего соседа, на скорую руку придумывая, о чем бы спросить - словом перекинуться. Да, как на грех, завибрировал поставленный на «беззвучный режим» мобильный телефон, о котором и думать уже на какое-то время забылось. И не только подзабылся этот вездесущий представитель «мобильного рая» - вообще не вспоминалось, что где-то есть еще другая его, Жоры Двойненко, жизнь, где в основном, чтобы выжить, надо крутиться-вертеться и ни о чем не думать. Прочитанный текст телефонного сообщения: «Суши сухари» - был лаконичен и предельно понятен, вызвав первоначальную реакцию о немедленном пожелании послать абонента туда, где еще и альпинисты не успели побывать. Но, поразмыслив, Двойненко понял, что это еще больше усугубит его положение: перспектива гореть синим огнем в этом случае обретала вполне реальные черты. С его напарником еще никто не решился добровольно для себя веревки из песка свить. А при внимательном изучении этого «мобильного представителя», узналось, что от того же абонента было еще предварительно несколько непринятых звонков, на которые воспитанные люди, как правило, отвечают. Так что, успокоясь, не лучше ли после, по приезде, всё по-хорошему объяснить Рыжему: яснее ясного, этот «царь» ни сном, ни духом не то что не ведает, кем именно был сбит, - похоже, и выяснением тут никаким не пахнет. А уж тем более - их и подавно не узнал, к бабушке ходить не надо.

Пусть себе живет, не кашляет: даже, что ни говори, самого Жору еле не с речного дна, с того света вернул. Конечно, оставшаяся таблеточка пусть пребывает на своем законном месте - мало чего всякого бывает, о чем еще не знаем и не догадываемся. Известное дело: береженого и Бог бережет, а не береженого - тюрьма стережет. И при этой мысли Жорой Двойненко нехорошо, опасно поежилось.

К этому времени уже все разошлись по своим нуждам, лишь Игорем Русановым задержалось у автобуса, небольшая оказия вышла. По дороге его будто случайно перехватил мужчина и с ходу спросил: «Что же ты про Государя забыл?» Игорь, слегка отшатнувшись, смотрел с удивлением на возникшего перед ним мужчину и молчал: происходящее опять напоминало сон наяву. А тот опять спросил: «Что же ты, Игорь, молчишь?» Тогда им и ответилось: «Простите, я вас не знаю». А мужчина не отстает: «Ты знаешь меня». Тогда Игорь, пожав на это плечами, про себя сильно взмолился: «Господи, помоги! Что ему от меня надо?» И тогда мужчина стал говорить ему удивительные слова: «Да ведь не зря же я тебя поднял со смертного одра! Вспомни, как я со всей Семьей к тебе приходил, и ты венцов наших касался руками. Меня зовут Царь Николай». И вдруг, без какого-либо перехода, спросил Игоря Русанова: «Почему ты молчишь и не действуешь?» «А как, - тогда уже напрямую, признавая происходящее за реальность, и спросилось Игорем, - а как действовать и что говорить? - я не знаю». И в ответ слышались слова мужчины: «Знаешь, и даже больше того знаешь». Тогда Игорь и признался: «Если что-то и знаю, то ведь мне еще батюшка Дмитрий велел молчать, а тетрадку сжечь. Он и так меня за ненормального принял». Тогда император Николай говорит: «Остерегайся всех, кто будет отводить тебя от святого дела! Они идут против воли Божией и царской, но скоро за это дадут ответ. А ты сразу же дома запишешь всё, что было с тобою в детстве и что я открыл тебе. Сложи руки, благословляю тебя».

А на слова Игоря: «Вы же не священник...» - он ответил: «Что ты смотришь на мою одежду, мы можем по-разному приходить». И мужчина, благословив Игоря Русанова, тут же исчез. От его слов исходили спокойствие и теплота. И тут вдруг им почувствовались необъяснимо появившиеся слезы на глазах, и Игорь стал тереть их, шурясь, но далеко ли уйдешь от женского взгляда? Та же поповская помощница, вечно оказывающаяся не там, где надо, подлетела с расспросами: «Что случилось?» Пришлось признаться, сказать наобум святых: «Подходил ко мне мужчина, который когда-то меня лечил». На что руководительская помощница, не успокоясь, еще и подразорялась немного: «Ходят тут всякие да расстраивают. Брось все и успокойся». Игорем уже тогда и совсем призналось: «Он благословил меня и исчез». «Как исчез? - даже вздрогнула она. - Он что, священник?» «Нет», - просто и раздумчиво сказало ей собеседником, но помощница, как репей, и не думала отставать: «А имя его ты узнал?» «Он мне сказал, что он - император Николай». Дальнейшее поведение помощницы не могло не удивить даже Игоря Русанова, пребывающего и без того в странном состоянии. Сказав, что императоров сейчас у нас нет, она зачем-то пошла именно в то место, где было явление государя, и стала кричать: «Кто здесь император Николай? Мы хотим с вами поговорить». И тут к ним подошли сразу двое людей: «Вы что кричите? Никакого императора здесь нет, здесь же монастырь. Вы лучше молитесь...» И отошли. А Игорь с помощницей, как договорились, стали молиться: «Господи, пошли нам государя Николая». И взаправду почти сразу подошел к ним не похожий на монаха священник и спрашивает уже эту помощницу: «Кого ищете?» - «Да царя», - отвечает та, но голосом уже несколько слабым. А он переспросил: «Николая?» - «Да-да». И он опять же ее спросил: «А что вы хотите?» Она, ровно сама с собой разговаривая, ответила: «Да вот, какой-то мужчина подходил к нашему паломнику и сказал

что-то... Теперь он сам не свой. Поэтому я хотела с ним поговорить». И было ей тогда сказано: «Тогда говори, я слушаю. Спрашивай, я отвечу». Собралась эта натурастая помощница с духом и спрашивает, обращается к нему: «Батюшка, скажи нам, есть ли здесь император Николай?» Он ей спокойно, не выказывая удивления от вопроса, ответил: «Есть. Только не на земле, а на небе. Спрашивай, если еще есть вопрос, я отвечу. А ему (показал на Игоря Русанова) уже всё сказал, всё, что надо сделать». Помощнице и здесь нейдет, хотя, видно по лицу, и без того уже не по себе человеку. Она все равно к Игорю: «Что он тебе уже всё сказал?» - «Тот, другой человек был не в облачении...» - лишь и ответил Русановым. А священник улыбнулся Игорю чисто и ясно: «Так я и есть тот человек, который к тебе приходил». Помощница же, видя, что государь при этом начал удаляться от них, схватилась за край его рясы и держит: «Батюшка, благословите нас!» И услышала в ответ: «В тебе много гордости, покайся в маловерии». И император Николай стал исчезать у них обоих на глазах, как бы наверх уходить, пока не растворился в воздухе...

Пока паломники, увидевшие падающей батюшкину помощницу, отваживались с ней, что-то бессвязно бормотавшей, - Игорем Русановым, не в пример собеседнице, быстро пришедшим в себя, хорошо понималось, что это было последнее к нему явление императора Николая Второго, святого Царственного Мученика. К нему, начавшие было оживать, полностью вернулись силы, наполняя его, как юношу, ожиданием всего нового и прекрасного, вечного, что бывает только в этом единственно неповторимом возрасте. И не для праздных ушей были дальше слова, читаемые лишь человеческой душой: кому какое дело до будто застигнутого столбняком еще одного из многочисленных паломников - ничем не примечательного бородатого, еще не старого мужчины, стоящего в отрешенном молчании недалеко от Преображенского

собора на пути к канавке Божией Матери.

«Господи, Боже мой, удостой меня быть орудием Мира Твоего, - растекались в Игровой душе молитвенные слова, - чтобы я вносил любовь туда - где ненависть, чтобы я прощал - где есть ссора, чтобы я говорил правду - где господствует заблуждение, чтобы я воздвигал веру - где давит сомнение, чтобы я возбуждал надежду - где мучает отчаяние, чтобы я вносил свет во тьму, чтобы я возбуждал радость - где горе живет. - И так маятно желалось, чтобы не было ни конца и края этому святому небесному откровению. - Господи, Боже мой, удостой не чтобы меня утешали, но чтобы я утешал, не чтобы меня понимали, но чтобы я других понимал. Не чтобы меня любили, но чтобы я других любил. - И точнее некуда верилось в этом богоспасаемом дивеевском месте, что с самого рождения вернее верного знались-ведались эти душу спасающие слова одной древней молитвы. - Ибо кто дает - тот получает, кто забывает себя - тот обретает, кто прощает - тот простится, кто умирает - тот просыпается к вечной жизни».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Конечно, стыд глаза не ест, но и сытым не делает: казалась опять же незаслуженной обеденная трапеза, как дорогим гостям, подаваемая с душевной простотой и искренностью молчаливыми дивеевскими трудницами. И вновь, уже на дорожку дальнюю, елось-пилося паломниками за дощатыми столами на славу, а дальше ждалась, перед поездкой к источнику самого батюшки Серафима, - манила канавка Божией Матери.

Сам батюшка наказал вырыть канавку, то есть дорожку, по которой ежедневно проходит, по заверению преподобного, Божия Матерь, обходя свой удел. Святой старец говорил, что канавку Сама Царица небесная Своим пояском измерила; канавка эта до небес высока. Она, в действительности представляющая собой замкнутую в кольцо широкую тропу за Тро-

ицким Собором монастыря, всегда, вовеки будет стеной и защитой от антихриста. О значении святой канавки преподобный говорил: «Кто Канавку эту с молитвой пройдет да полтора «Богородиц» прочтет, тому всё тут: и Афон, и Иерусалим, и Киев!» Как будто что-то непонятное и даже страшное слышится в этих словах, а на самом деле в них великий смысл. Идти по той тропе, где шествовала Небошественная, Пречистая Пресвятая Дева, идти по Её следам, это значит вступить, и никак иначе, - в сферу небесной славы, почувствовать себя под непосредственным покровом Небесной Владычицы. Идти по той тропе, читать архангельское приветствие: «Радуйся, Благодатная», и представлять, что Она, Честнейшая Херувим, здесь, перед тобою, слышит твоё приветствие и отвечает тебе милостивым к тебе вниманием и Своею любовью - не достаточно ли этого, чтобы утолилась здесь всякая скорбь и сердце исполнилось бы всякой радостью? Вот почему так почитают все канавку и считают святой обязанностью походить по ней, особенно в горе, несчастье и болезни; причем одни проходят один раз, другие три раза подряд, стараясь непременно прочитать сто пятьдесят раз: «Богородице Дево, радуйся». Рвут на память, а также на исцеление травку и цветы, в том числе больной скотине. Берут и землю с канавки, вспоминая слова преподобного: «Будут к нам приезжать посетители, глинку-то с нее брать у вас на исцеление, и будет нам она вместо золота!»

Какое это благодатное чувство - идти по канавке с четками, читая молитву, и точно в мире наступила полнейшая первозданная тишина! Небо становится как будто ближе к земле, и медленно, иные еще босиком, идут молящиеся по канавке, точно это и не наш суматошный век, а древняя Святая Русь, Бог знает, каким путем пришедшая сюда из глубины веков Русь, было это, создала сказание о Китеже-граде, и это была ее вековая мечта - уйти от грешного мира, но здесь, в Дивеево, была не мечта, а

истинная реальность, здесь было истинное богообщение небожителей с людьми. Здесь имели место истинные видения батюшки Серафима и других святых и праведных людей, здесь все жили духовной жизнью и духовными радостями. Здесь небо сходилось с землей. Здесь «шла брань с духами злобы поднебесной», которые всячески пугали дивеевских подвижниц и тех, которые хотели следовать их путем. Даже паломники были страшемы в темноте бесовскими явлениями, но всех ограждала благодать Божия по молитвам преподобного батюшки. И однажды встреченная на канавке фигура в два этажа ростом ужаснула пилигрима, но тотчас ужас сменился полным миром душевным - батюшка Серафим никого в обиду не давал. Ибо пролегает святая канавка между чистотой веры и грязью мира сего. А значит, между жизнью и смертью. Потому по ней шли и будут вековечно идти паломники, монахи, священники и архиереи, повторяя путь Богоматери, и будут идущие всегда умиротворенно спасаемы, набравшиеся духовных сил для трудового жизненного пути в непредсказуемое нынешнее время.

Сразу же после батюшкиной канавки, уже в автобусе по дороге к источнику преподобного, некоторых из паломников, включая даже того же Жору Двойненко, вальнуло в сон - короткий, но довольно бодрый, свежий. И кто только, в каких пределах-землях не слышивал о великой силе этого целебного источника, изведенного Божией Матерью своему любимцу - батюшке Серафиму, что находится и всего-то в каких-то двадцати верстах-километрах от Дивеева! А читая бездну исцелений самых поразительных, от этой воды происшедших, и поминая пророчественное слово старца одной личности: «Я молился, радость моя, дабы вода сия в колодце была целительной от болезней», - невольно говоришь себе, что здесь, действительно, что-то более сильное, чем знаменитая древняя Вифезда...

Общеизвестно, что еще издревле источники воды воспринимались как

зримые знаки милости и благословения свыше. А в Святом Писании образ воды символизирует дарованные Богом благоденствие и благополучие. Поэтому не случайно, начиная еще с ветхозаветных времен, угольники божии своими святыми молитвами и трудами открывали новые водные источники. Достаточно вспомнить святого земли русской преподобного Сергия Радонежского и его источники в Троице-Сергиевой Лавре и ее окрестностях. Благодатью Божией и молитвами наших святых вода во многих источниках получила целебные свойства. У источников возводились часовни, устанавливались кресты, устраивались купальни. Люди верующие приходили, приходят и будут приходить сюда за подкреплением сил духовных, а также за исцелением телесных немощей. Господь же милосердный по Своей неиссякаемой благодати и по вере приходящих даровал людям просимое во благовремение. Потому в любой окраинно-земной жизни всякому горячему сердцу и ведомо, данное ровно от самого рождения: чтобы почуять всю силу той веры, которой он живет другую тысячу лет, обязательно надо быть хоть однажды на источнике преподобного Серафима...

По многочисленным свидетельствам очевидцев, еще до так называемой революции удивительно трогательная и теплая атмосфера царила вокруг этих святых мест. И трудно описать то, что происходило здесь. Сколько тут было болящих, и каких болящих! Вот где поистине был дом милосердия, о котором говорит святое Евангелие. Поистине тамо лежащее множество болящих, слепых, сухих, хромих, чающих исцеления. Были тут и скорченные, и расслабленные, были со страшно вывороченными руками и ногами, с обезображенными лицами; были прокаженные, один вид которых наводил ужас, были, наконец, лишённые разума - словом, тут можно было наблюдать все виды человеческих страданий, и нельзя было равнодушно смотреть на этих несчастных.

И казалось, сам ангел божий незримо утешает всех страдальцев, что угодник божий тут, с ними, незримо ходит, благословляет и, по мере их веры, исцеляет их недуги. Около часовни валялось множество костылей, брошенных хромыми и расслабленными. Теперь это были ненужные вещи. Народ после сжег эти костыли. Болезнь, где твоя власть? Недуги, где ваша сила?..

О происхождении источника Серафима Саровского, что близ деревни Цыгановка, местные жители рассказывают так: «Саровская пустынь была огорожена колючей проволокой, там находился военный объект, который строго охранялся. Свободного прохода по территории, естественно, не было. Однажды, когда караульные проверяли сторожевые посты, они увидели старца в белом балахончике и с посохом в руке, стоявшего в том месте, где ограждение подходило к самой реке Сатис. Военные спросили его: «Дедушка, что ты здесь делаешь?» Но старец ничего не ответил и, трижды ударив посохом о землю, ушел. На том месте из трех точек забила вода». Видение это настолько поразило начальника охраны, что он провел линию запретной зоны в некотором отдалении от источника. Позже в этом районе охрана неоднократно видела преподобного с посохом и в белом балахончике.

В начале шестидесятых теперь уже прошлого столетия об этом источнике стало известно, и многие начали потихоньку ездить к нему за водой и купаться. Конечно, близкое соседство саровской запретной зоны, где находится центр ядерных испытаний, делало эти посещения особенно опасными, но это не могло остановить потока людей, который со временем только увеличивался. Кстати, кому было не лень, еле не надорвались, проверяя здешний радиационный фон, который при любом раскладе всегда оставался нулевым - и как это называется? Но однако не останавливающиеся людские потоки не могли не беспокоить военное начальство, и в начале восьмидесятых годов того же

столетия власти отдали строгое распоряжение засыпать источник. Но батюшка Серафим самолично встал на защиту своего источника. Он явился одному из экскаваторщиков и предостерег его от выполнения такого бездушного и богопротивного приказа. Напоследок старец сказал ему: «А все-таки не засыпешь!» Все и вышло по батюшкиному слову. Ковш экскаватора беспомощно скользил - ссыркал по земле, словно по твердому камню. Сколько ни мучился упрямый машинист, так и не смог зачерпнуть ни ковша. А вскоре подоспел и приказ об отмене предыдущего распоряжения. Таким чудесным образом батюшка Серафим сохранил свой источник до времени восстановления Дивеевского монастыря, в ведении которого находится теперь этот родник. Площадку вокруг и берег забетонировали, установили крест с Троицкого Дивеевского собора. Затем со временем отвели русло реки, устроив искусственное озеро из святой ключевой воды. Напротив источника возвели деревянную часовню, которую Патриарх освятил накануне летнего праздника преподобного Серафима. И при строительстве часовни, к слову олову, святой старец не оставил своего источника. Когда один из рабочих надорвал себе спину и уже хотел оставить работу, явился батюшка и велел не бросать это дело и исцелил его большую спину прикосновением руки. И, так уместно добавить, до сего дня не прекращаются здесь работы: уже провели шоссейную дорогу, неподалеку выстроили удобные деревянные купальни.

Их стало видно как на ладони, еще издали до подъезда к источнику, поэтому многие из слушающих об этом, как говорится, из молодых да раннего батюшку, включая, кстати, помаргивающего со сна Жору Двойненко, уже заранее запривставали на местах и занялись законным смотрением. Какой там конец осени - все солнца мира собрались во единое в здешнем благоденствии! Из подрулившего на стоянку автобуса все высыпали скоренько-скоренько, - и на тебе!

- первый фокус-покус! Ровно для Жоры, заставив парня остановиться с открытым ртом, и был заготовлен - в другом разе да месте обязательно бы на смех подняли! Тот самый щит, что виделся перед отъездом - прямо перед ним! Место это было им узнано с ходу, а то, что на нем не оказалось ничего рекламно-привиденного, еще и лучше! С отсвечивающего солнечно щита строго, сурово и защищаемо смотрел сам батюшка Серафим! Вот кем позвалось сюда забубенную головушку Жоры Двойненко, - никакого сомнения и быть не могло!

Кругом вчастью, тут и там, невпророт стояли как машины, так и машинешки, автобусы всеразмерные, велосипеды и всяческая иная движущаяся техника, заполнившая все подъезды-выезды этого места, впрочем, не создавая не то что обычной суеты - даже намек на подобное не предвиделось. Всё спокойно, свободно, оживленно-радостно; слышна и не нашенская речь-наречие. И нескончаемо, словно трудолюбивыми муравьями, неслись-тащились от источника многочисленными паломниками емкости - от пластмассовых цветных бидонов и вплоть до маленьких светлых бутылочек со святой целебной водой. С обеих сторон подъезда к источнику торговалось местными жителями - и не могла не удивлять их неизменная доверчивость и простота, естественная доброжелательность. Может, и нас когда-нибудь сподобит быть такими?..

Первоначально побывалось в часовне батюшки: деревянная, просторная, светлая - в ней отдыхает легко, еле не невесомо, самозабываемо. И - не покидаемое ни единую душу ощущение, что кем-то неизримо-своим именно здесь тебя и дожидалось. А когда выходили наружу, точно светом невидимым любой-каждый провожался в дорогу, так что иные, останавливаясь, несколько тревожно, незаметно оглядывались кругом и по сторонам. В сопровождении батюшки паломники пришли к источнику: на берегу кругового пруда-озерка, прикрываемого с крутого подъема гу-

стым буреломным лесом, стояли две купальни; везде непрерываемо двигались все с той же посудой для святой воды, немало вместе с ребятишками прямо с берега входили, бултыхаясь, в источник, а многие ждали очереди в сами купальни, чтобы оттуда погрузиться в родник, и лица у всех были одинаковы - оживленные, радостные, с ясными, точно у ребенка, глазами. Кто знает, быть может, и теперь были здесь те, кем в свое время виделось изображение великого старца, явившееся в водах источника. Рассказывалось, это было так отчетливо и ясно, словно батюшка ожил и спустился в свой источник. Вообще каждое свидетельство милости Божией на святых источниках неизменно упоминает об ощущении близости старца Серафима, о том, что он будто бы присутствовал рядом и молился об исцелении приходивших к нему. А как иначе, скажем, истолковать всего лишь на минуту, большинством даже не замеченный, сбежавший только что сверху обильно-веселый дождичек при ясной погоде, после которого немолодая, кстати, вологодская паломница замерла на месте с откинутой к небу простоволосой головой. Не ею ли последние полчаса еле не вслух молилось-причиталось о невозможности по своим женским причинам окунуться в целебный источник, - и тотчас по высшей воле ей, не изверившейся, был дарован душевный покой и радость. И, к слову, никогда прекрасной половиной человечества не отжимались купаемые рубашки-платья - обязательно высушивались и, в случаях недомогания, в них немедля, для полного выздоровления, и облачались.

Напротив купален из колодчика, на дне которого чудным образом обозначался сам Георгий Победоносец, набиралась святая вода, где она, невероятно вкусная, прохладная, также и пилась, благодатно снимая любую утомляемость, - и вбиралось не в жадность, но как-то само собой под завязку, впрок. И тут, в этих осиянных местах, - кому из присутствующих не известно? - всем и каждому помогало

- хотелось помогать друг другу по любви мелочи без слов, по одному лишь душевному движению. И народу, без секрета всему свету, двигалось здесь, не мешая никому, немеряно, - бодро, не озабоченного бытом и в чем-то неуловимом единого, собранного уцеписто-крепко, как настоящий кулак. И о какой забытости и утраченности прошлого величия веры могло бы толковаться при такой радости приобщения и живой связи со святыми отцами прошлого и с нашим православием, - без чего просто невозможно сохранение своей личной христианской веры.

И, похоже, сподобились, наконец, своей очереди к одной из купален вологодские терпеливые дожидалы, и больше всех, как ни удивительно, производило горячего сотрудника нашего правопорядка Жору Двойненко: уж больно хотелось испытать себя в каленых и целебных водах Цыгановского источника. Но лишь вошли они своей уже организованной группкой в купальню, да только глянули в нутро водного колодца, откуда, клубясь сизоватой стылостью, несло нестерпимым холодом, - так брата Жору и потянуло незамедлительно в обратную путь-дорогу. Да не тут-то было: уже и «царь» с попом, раздевшись, аккуратно повесили свои одежды на стенные гвоздики и стояли перед ступенечками, рядком ухажившими в колодезное нутро, откуда все также клубовато тянуло стынью. И пока до двойненковского восприятия доходило, что снаружи пригретая солнцем вода конечно же, теплее, как, скажем, и ночное, а потому и не такое опасное купание в Казанском источнике - тем временем в очередной раз удивил ихний боевой поп. Только что перед стынью, покрываясь пупырышками, стоял еще молодой мужик, не решаясь двинуться, как, опомнясь, перекрестился - и на тебе, вроде и человек другой стал. Откуда что и взялось: спокойно по ступенькам, держась за поручни, опустился вниз - и даже завидки взяли, как все лихо и славно вышло у него дальше! Понимая, что промедление известно чем закончится,

следом и двойненковской натурой было все как надо сделано, только не извернулось по-поповски слова водные выговорить - обратно ко всем на мостки как горячей ракетой выдернуло.

И, конечно же, как, скажем, и у Игоря Русанова, следующим шагнувшего в святые целебные воды, так и у всех остальных, побывавших в батюшкином источнике, после ощущения страшного холода, когда выйдешь кверху и одеваешься, какое благодатное чувство прилило к душе! Точно весь переродился, чувствуешь себя как-то, если можно так выразиться, наивно, точно стал ребенком, счастливым, невинным, доверчивым. Во всем теле какая-то необыкновенная сила, а на душе благодатно, ничего как-то не жаль, чувствуешь себя охраняемым, защищаемым. Какое счастье, какая живость!..

И у кого после этого повернется язык сказать, что это еще не помощь старца, продолжающаяся и по сей день - неусыпная забота батюшки Серафима обо всех страждующих, притекающих к его святому заступничеству. Не прерывается связь между временем земной жизни батюшки и его молитвенным заступничеством за нас теперь, когда он уже предстоит Престолу Божию на небесах. А тот факт, что поток паломников - глянь на день сегодняшний! - не иссякает, а лишь увеличивается, разве не довольно убедительно свидетельствует о том, что надежда и вера в помощь великого старца не только не слабеет, но и, напротив, только укрепляется. Во все времена приходившие к источнику неустанно говорили о том, что батюшка Серафим незримо присутствует около своих родников и его святые молитвы подкрепляют болящих. Милость Божия, прещедро изливаемая в водах святых источников по молитвам нашего батюшки, подает - какие еще надо свидетельства? - не только исцеление души и тела, но и дарит, как воздух, необходимое во все времена ощущение духовной причастности к великим православным святым и традициям, нашей вере.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Обратный путь всегда проще и обыденнее, скучнее. Наверное, потому и тот отрывок сна, прихваченный паломниками еще по дороге к источнику преподобного старца, у большинства автобусников вскоре растянулся еле не до самого дома. И выехали от Цыгановского святого источника уже под вечер - многих и без того всю морило на боковую. А довольнехонькие все - ни в сказке сказать, ни пером описать! И мотор уркает, как домашний кот-котофеевич, на окончательное спокойствие располагает. Ехалось теперь через сам Нижний Новгород, путем покорооче, правда, более лесистым, а в одном ночном месте даже въехали в густотейший туман, ходивший едва не живыми извивами и моментально кинувшийся во все лопатки к приближавшемуся автобусу. Пришлось даже на время остановиться, так стало крутом всё нереальным, неправдоподобным. Только все это касалось больше немногословных хозяйственных водителей - добрая часть пассажиров, хоть и донельзя уставшая, но больше радехонькая, отдыхала во всю носовую завертку.

Но вскоре, будто первобытное темное существо, автобус медленным ходом выправило на ровную дорогу, где, погода какое-то время, и прихватило незатейливым хлестко-проливным дождем, который не на шутку, то утихая, а то усиливаясь, зарядил, считай, до самого утра, откровенно давая понять, что осень уже начинает о себе напоминать всему миру. Передаваемой эстафетой из области в область, через которые проезжали паломники, гигантско-дождевые мутные занавески наконец-то ближе к дому превратились в нудную светло-серую кисейную морось, а за славным городом Грязовцем и вовсе, задуваемые необытным ветровеем, где-то у себя наверху окончательно подзависли. Пожалуй, это и было первой автобусной остановкой, где водительским напутствием «мальчикам налево», а «девочкам направо» слегка пооживи-

ло сидящих - удалось хоть немного подразмяться.

И именно отсюда, от этой остановки на обочине взъерошенной сырой дороги, что сразу за гаишным постом, отдохнувшим Жорой Двойненко и стало чувствоваться что-то неладное, похожее на медленно приближающуюся беду-опасность. И взяться не с чего было подобному: кроме двух служивых в милицейских дождевиках да торчащей возле поста пары проверяемых машин - хоть шаром покати. Разве что за тронувшимся автобусом эти машины также сразу легли на курс, двинулись следом. И мельком глянувшему двойненковскому нутру хватило этого, чтобы немедленно заподозрить неладное. Попристальнее взглядевшись в идущие еле не вприпыток машины, отметились, что, скорее всего, эта излишняя подозрительность задела душевное состояние молодого сотрудника правоохранительных органов. Да неотступная, последнюю половину пути не отпускающая мысль о необходимости объяснения со строптивым, точнее, тупым, не терпящим никаких возражений напарником, тоже исподволь подмывала душу. Только вскоре, будто успокаивая, одна из машин, представляющая простенькие светло-грязные «Жигули», поднажав, обошла паломническую громадину и устремилась по одному лишь ей известному дорожному маршруту. А другая, иномарка, по-прежнему продолжала держаться рядом, не отставая, но и не делая никаких попыток обгона.

Однажды она, поравнявшись, показала даже борт о борт с паломниками, словно показывая, кто здесь старший на этой новомосковской дорожке-стежке. И при этом тонированное стекло заморского синего чуда слегка приоткрылось, выказав на общее обозрение праздно глазевшим пассажирам пару наглых круглых глаз на грушевидном лице. И что тут поделаешь, когда один из этих наглых кругляшей снизу вверх вдруг довольно дружелюбно подмигнул Жоре Двойненко, глядевшему во все глаза с законной высоты на новехонький, мгновенно

узнанный синий «Форд», за рулем которого, как и надлежало, начальственно восседал сам гаишный майор, и не думающий ни от кого скрывать своей неповторимый облик железного представителя правопорядка.

В автобусе по-прежнему преобладала дремность, хотя некоторые уже потихонечку принимались собираться, и никто, конечно, не обратил внимания на резко откинувшегося на спинку кресла соседа «царя», кстати, мирно дремавшего всю дорогу и выглядевшего, не в пример начала поездки, совершенно спокойным, отдохнувшим и здоровым по всем статьям. Какое-то время Жорой Двойненко приходилось в себя: поуспокоилось слева под новомодной футболкой, да и в голове перестали настырно постукивать маленькие острые молоточки. Искоса, одним глазом взглядывая за стеклянное пространство, виделось неотступное сопровождение синим иностранным автомобилем громадного паломнического автобуса. Скажем так, по не окончательной еще человеческой испорченности, Жорой, перво-наперво, решилось, что это напарником просто добросовестно встречается их прибытие в родные пенаты, чтобы на месте тихо-мирно все и обговорить. Тем более им, двоим-обоим с гаишным майором, ни во сне и ни на яву ничем-ничего и грозить не грозило - вообще не страшило. Было дело и сплыло, не стало. Но следующая мысль могла бы бросить и ввысь: с каких это пор-времен сам Николай Петрович Рыжов стал заниматься чем-то, даже отдаленно напоминающим благотворительность? Узнай кто из своих - не поверит, а кому в голову сдуру придет - с ходу уволится. Гаишный майор был из той непобедимой милицейской, сформированной самим временем когорты, о которых принято говаривать просто и ясно, что у них в голове одна извилина, да и та от фуражки. Стало быть, кого-то из этого громадного автобуса ждали впереди, быть может, самые серьезные жизненные изменения. И, похоже, без откладывания этого дела в долгий ящик. Претендентов на эти

вакансии без вариантов имелось только двое: сам Жора Двойненко и учитель истории Игорь Александрович Русанов, двойненкоковский сосед по поездке в святые места. Светом тронувшее воспоминание об этом подтолкнуло - придало силенок молодому парню. И, в общем-то, направило - выравнило настрой на здравые рассуждения. С какой это стати гаишник впритирку столько времени держался автобусного борта - да чтобшний раз убедиться, что Двойненко с «царем» действительно тихо-мирно сидят рядом да ладком. Короче, спелись, ребятки-козлятки. И, значит, без лишних заморочек решили потихому «пустить за паровоза» - сдать с потрохами его, самого Кольку Рыжего! Такого не бывало - и быть не должно. Выход один и прост, как бородавка у того же Рыжего под самым носом. Опередить этих молодцов - обойти с самого старта. Ясно, со своим-то строптивым напарником можно по-свойски и попозже разобраться, этот бобик никуда не денется, еще сто раз на карачках выползает прощение, а он, Николай Петрович Рыжов, человек хоть и суровый, но справедливый, по справедливости и рассудит. Дело опять упиралось в этого живучего «царя», чтоб ни дна ему, ни покрывки! Но ведь клин всегда вышибался клином: лучшего случая, чем сейчас, не будет! Подстеречь сразу же по дороге после поездки - и в удобном местечке случайно-аккуратненько призадеть, - много ли теперь этому пришибленному надо. Тем более, что номера на новой машине еще не поставлены. Да и без того мало ли случаев: поехал человек в командировку и не вернулся. Сейчас такое кругом и рядом. Внимательнее на дорогах надо быть, это майор знал как никто другой. А уж как по-умному притереть бортом этого доходягу - учить одноизвилистого представителя правопорядка было бы все равно что себя не уважать. Так что оставалось за немногим: через какой-то час дело должно будет сделано. Да только невдомек было гаишному майору, что в связи со сроком давности его «одноволновую

станцию» на приеме стало с некоторых пор основательно «искрить» - забивало более современной, работающей на больших мощностях аппаратурой. Короче говоря, все возможные майорские ходы-выходы были до тонкости просчитаны якобы недалеким его напарником по службе.

А автобус, осторожно вырুলив на извилистом мокром повороте, двигался к конечному пункту назначения - вологодскому храму Николы-на-Глинках, еще издали уже ублажавшему взоры истомленных неблизкой дорогой паломников. А вскоре в сопровождении детского смеха были и встречающие на месте обычной парковки, недалеко от старой развесистой березы, после чего началась выгрузка привезенного, особенно много отовсюду вынималось тары со святой водой из батюшкиного родника.

Позиция, занятая майором, со стратегической стороны могла считаться идеальной: напротив храма, через дорогу, чтобы бдительно следовать за маршрутным средством, в которое обязательно погрузиться уже надоевший хуже горькой редьки объект наблюдения. И все действительно шло по задуманному: потихоньку-помаленьку, прощаясь друг с дружкой, все и расползались, как должно, по своим машинам-автобусам, и вскоре посадочное место возле паломнической громадины опустело вовсе, лишь двое пассажиров в лице Жоры Двойненко и «царя», еще о чем-то оживленно беседуя, задержались на некоторое время, но вскоре тоже отбыли на другую половину дороги. Признаться, этого Рыжий не ожидал, зная, что местожительство молодого напарника находится в противоположной стороне от церкви. Более того, подхватив у «царя» пятилитровую банку с водой, он вместе с ним, помогая, и в троллейбус забрался, который тотчас помчался по заданному маршруту.

Выражая свое недоумение негромкой нецензурной бранью, бравый майор плотно тронулся следом. На пересечении Ярославской с Пошехонским шоссе подружившаяся парочка

вышла из транспорта и терпеливо стала дожидаться зеленого светового сигнала, чтобы дисциплинированно перейти на другую сторону, где, видно, и жил этот «царь». Никого еще на свете Колька Рыжий так люто ненавидел в тот момент, как этого зеленого молокососа! Но и случая удобнее уже не могло представиться: мало того, что эти болтающие бог знает что трепачи удачно торчали на самом краешке перехода, да еще как раз и «царь», отчего-то держа в руке свернутую трубочкой тетрадку и, верный привычке, голову вскинул - задрал аж к небу, отвечая на очередной двойниковский вопрос, - того ровно прорвало, без умолку трещал. Здесь задуманное не то что кем-то замечается, тю-елька в тю-ельку выйдет - комар носа не подточит.

Гаишный тут же без промедления и вдавил педаль, уже предчувствуя, как машинной боковиной прошивает невидимое в такой миг сторонним глазом податливое человеческое тело, разом вышибая людской дух - «царская» спина в это время представлялась отличной мишенью! Но откуда перед самым носом вместо него едва не сунуло напарника - майором так никогда и не позналось. Ведь не будешь же внаглую своего давить - после уж наверняка настоящей беды не огребешься! И только лишь, правда, благодаря его огромному профессиональному опыту - что есть, то есть, - успелось-таки затормозить, а еще сыро кругом - и заизводило юзом бедную безномерную иностранку! А уж следом, также набравшие скорость, аж целых два дорогуших внедорожника, один за другим, как по спецзаказу, индивидуально и «познакомились» с новехоньким синим «Фордом», образовав на перекрестке кучу-малу из автомобилей иностранного производства. Вскоре ставшее нынче чуть ли не привычной дорожной картиной место происшествия быстро дополнили прибывшие санитарно-милиейские вспомогательные силы, мигая и сигнали на всю округу.

Видно, не напрасно иногда достаются слова скупой благодарности в

адрес производителей зарубежных машинных изделий: во всей этой железной круговерти были милованы все человеческие жизни, за исключением случившихся различного рода синяков, ссадин и порезов, которые - кому не известно - до свадьбы, и неважно до чьей, но, конечно же, заживают.

Больше всех пришлось пострадать самому диспетчеру - голове-два уха - гайшному майору, которому к тому времени было уже абсолютно безразлично не только до своего зеленого напарника, но также и до самого «царя»: вероятно, даже всемогущее прокурорское покровительство вряд ли способно было помочь в ближайшие годы миролюбиво решить все его щекотливые финансовые вопросы компенсаций хозяевам заграничных внедорожников, оказавшимся весьма влиятельными гражданами этого края.

Между прочим, впервые двойненковской натурой, сумевшей выполнить задуманное в общем-то с определенным риском для своей жизни - если бы гайшным не удалось тормознуться? - увиделось и что-то напоминающее подобие сиюминутной человеческой растерянности, когда за «царской» спиной раздался все-

светный лязг и грохот разошедшихся не на шутку железных иностранцев. Как будто изморозью передернуло человека, а обернувшись, глянув на происшедшее, Игорь Русанов, слегка побледнев, мгновенно собрался - пришел в себя и скоро, без лишних слов перешел вместе с новым приятелем на свою сторону, где они так же просто, как давно знакомые, и распрощались.

Провожавшим даже успелось сразу запрыгнуть в отходивший автобус - недавно открытый маршрут, идущий точнехонько в его родную, заречную сторону города. И почти до самого дома двойненковской памятью необъяснимо, до сердечного пощипывания, чуялась странная и не очень-то нашенская, небесно-далекая синева «царских» глаз, точно бы не только разгадавшая еще во время поездки всю его подноготную, но и в какой-то момент, похоже, сумевшая подморгнуть - не слабо? - хоть раз продышаться полюдски, - и избавиться от этого наваждения никаким боком не выходило. А уже перед остановкой, спохватившись, им еще раз перепроверилось еле не утерянное в дорожной шумихе - взятая для своих домашних уже второпях, перед самым отъездом, небольшая бутылочка со святой водой.

ВРАЖЬИ ВОДЫ



ФОТО АЛЕКСЕЯ КОЛОСОВА

**СЕРГЕЙ
БАГРОВ**

Сергей Петрович Багров родился 8 января 1936 года в Тотьме. Закончил Тотемский лесотехнический техникум, где учился вместе с Николаем Рубцовым, и Пермский госуниверситет. Первую книгу рассказов выпустил в 39 лет, потом его проза издавалась в Ленинграде, Архангельске, Вологде и Москве. За книгу «Россия. Родина. Рубцов» в 2008 году удостоен Всероссийской премии имени Николая Рубцова «Звезда полей». Неоднократно публиковался в «Вологодском ЛАДЕ».

1

Лед на Мологе уже прошел, но Волга еще сахарилась от косяков проплывающих льдин, когда в Замоложье приехал Степан Дитятьев, кого Аристарх Иванович с Ольгой Петровной считали пропавшим. С тех пор как уехал их сын из дома, прошло восемь лет, была от него телеграмма, и больше - ни слуху ни духу, так что родители мысленно с ним распрощались, решив, что уже не увидят его никогда.

Приехал Степан втроем - он, жена и двухлетний сынок. Степан был дороден, с большим простодушным лицом, заведенным на медленную улыбку. В кителе речника с двумя рядами бронзовых пуговиц с якорьками выглядел он привлекательно, как моряк, которого отпустили в отпуск. Жёну звать Полиной. Была она мужу под стать. Ростом ему до бровей, лицом миловидна, ноги в голених как литые, а светлое, с вышивкой у ворота платье словно бы налито изнутри, оттого что грудь велика и распирается от здоровья. Внук - как винт. Еще в дом не вошел, а уже подхватил молоток и давай им стучать по балясинам и перилам.

- Лёд-от какой страшимый. Неужто на пароходе? - удивилась Ольга Петровна.

- На самом первом! - Степан при двух чемоданах и сидоре с ляжками за плечами. Сняв мешок, вынимает оттуда охапку прутьев.

- Богатство!

Аристарх Иванович в недоумении:

- Палки какие-ти...

- Не палки, а черенки! - объясняет Степан. - А подарил их нам сам Иван Владимирович Мичурин! Я у него работал в садовом поле. Прививальщиком. Целых три года. Там, в Козлове, и познакомился с ней. - Степан приобнял свою молодую жену, и та окказалась щекой к его подбородку, вся в осторожной улыбке и зареве от стес-

нения. - Я - начинающий садовод. Она - агроном. Иван Владимирович никак не хотел от себя отпускать. Да я сказал ему, что хотелось бы сад разбить у себя на Мологе, на родине, где я родился. Сколько профессий имею? Наверное, десять. А эту, последнюю - нянчиться с деревцами, люблю, как вторую жену. Так и сказал я ему. И он, что уж тут делать, простился с нами.

Был погожий апрельский полдень. Солнце играло не только в небе, но и в окнах высокого дома, и в быстринке реки, и на маковке колокольни, смотревшей в просторный двор с юга, где открывались ряды городских огородов и крыш. И даже в зале, за общим столом, где Дитятьевы разместились, солнце нашло себе место на самоваре, и вот смеялось, расплескиваясь лучами, отчего было радостно на душе.

После завтрака Ольга Петровна предложила молодым:

- Отдохните с дороги!

- Нет! Нет! - отказались они. - Пора за работу! - И сразу, переодевшись, выбрались на разведку в ближайшее редколесье, взяв с собой по корзине, куда будут складывать найденное добро.

Для местных жителей поросли яблонь и рябинок, которые по опушкам и в поле встречались почти повсеместно, были как никому не нужные сорняки. Степан же с Полиной видели в них основу будущих яблонь и груш. Пользуясь тем, что почва сырая, выдирали их вместе с корнями и складывали в корзины.

- Сегодня же и посадим! - радовалась Полина.

- Хорошо бы сегодня их и привить! - улыбался Степан.

- А земля? - остановила его Полина, кинув взгляд на наполненные корзины. - Вон их сколько!

Где взять земли? Пожилые Дитятьевы были к этому не готовы. Земли у них было много. Но большую часть ее у них отобрали. В пользу колхоза. Земли обработанной не осталось. Вернее, была она. Но была под рожью, овсом, картошкой и овощами. Хвата-

ло ее, чтоб свести в хозяйстве концы с концами.

И тут Аристарху явились на ум два склона по Пронинскому ручью, где никто ничего не выращивал и даже травы для скота не косил, так как местность неровная, в водороинах, валунах, свалках мусора и корягах, и никому этот дикий участок был не нужен. Именно к этому месту, которое было за огородом, и привел молодых Аристарх, сказав виновато:

- Ежели в этом ручье...

В ручье так в ручье. Работать Степан с Полиной умели. Умели и думать.

Там, за ручьем, шагах в сорока, параллельно ему пробегал тележный проселок, за которым лежали колхозные земли. Урочищем этим, до крайних домов, как раз Дитятьевы и владели. Но теперь стал для них он чужой. Пятый год как им пользуется колхоз.

Расчистку склонов от дора, коряг, кустов и камней садоводы решили оставить на позднее время. Сегодня же, завтра и послезавтра найдут среди неудобья более-менее гожие пяди и устроят на них посадки.

Земля, наверное, чувствует, когда человек прикасается к ней опытно и умело, превращая ее из мертвой в живую. Может быть, она видела свой предстоящий непрожитый день, который ей был по душе, и вот, услышав первые действия рук человеческих, вся замерла в ожидании этого дня, как подарка.

Мимо по старой дороге то и дело кто-нибудь проходил. Чаще всего колхозники, возвращавшиеся с товарами из Мологи. Косили глазами на молодых, но молчали. Лишь вид у всех говорил: «Ишь, муравьи! Пластаются? Только зря! Ничего у вас тут не выйдет!» Один лишь Семен Колупаев, 45-летний с белыми кудрями парень, работавший председателем сельсовета, проезжая верхом на старом, с прихрамом гнедке, на минуту остановился, чтобы съязвить:

- Земли, что ли, мало? Решили прибрать? Смелые вы, ребята!

- Какие уж есть, - огрызнулся Степан, зная Семена как бездельгу,

вылезшего из грязи в князи, и не терпевшего тех, кто живет богаче, чем он.

- Самовольные! - едко добавил Семен. - Надо бы было по первости к нам, в сельсовет. Попросить разрешения на эту землю... Какая бы там ни была, однако она сельсоветская, а не ваша.

- Попросим, - буркнул Степан, - вот только управимся с ней, так и придем к вам за этим, за разрешением.

- Ладно, - Колупаев поснизозел, - можете ковыряться. Только думаю я: земля неживая. Напрасно с ней бьетесь. Здесь даже трава не растет. А у вас задумано что-то, гляжу, и лучше?

Степан проворчал:

- Задуманы груши и яблони.

- Хо-хо-хо! - зашелся хохотом Колупаев, торкнул пятками ног по подбрюшью гнедка, и тот, хромя, как инвалид, колыхнулся медленно по дорожке.

Глядя на низкую пыль, поплывшую за конем, Полина спросила:

- Он что? Из местного руководства?

- Сельсоветский козел!

- Взгляд у него какой-то...

- Гнилой, - досказал за Полину Степан, - да и сам он такой же. Ну его. В голову не бери...

Сельсоветчика тут же они и забыли. Оба были исполнены рвением обустроить неудобь. День, когда зацветут здесь груши и яблони, они видели много раз. Видели там, в Козлове, на плантациях дивного сада, от кого и приняли сильный заряд садоводческой веры в тот самый успех, который придет к ним через терпенье.

Жаден был Степан до работы. В руках у него то лопата, то лом, то топор. Хруст срубаемых веток. Жесткий скрежет камней. Яма рождалась, чтоб тут же заполниться тучной почвой, орошенной водой из струящегося ручья.

Полина будто рабочая пчелка. Только летает она не к цветам, а к посадочным ямам. Носит в ведрах то старый навоз со двора. То печную золу. То подтаявший снег с торчащими в нем черенками мичуринских яблонь.

День сворачивался, и было досадно, что сделали меньше, чем намечали. Солнце уже мягко падало за дубраву. Вспорхнул ветерок, донесся от ручья запахи мокрой земли и вѣтел.

2

Теперь у Дитятых щипаное хозяйство. Чтоб не ввели в кулаки, пришлось увести на колхозный двор двух рабочих коней, двух коров и отдать две трети земли. Некуда стало и скот выгонять. Корова и лошадь паслись на лугу, где раньше косили траву. Пришлось уходить с покосами за Мологу. Там заливные луга. Трава вырастает выше высокого человека. Однако косить там с этого года стало нельзя. Запрет наложил председатель Андрей Хламинский. Покосов в колхозе было с избытком, часть из них даже нетронутой оставалась. Однако Хламинскому важно Дитятых утешить, отобрав у них весь сенокос на пойме.

Пашню нынче вскрывал Аристарх вместе с сыном. За плутом уже не он ступал, а Степан. Радовался Степан. Всё, что ни делал он, делал любя. С утра на пашне, с обеда - в саду. Тут уж на пару с Полиной. Земля по склонам ручья была в беспорядке. Труд предстоял пребольшой. Укатить валуны. Выкорчевать деревья. Выровнять склоны. Добавить хорошей земли.

Невестка, будто шесть рук у нее, успевала везде - и в саду попорхать, как весенняя птичка, и скотину с покотины привести и до города обернуться, чтоб купить в магазине товар. Уж очень она хозяевам приглянулась. Первое, что в ней открыли они - была при хорошем здоровье, уважительна и задорна, сразу же стала их называть «папой» и «мамой», не суетлива и видела дело, которое само искало ее.

Желая узнать о невестке побольше, Ольга Петровна как-то спросила:

- А родители кто у тебя?

Полина вздохнула:

- Нету их, - и глаза ее как погасли, уходя в нездешнюю явь, куда никого она не впускала.

Потом, уже без Полины, так, чтоб она не услышала, сын поведал:

- Она из тамбовских. Из деревни Кареевка. Отца ее, мать и старшего брата в 21-м году каратели Тухачевского взяли в заложники и расстреляли. Дом сожгли. Осталась Полина одна. Ушла, куда глаза поведут. Оказалась в Козлове. А там Мичурин. Конечно, она не знала о нем ничего. Счастливый случай свел ее с ним. Взял он девушку на работу. Было ей в ту весну 14 лет...

Аристарх Иванович голову опустил, вспоминая отца, с которым судьба точно так же распорядилась, как и с родителями Полины.

- Значит, она из тамбовского ада. Оттуда, где против Ленина встал войной генерал Антонов?

- Вот-вот, - согласился Степан, - герой оказался бандитом. Бандит - пролетарским вождем...

Ольга Петровна тихонько ушла, чтоб проверить, не слышит ли кто поза домом их разговоры.

- А если бы вышло наоборот? - подумал вслух старший Дитятьев. - Не Ленин. Что Ленин? Он с сама начала крестьян ни во что не ставил. Хозяичиками нас называл. И хлеб у нас изымал не за деньги, а за квитанции, то есть пустые бумажки, и кто не согласен был с этим - того ожидал трибунал. Антонов - большой человек. Сам из крестьян. И душа у него за народ болела. Ему бы стать у руля государства. А? Что ты на это?

- Тогда бы и жизнь пошла для народа, - ответил Степан, а не против него, как и сейчас...

Аристарх Иванович, как и Степан, хотел бы порассуждать о политических поворотах, с какими летела страна в будущее свое. Однако о них они больше не говорили, чем говорили. Держали несказанное в себе. Время, когда утверждались вожди существующего режима, чьи думы не совпадали с думами многих людей, было опасно для откровений.

3

Выпал дождь - и сразу жара. А потом еще один дождь - и опять, как в Сахаре, несносное пекло. Никогда еще

так обильно и густо не шел из земли молодой травостой. Саженьцы все, как один, выбросили побеги и пошли набирать ростовую силу, обрастая листвой.

Ручей с его берегами трудно было узнать. Была безобразная, грязью взрытая ручьевина - и вдруг разделенная на цветы, траву и саженьцы местность. Да еще свежеструганные мостки и беседка со спинкой и где-то за ней, как шея жирафа, в трех цветах крашеная труба, откуда разбрызгивалась вода.

Приходили смотреть. Из деревни. Из города. Приезжал в карете сам председатель колхоза, лысоголовый и тучный Андрей Хламинский.

- Мне бы в колхоз эдаки кадры, - сказал Степану с Полиной, - я бы в два года озолотился! Вот оно, поле! - Хламинский кивал на просторный кусок луговины, который у них, у Дитятьевых, он же и отобрал. - Берите его! Сажайте себе на здоровье ваши груши и яблони! Сколько саженьцев здесь нарастет? Тысяч пять, а может, все десять? Вы - сажать, колхоз - продавать! С Богом, как говорится. Согласны?

Лукавил Хламинский. Что-то худое держал в голове, замышляя против Дитятьевых новую пакость. Почувствовав это, Степан одернул его:

- Не юродствуй, езжай себе мимо...

Приехал на пароходе из Ярославля младший Дитятьев. Солидный, в соломенной шляпе, при саквояже и клетке с двумя канарейками, он меньше всего походил на сотрудника ОГПУ. Преуспевающий сын богатых родителей, да и только. Работал Олег в особом отделе, часто ездил в командировки и по пути приворачивал в Замолжье. Поэтому никого приездом не удивил. Разве старшего брата Степана, который не видел его давненько, и вечером, отправляясь к низовьям ручья, смолить отцовскую лодку, уговорил Олега пойти вместе с ним.

Степан, времени не теряя, разжег костер, поставил над ним котел с затвердевшей смолой и, посмотрев на Олега, доставшего из кармана бутылку, сказал:

- Я ведь к этой жиже без интереса. А ты? Попиваешь, поди?

- Да так. От скуки. - Из другого кармана вынул Олег прозрачный прибор, разобрав его на стаканы.

Выпили. Помолчали. Было спокойно. Пахло дымом, кипящей смолой и рекой. Все тут было знакомо. С самого детства. Казалось, что каждый кусти́к здесь, каждый камень, выползший из песка, благосклонно доглядывает за ними. А воды реки, мягко всплескивая, сообщали им о былом - как купались они, как катались на лодках, как рыбу ловили. Родина. Лучшего места нет на земле. Ветерок поощет рубахи, робко роется в волосах, словно хочет напомнить о чем-то забытом и вечном, что здесь было и что осталось от тех стародавних времен, когда были молоды и сильны те Дитятёвы, от которых пошел и продолжился род.

Олег уселся на выворотень березы около лодки. Снова налил в пластмассовые стаканы. Сказал:

- Да и работа нервная у меня.

Степан, помешивая лопаткой смолу, покосился на брата:

- Слышал, что ты в милиции шеборшишься. Никак не думал, что выберешь это дело.

- В милиции! Ну и что? - Олег приобиделся. - Кому-то надо и в ней работать. Ты бы, к примеру, не мог. А я, как видишь, могу.

- Нравится, что ли? - спросил Степан.

- Иначе бы не работал, - ответил Олег.

Степан не умел разговаривать, отдыхая. Привычку эту он унаследовал от отца. К отцу, насколько он помнит, все время откуда-нибудь приходили, чтоб заказать ему, как бывалому плотнику, то лодку с бортами, то кухонный шкафчик, то лавку с коником, то обычную табуретку. И он, выполняя заказ, улыбался в широкую бороду и заводился на разговор, который мог продолжаться и продолжаться, пока заказчик не уходил, унося исполненную поделку. С лодкой, понятное дело, возни хватало. На нее уходила неделя, а то и больше. Всё зависело от хо-

зяйства, в котором всегда находилась какая-нибудь канитель. То она связана с посевной, то с сенокосом, то с осенними хлопотами на грядках, то с перевозкой сена из-за реки.

Степан всего-то живет у родителей ничего, а тоже уже приловчился ко всем разнodelицам и затеям, какими себя окружил отец, и все это делал он с удовольствием и азартом. Вот и лодку решил осмолить своими руками, чтоб до того, как продать ее, на ней же и прокатиться, ощутив себя многолетним пловцом, кто приплыл в сегодняшний день из далекого детства.

- А ну потащили! - Степан просунул под дужку котла березовый кол, чтоб унести смолу к перевернутой лодке.

Олег не спорил, хотя и не больно хотелось ему заниматься какой-то там лодкой. Степан поневоле втянул его в дело, и даже кисть ему дал, чтобы тот наносил на лодку смольё.

Макая кистью в горячее сусло, Степан не мог не отметить:

- Погляжу на тебя - какой-то ты вялый.

Олег не согласен:

- Это тебе показалось.

- Ну-ну, - отступать Степан не хотел. - И жениться, гляжу, не женился.

- Всему свое время.

- Ладно! Давай-ко сейчас за снатью - и на рыбалку! На синие камни! Ага?

- Не-е, - Олегу не по любви предложение, - не люблю я ее - и рыбалку, и эту уху...

- У-у, - удивился Степан, - скучный какой-то ты, в самом деле. Ну и браток у меня! От чего хоть тебе весело-то бывает?

Олег бросил кисть, и та утонула в черной смоле. Вернулся к валежине. Снова разлил по стаканам. А пустую бутылку швырнул в Мологу.

Степан проследил за ее полетом с неудовольствием и досадой. Пить он больше не стал.

- Не хочу, - отказался он от протянутого стакана.

Олег не стал уговаривать. Выпил. И снова выпил. А стаканы сложил в один и засунул в карман.

- Ведь ты на пять лет моложе меня, - упрекнул младшего брата старший, - а какой-то весь снулый. Неужто ничто не может расшевелить? Скажи, чего бы хотел ты, к примеру, сейчас?

Олег раздраженно поднялся.

- Того б и хотел, чтоб не лез ко мне в душу.

Степан продолжал мазать лодку. Стало грустно ему. Словно брат вдруг куда-то ушел, хотя был он с ним рядом. Чужие! - почувствовал. И это уже не поправить. И еще он почувствовал, что Олега что-то гнетет. Живет, словно срок отбывает.

Олег, закулив папиросу, ушел. Не домой. Туда он успеет. Увидел тропинку вдоль огорода. По ней и пошел. Было еще не поздно. Где-то в траве проскрипел коростель. Пролетел, прогудев, толстый шмель. Ноги сами вывели на ручей. Сюда он ходить не любил. Неуютно, неприбранно, грязно. И вдруг: высокая шелковая трава, зеленые яблоньки, даже груши! А там, где ручей, белый мостик, и над беседкой крашенная труба, из которой кипит водяной рассыпающийся султанчик! Изумился Олег. Да это же сказка! Неужели Степан ее? Степан и его жена? Олег вспомнил статную, с плавной поступью женщину, которая шла по дворовой тропинке к дому, неся от колодца ведра с водой. «Повезло, ничего не скажешь!» - позавидовал брату.

4

Коротка июньская ночь. Еще не успела уйти, как тут же из темной дубравы встал, разрастаясь, пшеничный суслон, щедро разбрызгиваясь лучами.

Утро! Было оно просторным. На всю Молого-Шекснинскую пойму, где просыпались деревни и города.

Аристарх Иванович встретил его широкими взмахами косовища, подрезая траву косой, на жале которой, будто лисенок, резвилось игривое солнце.

Младший сын его долго стоял на краю травянистой террасы, решаясь прыгнуть в реку только так, чтоб попасть головой и руками в веселую ро-

жищу солнца, которую то поднимала, то опускала маленькая волна.

Старший - рыбу ловил, заплыв на лодке к двум островкам, и весело было ему наблюдать, как на кончике лески, стоило только подсечь, серебристо взвивалась сверкающая добыча, перелетая над ним по воздуху на поляну, где в осоковом холодке таилась тарка воды с неподвижно стоявшими в ней красноперыми окунями.

Ольга Петровна доила корову и шурилась оттого, что солнце, шмыгнув в слуховое оконце, бойко шарило по подворью, по пути облизывая ее.

Полина тоже зажмурилась, увидев, как из колодца, откуда она поднимала ведро, вместе с водой выбрызнуло и солнце, хватив своим исполохом по глазам.

И только двухлетний Витёк, сердито сопя губами, не чувствовал солнца, ибо лежал в кроватке и зорко рассматривал сон. Снился ему одноглазый мужик, который ножом замахнулся на маму. И в это время выстрелило ружье.

5

Переполюх у Дитятых был такой, что, пожалуй, услышал его и город. Кричала Полина:

- Саженцы! Саженцы порубили!

Трава взвизжала под каблуками, настолько резко рванули от лодки Степан и Олег. Братья увидели, как, обвиснув об угол забора, стояла, словавшись в поясе, плачущая Полина. В траве тут и там валялись срубленные побеги.

- Сколько-нибудь хоть осталось?

Степан, сжимая пудовые кулаки, пошагал вдоль посадок. Насчитал из ста саженцев только десять - шесть яблонек и четыре грушки. Эти, оставшиеся в живых, были так беззащитны и одиноки, что решили их обнести каким-нибудь временным частоколом. Чем Полина и занялась.

Пожилые Дитятые были растеряны. Жалко невестку. Жалко и сына. Столько положено было трудов! И вот нашелся глумлец, который взял и все начисто опоганил.

- Не плачь, дочура, - обмолвился

Аристарх, поглядев на невестку жалостными глазами. А Ольга Петровна, перекрестившись куда-то на солнце, сказала так, словно спрашивала у Бога:

- За что же такое нам наказание? Кто это так?

Но не Бог ей ответил, а Аристарх, проникая взглядом за белый от пыли проселок, за которым стояла стеной густая трава, а за ней, как висел, крытый двор недалевого пятистенка, где когда-то жил раскулаченный Гурий Савин, а теперь там контора колхоза «Маяк»:

- Тот, кто частную собственность ставит ниже колхозной.

- И чего теперь? - горячился Степан, страдая от нетерпения, в котором смешались желание тут же расправиться с тем, кто свершил этот глум, и беспомощность оттого, что найти безобразника не удастся. - Неужели кому-то сойдет это с рук? - dobавил Степан.

- Не сойдет! - Голос твердый и злой. Степан повернулся на голос.

Олег! Простоволосый, в белой рубахе, с руками, сжимавшими срубленные побеги, был он взвинченным, в то же время готовым к делу, которое было сейчас для него важнее других.

- Я знаю! Я живо! - сказал он и вдруг побежал, метнув себя вдоль забора, потом по прогону, и вскоре его рубаха мелькнула, как белая бабочка, в отводке.

К коню торопился Олег. Слова отца: «Тот, кто частную собственность ставит ниже колхозной» - вызвали в нем сумятицу чувств, и в этой сумятице высклоось понимание - над родительским домом нависла беда. Хотят всех Дитятчевых - вон! Рубка сада - всего лишь начало. Кто это сделал? Скорее всего, имеющий власть малограмотный человек. Простому крестьянину пакостить у соседа нет ни смысла, ни интереса. Сработал расчет: кому и как надо жить? Колхозу - зажиточно. Частнику - плохо, а лучше еще - и вовсе не жить. «Малограмотный, с властью, - думал Олег, - кто он такой? Всего скорей, председатель колхоза? А может, и сельского исполкома?»

- Не выйдет! - вскрикнул Олег.

И вот уже он на отцовском коне, на мухортом, с подпалинами Буяне. Конь был сытый и сильный. Вынес Олега через пустырь, где Степан брал для сада дерновину.

Конь летел, развевая нестриженной гривой так, что пальцы Олега купались в ней, как в прохладной воде.

Вот и белый проселок. Пыль и цокот подков. До деревни какая-нибудь минута карьера.

У пятистенника с флагом над крышей крыльца, где когда-то жил окученный Гурий Савин, стояла новая коновязь. Спрыгнув с Буяна, Олег привязал его к коновязи и сердито взбежал на крыльцо.

Дверь бывшей горницы, где был стол, а за ним - крупнотельный мужик, была приоткрытой, и Олег, как военный, пропечатал несколько твердых шагов:

- Кто?! - Кулак его погрузился в столешницу так, что счеты на ней подпрыгнули, как живые.

- Что? Что такое? Не понимаю? - лицо председателя приосело.

- Кто садок порубил? - спросил Дитятчев, не объясняя.

- Какой садок? Где? Когда?

Слишком честными были глаза председателя «Маяка», а лицо, охваченное испугом, слишком растерянным и сырым. И Олег сказал самому себе: «Пожалуй, не он».

Он вышел из бывшей горницы точно таким же шагом, каким в нее и входил. И на коня садился так же резко и недовольно.

Как тревога прошла по деревне. Хотя и всего-то: промчался по двум ее улицам желтый с подпалинами Буян, пугая дворовых собак и куриц.

В сельсоветской конторе Олег тоже не задержался. Увидел стоявшего у стола сухолицего, с белыми кудрями, в ветхом клетчатом пиджаке хозяина кабинета и сразу понял, что это он.

- Это ты! - сказал ему твердо.

Председатель оторопел. На лице - бесхитростное смятение. И голос робок:

- Я-то я. А в чем, собственно, суть вопроса?

И опять, как в конторе колхоза, охватило Дитятьева колебание. «А если не он?» Подойдя к сельсоветчику, поднял руку, погладив белую голову ласково, но и властно:

- Если ты, то сам понимаешь?

- Не понимаю, - моргнул председатель.

- Проверю! - молвил Олег.

И ушел к своему Буяну, стоявшему возле забора с чутко вскинутой головой.

«Зря и ездил, - посетовал верховой, выправляя коня к проселку, - председатели эти себе на уме. Убей их - не скажут. Хотя ведь который-то из двоих так и так орудовал топориком»...

6

Тугой подбородок был у Андрея Хламинского, а около губ прятались тонкие петельки злого презрения, с каким он хотел вообще уничтожить Дитятьевых, убрав их отсюда, как кулаков, куда-нибудь в тундру или тайгу. Однако год был не 32-й, а 34-й. Всех, кого надлежало сослать, были сосланы. И сселить их отсюда можно было через статью, как врагов существующего режима. Надо было об этом подумать. Так, чтоб Дитятьевы дали повод считать их вредительскими людьми, кого оставлять на свободе небезопасно. А для этого что? Надлежало их рассердить. Сделать зло. Чтоб на зло ответили злом, и на этом сразу бы и попались.

По своей натуре был Хламинский завистливым мужиком, однако тщательно это скрывал. Был когда-то он только голый. Служил у Дитятьевых казаком. Еще тогда, в доколхозные годы, возненавидел своих хозяев, горя желанием все их имение дочиста разорить, а дом, где жили они, забрать в свои руки. Долго держал он в себе эту тайную думу. Наконец, когда стал председателем «Маяка», появилась возможность ввести Дитятьевых в кулаки. И ввел бы, да только дитятьевы сами урезали собственное хозяйство, передав часть земли и скота Маяку». И этим спаслись от кулацкого выселения, а у Хламинского выби-

ли козырь, с каким бы он мог расправиться с ними, как с кулаками.

Из Замоложья, согласно списку, были отправлены на Печору три самых богатых семьи. Освободилось три дома. Уж кому-кому, а председателю-то колхоза, жившему в старой избе, сам Бог велел воспользоваться жилищем. Но он отказался, благо рассчитывал поселиться в Дитятьевском пятистенке, который был просторнее и новее, чем эти освободившиеся дома. Поэтому и хоромы ушли у него из-под носа. В одном из них разместились контора колхоза, в другом - сельсовет, в третьем стал жить Колупаев.

Так и остался Хламинский в собственном доме, обиженным, нервным и постоянно думающим о том, как бы этих Дитятьевых выкурить с их угодий.

Через пару недель, когда по низинам, лугам и полянам запели бойкие оселки, и трава, покачнувшись, рухнула под косой, расстилаясь половиками, Хламинский за утренним чаем сказал своему Сереже:

- Повтори работенку. Всё на том же ручье. Но теперь про топор позабудь. Поработай косой. Всю траву окоси - от дороги до сама ручья и дальше.

Сыну Хламинского, добродушному с виду, растолстевшему еще в детстве, заносчивому Сереже, шел 18-й год. Был он парнем сообразительным, знавшим на многие годы вперед, с кем ему лучше дружить, кого обижать, перед кем стараться и прогибаться. Распирало Сережу от гордости и значительности своей, от того, что отец доверяет ему опасное дело, на котором можно и пострадать. До страдания, естественно, не дойдет. Сережа - парень с мозгами. Знает, как подвести кого надо под монастырь, самому же при этом остаться в тени. Как эффектно и ловко вырубил он у Дитятьевых сад! До сих пор и подумать никто не может, что это работа его. Невидимый дух походил с топориком, да и только. И сейчас этот дух будет выпущен им на волю. Не с топориком, а с косой. И опять для этого выберет он молчаливую лунную ночь. Чтоб сви-

детелей - никаких. Впрочем, что для Сережи свидетели? Не боится он их. Несмотря на юные годы, в колхозе многие с ним осторожны. Не поперечничают ему. И потому, что он сын председателя. И потому, что обидчив, и если пойдет кто-то против него, может, и ручки свои распустить. А ручки - каждая по два пуда. Так что против Сережи - никто, ничего.

7

Сенокос в пылу. Косят травы. Особенно много их за рекой. Но Дитятьевым ход туда с этого года заказан. Все угодья, где они сенокосили постоянно, обставлены вешками, за которые сунуться - упаси: будешь дело иметь с колхозом.

Поэтому косят Дитятьевы по полянкам и островам. Там, понятно, трава не такая, как в междуречье, однако можно брать и ее.

В травяных переплётках прячутся мягкий пырей, мышиный горошек, тимофеевка, клевер, дягиль. Всё в охвате зелёных сцеплений упругих усов, колосков, шляпок, зонтиков и метелок. Качаются крылышки разноцветий.

Косцы - как пловцы. Друг по-за дружкой. Впереди Аристарх, весь в исподнем, и лица не видать, скрыто белым платком. Степан и Полина - за ним. Тоже в исподнем.

Комары, медовые мухи, гнус и осы кружатся звонкими облаками. К полудню добавятся пауты. А потом - и слепни.

К обеду к острову на колхозной лодке подгреб Сережа Хламинский. Теперь он при должности - бригадир. Вид у парня придирчивый и угрюмый.

- Кто разрешил? - поставил вопрос.

Аристарх Иванович как бы его и не слышал. Шел и шел себе дальше с косой. Полина тоже Сережу не разглядела. Прошла с ним рядом, только-только не задевая носочком косы его ног, обутой в ручного тачанья полусапожки.

- Ну, ты! - рассердился Сережа, сдаваясь на пару шагов назад.

Степан же остановился:

- Зачем пожаловал?

Сережа опять поставил вопрос. Поставил не от себя, а от имени коллектива, который в эту минуту он представлял:

- Кто сюда разрешил вам соваться?

- Никто! - ответил Степан.

- Земля на острове наша! - вскрипел Сережа.

- Твоя личная, что ли?

- Колхозная!

- Ты кто такой? - удивился Степан.

- Директор этого острова? Или внутренний орган его владельца?

- Что-о?! - Сережа даже побагровел.

- Вон пошел! Пока я тебя вот этим не проводил!

Степан не шутил, потому и коса, которой он просвистел по траве, показала Сереже небезопасной. Парень тут же ушел, направляясь к колхозной лодке.

К обеду, взяв с собой внука, подплыла к сенокосникам Ольга Петровна. Привезла с собой две корзины. В них кувшин с молоком, пироги и миска с крошкой.

Пообедали, разостлав под себя чуть подвявшую кошенину.

- Как Олег? - спросил Аристарх.

- Завтра ему на работу. Уехал.

Ольге Петровне хотелось бы прогуляться по травостою, вспомнив былые годы, когда и она посвистывала косой. Да Витёк начал бегать, отмахиваясь руками от возлюбивших его паутов и кричать, ругаясь, как матерщинник:

- Кусачковы гады! Дайте мне вырасти! Я вам всем зубы повыдираю!

Пришлось уплывать, увозя с собой внука, который, прячась от паутов, забрался в пустые корзины, в одну - головой, во вторую - ногами. Так и плыл, терпеливо снося непрекращавшиеся укусы.

Сенокосники снова в деле. Вжик да вжик по сплывшему горошку. Вжик да вжик по мягкому пырею. Остров, покрытый матерыми ивняками, был невелик, и решили его окосить в первый день, чтобы в следующий перейти на ручей.

Снова шел впереди Аристарх. Широкие плечи его соответствовали прокосу, какой он гнал по траве, срезая ее у самой земли. Было ему 58 лет. Выглядел он основательно - свисавшая ниже шеи широкая борода, голова под платком как капустный кочан, и вообще вся фигура его с туловищем, похожим на бочку, говорила не только о прочности и здоровье, но и характере - неуклоняемом и прямом, не умеющем прятаться в многолюдье.

И Степан много взял от него. Такой же массивный. А лицом, приставь к нему бороду, будет второй Аристарх.

Полина в нем не чаёт души. Вот и сейчас, после жарких трудов, переехав на лодке на правый берег, шутит, подсмеиваясь с любовью:

- Кабы я была парнем, а ты - девулей, то я бы тебя на руках носила! А ты-ы?

Это был уже повод к задорному смеху, возне и выпляске ног, с какой Степан забирал Полину в охапку и падал с ней, жмурясь и радуясь, прямо в одежде в реку, где ее целовал, никого не смущаясь и не стесняясь. А потом, подсыхая, как голубь с голубкой, сидели оба в хозяйственной лодке. Слушали вечер, который вставал над Мологой, как смуглый конь, унося мягкий топот копыт вдоль по берегу к окоему, где смыкались небо и лес.

Голоса накануне ночи всегда крупнее. Сколько их раздаётся со всех сторон! От города:

- Варщик! Уха-то готова?

- Валяй, подходи! Варя густая! С самова жару!

От соседней деревни:

- Тятя! В баню-то как пойдете? В первых? Але в последних?

- Помешкаю! После последних.

Из-за реки:

- Как бы не брызнуло! Темень-от вон, какая идет! Сверху валит!!

- А здесь светло!

- Отемняет и здесь...

- А пущай! Заберемся в шалаш! Сам леший с трубкой не испугает...

Было много благожелания, жизни и русской души в этих нечаянных голосах, летевших, как поздние птицы, над берегами. Все было естественно

и привычно. В воздухе плавала доброта. Пока живет человек от земли, жива и земля, и всем на ней будет тепло и уютно, как дома.

8

С утра решили Дитятыевы окосить вдоль ручья по новой земле, какую здесь заложили Степан с Полиной, намереваясь вырастить сад. Первым пошел туда Аристарх. Но вскоре вернулся, сердито тряс бородой:

- Всё! Управились до нас!

- Что? Что такое? - не понял Степан.

Аристарх вывел руку к ручью, за которым стоял торопливо свершенный, с двумя вицами на макушке, весь в свету, крутобокий стог.

Полина охнула, ломая губы в недоумении:

- Как же так? Почему?

Степан почувствовал, как по спине его пробежал холодок. От обиды и смутного осознания, что совершилось что-то плохое, из ряда вон выходящее, к чему привыкнуть нельзя, а можно лишь возмутиться, спросить у себя: «И что же теперь?», лицо его оковала окаменелость.

Приспевшая с внуком за ручку Ольга Петровна тоже спросила:

- Что же это такое?

Действительно, что? Наглость или кошунство? Сначала саженьцы порубили. Теперь заграбастали новину, скосили всё, что тут есть, и поставили стог. Чей он теперь? Надо думать, колхозный. Это было так дико, так несуразно и вероломно, что Степан рассмеялся. Смех его был недобрый, с ледком и ненавистью к тому, кто над ними возвысился, как захватчик.

- Что же? Что же теперь? - уже не молча, а вслух повторил он свой гневный вопрос.

А ничего. Предстояло смириться. Существующие порядки были за теми, кого поощряла державная власть. Правду искать у нее? Смешно и наивно. Итак, было ясно: к колхозу она благосклонна, к единоличнику - постыла и холодна.

Возвратились домой Дитятыевы,

как с поля брани, откуда их выставили с советом: с сильными не борись! Ведите себя потише. Не вознижайте. Не лезьте, куда не просят...

Степан заводился. «Мы кто для них? - думал сквозь гнев. - Безответные твари. Нам что? Нельзя уже никуда? Ни вправо, ни влево. Как в государстве без государства. Чуть обзевай - тут тебя и ограбят. А ограбленное - не трожь. Потому что оно под охраной закона. Худого закона... А если я на этот худой возьму да и начихаю. Ну-ко, весь этот стог свезу к себе на сарай?»

Был Степан невоздержливым мужиком. Всегда и во всем хотел, чтобы было по совести и по правде. И чуть что не так - ерепенился, лез напролом. Особенно там, где справедливость сталкивалась с расчетом, и расчет, как всегда, одерживал верх.

«Свезу на сарай! - думал Степан, но чувствовал, что в решении этом было что-то такое, к чему не ложилась душа. - Свезу - а может, этого только и ждут? Может, это подстроено специально. Чтобы сразу же нас уличить и сказать на миру: «Воруют!» А что, - встрепенулся Степан, - что если я это сено пуцу по белому свету? Развею, как копоты! Чтоб не досталось оно никому!»

Минуты две понадобилось ему, чтоб добежать до ручья.

Сток стоял с подпорными кольями. На шесте его бойко крутилась сорока, взлетевшая только после того, как к ней, поскрипывая, полезла целая стайка зачавшихся огоньков.

9

Степан, сняв рубаху, колот колунном дрова. Аристарх их складывал в клетку. Оба насторожились, услышав шорох колес.

- Беги! - Аристарх показал Степану на огород, которым можно уйти незаметно к реке, а там - и на лодку, плыви, куда надо; влево - значит, к урёме, где был охотничий домик, вправо - на Волгу с ее потаёнными берегами, готовыми спрятать хоть добромолодца, хоть злодея.

Степан отказался. Уйти - значит,

вместо него заберут отца.

За воротами - голоса. Калитка - наотмашь. И вот они, пятеро, самых настойчивых и недобрых, кого здесь не ждали. Двое - от города. Трое - от сельсовета. Городские - из органов НКВД. Оба в гражданском, видать, специально, чтоб формой своей никого не смущать. Из сельсоветских - кроме Хламинского с Колупаевым, был секретарь партячейки Семен Елизарович Букин, учитель школы, в очках, в двубортном бостоновом пиджаке. Левую руку держит по шву, правую - круто согнул, зацепившись пальцем за верхний карман. На пальце - пятнышко от чернил, неотмываемое, словно с этим пятнышком и родился.

- Чего надо? - потребовал Аристарх, возникая перед незванцами, как статуя.

- А ну отойти! - потребовал городской, тот, что повыше, с суровым лицом, вынимая из-под полы парусиновой куртки тяжелый наган. Сразу видно, что опыт по части арестов был у него немалый.

Второй городской, тоже суровый, но мелкий, откинув полу бумазейного пиджака, повторил своего коллегу, достав откуда-то сзади такой же точно наган.

- Который? - спросил высокий.

Высунулся Хламинский. Выставив брюхо в шелковой безрукавке, вывел руку и оттопыренным пальцем, как прицелился на Степана:

- Он самый!

- Поджигатель, - сыронизировал из-за спины Хламинского Колупаев, а секретарь партячейки, как на уроке истории перед классом, обвиняющим голосом заключил:

- Террорист!

Степан натянул на себя рубаху. Задело, что называют его тем, кем он не был:

- Я вам не террорист! И никакой, ни этот, не поджигатель! А то, что сено сжег, то сами и виноваты! Зас тожили-то чье? Не свое, а наше! Вот и спалил, чтобы вам, ворам, оно не досталось!

Из дома, вся в перепуге, выскочила Полина. Где-то за ней, как зайчик,

спешит и Витёк. А Ольга Петровна, чуя сердцем беду, задержалась, пока хватала с вешалки свитер, пиджак и кепку Степана, а со стола побросала в сидор кое-какую еду.

Прощаться не дали. Низенький, с молодым, но свирепым личиком конвоир, махая бортами бледного пиджака, чуть ли не тыкал Степана своим наганом:

- А ну, поживее! А ну, в телегу! А ну, у меня!

Ольга Петровна еле-еле успела свалить на повозку одежду и сидор с едой, отмахнула со лба прядь волос и вот уже видит сквозь слезы, как обе телеги тронулись по дороге, а на Полину, цеплявшуюся за мужа, замахнулись четыре руки, и та, споткнувшись, едва не упала, выставив вслед уезжавшим зарёванное лицо.

С Волги над крышами города пролетел гудок парохода. «Худо-о! - слышалось в нем. - А будет и хуже!..»

- Не каркай, - сказал Аристарх.

- Ту-ту! - протрубело у подбородка. Это Витёк. Сидел на плече у деда, уткнув головой в его бороду, и было малому невдомёк, что рядом с ним была не игра, а суровая жизнь, которая только что отняла от семьи не только сына, но и отца, не только отца, но и мужа.

10

Многое мог Дитятьев как мастер - пилить и строгать, мастерить гардеробы и лодки, да еще пропадать то с лучковой пилой в лесу, то с переметами на Мологе. Все, чем владел Аристарх, хотел бы он передать своим сыновьям. И передал. Но не обоим, а одному, такому же, как и он, ухватистому Степану.

Степан пошел даже дальше отца. Жадный до всякого нового дела, он после флота, где отслужил, двинул туда, куда порывалась душа, испытав себя и шкипером на барже, и матросом на пароходе, и приемщиком бревен в лесу, а в последнее время и садоводом.

Олега же постоянно к милиции прибывало. Вышло так, что, учась еще в школе, оказался однажды он в дра-

ке. Поздно вечером, возвращаясь из клуба домой, встретил братьев Баженых, Мишу и Гришу, мелких уличных хулиганов, которые, сдернув с его головы почти новую кепку, как ни в чем не бывало пошли себе дальше, меньше всего полагая, что встречный юнец бросится с боем на них, чтоб забрать назад свою шестиклинку. Он и бросился, да немного не рассчитал, ибо в школе тренировался в секции бокса и даже был в своей категории чемпионом. Братьев спас от него милицейский наряд. И все трое были доставлены в отделение. Разобравшись, кто правый, кто виноватый, блюстители правопорядка расхохотались и, пожав на прощанье Олегу руку, пожелали ему действовать так и дальше.

Обостренное чувство житейской несправедливости волновало Олега всегда. Постоять за тех, кого обижали, было в крови у него. Вероятно, он унаследовал это от деда, красного конника, кто в восемнадцатом, будучи председателем волисполкома, вступил в конфликт с питерским продотрядом, воспрещая ему изъятия хлеба с крестьянских дворов, и был исколот штыками, а после, смертельно больной, подвергнут допросу ревтрибунала, после которого по приговору его был расстрелян как саботажник.

Верил Олег в милицию как в силу, способную защитить человека от произвола. Поэтому сразу же после школы и пошел работать туда.

Постепенно, взрослея, он стал понимать, что милиция, равно как и ОГПУ, была политической школой, учившей каждого, кто в ней служит, быть беспощадным к классовому врагу. В Мологе он работал недолго. Вскоре его отправили в Ярославль. Здесь, после месяца тренировок приемам борьбы боевого самбо, его включили в особый отряд, выезжавший группами в точки, где надлежало кого-нибудь выключить из игры, какая велась с подрывом к Советскому государству. Чаще всего это были руководители учреждений, инженеры и техники, аппаратчики и торговцы. Арестов не было. Было только предупреждение.

Предупреждала рука, нанося обреченному нужный удар, после которого тот становился или испуганным, или калекой и был безопасен уже для всех.

Уродуя человека, Олег никогда не спрашивал у себя: верно он поступает или неверно? Так надо! И обсуждению это не подлежит. Правда, где-то в душе его нет-нет да и поцарапывала иголочка беспокойства: «А если жертва моя ну несколько не виновата, а виноват тот, кто послал на нее своего палача?» Таких вопросов Олег боялся. Старался тут же их заглушать. Заглушала обычно водка. Водка в отряде не возбранялась. Не возбранялись и маленькие отлучки для снятия стресса.

Обыкновенно Олег отлучался домой. Здесь, в тихом своем Замоложье, куда приезжал он с портфелем водки и кое-какими подарками для родни, он ощущал себя так, как если бы в прошлое погружался, где было всё просто, нет ни милиции, ни отряда, ни тех, кого предстояло уничтожать. Но это был лишь мираж. Жизнь, которой он жил, не отпускала его от себя, и он не ждал от нее даже маленьких послаблений.

Дома его особо не ждали. Знали, что он придет когда-нибудь так и так. Хозяйственных дел он, как правило, сторонился. Не любил их. Так, слонялся туда-сюда. Полежит. Почитает. Сходит с удочкой на реку. Поскучает, не выловив ничего. Иногда усядется в лодку. Перемахнет за реку. И назад. Неплохо бы с кем-нибудь пообщаться. Увы! Все в работе. Даже крохотный Витя и тот весь в своих карапузых делах. То чешет спинку толстому поросенку, то кота хватается за хвост, то несется сломя голову с блюдом зерен - кормить снёсшую где-то под домом яичко кокошущую несущку.

Ничего. Олегу привычно. Конечно, не прочь бы он посидеть за бутылкой «рыковки» с братом или отцом. Но они до вина не охочи. Считай, что его и не пьют. Лишь по праздникам, да и то не по каждому. И малыш, видно, в них. Тоже будет непьющим. «А я, интересно, в кого?» - улыбался Олег, тай-

ком доставая бутылку из-под кровати.

Все равно хорошо было дома. Душа отдыхала. Из всех домашних работ занимала Олега одна - колоть чурбаки. Приятно было, когда, расколов все, что было, слышать от матери:

- Эдаки неколкие. Батя не мог. А ты их шутя!

Приятно ему и подарки дарить. Не ахти какие, а всё же. Домой с пустыми руками нехорошо.

В прошлый раз привозил Олег канареек. Около птичек любил возить его племянник. Прямо-таки трепетал, когда видел порхающих птах. Тянулся к ним ручками, пытался их гладить через решетку. Но однажды увлекся и не заметил, как дверца раскрылась, и канареечки - только их видел в распахнутом настежь окне.

На этот раз приехал Олег с централкой 16-го калибра. Купил специально для брата, зная слабость его к охоте за полянами. И испугался подарочка своего, когда узнал, что Степана взяли.

Рассказывали ему об этом все трое попеременно. Мать - с влажным выблиском в темных глазницах, где горела живая тоска. Полина - с пугающей мертвой улыбкой, словно была она в прошлой жизни и лишь на минуту вернулась в сегодняшний день. Отец же - скупое, но твердо, с жалью о том, что не смог отправить сына в бега.

Ясно стало Олегу, что Степан пострадал ни за что. Не ему бы надо в тюрьму, а этим, кто на него показывал пальцем и вешал свирепые ярлыки.

Да, невесело было в доме Дитятых в тот полупасмурный, с редким дождиком день. Обедали. Только не было аппетита. Так и сидели с сухими ложками и нетронутым блюдом крошки за тоскливым семейным столом. Олег чувствовал, как на него смотрели глаза домочадцев. Смотрели с доверием и надеждой, словно он один, и больше никто, мог вмешаться в неправое дело и что-то в нем решительно изменить. Он спросил:

- И с чего эта нечисть колхозная снова попёрла на нас?

Аристарх поднялся.

- С того, что почувствовала поддержку.

Взяв с божницы отложенную газету, снова уселся к столу.

- Здесь, в «Правде» сам Сталин, когда выступал на 17-м съезде ВКП(б), эту нечисть благословил. Читаю:

«...Дальнейший процесс коллективизации представляет процесс постепенного всасывания и перевоспитания остатков индивидуальных хозяйств колхозами...»

- Значит, наше хозяйство, - добавил Дитятьев, вставая, чтоб положить газету назад, - наши корова, конь, овцы, курицы, дом наш, весь наш уклад, весь порядок, все наши святости, радости и привычки, память о наших предках должны быть всосаны в чрево колхоза, а нас, остаточных индивидов, коли мы в него не вошли, куда-нибудь по этапу в Нарьян-Мар или на Воркуту. Чтобы там, на холодных землях, снова бы начали обжигаться и жить по-спрошеному, как велят стратеги ВКП(б). Только нет! Ошибаетесь, курослепы! Мы отсюда - никуда!

- Никуда, - откликнулась Ольга Петровна. Откликнулась, сознавая, что, кроме этой куртинки земли, где живут они, ничего другого уже не будет. Когда Ольга Петровна была помоложе, учила детишек в школе. Учительство было ей по душе. Однако убрали ее из школы. И вот она дома, в своем хозяйстве, и это был для нее последний оплот.

- Никуда, - откликнулась и Полина, прижимая к себе сидевшего у нее на груди двухлетнего сына. И было ей в эту минуту возле свекрови и свекра, возле Олега, такого же прочного, как и Степан, не так потерянно, даже спокойно, словно от них исходила какая-то властная сила. И сила эта ласкала Полину, обнадеживая ее. И становилось от этого ей теплее и легче, как в детстве, когда были рядом ее старший брат, ее мать и отец.

Долго сидели Дитятьевы за столом.

Отведали все-таки и крошки. И бутылку водки разлили по стаканам. Говорили и говорили.

Разволновался Олег. Захватило дух его так, что воздуху стало мало.

- А дом? - попытался представить картину будущего разора, если колхоз подомнет их всех под себя. - Неужели кто сюда сунется на живое?

Аристарх Иванович не утешил:

- Да тот же Хламинский! У него же халупка. У нас по сравнению с ней не дом, а палаты! Строили кто? Дед твой Иван да я, а подмога была нам - Моложская волость, все те, кому я излаживал лодки. У Хламинских же сроду не было ничего. А надо им, чтоб было всего вдовольшку. Не зря и во власть они прут. Поначалу комбед, теперь вот - колхоз. Не строить же им самим, коль готовое рядом. Думаю, это и стало главным, чтоб наше Дитятьево стало ихним Хламинским. Отсюда все и подкопы под нас...

- А как же колхозники? - изумлялся Олег.

- Да никак. Коли хряк во главе поросячьего стада, так хряка же и бояться. К тому же и сын у Хламинского - бригадир. Глазки масляны, лапы вора.

- Вора? - вздрогнул Олег, ибо знал Сережу Хламинского как мальчика с робким характером, кто, казалось, и курицу не обидит.

- Это он, - тряхнул бородой отец, - у Степана с Полиной вырубил саженцы в ручьевине. Он и траву в этом месте скосил. Он же выследил и Степана, когда наш старшой запалил этот стог.

Память цепкая у Олега. Запомнил он этих Хламинских.

- А еще-то кто был, когда арестовывали Степана? - спросил.

- Сельсоветчик Семен Колупаев, - ответил отец. - Без него тут никак. Советская власть. Ему по должности полагается быть при этих арестах. Учитель еще. Как его там. Букин, что ли.

- Семен Елизарыч, - подсказала Ольга Петровна, вспомнив строгого педагога, любившего всем давать настоятельные советы. - Он почему-то нашего Степушку «террористом» на-

звал. Зачем это он? Это же страшное слово. За него человека лишают жизни. В лучшем случае - 10 лет.

«Ладно, - сказал про себя Олег, запоминая фамилии, - Букин и Колупаев».

- Из милиции были еще, - вспомнил отец, - оба при пистолетах.

Милиционеров Олег не стал закладывать в память. «Служба. Чего с них возьмешь. А вот Хламинские, Букин и Колупаев - эти мои. Не сексоты. А чем их лучше? Что ж. Поглядим. Насколько храбро себя поведете, ежели вас поставлю на место Степана?»

||

Буян шел, бодро вскидывая копыта. Чувал твердую руку, как власть. Уздечка вела его вдоль деревни, где, кроме стайки детей, двух старух с водносами и грудастой молодки с ребенком, не было никого. Вечерело, и с неба сквозь тучи спускались полосы позднего света, прихорашивая деревню. Цокот подков плыл по улице, словно песня. Олег, сдерживая коня, остановился возле забора, за которым кипела картофельная ботва, выбрасывая фиолетовое цветенье.

В аккуратный домик с тесовой крышей, под свесом которой лепились ласточкины гнездовья, Олег вошел как охранник, пугая двух бросившихся из-под ног рыжих кошек.

Кухня. Белая печь. Лавка с конином. На полу застиранный половик. Из горницы, мягко ступая на половик, вышел седой, с животиком, старичок. Одет в глаженую рубаху и брюки с лямками вперекрест. Одна рука вдоль ноги, вторая, согнутая, на лямках. Дитятьев еле признал в нем учителя Букина, у кого когда-то учился в четвертом классе, до того он ему показался немощным и невзрачным. Лишь глаза из-под седеньких бровок впились в вошедшего, как два сверла. Голос учтивый, но недовольный.

- Вам кого, молодой человек?

- В тюрьму собирайся! К Степану Дитятьеву! - рыкнул Олег по-солдатски.

Букин позволил себе возмутиться:

- Это зачем?

- Просить у него прощенья!

Педагог вскинул руки перед собой, соединил их, втыкая пальцы за пальцы.

- Он же... Он же спалил у колхоза стог сена.

- И ты это видел? - презрительно высветился Дитятьев.

- Нет, но Хламинский сказал, - стал оправдываться учитель.

- Не видел, а на Дитятьева показал. Это как называется?

Справа пискнула половица. Вошла и встала у печки босая, с лысеющей головой, в сарафане с борами низенькая старушка.

Съежился Букин. Ни жив ни мертв. Что-то хотел сказать, но закашлял.

- Десять лет человеку дали, - гремнул Дитятьев, не собираясь щадить ничтожного старикашку. - За что? Да за то, что ты его ввел в террористы! Обзывал террористом? - Олег сделал шаг, нависая над педагогом.

Букин и голову уронил, будто приговоренный.

- Уж как-то выскочило само...

- А еще работаешь в школе? В советской школе - советские слизни? Чему такие, склизкие, могут учить? Не знаешь? И я не знаю!

Повернувшись к старушке, ручки которой, как лодочки, прятали дрябленькое лицо, Олег прочертил сапогом по полу, сбивая на нем полосатый половичок. Посмотрел на закрытое личико и не сказал ей, а приказал:

- Заверни его, - брызнул взглядом на педагога, - в эту вашу дорожку и выбрось куда-нибудь на помойку! - И вышел, брезгливо смахивая с рубахи кухонный воздух, которым дышал вместе с гаденьким старичком.

Продолжение следует.

СЕМНАДЦАТИЛЕТНИЙ

*Est dolendy modus, non est timendy.
Есть предел печали, но нет его у тревоги.*

Изречение древних (лат.)

Глава первая ГОРОД



**ОЛЕГ
ЛАРИОНОВ**

Олег Иванович Ларионов - автор десятка книг прозы, лауреат Всероссийской литературной премии «Сельский портрет» (2003 г.), член Союза писателей и Союза журналистов России. Печатался

в издательствах «Художественная литература» (Ленинградское отделение), Северо-Западном (г. Архангельск) и ряде других, в журналах «Наш современник», «Север», «Дальний Восток», на японском языке - в издательстве «Кобуши Шобо»

(Токио). На всероссийском уровне известность О. Ларионову принесли повести «Дембельский аккорд», «Пепел», опубликованные массовым тиражом издательством «Эксмо-пресс» (Москва) в серии «Русский бестселлер» в 2000 году. Родился 26 апреля 1959 года в Вологде, где и живет по настоящее время.

Несколько месяцев назад издательством «Русь» Вологодского государственного педагогического университета выпущена объемная книга прозы О. Ларионова «Чужой город» (одноименный роман, повести, рассказы; рецензент - профессор ВГПУ С.Ю. Баранов; 850 с., иллюстрации).

Сюжеты большинства произведений разворачиваются на фоне переломных для России 90-х годов прошлого века.

Июльским вечером юноша настежь распахнул окно и увидел, как тает пунцовый свет заходящего солнца, странно волнующий и зыбкий. В кап-ризе меняющегося марева, грустном, рыдающем, пропадал день. Уже про-свечивали звезды, и в блеске их, ка-залось, мелькнула память о чьей-то невольной, едва заметной улыбке, похожей на любовь...

Времени почти не оставалось. Он даже не успел закрыть створку окна, тихо скрипнувшую и прошептавшую что-то, почувствовать, как дуновения легкого ветерка доносят в комнату струи умиротворяющего тепла. Юно-ша на ходу подхватил походную сум-ку, бросил слова прощания родителям и сломя голову побежал.

Меняющиеся огни, спешащие люди, весь теперешний отстранен-ный гул (а есть ли он, не снится ли?..), похожий на эхо иной, неслышанной жизни, предчувствие которой обру-шилось, словно ошалевший теплый ливень, - зачем вы, откуда, кто вас выдумал?! Тот, бегущий, не знал это-го. И, в отличие от посвященных, с этого часа он словно бы вступил на краткую яркую полосу. Жизнь его только что взорвалась, как спичка. Он почти ничего не успел осознать, лишь бредил некой фантастической далью сквозь прекрасный, встревоженно-нервный кристалл.

Бегущий человек порой оступался, потому что его тело слишком устрем-лялось вперед, а ноги, несмотря на горячую энергию молодости, отстава-ли в движении. Он терял равновесие, но благодаря какому-то чуду, какому-то необъяснимому свойству, рождаю-щемуся в живом существе в минуту невероятной опасности, ему удава-

лось устоять; он едва не сбивал прохожих, завидевшие его вовремя уходили в сторону. Что сделаешь, если бежит сумасшедший или влюбленный в целый мир!

Но он не был сумасшедшим. Он просто опаздывал на поезд, на который втайне поначалу хотел опоздать...

Зеленый сигнал, пустая платформа, трогающийся локомотив... Еще несколько отчаянных прыжков, он медленно опережает состав, хоть тот набирает скорость. Поручни, вагон! Исчезают пронзительно знакомые силуэты, исчезает высвеченный голубыми огнями дым, феерический дым ночи, исчезают сами огни, меркнет и исчезает, наконец, их фосфорически-призрачный отблеск вдаль на горизонте - все, что неожиданно приблизилось, став таким дорогим и таким потерянным в этом нежно-ностальгическом сумраке...

И уже вклинивается в ночь скорый поезд, словно стремится удержать оставшиеся дни июля, догнать их, утерянные. Колеса стремительно летящего поезда то отбивают виртуозную дробь, то грохот их замирает, переходя в ледяной гул: состав словно приподнимается над рельсами, и все звенящие звуки, вспышки разных цветов и форм тоже обращаются в безудержный общий поток. Таким же яростным потоком волнообразно бежит попавший в луч прожектора провод электромагистрали. Леса, селения, мосты, озера, луга, вознесшиеся в небо шпиль колоколен проносятся и пропадают.

Юноше не спится, хоть путь еще не близок. Он стоит у окна, в которое ветер из ночи бросает охапками теплых воздуш. Скорее!

Он торопил поезд. Каждая напрасно истекшая минута казалась ему преступлением. Ведь он еще ничего не сделал, не совершил, не добился. Скорее!

Поезд уносил его в неведомую страну, что лежала за догорающим печальным закатом. Упрямо, трагически-высоко смотрящее сквозь ночь, неисчезающее зарево его чудилось

ему входом в землю обетованную, светотазвуком где-то ликовавшей музыки ее. Скорее!

В краю том бушевала иная жизнь, которой почти не бывает, какая может присниться лишь забывшему о том, что и детству приходит конец...

Судьба бросает человека далеко от родного дома и еще дальше - от самого себя. Ему суждено пройти множеством дорог, прежде чем он добудет ничтожную крупицу истины, которой не вправе научить никто. Он терпит лишения и горе, страх и сомнения терзают его, он бессмысленно и дико сжигает чудовищную часть времени, отпущенного на жизнь. Он ищет, он бежит, он вечно заблуждается, скитаясь по ложным тропам, определяемым рядом случайностей. И так часто, яростно пробиваясь в чащобе опыта, не замечает, что от долгожданного цветущего дома его остались одни развалины. Ему суждено утратить, чтоб обрести, отречься, чтобы принять, надеть на себя сотню чужих масок, чтобы оставить только одну, и все же вернуться. Вернуться куда-нибудь, наконец.

Но человек не знал всего этого, ибо он был слишком молод и, как всему человечеству когда-то, ему всё пришлось открывать заново. Повисший в невесомости ранней юности, он заплутал в собственном сердце, и через нагрянувшие сомнение и растерянность лишь одно виделось ему - тот загадочный гигантский Город, влекущий и магический, полный воспаривших в небо зданий из стекла и камня, нескончаемых широких проспектов, по которым несется множество автомобилей, тот город, где ждет нечто головокружительное и чудесное. Его воспаленное воображение оторвалось от мелочности текущего, способного поработить или низвергнуть самые высокие взлеты духа; в нем светился один обворожительный образ главного - Город. Он жил им, словно влюбившийся в чарующую красоту незнакомки, и, как у всякого влюбленного, вся суэта отступила от него, словно ее не было.

И вонзался в ночь поезд... Он нес-

ся вперед с неумолимой скоростью, стук его колес будто бы доносился из глубоких недр земли. Он рвался ввысь из таинственной подземной бездны минувшего, из океана молчаливых поколений; где-то в огромных переплетающихся, нескончаемых тоннелях бежала по рельсам эта трепещущая струя, стремящаяся вырваться на поверхность.

Он мчался без остановок - мимо полустанков прошлого, по стальному полотну прошлого, словно неумоимо искал выход, затерянный, ничтожно маленький, в одиноком отчаянии заплутавшего в Зазеркалье странника, мечтающего очнуться на благоуханной земле. И, как маяк, нераскаянный блеск заката все светил и светил в ночи сквозь паутину лесов и холмов, сквозь разбросанные тут и там сиротливые обиталища человека.

Упрямо мчался скорый поезд - мимо образов никогда не виденного, удивительных, реальных, явившихся из ледяной темницы минувших веков. Он мчался мимо отживших народов, ушедших цивилизаций, мимо колоссальных культур земли, от которых оставался лишь пепел наивных легенд. Будто прожито все, будто некая память поколений во всей своей мощи через тысячелетия пробудилась, молчаливая...

И впереди был лишь Город, в нем были друзья, любовь, слава, в нем легко открывались врата дворцов, в нем сбывались все желания; то был духовный Эдем, где жили одни поэты, философы и романтики. И молодой, неотравленный ум, цепкие, необманутые чувства, еще незрелая, но зрячая память рисовали его великое, бессмертное лицо.

Стремился поезд... Он уходил туда, где сквозь мириады отзвучавших голосов, видений и слов промелькнет искра их несомненно таящегося предназначения. Он уходил в Город, где ничто не утрачено...

За изломом стены елового леса Город родился внезапно, словно Летучий голландец. Огромные белые дома океанскими айсбергами плыли в пре-

дутренней синеве. Поезд чуть сбавил свой бег. Проносились площади и проспекты, полные непривычного, оглушающего простора. Радужные струи фонтанов в причудливых соотношениях взмывали ввысь, создавая эффект хрустальных ваз. Падавшая вода весело продолжала свой бег в гранитных лестничных акведуках. Внутри искрящейся симфонии мельчайших капель высилась исполинская статуя прекрасной женщины, простирающей руки к еще не поднявшемуся солнцу. То была языческая богиня плодородия и изобилия. Ее холодный каменный взгляд скользил поверх строгой геометрии высотных массивов, разбавленных приземленными полосками пятиэтажек, дымчатым садам, куполам соборов...

Наконец, длинная стрела экспресса выплеснула пассажиров на сонный асфальт вокзала. Здесь была уже иная архитектура, из неведомых прошлых столетий. Затонувшие в призрачном сумраке глыбы старинных зданий облагороживались башенками, портиками, поясами аркатур; головы химер, грифонов, сирен украшали аттики, возвышающиеся над карнизами; геркулеса изнемогали под тяжестью балконов... Молчаливые античные персонажи, торжественная классика форм вселяли то чувство, что охватывает маленьких детей, когда им кажется, что сейчас сбудется сказка.

Потом эскалаторы метро погружали застывшие статуи людей в глубокий подземный мир Аида - но, к удивлению, он не оказывался таковым; напротив, простор, свет люстр и мозаичные панно свидетельствовали о взлете человеческого духа... Вы пересекали город по его скрытым во чреве земли коридорам с быстротой парящего в небе планера, оказываясь на другом краю мегаполиса.

Солнце уже всходило, и стены далеких зданий отливали неуволнимой голубизной. Длинный штрих телебашни, словно бритвой, рассек с краю прозрачный небесный ситец. Казалось, звучал многолюдный, но далекий гул.

Сон пригородов был растревожен

стуком стремительной электрички. Состав, как призрак, унесся прочь, внезапно оставив немногочисленных пассажиров в тиши затерянной среди леса станции. Она потонула в пустынном недомолвии, провалилась в колдовскую неподвижность на краю моря, дремлющего, отдающего прохладой. Пунцовая дымка в загадочном молчании голубых сосен заволокла вершины стройных, далеко прорвавшихся в небо немногочисленных высотных башен. Самая высокая в их ансамбле была цилиндром из голубого стекла в белом одеянии из колец-террас. Тот самый Дворец Юности, бывший конечной целью нашего путешествия.

Юноша постучал в дверь. Никто не ответил. Он бесшумно отворил ее. Уютная комната, умиротворяющий блеск полировки. На кровати, слегка отбросив одеяло, спит молодой человек. Приезжий тронул его за плечо. Тот пошевелил правым усом, открыл глаза.

- Ба, старина, а я ждал тебя еще вчера!

Они долго трясли друг другу руки.

- Зарегистрировал путевку?

- Конечно.

Тот, приезжий, месяц назад окончил школу, и ему недавно исполнилось семнадцать. Звали его Игорь Рагутов. Друг его, Денис Лихотин, был постарше на четыре года.

Познакомились они в конце прошлого восьмидесяти девятого года на одном из поэтических вечеров, которые были тогда вовсе не редкостью в их родном городке Серебряные Родники. Там, конечно, просматривалось невооруженным взглядом засилье «самодельных» бардов, щеголявших словесной бессмыслицей, слегка припудренной громом гитарных аккордов и имитацией сорванных грубоватых голосов а ля Владимир Высоцкий. А Денис Лихотин вышел без «нужного» инструмента - гитары, тем более на ухо ему медведь наступил. Но что особенно шокировало косившую под народ богему - не в истертых джинсах, носивших отпечаток и неприятельности, и щегольства одновре-

менно, а в безукоризненном костюме-тройке, в дурацких, в толстой оправе, очках, да еще с чиновничьим галстуком вместо терпимой в этих кругах бабочки. Однако простота и человечность его четверостиший, кажется, сразили многих. А главное, в них были чувства и мысли, ясные, как божий день. Дениса подняли на «бис».

Как понял Игорь много позже, Денис оказался совсем не прост. И стихи его были вовсе не однозначны - то беззащитны и искренны, то наполнены мрачной мистикой и символизмом. Однако тогда он держался исключительно легко и неподдельно - успех окрылил, и это в Денисе подкупало. Они как-то сразу сошлись, после первого же разговора.

Денис считал, что в их возрасте разница в четыре года куда более значительна, чем у зрелых людей. Однако этот барьер, главным образом в восприятии окружающего, им особо не докучал, потому что оставалось другое, нечто более сильное и важное.

Игорь был светловолос, достаточно высок, под метр девяносто, строен, но не худощав. Денис - коренастый, с копной кудрявых русых волос, серыми усиками, за которыми особо не следил, но расстаться с которыми никак не мог (он сбрил их лишь однажды, в армии по приказу, закрыв глаза и чуть не заплакав от горя, проклиная дедовщину и сержантов).

Денис уже закончил первый курс университета, без проблем взял в профкоме бесплатную путевку в молодежный пансионат, а на имя однокурсника, избалованного столичного повесы, еще одну. Ее-то он и передал по дружбе Игорю, намереваясь приобщить к вольной студенческой жизни и заразить соблазнами Города, неведомыми для скромного юного провинциала.

В девять часов утра они прошли в большой, светлый и высокий зал, тянувшийся длинной анфиладой, и погрузились в мягкие, обитые кожей кресла, за столик, тонированный под красное дерево. За окном голубели сосны, лежали громадные гранитные

валуны и сидели волны морского залива, изъеденного фьордами. На море было так много островков, что вдали они сливались в один и закрывали почти полностью линию горизонта. На одном из островков стояла средневековая крепость с уходящими прямо в море стенами и многогранной башней.

Зал был слишком объемён, и потому присутствие людей в нем почти не ощущалось. К ним сразу подошла официантка, везя тележку с несколькими полками-этажами, на которых располагались разные блюда.

- Что, глаза разбегаются? - рассмеялся Денис.

Глазам было от чего разбежаться: антрекоты, осетровый балык с лимоном, куриные котлеты в картофельном пюре, холодная говядина...

- Да, при таком изысканном, а главное, бесплатном ассортименте придется нам, брат Игорь, стать сибаритами, привыкай. А я для начала возьму ростбиф.

Позавтракав, понежились немного на кроватях, а потом, надев кеды и олимпийки, затрусили на разминку по лесным дорожкам.

Вечером отправились потанцевать. В танцзале веселились все - от семнадцати до семидесяти, и потому здесь как-то разом в одном неповторимом сочетании соприкоснулось сразу несколько обычно несовместимых эпох, которые отнюдь не противоречили друг другу, а гармонично слились, пропитанные единым общечеловеческим духом. Звучали вперемешку и современный рок, и добрый дедуся фокстрот, и любимые мамины вальсы с фортепианным соло, и всегда и всеми радостно встречаемые полузадиристые задорные песенки. Бородачи-музыканты, тоже разных лет, дули в свои трубы, как и тридцать лет назад, но зато задавали такую скорость и виртуозно-зажигательный ритм, что им бы позавидовали современные электрошалопаи.

После танцев они бродили по непривычно пустынному и просторному коридорам дворца. Здесь каждый этаж имел свой цвет. Весь первый

этаж был розовым: розовые ковры, розовые стулья, большой розовый диван, тянущийся полукругом вокруг розового полированного стола, импозантные кресла с высокими спинками, в которых можно было утонуть; на втором этаже всё было зелёным, на третьем - голубым и так далее. Блестел лаком паркет, окна повсюду прикрывали жалюзи цвета спокойного моря, по беломраморным лестницам тянулись дорожки, коридоры незаметно переходили в залы, где были свои потаенные уголки, отгороженные стенками, сплетенными из декоративной проволоки в виде узоров и даже целых сцен; вдоль этих стенок вились ползучие растения, а рядом росли пальмы. Остановились в одном таком уголке, и в зеркале, отражающем гигантское окно, Игорь увидел лежащий внизу, позади, вечерний пансионат, светящийся маяками огней, и своё лицо. Было тихо и полусумрачно. Слабо тлели приятные голубоватые лампы, встроенные в потолок и слитые с ним своей поверхностью, они ласкали лакированный паркет в заманчивой глубине холлов.

Потом они поднялись выше и уселись в кресла на лестничной площадке в самом верху семнадцатизадажного цилиндра. За окном сияли за тёмной зеленью верхушек сосен голубые огни. Был первый час ночи.

- Знаешь, - сказал Игорь, - сейчас видел, как люди смотрят какие-то глупости по телевизору. Они чем-то напоминали мотыльков, случайно занесенных ветром на берег моря. Они даже не осознают, что их бесследно смоеет волна времени... Зачем мы живём? Если я не буду знать этого, мне не сдвинуть себя с места. Ну, зачем горят вон те фонари?..

- Чтобы светить.

- Зачем?

- Наверное, для того, чтоб люди не потеряли дорогу, не заблудились и не погибли.

- А почему бы им не погибнуть, если они вообще неизвестно для чего живут!

- Зачем искать то, чего нет, Игорь? Люди - вспышки. Они зажигаются,

чтоб вспыхнуть, породить новые и кануть в Лету.

- Но это же непереносимо, это страшно!.. Скажи тогда, чем отличается человечество от колонии бактерий? Ничем! Только тем, что тешит себя вечной иллюзией, вроде сегодняшних глупостей по телевизору. Вся жизнь - иллюзия какой-то необходимости. Ничто!

- Знаешь, Игорь, есть вопросы, которые разрешает только наш возраст. Мы становимся рациональнее. Нет, мы не тупеем. Просто мы не задираем голову высоко вверх и не смотрим туда, куда - мы в том уже давно убедились - смотреть нет никакого смысла. Мы смотрим перед собой. И действуем так, как нам подсказывает здравый смысл.

- Но ведь эти вопросы не перестают существовать!

- Наверное... Когда я был ребёнком, меня вот так же мучил вопрос, что такое «я». Ведь мог же быть такой же точно человек, как я, но не я! Почему так получилось, что «я» возникло именно во мне и именно теперь. Как это «я» донеслось из дебрей веков, чтоб воплотиться теперь во мне. Мало кто поверит, но вопрос этот доводил меня до иступления, я, ребёнок, ночами не спал, всё думал об этом. И ничего так и не понял. Лишь забыл об этом. А когда повзрослел, вопрос тот оказался для меня уже решённым, как и для всех взрослых людей. Меня он попросту не волновал. Но я спрашивал себя, смог ли я ответить на него тому маленькому? Может быть, я стал бы рассказывать об инстинкте жизни, о форме самоидентификации. Но маленькому ничего бы не объяснил. Да и сам бы запутался в конце концов.

- А я тоже думал об этом в детстве. У нас с тобой много совпадений, Денис! И знаешь, почему в детстве думаешь об этом? Наверное, потому, что не можешь взглянуть на себя со стороны.

- Наверное. Твои мысли, конечно, другое, но и они пройдут. На все эти вещи ты посмотришь потом иначе. Спокойнее просто.

- А я не хочу смотреть на них иначе!

- Время покажет.

Этажом ниже слышался девичий шепот и сдержанный смех. Раз, когда смех стал слишком громок, кто-то произнёс:

- Тсссс...

Денис и Игорь тут же подхватили дружно:

- Тсссссс!

- Тсссссс!! - повторили внизу ещё громче, дав знать, что позывные приняты.

В ответ Денис то как бы удалявшимся, то приближающимся приглушённым тоном стал декламировать стихи:

*Ах, ночь, черноокая девица,
Открой свой надзвездный чертог,
Из ковшика Малой Медведицы
Дай сделать студёный глоток,
Чтоб сердце о вечности вспомнило
И сбросило бремя оков,
Чтоб каждую жилку наполнила
Змеиная мудрость веков...*

- О голос с неба! - донеслось снизу рассеивающееся в просторе пролётов восклицание. - Кто ты? Всевидящий?

- Я дух. Вечное счастье и вечный ужас заключены во мне.

- Если так, не можешь ли взять в руки будущее и дать его нам?

- Могу. Я дарю вам ваше грядущее:

*В ночной таинственной тиши
Внимай движению души.
Ей виден сквозь завесу лет
Грядущего волшебный свет.
Пророческий туманный сон
Приблизит под хрустальный звон
Златые, трепетные дни.
Внимай! Любуйся! Не спугни!**

- Пожалуйста, больше чувства! - незамедлительно послышалось снизу.

- Чувства кончились. Их нет, как нет зимой фиалки. Одни эмоции остались. Но и их метет в пустыню мгла.

- С кем говорят духи? - в свою очередь спросил Игорь.

- Мы - ночные феи.

- Феи околдованы лунатизмом... Вам не спится, а кто не спит, тот ищет что-то...

* Стихи Н.Медведева

- А может, он говорит правду! - по-наивному очень серьезно сказали внизу между собой, словно и в самом деле поверили в существование ниспешших на землю оракулов, и, уже повысив голос, обратились наверх:

- А что мы ищем?

- Вы ищете Звезду Радости и Тайну.

Феи, две девушки, поднялись по лестнице, и, увидев друзей, одна из них сказала:

- Вот мы и разоблачили духов!

И они собрались уйти, видимо, к себе в номер, но Денис предложил дамам сесть в два свободных кресла, что стояли рядом.

- Нам, духам, так пустынно и одиноко в нашем потустороннем царстве, иногда хочется с кем-нибудь поговорить, - сказал Игорь.

- И у нас, фей, в нашей сказочной стране не слишкомлюдно. Даже судьбу некому предсказать, - вторила ему девушка с пепельными волосами. - Принимаем ваше предложение.

- А чьи стихи вы читали? - спросила другая, изящная, статная и не очень высокая. Она была, без сомнения, весьма смазливенькая: большие голубые глаза, кудри пышных волос, чёрных, почти как вороново крыло, смуглое личико, полные алые губки. Необычайное сочетание ясных, как день, голубых славянских глаз и темных волос было сногшибательным: в этих колодцах плескалась открытая, немного озорная и неиспорченная душа, а завитушки яркого обрамления лишь подчеркивали это.

Денис даже стушевался слегка от неожиданности.

- Свои, - наконец ответил он. - Что, не верится, нужны доказательства? Буду сейчас с вами стихами разговаривать.

Я - ночной бессонный дух.

Проторчал я здесь до двух.

Лишь пробило два часа,

Слышу ваши голоса.

И награда мне за бденье -

Фей прекрасных лицезренье.

Фея тьмы и фея света,

Та - светла, а та - темна.

Может быть, мне снится это?

Может, я схожу с ума?..

- Вот здорово! Настоящий поэтимпровизатор! - восхитилась пепельная девушка.

Она тоже была «ничего», как потом пришли к выводу «духи», только на фоне своей яркой подруги не сразу бросалась в глаза: вытянутый тонкий одухотворённый овал лица, прямой нос, большие пронзительные тёмные глаза, тонкие и холодные, своевольные, как определил ещё много позже Денис, губы, хрупкие плечи. Голос её был чуть-чуть низковат, и в нём чувствовались властность и уверенность. В лице её по самой его структуре присутствовало выражение какого-то младенчества, которое не исчезает с годами и обычно очень молодит; вообще, невозможно было представить её себе в зрелом возрасте. Звали её Викой. Имя прелестной «южанки», как друзья её сразу окрестили меж собой, было Лариса.

- Скажите, ваши стихи публиковались где-нибудь? - спросила Лариса.

- Конечно. Последний раз это было пять лет назад.

- Уже так давно! И где же?

- В школьной стенгазете! - с ироничной гордостью ответил Денис. Игорь рассмеялся. Но девушки оставались серьёзны, лишь Вика улыбнулась уголком рта.

- Вам обязательно нужно где-то печататься, - сказала она. - Вы так классно сочиняете на лету...

- Меня это не волнует. Я пишу для собственной души. И иногда для друзей.

Вика возражала. Денис заметил, что она просто не осведомлена в сем неблагоприятном вопросе и что поэт - это человек, который добровольно принял на себя роль боксёрской груши. Потом беседа побежала в ином русле и кончилась тем, что «духи» и «феи» решили завтра проехаться на лодке до средневекового замка на острове.

Но Денис утром же оставил Игоря: он внезапно вспомнил, что ему нужно в Город утрясти кой-какие университетские дела. Так что Игорь один

был предоставлен обществу прелестных фей.

После завтрака легко одетая босая компания шла по песчаному берегу в сторону лодочной станции. Постояльцы пансионата отпускали острые шутки, хохотали безудержно, особенно в этом преуспели Лариса с Викой. Они болтали больше своих подруг и всех разжигали, заодно подтрунивая над Игорем. Южанка (заявившая, что она гордый потомок древних скифов) похвасталась, что владеет каратэ и справится с кем угодно.

- Но не со мной ведь, конечно! - усомнился Игорь. - Весовые категории у нас слишком разные.

- Па-асмотрим! - и она вдруг локтем толкнула его, подставив одновременно ножку.

Игорь пошатнулся, но устоял, и это Ларисе не понравилось, очень её раззадорило. Он рассмеялся и вновь пошёл дальше в окружении девушек. Но смеялся Игорь недолго: вскоре он стремглав, как в заправском боевике, бултыхнулся во всей одежде в море: Лариса воспользовалась тем, что он отвлёкся, и применила приёмчик.

- Нечестно! - заорал Игорь и помчался за Ларисой.

Едва он поймал её за руку, его опять кто-то толкнул, и поднялась невообразимая кутерьма с визгом и хохотом. Проходившие мимо мужчины посмотрели на них с сожалением и недоверием, как на сумасшедших, и, втянув головы в плечи, поторопились удалиться.

Наконец Игорь взял за руки обеих вчерашних фей. Они вырвались вперёд из толпы и первые заняли самую подходящую лодку. Игорь налёг на вёсла, а когда они были уже далеко от берега, замедлил темп. Кое-где высились над водой большие гранитные валуны, и лишь чайки сидели на них. Море было мелким, прозрачным и спокойным. Было удивительно, хрустально тихо и светло от солнца. Лодка медленно шла к Замковому острову. На скалистом и крутом острове нашлось только одно место, где можно было пристать. Кое-где стены по-

луразрушенной средневековой крепости поднимались прямо из вод.

Ларису так и тянуло созорничать, и когда они изнемогли от весёлой игры, начатой ещё на берегу, рухнули все трое на песок.

- Девушки, как вы думаете, в чём смысл жизни? - вдруг спросил Игорь. Вика, только что весело поддерживающая фривольный трёп, впервые перестала улыбаться, призадумалась и сказала:

- В любопытстве.

- В любопытстве? Но это лишь эмоция, дым. Как она может быть смыслом? А если наперёд знаешь, что будет?

- Ты разочарован в чем-то? - предложила Лариса.

- Да нет. Просто хотел узнать ваше мнение на этот счет.

- Что ты знаешь, что ты наперёд знаешь, мальчик! - засмеялась Вика и щёлкнула Игоря по носу.

- А мне вообще кажется, никакого смысла в жизни нет, - ответил Игорь. - Есть только маленький, у каждого свой. Вот у тебя в любопытстве.

На этом философическая дискуссия окончилась, но беседа не прервалась. Игорь болтал с Викторией не без удовольствия: она была весьма недурно начитана, а у Игоря давно назрел какой-то свежий круг непочатых и самых разных вопросов, идей и предположений, так что в огонь их перепалок и разговоров не нужно было подливать масло. Правда, наполовину разговоры эти были не лишены разных пикантностей и кокетства, на которые Вика так и норовила соскочить, и получалось это у неё хитроумно и естественно. Зачастую она деликатно затуманивала смысл разных острых вещей, которые намеренно провоцировала, и выглядело это забавно и смешно.

Лариса не вмешивалась в их разговоры, когда они кой-где касались серьёзного, но тонкие Викины фривольности не прочь была развить.

- Дорогой, ты ведь маленький еще, ничего ты в этом не понимаешь! Ах, ты не маленький? Да будет тебе, крошка! - посмеивалась Вика над Игорем, слов-

но мамаша над трёхлетним ребёнком.

- Я ровесница твоему другу. Это значит, что тебя я старше в два раза!

Они заговорили о Фрейде, которого Игорь не читал. Он спросил её, нет ли у этого автора мыслей об отношении естественного отбора к темпераменту. Вика опять увильнула от ответа (которого у неё и не было), чтоб слово «темперамент» полностью свести к одной только эротике и ничему более. Викина снисходительность Игоря не очень задевала, в основном смешила. При желании он метко отвечал ей тем, что сажал в лужу в предметах, к которым у неё отсутствовало чутьё. Эта завуалированная словесная игра-поединок продолжалось у них всё утро, то возобновляясь, то затухая. Ларису их перепалка с подвохами не очень занимала, ей явно наскучило на Замковом острове, она сказала, что ей хочется обратно, и они вновь сели в лодку. Итак, целый день Игорь беззаботно провёл, наслаждаясь знойной южной красотой и перлами европейского остроумия.

Девчонки оказались студентками городского университета. Лариса училась на художественно-графическом, а Вика (полное её имя было не Виктория, а Вероника) - на факультете театрального искусства. Родовые корни Ларисы тянулись с «югов», о чем свидетельствовала ее запоминающаяся фамилия Гетманова, а Вика Веселова приехала из глухой сибирской деревни.

Вечером они встретились на танцах. Гордая дочь скифов предстала в черной мини-юбочке, миниатюрных красных сапожках на высоком каблучке, черной обтягивающей блузке, а выющиеся длинные локоны чудно обрамляли ее бесподобное личико. Статуэтка, вырезанная искусным мастером, да и только. Однако Игорь не трепетал: он проявлял прохладу к женщинам небольшого роста, даже если они были красавицы. Ему, конечно, не могло не лстыть непринужденное внимание Ларисы, и он ей подыгрывал. Он все же пригласил Ларису, та приняла это как должное, охотно согласившись, а на следующий

танец сама взяла Игоря за руку и потащила ближе к центру. Она поправила ему причёску, бросив на него оценивающий взгляд, и весь вечер они держались вместе. Впрочем, Вика тоже не скучала: её то и дело приглашали потанцевать.

У фей намечалась на следующий день многодневная поездка в один пограничный городок в ста километрах отсюда, славящийся крепостными сооружениями и интернациональной архитектурой (потому что он в разные эпохи переходил от одного государства к другому). Они позвали Игоря с собой. Но тот сказал, что при всем своём желании не может поехать, так как ждёт Дениса.

- Ну, тогда через пять дней обязательно увидимся! - крикнула южанка и исчезла за дверью своего номера.

Денис вернулся скоро, довольный обустройством в новом, более комфортабельном общежитии. Но пребывали они на месте недолго. Их вновь потянуло в Город. Город манил, звал, как магический кристалл, как страна чуда и любви, неприступный город, безбрежный город-океан.

И вот уже такси неслось по нескончаемым широченным проспектам, маневрируя, юля, не сбавляя скорости среди размежевывавшихся и втягивавшихся друг в друга потоков, среди сотен крылатых автомобилей.

А потом метро, вы поднимались наверх, и на противоположном эскалаторе перед вами проплывали судьбы людей. На одних лицах была написана болезненная самоуглублённость или угрюмость, другие были открыты и веселы; вы видели друзей, что, с жаром размахивая руками, решали свои проблемы, вы чувствовали, что они друзья, что увлечены чем-то важным, своим, что-то подсказывало вам это; вы видели влюблённых (о том говорили их радостные глаза); как правило, парень стоял спиной к направлению движения эскалатора, и лица их смотрели напротив друг друга. Вы видели студентов, рабочих, школьников, военных, и среди многообразия человеческих устремлений,

мелькавших на экране вашего внутреннего взора, ваш мозг ухватывал нечто единое и единственно общее для всех этих бессчётных душ, населявших Город, то, что сближало с ними - некую всеобщую целеустремленность. И сознание этого единения было самым ёмким приобретением дня.

Дружные непрерывные вереницы и стаи оголтело несущихся машин... Быстрота, скорость, стремительность... Широкие полноводные реки людей, неусыпно сыплющаяся новизна впечатлений... В Городе kloкотал гигантский пульс, заставлявший будоражить мысли и выбрасывать их яркими протуберанцами, он не давал ни минуты жить праздной и спокойной!

Порой целые области в Городе занимали несокрушимые массивы канувших в Лету веков. В архитектуре, выразительных скульптурах полководцев и мифических героев, потемневших от времени и потому по-жутковато отрешённых и значительных, просвечивал грозный и колоссальный дух прошлого, совсем иного, чем теперешняя эпоха, страшного в величии, неразрешимого, молчаливого, как убитый гений. В ночное время, когда в свою власть входили огни, он не застывал, и в домах, растянутых на целые улицы, переходящих один в другой, в полузаброшенных, казалось, дворах многоэтажных старинных зданий было нечто устоявшееся, значительное, не поддающееся никакому сомнению, как всё великое искусство прошедших веков. О Город, титаническое создание поколений и времён!..

Но, если вы уставали от этой разбросанности и многоликости и вам вдруг хотелось вырваться из неё, сделать это было довольно просто: стоило лишь зайти с другом к вашим отдалённым знакомым, подняться в один из этих громоздких небоскрёбов, и вы оказывались в какой-нибудь небольшой квартирке, где среди типичной электронной техники и ковров со знакомыми рисунками вы находили вещи неожиданные, молчаливо живописующие склонности хозяев - какие-нибудь африканские маски, малазий-

скую керамику или коллекцию русских икон. И вы с увлечением всматривались, изучали тихий камерный мир, отгороженный от внешнего шума и движения.

А потом снова Город, крутящиеся брызги реклам, сотрясающая суета... Но, может быть, вы соскучились по другим эпохам, полным варварства и жестокой борьбы за существование, или эрам ещё более древним? Очутиться там не так сложно. Город предоставит вам эту возможность, у него есть своя великая машина времени. Вон в том геометрически запутанном комплексе сокрыта вся его история. Это исторический музей. В первом просторнейшем павильоне (у него даже, кажется, нет стен) перед вами расстилается панорама местности, на которой сейчас зиждется Город - такой, какой она была несколько десятков тысяч лет тому назад. Перед вами лишь дно моря, сплошь покрытое безжизненными серыми ракушками и окаменелыми вымершими животными. Вы вглядываетесь в них, словно стараясь уложить в мозгу некую сложную параллель между двумя несовместимыми мирами. Лишь холодные, серовато-призрачные волны моря плещутся у ваших ног пусто и безжизненно, и редкие одинокие моллюски уныло ползут по голому дну... И вдруг какая-то одинокая тревога вселяется в вас: уж не приснилось ли то, что над вами, откуда вы только что спустились?.. Но вы идёте дальше, в следующий зал, и перед вами оживают доисторические поселения, бескрайне далёкие прообразы теперешнего города, и бусы древних модниц натапливают вас на странную мысль о том, что Сущность, может быть, и не изменялась, но обрела лишь иное, отдаленное сотней нюансов, качество, и загадочная тоска увлекает вас, как будто вы читаете книгу о чужой полной тайн и приключений жизни, словно завидуя тому прошлому, в котором вы никогда не были и в котором, наверное, утеряли что-то невосполнимое, что уж и не поймёте, и не отыщете потом.

Но вот перед вами следующий па-

вильон, где мужики рубят верфь и парусные корабли летят по бушующему морю. Вырастают первые здания, дряхлеют и рушатся, и растут другие, ещё более мощные, и голоса императоров звучат как живые, не как безразличное мракобесие минувшего, а грозно и властно, так, что леденеют стены и содрогаются чутунные и мраморные статуи. И то, о чём доносились обрывки фраз из учебников, вдруг встаёт зримо и неумолимо, как удар меча или пушечный выстрел. И это - Город, всё тот же Город...

Летели дни со всем безрассудством и жаром молодости. Спортивные тренировки, на которые так когда-то уповали Денис и Игорь, они окончательно забросили. Наскучили вскоре кегельбан, бильярд и зал игровых автоматов. Более предпочтительным оказался вихрь поездок и непредвиденных приключений. Лишь в ресторане они позволяли себе быть неторопливыми и неспешно смаковать вперемешку и текущие, и «высокие» темы.

В пансионате, в его насыщенной и беззаботной жизни уже обнаружили кое-какие перемены. Кто-то уехал домой, и теперь в ресторане пустовало много мест. Но простор, увы, не приносил особой радости, напротив. За столом было уже не так оживлённо, разговоры уже не несли той свежести ожидания, которая всегда возникает в отношениях между малознакомыми людьми, которым ещё предстоит сойтись поближе.

Вскоре приехали Вика и Лариса, и их трапезы в обществе Игоря и Дениса по старой памяти, в правилах ранее принятой игры, по-прежнему сопровождались светскими беседами, аристократически утончёнными перепалками и такими же изысканными застольными ухаживаниями, которые были, скорее, обязательными пунктами этикета и вряд ли чем-то другим.

- Скучно! - жаловалась Лариса. - На обед уже ходишь как на праздник: поговорить, поглазеть, посплетничать.

В Город они по-прежнему наведы-

вались, но теперь уже не в музеи и картинные галереи - изящная южанка лишила Игоря всех этих благих намерений, её пришлось сопровождать по универсам, кондитерским, галантереям и парфюмериям, что же касается единственного магазина, в котором он действительно хотел побывать - книжного - то у них на него попросту не хватило времени. Если бы не решительный характер Ларисы, ее незакомплексованность, вряд ли эта игра в дружбу между мальчиком и девочкой с его стороны могла продолжаться долго. Но Лариса, видно, про себя решила, что Игорь - ее парень, и никаких сомнений в том для южанки с той минуты не существовало. Она была уверена в себе на сто процентов.

Игорь вдруг заметил, что между ними как-то сами собою устанавливаются непривычные ему короткие отношения. В мужских компаниях Лариса неизменно вызывала благоговейный восторг и пристальное к себе внимание благодаря своей красоте и неумной общительности. Однако как бы Лариса ни отвлекалась своими шутками и бесхитростной болтовней, подкупающей своей непосредственностью и даже какой-то неуправляемостью, она подчеркнуто держалась Игоря - особенно когда мужички были не против уже подсесть поближе и приударить за ней. Тогда она красноречивым и коротким жестом, как будто Игорь и впрямь был ее очень старинным «другом», предлагала помочь ей надеть пальто, убивая тем самым двух зайцев.

- Ну что, - лукаво говаривала Вика, раскладывая карты, в то время как Игорь с Денисом в ожидании вечерних развлечений сидели за карточным столиком в комнате у девушек, небрежно развалившись в креслах, а Лариса старательно красилась перед зеркалом и потому не могла их слышать. - У вас, судя по картам, намечается любовь к чёрной даме, а у нее - к вам.

Карты стали в последнее время её привычным вечерним аксессуаром, впрочем, так же, как и танцы со старичками. У нее внезапно объявился

в Голубом зале постоянный и неутомимый партнёр лет семидесяти, который старательно бросал Вику в танго, кружил в вальсе, водил в фокстроте и тустепе. Вскоре она склонилась к сему классическому ретро и других знакомых девушек, и танцевать со старичками стало у них модой последних дней. Лариса, правда, не приняла её новшеств. Лоре не нравилось, что во время её отсутствия появились какие-то девицы, которые запросто заговаривали с Игорем и могли пригласить его на танец. Её сердило то, что он как бы этим приравнивает её к остальным. Тут произошёл непредвиденный случай, который Игоря приятно ошеломил и даже озадачил. Как-то в разгар таких милых бесед в весёлом кружке Лариса вдруг решительно прошла через весь зал, схватила Игоря за руку и потащила к выходу. Тут им вслед бросилась толпа крепко разогретых молодцов, которые вообще ничего не поняли, но которых непременно тянуло с кем-нибудь подражаться.

- Какое ваше дело! Это мой друг и моё дело! Убирайтесь отсюда! - и всех сдуло от её грозного тона.

Игорю вдруг стало стыдно за тот лёгкий разлад, который у них произошёл. За такую красотку любой бы разбился вдребезги, и он тоже в другое время и при других обстоятельствах, думал Игорь. Вот ведь странно, когда он Ларису встретил тогда ночью, ему думалось, она никогда и не взглянет на него - ведь что ни говори, она была несомненная красавица, наверняка знающая себе цену. Дружеские отношения с ней казались маловероятными. Он даже заранее «мстил» ей тем, что намеренно не задерживал на ней свой взгляд и не пробовал ухаживать. И вот... они уже друзья. Так неожиданно и непривычно...

Но вот однажды Игорь и Денис проснулись и вдруг поняли, что этот утренний лазоревый сон кончился: в тот день истекал срок путёвки.

Они бродили по пустынным светлым коридорам дворца. Откуда-то доносились бодрящая ритмичная му-

зыка, подхватывавшая эту всюду бушевавшую, молодую, полную сил и надежд жизнь, и не было прощания, каждый развеялся тут, надышался свежим воздухом и теперь спешил продолжить свои привычные и не терпящие отсрочки дела, а жизнь кипела и обещала ещё столько всего...

- Что ж, посидим на дорожку, - сказал Денис, запаковывая чемодан.

Молчали. Что-то кольнуло Игоря в сердце. Не хотелось уезжать. А может быть, так лучше? Как бесконечно несчастен и вечно наказан тот, у кого негде бродить в прошлом, у кого всё там исчерпано до предела. А нужно, чтоб в прошлом всегда была тайна, чтоб что-то не хватало в нем и с грустью тянуло туда иногда, в младенческую его чистоту и надежду...

- Ну как, всё собрали? - наконец спросил бодрый Денис.

- Всё... Только кажется мне, Денис, оставили мы здесь что-то...

- Кусочек нашей жизни оставили мы здесь, старина. Вот и все.

Глава вторая.

БАБЬЕ ЛЕТО

Вернувшись домой, в Серебряные Родники, он ощутил тоску по той жизни, с которой недавно соприкоснулся и где впервые почувствовал себя по-настоящему взрослым. Его потянуло обратно, в Город, на первый взгляд, почти беспричинно... Об учебе Игорь думал меньше всего. Но был только один способ очутиться там вновь - поступить в университет. Его выбор пал на филологический факультет, ведь там учился его друг.

- Редакции лучших газет и журналов, их двери откроются перед тобой, - убеждал Денис. - А публика у нас - настоящая богема, прекрасные ребята, не какие-то скучные технари! Главное - напиши на «отлично» сочинение и не делай ошибок. Я знаю, ты можешь!

Оставшиеся дни июля Игорь зубрил то, что и так хорошо знал. Иногда на полную мощность включал зажигательную песенку, написанную на

слова средневековых вагантов, и она его подбадривала:

*Во французской стороне,
На чужой планете
Предстоит учиться мне
В университете.
До чего ж тоскую я -
Не сказать словами,
Плачьте ж, милые друзья,
Горькими слезами!..*

Песенка стала гимном тех светлых и бранных дней...

В университет он поступил, вызвав добрую зависть школьных друзей, собиравшихся в армию. Когда в общении он встретил Ларису, то неожиданно для себя обрадовался ей, как будто на него повеяло чем-то тёплым, и недавние сомнения растаяли. Она тоже обрадовалась ему.

- Заходи ко мне в гости! - сказала просто. - А ты отличником будешь у нас.

- С чего взяла?

- Так.

Вскоре студентам всех факультетов суждено было отправиться на месяц в колхозы, кому куда - рабочей силы там год от года не прибывало. Исключение составил лишь Денис: он по договоренности с деканом поехал на сельскую стройку. Там от бывшего стройбатовца было больше проку, как он заявил.

Лето ещё теплилось в трогательной безмолвной благодати. Мраморный город был подернут ее далекой радужной пеленой. Он выступал откуда-то из фантастического времени, из темной от бездонья синевы, над этим миром тревог, сущий неизменно, вне зависимости от того, что приходило и уходило, возвращалось и исчезало, и стоял, монумент, миф, мудрец, далеко и бесстрастно. И никто не хотел прощаться с летом, с невесомым золотом его лучей; в них словно звучала мечта о чём-то редком и дорогом, и хрупком настолько, что любая случайность вроде плохой погоды могла обратить его в прах.

Опустел дебаркадер. Маленькие белые чайки порхали над волнами. Насыщенный ароматом прошедшего

зной воздух, теперь сдобренный влажной широкой реки, кружил и дурманил, как запах женских волос. За размытой далью, за высокими порталами угадывались голубеющие силуэты лесов. Туда уходил теплоход, возбуждающая пласты воды, пока не рассеялся в смутных очертаниях. На теплоходе плыли студенты, и жизнь здесь бурлила бесшабашно и весело. А горд лунатически смотрел каменными глазами в воду и таял...

Игорь стоял на корме; сюда доносились гам, приступы давящегося смеха, голос гитары. Для него всё это было внове, и предстоящее казалось ему замечательным, интересным. Многие из тех, что окружали его, были его старше на три-четыре года, и потому он как бы вдруг очутился в своём недалёком будущем.

За сутки теплоход проделал нужный путь, и теперь бревенчатое правление колхоза было оккупировано приезжими. Бойкая хохотушка в белых брючках, расклешенных по тогдашней моде, - это была Лариса - вручила Игорю обломанное древко флага:

- Не прочь сразиться в бильярд? Начинай! А вот сейчас я... Ура!

Раза два Игорь неуклюже задел Ларису концом «кия». Появившийся наконец бригадир спросил:

- Кто желает в Барсовку? Туда семь человек нужны. Остальные остаются у нас в селе.

Лариса выскочила вперёд:

- Чур, мы с Веселовой. Вик, где ты? И ещё мальчик с нами. Ведь ты с нами, Игоряшка? - смягчила она голос.

- Почему с вами? Быстрая какая. А может, он хочет с нами! - сказал кто-то.

- Конечно, вместе! - кивнул он Лоре.

Так он оказался в этой небольшой шумной компании единственным парнем.

Грузовик нёсся по грунтовой дороге, схваченной блестящей желтизной. Вдоль дороги тянулись небольшие озёрки. Их мельчайшая рябь, подобно множеству стай белоснежных лебедей,

порхала на поднимающемся солнце, прорвавшимся сквозь лоскуты одряхлевших отступающих туч. Молодой-молодой, свежий и прекрасный хвойный край только ещё вздыхал перед пробуждением, испаряя небесный запах неопределённых безмятежных желаний. «Движение, движение, и только оно, - захлёбываясь, шуршали колёса. - Так пусть же меняется всё, пусть уходит, а новое ждёт». Тесно обступая путь, высились огромные гранитные валуны, и за ними - высоченный лес, рассечённый сумрачными в глубине лощинами, мощно поросшими лозняком. А вдаль удивительно спокойно растекалась ширь поднебесья, мудрая, добрая и чистая, как затерянный в лесу родник.

- Он ведь нас вытряхнет! - Вика крепко сжала край борта. - Лор, а на кой шут ты из правления шарик миллиардный спёрла? Да ещё под тринадцатым номером?

- Не спёрла, а всего-навсего взяла. В дороге кому-нибудь в портфель положу в качестве предзнаменования.

В небе послышался рокот мотора: это в одном направлении с ними как раз над дорогой летел кукурузник.

- Ну, гони же, гони! - стукнула Лариса по кабине. - Обгоним его!

Но воздушный тихоход всё же взял верх. Лариса погрозила ему вслед кулачком:

- Решил нам форс показать. Каракатица, этажерка!

Барсовка была деревенькой из пяти дворов, утонувших в густой зелени и отстоящих друг от друга на немалом расстоянии. Напротив неё по другую сторону дороги текла река, запруженная плотиной. Сосны вплотную подходили к воде. Крайний дом, где им предстояло жить, примыкал к самой опушке леса.

- Начнем осмотр апартаментов, - Вика Веселова толкнула сразу отворившуюся дверь. Жилище оказалось безлюдным и пустым. За просторной, сплошь застекленной верандой, в углу которой были разбросаны грязные фуфайки и мешки, следовал коридор, слева от которого располагалась кладовая и кухня, справа - большая светлая гор-

ница, а прямо - средних размеров комната, единственным достоянием которой был неуклюжий обшарпанный шифоньер. Сюда и стащили поклажу.

Девушки уселись на фуфайки.

- Ну, Игорь, приготовься к атаке: теперь мы будем заботиться о тебе лучше родной мамочки, - предупредила Вика. - Держи сигаретку. Как не куришь? Напрасно! В жизни так мало удовольствий... Вот вернусь из колхоза и влюблюсь в Слуцкого. Ему борода и усы идут.

- А Денису Лихотину не идут.

- Лихотин аккуратный парень, всегда брюки выглажены.

- А Слуцкий что попадёт под руку, то и надевает. Зато после каникул всегда прилизанный приезжает.

- И ещё Денис «Фиалкой» душит. Слышишь запах одеколона, Лихотина ещё не видно, а знаешь уже, что он где-то поблизости.

- Он и не душится совсем. Это просто туалетное мыло с устойчивым запахом.

- Да, земляничное.

- Бросьте, от него «вермутом» несёт, а не «Фиалкой».

- Ладно, девоньки, хорош про мужиков.

- Ой, уютно как у нас, дечки! Остаемся здесь навсегда. Знаете, нам надо будет завести блат с шоферами. Кто нас по магазинам возить будет и на танцы?..

Лариса, которую единодушно избрали профессиональной поварихой, ушла на кухню. Девушки щебетали, осматривая комнату, время бежало незаметно. Вечером из правления колхоза привезли на «уазике» обещанное - матрасы, простыни, одеяла, подушки, посуду и ещё короб с мясом, небольшой, герметически закрывающийся бидон молока, жирный деревенский творог в кастрюле.

- Ох, придётся телёнка по кускам таскать! Зовите Гетманову. Я так не могу даже смотреть на кровь! - переделнула плечами Вика.

Продолжение следует.

НА ЗОЛОТОЙ ТРОПЕ

Вышел фотоальбом
Марины и Андрея Кошелевых

Николай Клюев писал: «От Киевских пещер до Соловков тянется незримая для гордых глаз золотая тропа русского народного творчества... Ведь это те же фрески. И в них открывается совершенно новый эстетический мир, необыкновенно поучительный для понимания русской души...»

Эта тропа для поэта начиналась в Прионежье. «Голубоокий и пригожий, смолисто-рудый, пестрядной», - так пишет Николай Клюев о родном крае. Не только красоты природы видел в Вытегории поэт. «Существует тайное народное предание, - писал он, - что Русь не кончается здесь, на земле, что всё праведное на Руси воссоздается и на небе...». И родные места были для Клюева первой ступенькой на пути восхождения от Руси земной к Руси Небесной.

Именно такое Вытегорье - возвышенное, поэтическое, одухотворенное - видишь в небольшом альбоме «У лебединых перепутий». Вытегорье поэта



Николая Клюева». Его авторы - супруги Марина и Андрей Кошелевы вологжанам очень хорошо знакомы. И по многочисленным публикациям (в том числе и в «Вологодском ЛАДЕ», и «Красном Севере»), и по выставкам.

«У лебединых перепутий» - первое издание центра общественного просветительства «Бирюзовый дом», нового проекта Кошелевых. Начало вышло на славу. Единственное замечание - невелик альбомчик. Перелистав его, хочется разглядывать снова и снова...

Фотоальбом вышел в преддверии Клюевских дней в Вытегре, которые прошли в июле. Это начало задуманной серии «Российская цивилизация. Храмы и судьбы». Издан альбом при финансовой поддержке Вытегорского районного краеведческого музея. Начинание Кошелевых получило положительные отзывы в Институте мировой литературы РАН, Вологодском землячестве в Москве, у многих исследователей жизни и творчества Николая Клюева в Москве, Вытегре и Санкт-Петербурге, Вологде и Петрозаводске, Киеве и Мурманске... Поддержали благое начинание ОАО «Сбербанк России» и Московский дом общественных организаций. Такая широкая поддержка внушает надежду, что это издание не станет единственным.

С новым шагом, дорогие авторы, по золотой тропе творчества! Ждем следующего!

Андрей САЛЬНИКОВ



Личные вещи Николая КЛЮЕВА (Вытегорский музей)

УБИЙЦА И ЕГО МАЛЕНЬКИЙ ДРУГ



**ЗАХАР
ПРИЛЕПИН**

Захар Николаевич Прилепин родился 7 июля 1975 года в деревне Ильинка Скопинского района Рязанской области. Живет в Нижнем Новгороде. Закончил филологический факультет ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Публикуется с 2003 года в журналах «Дружба народов», «Континент», «Новый мир», «Искусство кино», «Роман-газета», «Север». Секретарь Союза писателей России.

Книги: «Патологии» (2005, «Андреевский флаг»); 2006 «Ад Маргинем»); «Санья» (2006, «Ад Маргинем»); «Грех» (2007, «Вагриус»); «Ботинки, полные горячей водкой: пацанские рассказы» (2008, «АСТрель»); «Я пришёл из России» (2008, «Лимбус-пресс»); «Terra Tartarara: Это касается лично меня» (2008, «АСТрель»).

К 2009 году совокупный тираж изданных только в России книг Захара Прилепина составил 210 тысяч экземпляров (без учёта антологий и сборников).

За роман «Санья» Захар Прилепин в 2007 году удостоен премии «Ясная Поляна», а также всекитайской литературной премии «Лучший зарубежный роман года»; за роман «Грех» - премий «России верные сыны» (2007) и «Национальный бестселлер» (2008). Произведения Захара Прилепина переведены на семь языков, отдельные книги выходили в Китае, Франции, Польше.

Счастливо женат. К своим достижениям причисляет троих детей.

Мы, ментовский спецназ, стояли в усилении на столичной трассе втроём: Серёга по кличке Примат, его дружок Гном, ну и я.

Примат недавно купил у срочников пуд патронов и на каждую смену брал с собой пригоршню - как семечки. Загонял в табельный ствол патрон и выискивал кого бы пристрелить.

Где-то в три ночи, когда машин стало меньше, Примат заметил бродячую собачку, в недобрый свой час пробежавшую наискосок, посвистел ей, она недоверчиво откликнулась, косо, как-то боком попыталась подойти к пахнущим злом и железом людям и, конечно же, сразу словила смертельный ожог в бочину.

Собака не сдохла в одно мгновение, а ещё какое-то время визжала так, что наверняка разбудила половину лесных жителей.

Блокпост находился у леса.

Я сплюнул сигарету, вздохнул и пошёл пить чай.

«Наверняка сейчас в башку её добьёт», - подумал я, напрягаясь в ожидании выстрела, хотя стреляли при мне, ну, не знаю, десять тысяч раз, быть может.

Вздрогнул и в этот раз, зато собака умолкла.

Я не сердился на Примата, и собака мне было вовсе не жаль. Убил и убил - нравится человеку стрелять, что ж такого.

- Хотя бы революция произошла, - сказал Примат как-то.

- Ты серьёзно? - вздрогнул я радостно: я тоже хотел революции.

- А то. Постреляю хоть от души, - ответил он.

Спустя секунду я понял, в кого именно он хотел стрелять.

Я и тогда не особенно огорчился. В сущности Примат мне нравился. Отвратительны тайные маньяки, выдающие себя за людей. Примат был в своей страсти откровенным и не ви-

дел в личных предрасположенностях ничего дурного, к тому же он действительно смотрелся хорошим солдатом. Мне иногда думается, что солдаты такие и должны быть, как Примат, остальные рано или поздно оказываются никуда не годны.

К тому же у него было забавное и даже добродушное чувство юмора, собственно, только это мне в мужчинах и мило - умение быть мужественными и весёлыми, остальные таланты волнуют куда меньше.

На своё погоняло Примат, как правило, не обижался, особенно после того, как я объяснил ему, что изначально приматами считали и людей, и обезьян, и австралийского ленивца.

У самого Примата, впрочем, было другое объяснение: он утверждал, что все остальные бойцы отряда произошли именно от него.

- Я праотец ваш, обезьяны бесхвостые, - говорил Примат и заразительно смеялся.

Ну а Гном, хохмя, выдавал себя за отца Примата, хотя был меньше его примерно в три раза.

Примат весил килограммов сто двадцать, ломал в борьбе на руках всех наших бойцов, лично я даже не решился состязаться с ним. На рукопашке его вообще не вызвали на ковёр, после того, как он сломал ребро одному бойцу, а другому повредил что-то в голове, в первые же мгновения поединка.

Пока Гном не пришёл в отряд, Примат ни с кем особенно не общался: тягал себе железо да похаживал, со всеми равно приветливый.

А с Гномом они заружились.

Гном был самым маленьким в отряде, и по кой его взяли, я так и не понял: у нас было несколько невысоких пацанов, но за каждого из них можно было легко по три амбала отдать.

А Гном и был гном, и ручки у него были тонкие, и грудная клетка, как скоречник.

Я смотрел на него не то, чтоб косо, скорее сказать, вообще не фиксировал, что он появился среди нас, до чего ему, скорее всего, было всё равно, или

Гном умело виду не подавал. Но потом, за перекур, мы разговорились с ним, и выяснилось, что от Гнома недавно ушла жена. Она детдомовская была и нигде подолгу обитать не умела, в том числе и в замужестве. Зато осталась шестилетняя дочь, и с недавних пор они так и жили: отец с девочкой вдвоём. Благо мать Гнома ютилась в соседнем домике и забегала покормить малолеточку, когда оставленный женою сыночек уходил на работу.

Рассказывая об этом, Гном не кичился своей судьбою и тоску тоже не нагонял, разве что затягивался сигаретой так глубоко, словно желал убить всю её разом. Разом не получалось, но к пятой затяжке сигарету можно было бычковать уже.

Я проникся к нему доброжелательным чувством. И потом уже с неизменным интересом смотрел на эту пару - Примата и Гнома: они и пожрать, и посмолить, и чуть ли не отлить ходили вместе; а вскоре ещё приспособились, катаясь на машине, распутных девок цеплять, хоть одну на двоих, хоть сразу полный салон забивали, так что не пересчитать было визжащих и хохочущих, даром, что у Примата была молодая и дородная жена.

Примат, несмотря на своё прозвище, лицо имел белое, большое, безволосое, с чертами немного оплывшими, хотя когда он улыбался, всё обретало свои места, и нос становился нагляднее, и глаза смотрели внимательно, и кадык ярко торчал, а рот был полон больших и желтых зубов, которые стояли твёрдо и упрямо.

У Гнома тоже бороды не было, зато наблюдались усики, тонкие, офицерские. И вообще всё на лице его было маленьким, словно у странной мужской усатой куклы. А, если Гном смеялся, черты лица его вообще было не разобрать, они сразу будто перемещались и перепутывались, глаза куда-то уходили, и рот суетился повсюду, пересыпая мелкими зубками.

Кровожадным, как Примат, Гном не казался, по всему было видно: сам он убивать никого не собирается, но

на забавы своего большого друга смотрит с интересом, словно обдумывая что-то, то с одной стороны подходя, то с третьей.

Я услышал их возбуждённые голоса на улице и вышел из блокпоста.

- Порешили пса? - спросил.

- Суку, - ответил Примат довольно.

Он достал ствол, который будто чесался у него, снял с предохранителя, поставил в упор к деревянному, шириной в хорошую берёзку стояку крыльца и снова выстрелил.

- Смотри-ка ты, - сказал, осматривая стояк, - не пробил. Гном, встань с той стороны, я ещё раз попробую.

- А ты ладошку приложи и на себе попробуй! - засмеялся, пересыпая зубками, Гном.

Примат приложил ладонь к дереву и в мгновение, пока я не успел из суеверного ужаса сказать хоть что-нибудь, выстрелил ещё раз, направив ствол с другой стороны, как раз напротив своей огромной лапы. Я не видел, дрогнула в момент выстрела его рука или нет, потому что непроизвольно зажмурился. Когда раскрыл глаза, Примат медленно снял ладонь со стояка и посмотрел на неё, поднеся к самым глазам. Она была бела и чиста.

Утром на базе нас встретила жена Примата. Лицо её было нежно, влажно и сонно, как цветок после дождя. Она много плакала и не спала.

- Ты где был? - задала она глупый вопрос мужу, подойдя к нему на расстояние удара.

Они славно смотрелись друг с другом: большие и голенастые, хоть паши на обоих.

- На рыбалке, не видишь? - сказал он, хмыкнув и хлопнув по кобуре.

Жена его снова заплакала и, приметив Гнома, почти крикнула:

- И этот ещё здесь. Из-за него всё!

Гном обошел молодую женщину стороной с лицом настолько напряжённым, что оно стало ещё меньше, размером с кулак Примата.

- С ума, что ли, сошла? - спросил Примат равнодушно. - Тебе чего не нравится? Что я на работу хожу?

- Ещё и в Чечню собрался, гадина, - сказала жена не ответив.

Примат пожал плечами и пошёл сдавать оружие.

- Ты хоть ему скажи что-нибудь! - сказала мне она.

- Что сказать?

Я понимал, что она его дико и не без основания ревновала, вот даже не верила, что он на работу ходит, а не по девкам, но последнее её слово было всё-таки за Чечню. «При чём тут Чечня?» - подумал я, потому и ответил вопросом на вопрос.

Жена брезгливо махнула рукой, словно сбив наземь мои зависшие в воздухе слова, и пошла прочь. Не обращая внимания на машины, медленно перешла дорогу и встала у ограды парка спиной к базе. Стояла, чуть раскачиваясь.

«Ждёт его, - подумал я довольно. - Но хочет, чтоб он первый подошёл. Хорошая баба».

Сдав оружие, Примат покурил с Гномом, искоса поглядывая не спину жены, они посмеялись, ещё вспомнили про застреленную суку, старательно забычковали носками ботинок сплюнутые сигареты, закурили ещё по одной и расстались наконец.

Примат подошёл к жене и погладил её по спине.

Она что-то ответила ему, должно быть, в меру неприветливое и, не оборачиваясь, пошла по дороге. Примат - за ней, не очень торопясь.

«Метров через пятьдесят помирятся», - решил я. Я из окна за ними смотрел.

Через минуту Примат нагнал жену и положил ей руку на плечо. Она не сбросила его ладонь. Я даже почувствовал, как раскачивание её бёдер сразу стало на несколько сантиметров шире - ровно так, чтоб в движении касаться бедра Примата.

«Придут домой и... всё у них поправится сразу», - подумал я лирично, сам чуть возбуждаясь от вида этих двух древними запахами пахнущих зверей.

Откуда-то я знал, что Примат наделён богатой мужскою страстью, больше меры. Семени в нём было не меньше, чем желания пролить чужих

кровей. Пролил одно, вылил другое, всё в порядке, всё на местах.

Первого человека убил тоже Примат.

Целую неделю он тосковал: кровь не шла к нему навстречу. Он жадно оглядывал чеченские пейзажи, бурные развалины, пустые и мрачные дома, каждую минуту с крепкой надеждой ожидая выстрела. Никто не стрелял в него. Примат был безразостен и раздражён в отряде едва не на всех. Кроме, конечно, Гнома, во время общения с которым лицо Примата теплело и обретало ясные черты.

Пацаны наши чуть ли не молились, чтоб отряд миновала беда, а Примат всерьёз бесился:

- На войну приехать и войны не увидеть?

- Ты хочешь в гробу лежать? - спрашивали его.

- Какая ... разница, где лежать, - отвечал Примат брезгливо.

Постоянно стреляли на недалёких от нас улицах, каждый день убивали кого-то из соседних спецназовских отрядов, иногда в дурной и нелепой перестрелке выкашивало чуть не по отделению пьяных срочников. Одни мы колесили по Грозному, как заговорённые: наша команда занималась в основном сопровождением, изредка - зачистками.

Примат часто требовал свернуть на соседнюю улицу, где громыхало и упрямо отхаркивалось железо, когда мы в драном козелке катались по городу, совершая не до конца ясные приказы - сначала в одно место добратся, а потом в иной медвежий угол отвести то ли приказ, то ли пакет, то ли ящик коньяка от одного, скажем, майора, другому, к примеру, полкану.

- По кой хер мы туда поедem? - отвечал я с переднего сиденья.

- А если там русских пацанов крошат? - кривил губы Примат.

- Никого там не крошат, - отвечал я и, помолчав, добавлял: - Вызовут - поедem.

Нас, конечно, не вызывали.

Но в третий день третьей недели на утренней зачистке на окраинах города мы наконец взяли, забравшись

на чердак пятиэтажки, троих безоружных молодых, нервных. Была наводка, что с чердака иногда стреляют по ближайшей комендатуре.

- А чего тут спим? - спросил у них командир.

- Дом разбомбили. Ночевать негде, - ответил один из них.

Здесь командир и рванул свитерок: на одном, и синяя отметина, набиваемая прикладом на плече, сразу пояснила многое.

Но оружия на чердаке мы не нашли.

- Паспорта есть? - спросили у них.

- Сгорели в пожаре, когда бомбили, да! - стояли чеченцы на своём.

- Ну в комендатуре разберутся, - кивнул командир.

- Разведите их подальше, чтоб другу другу не сказали ничего, - добавил он.

- А то сговорятся об ответах.

Наши камуфлированные пацаны разбрелись по соседним подъездам, работали там: иногда даже на улице слышно было, как слетают с петель двери, их выбивали, когда никто не отзывался. Пленных развели по сторонам, у одного из них остались стоять Примат с Гномом.

На всякий случай я отвёл троих сослуживцев к двум рядкам сараюшек у дома, чтоб посматривали: а то неровен час придёт кто незванный или вылезет из этих сараек чумазый и меткий.

Возвращался, закуривая, обратно, и меня как прокололо: вдруг вспомнил дрогнувшие тяжело глаза Примата, когда он взял своего пленного за шиворот и, сказав «пошли», отвёл его подозрительно далеко от дома, где шла зачистка, к небольшому пустырю, который в последние времена стал помойкой.

Я надбавил шагу и, когда выглянул из-за сараев, увидел Примата, стоящего ко мне спиной, и Гнома, смотревшего мне в лицо с нехорошей улыбкой.

- Беги! - негромко, но внятно сказал пленному Примат. - А то расстреляют. А я скажу, что ты сбежал. Беги!

- Стой! - заорал я, едва не задохнувшись от ужаса.

Крик мой и сорвал чеченца с места. Он, подпрыгнув, помчался по пустырю, сразу скувыркнулся, зацепился за проволоку, поднялся, сделал ещё несколько шагов и получил отличную пулю в затылок.

Примат обернулся ко мне. В его руке был пистолет.

Я молчал. Говорить уже было нечего.

Через минуту примчал командир, и с ним несколько наших костоломов.

- Что случилось? - спросил он, глядя на пацанов: нет ли на ком драных ранений, крови и прочих признаков смерти.

- При попытке к бегству... - начал Примат.

- Отставить, - сказал командир и секунду смотрел Примату в глаза.

- Одно слово: примат, - с трудом выдавил он из себя и сплюнул.

Я вспомнил, как мы весенней влажной ночью собирались в Чечню. Получали оружие, цепляли подствольники, склеивали рожки изолентой, уминали рюкзаки, подтягивали разгрузки, много курили и хотели.

Жена Примата пришла то ли в четыре ночи, то ли в пять утра и стояла посередине коридора с чёрными глазами.

Завидев её, Гном пропал без вести в раздевалке: сидел там, тихий и даже немножко подавленный.

Примат подошёл к жене, они молча смотрели друг на друга.

Проходя мимо них, даже самые буйные пацаны отчего-то замолкали.

Я тоже прошёл молча, женщина увидела меня и кивнула, неожиданно я заметил, что она беременна, на малом сроке, но уже уверенно и всерьёз, под нож точно не ляжет.

Лицо Примата было спокойным и далёким, словно он уже пересёк на борту половину чернозёмной Руси и завис над горами, выглядывая добычу. Но потом он вдруг встал на одно колено и послушал вспухший живот. Не знаю, что он там услышал, но я очень это запомнил: коридор, полный вооружённых людей, чёрное железо и чёрный мат, а посередине всего под жёл-

той лампой стоит белый человек, ухо к скрытому плоду прижав.

...«Примат, да? Воистину примат?» - спросил я себя, подойдя к труп, у которого словно выхватили маленькими зубками кусок затылка.

Никто не ответил мне на вопрос.

Под свой командировочный «демпель» мы устроили небольшую пьянку. В самый разгар веселья вырубили в казармах свет, и Гном всех рассмешил, заверещав тонким и, на удивление, искренним голосом:

- Ослеп! Я ослеп!

- Отец, что с тобой? - подхватил шутку Примат.

- Сынок, это ты? - отозвался Гном.

- Вынеси меня на свет, сынок. От хохота этих хамов к последнему солнцу.

Тут как раз свет загорелся, и все увидели, как Примат несёт Гнома на руках.

Потом эту историю мы вспоминали невесело.

За два дня до вылета домой Примат и Гном в числе небольшой группы отправились куда-то в предгорную глушь, забрать с блокпоста невесту каким образом повязанного полевого командира. Добирались на вертолёте в компании ещё с парой спецназовцев, то ли нижнетагильских, то верхнеуфалейских.

Полевого командира с небрежно, путём применения и сапога, и приклада, разбитым лицом загрузил лично Примат; одновременно, чуть затягивая игру, стояли возле вертолёт, на правив в разные стороны стволы, те самые, не помню с какого города, спецназовцы. Им нравилось красоваться: они были уверены, что их никто не подстрелит, такое бывает на исходе командировки. Гном тоже пересыпал зубками неподалёку.

Тут и положили из кустарника двумя одиночными и верхнеуфалейцев, и нижнетагильцев - обоих, короче, снесло их наземь, разом и накрепко. Гном тоже зарылся в траву, что твой зверёк, и, когда пошла плотная пальба, на окрик Примата не отозвался. Сам Примат к тому времени уже в нутро вертолёт залез, и вертушка ло-

пастями буйно размахивала в надежде поскорее на хер взлететь отсюда.

Выпрыгнув на белый свет, Примат, потный, без сферы, не пригибаясь, прицельно пострелял в нужном направлении, потом подхватил раненых, сразу двоих, на плечи, на одно да на второе, и отнёс их к полемому командиру, который, заслышав стрельбу, засуетился связанными ногами и часто заморгал слипшимися в крови тяжёлыми ресницами, ровно как не умеющая взлететь бабочка крыльями.

Следом Примат сбегал за Гномом, вытащил его из травы и на руках перенёс в вертушку.

На Гноме не было ни царапины. Пока вертушка взлетала, он, зажмурившись, раздумывал, куда именно его убили, но ни одна часть тела не отозвалась рваной болью. Тогда Гном раскрыл радостный рот, чтобы сообщить об этом Примату.

Примат сидел напротив в чёрной луже молча, и у него не было глаза. Потом уже выяснилось, что вторая пуля вошла ему в ногу, а третья угодила ровно в подмышку, там, где броник не защищал белого тела его.

Ещё россыпь пуль угодила в броник, и несколько органов Примата, должно быть, лопнули от жутких ударов, но органы уже никто не рассматривал: вполне хватило того, что Примат какое-то время бегал лишённый глаза, с горячим куском свинца в голове.

То ли нижнетагильцы, то ли верхнеуфалейцы выжили, оба, а Гнома представили к награде.

Мы возвращались домой вместе с огромным цинком Примата.

Жена встретила гроб с яростным лицом и ударила о крышку руками так, что Примат внутри наверняка на мгновение открыл оставшийся глаз, но ничего так и не понял.

На похоронах она стояла молча, без единой слезы и, когда пришла пора бросать землю в могилу, застыла замертво с рыжим комком в руке. Её подождали, а потом пошли со своими комьями иные. Земля разбивалась и рассыпалась.

Гном даже не плакал, а как-то хныкал, и плечи подпрыгивали, и грудь его по-прежнему казалась жалкой, как скворечник, а внутри скворечника кто-то гуркал и взмахивал тихими крыльями.

Жена Примата сжимала землю в руке настолько сильно, что она вся выползла меж её пальцев, и только осталась липкость в ладони.

Она так и пришла с этой грязной ладонью на поминки.

Сначала пили молча, потом разговорились, как водится. Я всё смотрел на жену Примата, на окаменевший лоб и твёрдые губы. Не сдержался, подошёл, сел рядом.

- Как ты? - кивнул на живот ей.

Она помолчала. Потом неожиданно погладила меня по руке.

- Ты знаешь, - сказала. - Он ведь меня дурной болезнью заразил. Уже беременную. И лечиться нельзя толком, и заразной нельзя быть. А как его убили, в тот же день всё произошло. Я к врачам ходила, проверилась - ничего нет, как и не было никогда.

Через несколько месяцев дом Примата ограбили, пока вдова ходила в консультацию. Выгребли все деньги, много, смертные выплатили, ещё взяли ключи от машины и прямо из гаража её увезли.

Вдова позвонила мне спустя дня три после происшествия, попросила приехать.

- Есть какие новости? - спросил я у неё.

Она пожала плечами.

- У меня есть... подозрение, - сказала она поглаживая огромный свой живот. - Поехали съездим к одной женщине. Она ведунья. Ни с кем не встречается давно, говорит, что её правда зло приносит. Но она отцу моему должна, потому встречается со мной.

Я внутренне хмыкнул: какие ещё, Боже ты мой, ведуньи! Но мы поехали всё равно - вдове не откажешь.

Дверь открыла приветливая и ясная женщина, совсем не старая и одетая не в чёрное, и без платка - совсем не такая, как я себе представил: улы-

баюющаяся, зубы белые, в сарафане, красивая.

- Чай будете? - предложила.

- Будем, - сказал я.

Сели за стол, съели по конфете, чай был горячий и ароматный, в пузатых чашках.

- Ищете кого? - спросила ведунья.

- Дом обворовали, - ответила вдова.

- И очень всё ладно было сделано, как будто свой кто-то: ничего не искали, а знали, где лежит.

Ведунья кивнула.

- Я вот фотографию принесла, - сказала вдова.

Она достала из сумочки снимок, и я вспомнил тот милый чеченский денёк, когда мы выпивали, и потом свет погас, а после снова включился, и мы сфотографировались, все уже пьяные, толпой, еле влезли на снимок, плечистые, как кони.

- А вот этот и ограбил, - сказала ведунья просто и легким красивым ногтем коснулась лица Гнома.

- Видишь какой? - добавила она помолчав. - Так уселся, что кажется выше всех. Смотрите. Он ведь маленький, да? А тут незаметно вовсе, что маленький. Больше мужа твоего кажется, вдовица. Он твой муж? - и указала на Примата. - Мёртвый уже он. Но дети его хорошими будут. Белыми. У тебя двойня.

Я сидел, ошарашенный, и даже чайная ложка в руке моей задрожала.

Гном уволился из отряда три месяца назад, и с тех пор его никто не видел.

- Поехали к нему! - чуть ли не выкрикнул я на улице, дрожащий уже от бешенства, сам, наверное, готовый к убийству.

Вдова кивнула равнодушно.

Домик Гнома был в пригороде, мы скоро туда добрались и обнаружили закрытые ставни и замок на двери, такой тяжёлый, какой вешают, только уезжая всерьёз и далеко.

Постучали соседям, те подтвердили: да, уехал. Все уехали: и мать, и дочь, и сам.

Мы уселись в машину: я - взбудораженный и злой, вдова - спокойная и тихая.

- Надо заявление подавать, - горячился я, закуривая и глядя на дом с такой ненавистью, словно раздумывая, а не сжечь ли его. - Найдут и посадят тварь эту.

- Не надо, - ответила вдова.

- Как не надо? - поперхнулся я.

- Нельзя. Он друг был Серёжке моему. Я не стану.

Я завёл мотор, мы поехали. Вдова держала руки на огромном животе и улыбалась.

РОССИЙСКОГО ЧИТАТЕЛЯ РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ ПОТЕРЯЛИ

Обрести его надеется помочь Гражданский литературный форум

Захар Прилепин, один из самых заметных молодых русских прозаиков, считает, что необходимо дать возможность русской литературе, написанной в провинции, прозвучать на всю Россию, а тем, кто знаком столицам, - «докричаться» до провинциального читателя

Это одна из главных целей Гражданского литературного форума, который создан недавно в Москве. Это первое в России собрание творческой интеллигенции, которое работает не по принципу формального объединения в «союз писателей», но становится свободной творческой площадкой интеллектуального обмена, спора, дискуссии и включает в своё пространство талантливых и активных писателей, способных к самоорганизации и независимой деятельности.

Председатель Гражданского литературного форума - известный литературный критик, культуролог, доктор филологических наук **Капитолина КОКШЕНЕВА**. «На форум пришли разные и яркие личности, - сказала она, - но мы будем учиться культуре несогласия ради общих целей - создания общерусского поля ценностей».

В составе форума - известные современные русские писатели разных поколений и творческих пристрастий: **Юрий МАМЛЕЕВ** и **Захар ПРИЛЕПИН**, **Виктор НИКОЛАЕВ** и **Сергей ШАРГУНОВ**, **Роман СЕНЧИН** и **Владимир БОНДАРЕНКО**, а также многие другие писатели из разных регионов России - от Москвы и Санкт-Петербурга до Вологды и Красноярска.

По мнению участников форума, новое объединение писателей изменит отношение общества к литературе и культуре в целом. «Базовым культурным фундаментом нового проекта станет альтернатива гламуру и его иллюзорному позитиву, его психическому и физическому разложению, - считает Капитолина Кокшенева. - Дорогой авторский продукт, сложный для понимания, нужно сделать востребованным».

Многие персоны нового общественного проекта хорошо знакомы воложанам. Не раз публиковались в «Красном Севере» и «Вологодском ЛАДЕ» **Владимир ЛИЧУТИН** (первый лауреат Всероссийской премии имени В.И. Белова) и Капитолина Кокшенева, **Лидия СЫЧЕВА** и **Дмитрий ЕРМАКОВ**. Готовится публикация в «Вологодском ЛАДЕ» произведений и других участников форума - **Олега ПАВЛОВА**, **Захара ПРИЛЕПИНА**...

Форум готов участвовать в культурных инициативах регионов России и предлагать свои, поддерживать инновационные программы, содержанием и смысловым центром которых является наша Россия, а также то, что дружелюбно по отношению к ней, но находится «в стороне от России».

Соб. инф.

БУДЬ РЕАЛИСТОМ - ТРЕБУЙ НЕВОЗМОЖНОГО!

Захар Прилепин беседует с известным критиком
Капитолиной Кокшенёвой о будущем русской литературы

- Русская литература начала XXI века, что с ней происходит: расцвет, упадок, стагнация? Удивительное дело, мнения раздаются самые разные. Твоё мнение каково?

- Опуская человека в адовы глубины, низвергая в бездны, современная литература занимается уничтожением человека. И делает это с размахом и смаком. Борьба с человеком в современной литературе идёт давно и упорно. Человека настойчиво превращают в ноль, в ничто. Если посмотреть на историю новейшей литературы в целом (начиная с 80-х годов XX века), то это будет история измен и страхов. Сначала изобличали «совка» (подлейшее слово), потом боялись величия «империи зла», дальше заселяли литературное поле уродами, говноедками, гнусняками, слизняками, извращенцами и прочими гадами. Но всё это мне мало интересно.

Меня интересует судьба той литературы и тех писателей, которые не хотят и не могут поставить себя в независимое положение от национальных интересов, от русского человека (что очень часто делала и делает так называемая «элита», интимная сторона жизни которой состояла в последние годы преимущественно в том, что она занимала позиции эlegantного и последовательного - этаккого «брехтовского» - отстранения от «местных» традиций и интересов). А поскольку настоящие писатели есть, и талант их в силе и зрелости, и перо их способно одолеть темы самые трудные, твёрдые породы жизни, то нет никаких оснований плакать о судьбе русской литературы. Судьба эта замечательна. Вера Галактионова, Олег Павлов, Пётр Краснов, Ми-

хаил Тарковский, Борис Агеев, Анатолий Байбородин, Александр Потёмкин, Анна и Константин Смородины, Виктор Николаев, Лидия Сычёва, Сергей Шаргунов - таланты разнообразные, яркие. Да, сегодня нет единого культурного языка, нет общего поля ценностей. Да, сегодня истина воюет с красотой, красота враждует с добром, а добро отбивается от атак правды.

Идёт серьёзная война - война ценностей. И в ней принимают активное участие все, в том числе и тот, кто заявляет, что он «просто делает литературу». Тем не менее я думаю, что ты согласишься со мной (поскольку и тебя я включаю в круг названных и званых), согласишься, что все названные писатели пребывают между собой в некотором родстве. Все вы готовы защищать человека, спорить о ценностях. Все вы никогда не отказывались от этического в дискурсе современной культуры. Все вы не испугались бремени исторической ответственности и связанной с ней жертвенности. И каким бы сильным ни был террор нынешней среды с её культурным ширпотребом и глянцевым имморализмом, культурная доминанта времени, сердце времени стучит всё же в вашей настоящей русской литературе.

- Ты назвала очень разных по стилю писателей. Скажем, Байбородин - слово крестьянское, резное, а Шаргунов - слово активное, резкое, городское... Каким должен быть писатель нового времени? С какой эстетикой ты связываешь будущее литературы?

- Я связываю будущие победы русских писателей не столько с эстетикой, сколько с мировоззрением и но-



Захар ПРИЛЕПИН

вой идеологией, в том числе и культурной. О том, что рухнул Просветительский проект, мы знаем, мы это видим и чувствуем, но нам в это трудно поверить. А между тем это так. И нужно обладать определённым мужеством, особенно гуманитариям-писателям, чтобы с этим жить и чтобы это знать. Политолог Андрей Фурсов считает, что рухнул уже и Библейский проект как общественная доминанта. На уровне личности, конечно, это не обязательно так. У нас в России, напротив, именно в последние годы многие только и добрались до Христа. Но вот рассчитывать, что так, без трудной работы, христианство вдруг станет доминантой культуры, рассчитывать на это пока рано, если, конечно, ты не хочешь тешить себя приятными иллюзиями. Так вот, на наших глазах свершилась революция технологий и коммуникаций, психореволюция, связанная с новыми методами управления человеком и обществом. Кто отступил и что отступило под этим натиском? Отступила, была вытеснена область идеального, метафи-



Капитолина КОКШЕНЕВА

зического. Сразу оговорюсь, что элизаровская «метафизика спальных районов» или «метафизика конспирологии» Александра Проханова - это всё как раз прямые вопиющие доказательства отступления подлинной метафизики (добавьте сюда ещё «метафизику еды»). Это её современные эрзацы, её двойники. Без положительного понятия духа невозможна никакая подлинная русская культура, подлинная метафизика. Будущее за теми, кто способен «к зловещему интеллектуальному превосходству» (цит. по А. Фурсову). Под «зловещим» я понимаю, конечно же, активность, наступательность. Будущее за теми, кто даст мощный идеальный базовый проект. А потому задача писателей - правильно видеть реальность, показать то, что эту реальность скрывает (речь идёт не только о виртуальном мире, но и о понимании угроз для человека, существующих в обществе и маскирующихся под духовную и подлинную реальность). Вот в этом процессе новой идеализации (и новой идеологизации), без которой никогда не

жило человечество, а тем более русский человек, может и должен участвовать писатель. А эстетика пусть будет разной, но не грязной. Поэтому повторю: «Будь реалистом - требуй невозможного!» И... начни с себя.

- Вот смотри, как ни крути, уже сложилась литература (хотя это не литература) нового типа, иногда её называют «офисной», хотя это очень условное название; можно назвать «либеральной», но это не менее условно. Однако ощущение, что сложился некий новый класс, который желает дать свою литературу, - оно есть.

Можно ли в таком случае говорить о том, что возрождается классовая литература? Только у нас «атакующий класс» несколько другой теперь.

- Ещё десять лет назад я бы не сказала с полной уверенностью, что у нас вновь появилась классовая культура. Ясно, что никто ещё не научился об этом говорить новыми словами - ну не будешь же брать на вооружение картавых большевиков! Но... есть современное буржуазное кино? Есть. А вот русского политического кино, естественно, нет. Создано культурное гетто для низших и бедных слоев общества? Создано. Господствует у нас эстетика под надзором менеджеров? Господствует. Проект Сергей Минаев, например, - яркое и художественно бездарное выражение менеджерской литературы. Существует у нас корпоративная («элитного» и среднего класса) культура? Существует. Эту культуру точно и язвительно назвал Александр Потемкин словом «шикерия» в романе «Изгой». Смотрите глянец и размышляйте над «идеологией шикерии-гламура», если у вас много времени. Или почитайте журнал «Русский пионер», где был «в гостях» Владислав Сурков, и решите для себя, какая это культура, если государственный служащий модно «очарован магией чисел 69 и 96», если он сделал (ужасно жеманно!) открытие о том, что романы - «это такие большие тяжелые книги, в которых очень много

букв и слов, кто не знает», и вполне с постмодернистской усмешкой заключил, что ему «всегда были интересны приключения не людей, а слов в книге». Действительно, да кто такие эти люди, чтобы ими интересоваться! Подумаешь, какие-то Карамазовы... Впрочем, первый заместитель главы администрации Президента РФ Владислав Сурков ещё раньше говорил: «Если 80-е были временем интеллигенции, 90-е - десятилетием олигархов, то нулевые можно считать эпохой среднего класса... Их деятельный патриотизм, политические, эстетические и ценностные предпочтения именно этих людей формируют современную культуру России, наш образ жизни, нашу демократию». Впрочем, не ясно, что, собственно, позволяет записать в один класс «сельских специалистов», «государственных служащих», «офисных работников». И чем таким особенным отличается их патриотизм? Но культура среднего класса - это культура гламура. И чёрт бы с ним, с гламуром, если бы он сегодня нагло и экспансивно не поглащал буквально все: и другие формы мысли, и даже прошлое, казалось бы, антигламурное (Че Гевара стал брендом). А название «Русский пионер» - это как? Это тоже гламур. И тут мы видим его (гламура) авторитарность, его жадное стремление полностью контролировать основное поле культурной активности. А потому уже пора создавать антимонопольный культурный комитет.

В общем, я должна констатировать, что в культуре уже идёт серьёзная социально-этическая борьба. Мы только что её наблюдали. Можно её, конечно, не замечать. Но «выключить кнопку» не удастся.

- По поводу антимонопольного культурного комитета солидарен полностью. Другой вопрос, что российская власть и приближённые к власти элитарики отлично умеют мимикрировать: они одновременно могут быть «западниками» и «славянофилами», «либералами» и «консерваторами», при том, что, по моему

мнению, никакого серьёзного смысла в эти понятия они не вкладывают.

- Да, несколько лет назад стало ясно, что «раздавить гадину» патриотизма не удалось, а вот найти внутри человека заветные струны, которые бы ещё в нём звучали, - стало просто необходимо. Для всех - это патриотизм. Для интеллектуалов - это «консерватизм». Но не очень-то хочется, чтобы наша нынешняя «демократия» слишком много болтала о русском характере, русском патриотизме и т.п., чтобы всё это превратили в лозунги. Пусть говорят об этом наши национальные писатели и мыслители, а не кто-то из политшоу болтает от их имени. И самое горькое горе наше будет тогда, когда народ будет спасён и, переживая кризис за кризисом, всё же выживет, но русский дух исчезнет из народа. В общем, нужно слышать дыхание и ритмы времени. И слышать их лучше всего могут писатели и мыслящие русские интеллигенты. Обновление литературы и жизни - вот, мне кажется, задача.

- Да, осталось только понять, как это обновление будет происходить. Я это безо всякой иронии говорю. Какие задачи сейчас стоят перед обществом? Что лично тебя волнует и возмущает более всего?

- Дефицит личности - вот что волнует меня. Скажи, зачем приглашать критика на передачи о литературе и запрещать называть имена писателей? Любой трёп вообще с любой степенью игры и позёрства - это, пожалуйста. Но вот серьёзного, не игрового отношения они не выносят. И не только о ведущих ток-шоу речь (они просто, на удивление, стандартны), но лживая этика распространена и в среде писателей. Почти нет у нас творческих площадок в СМИ, где о культуре, литературе, человеке можно было бы говорить без гримас, без ужимок и прыжков; где ни выглядел бы «странным» тот, кто горяч и полнокровен в мысли; где не смотрели бы как на «некорректную» личную эмоциональность. Теплохладная серость,

умственная безответственность и безличность (ужасная боязнь оценок!) растекается по нашим якобы творческим передачам, статьям, книгам. Я этого не выношу, потому что я точно знаю: «Времени нужны не те, кто ему, времени, поддакивает, а совсем иные собеседники».

С дефицитом личности связан и дефицит культурной идентичности. Потому и вызывает уважение и восхищение, что, несмотря ни на что, у нас всё ещё существует культурное сознание высшего уровня - национальное.

- Я с тобой согласен, что национальное сознание есть, и оно ещё уловимо. Мало того, я не совсем понимаю, как оно пережило, как минимум, последнюю четверть века. Самосознание нации, чтобы не сказать банальность, могло бы рассыпаться от такой агрессивной обработки.

Я, собственно, вновь возвращаю разговор к литературным делам.

Ты работаешь в «толстом» журнале «Москва», у тебя отменный стаж работы. Рискнёшь ли ты вслух говорить о коллегах, в том числе и отстаивающих несколько иные идеалы? Что думаешь по поводу «Октября», «Знамени», «Нового мира»? Как ты оцениваешь будущее «толстых» журналов?

- Судьба всех «толстых» литературных журналов одинакова и зависит исключительно от того, найдётся ли спонсор, обладающий некоммерческим воодушевлением. «Толстые» журналы - наше культурное достояние, превратившиеся de facto в своеобразную культурную роскошь, культурный заповедник. Де-юре некоторые журналы приватизированы, то есть, по сути, все имеют одного или несколько хозяев. На мой взгляд, это достаточно некрасиво, ничуть не менее безобразно, чем приватизация иной общенародной собственности.

Я не хочу сказать, что «толстые» журналы совсем не актуальны, напротив, именно они и представляют со-

бой интеллектуальные площадки (с той или иной степенью высоты интеллектуальной планки), где возможен серьёзный разговор о литературе и обществе. У каждого журнала есть свой читатель. Но только узок, очень узок этот круг, а значит, и влияние. «Наш современник» всегда был ориентирован на тех, кто свою лучшую жизнь прожил в советской эпохе. А эти люди привыкли читать, поэтому не случайно и тиражи в «Нашем современнике» всегда были больше, чем у других. Журнал «Октябрь» для меня всегда был тёмным и невнятным. Я там читала только Олега Павлова, когда он давал в нём свою прозу. Журнал «Знамя» - естественно, был оппонентом. Здесь я читала критику. На прозу, помещённую в «Знамени», я тоже писала свою критику (Буйду, А. Дмитриева и др.). «Новый мир» занимает свою нишу, хотя никакой дерзости от него давно никто не ждёт. «Толстые» журналы более-менее остаются верными своим «направлениям». И это нормально.

Существует ли необходимость у нас, работающих в разных журналах, быть понятыми друг другом? Уже нет. В той дискуссии, что велась между «толстяками» в начале «перестройки», никто больше не нуждается: вроде бы как установился некий «общественный договор» о своих культурных территориях. А за давностью времени часть границ заросла молодой порослью (появились авторы, которые печатаются сразу в нескольких «толстяках»).

- И я помню, кто был первым. Роман Сенчин. Потом уже Тарковский и Шаргунов...

Но сегодня даже самым широким спектром авторов читателей не удивить. Что делать?

- Если «толстые» журналы хотят

жить, им необходимо прежде всего активно осваивать новые формы своего присутствия в медийном пространстве - создавать электронные версии журналов и сопутствующие им проекты. Перспектива, на мой взгляд, такая: обширная и интересная электронная версия (в том числе главные статьи как бы докладываются автором в формате визуальной лекции), да и вообще можно много чего придумать весьма разнообразного по форме, а вот печатных журналов я бы издавала сто штук номерных, но роскошных и адресовала главным библиотекам страны, а также ценителям и собирателям книги.

- Скоро начнёт работу Гражданский литературный форум, который ты возглавляешь. У него огромные планы, множество проектов по работе с университетами и библиотеками, и, главное, к форуму будут иметь отношение множество разных, но очень симпатичных мне людей - от Владимира Личутина и Юрия Мамлеева до Михаила Тарковского и Сергея Шаргунова, а также десятки литераторов с самых разных концов страны.

Ты можешь обосновать значение Гражданского литературного форума не с точки зрения практической, просветительской и социальной (оно очевидно!), а с точки зрения, скажем... философской?

- Существует такое определение народа: «Народ - это союз людей, способных ясно и глубоко понимать друг друга». Вот я и думаю, что мы и есть этот самый творческий русский народ, желающий понимать себя и друг друга. Вообще жизнь - это накопление любви.

Беседу вёл Захар ПРИЛЕПИН

ВЛАДИМИР ЛИЧУТИН

Родился 13 марта 1940 года в городе Мезени Архангельской области. Выходец из древнего поморского рода, именем предка писателя назван остров Михаила Личутина. Рос в многодетной семье, без отца (погиб на фронте). Окончил лесотехнический техникум (1960), факультет журналистики Ленинградского университета (1962), Высшие литературные курсы при Союзе писателей СССР (1975). Известен как автор романов «Любостай», «Миледи Ротман», исторической эпопеи «Раскол», повестей «Крылатая Серафима» и многих других. Он лауреат литературных премий имени Александра Невского, Владимира Даля, Союза писателей России. Его роман «Беглец из Рая» был удостоен «Большой литературной премии России». Владимир Личутин - лауреат первой премии первого Всероссийского конкурса имени В.И. Белова (2009).



СОН ЗОЛОТОЙ

(книга переживаний)

Продолжение. Начало в №1 за 2009 год

И вот чу! Все уряжено, лампа под зеленым абажуром натерта до блеска, пузатое стекло выскоблено газетами до прозрачности: праздничный свет из окон падает оранжевыми осколками на крупчатый, голубоватый от луны снег. Огрузала ель на передырье избы под толстой кухтой, березы в морозном серебре, звезды в небе крупные, горят, как уголье. Таинственно, тихо, глухо, словно на воле уже середка ночи, никто не вскрикнет, не брякнет, не взлетит на прохожего собака. Будто вымерло все на Мезени. Я то и дело подбегаю к окошку, навастриваю взгляд в мгlistую даль улицы: не покажется ли кто. Видно лишь, как блестит под луною санный след, принакрытый прозрачной ледяной слюдой. Слушаем с замиранием сердца, когда заскрипят под валенками и бурками выметенные мостки, наступленно всхлипнет входная дверь. Выстроились в жарко натопленной кухне, пахнущей сдобами и пирогами, с нетерпением ждем гостей. Дедушко Петя, похожий на подросточка, с седой щетинкой на скулях, с усталым мерклым взглядом: рядом дядя Валерий стоит, как гренадер, в начищенных штиблетах, наглаженных в стрелку брюках и голубой бобочке с короткими рукавами; бабушка в черном долгом платье, на шее - кружевной воротник, в волосах костяной гребень, она то и дело подскакивает к распахнутой в горницу двери и придирчиво разглядывает уряженный стол: не промахнулась ли в суете, не позабыла ли чего. И я, будто привязанный к бабушке невидимой вервью, волочусь следом, разодетый, как сказочный «принц» (фу ты-ну-ты, ножки гнуты!), в новой матроске и бескозырке, в штанишонках с лямкой через плечо...

И вот явились первые гости, с мороза румяные, принесли с собой холоду. И, Боже мой, сколько тут суматохи, всхлипов, целованья, коротких слез! Давно ли минула война, одни не вернулись, от других нет вестки. Женщины не проходят сразу, а ревниво оглядывают стол, уставленный вазами, блюдами и суденками: посередке, как водится, огромный румяный крендель, усыпанный изюмом, лежит важно, как прикопеченный поросенок, а возле торт песочный, да торт шоколадный, да торт вафельный, да торт кремовый, да торт кофейный, да торт «Наполеон», пряжье, да всякие розочки и ромовочки. И чего только нет на столе, глаза разбегаются! «И неуж все слопают? - прицениваюсь я к изобилию. - Да нет, пожалуй, не осият». И от этой мысли мое настроение поднимается еще пуще... Сестры Анюта и Вера Братиловы, в коричневых салопах, в черных кружевных накидках, поджимают губы, прицениваются к вавилонам печеной снеди. Тетя Анюта - высокая, с породистым иконным ликом и глубоко посаженными в сизые обочья глазами; тетя Вера - рыжая лицом и волосами, низенькая, квадратная, будто кубышка, с прищуром накрываясь над столом, слегка покачивается на плотных, «бутыльечками» ногах и чего-то упорно выглядывает в тарелках с выпечкой. У нее

свое на уме. Бабушка опережает пересуды, словно боится охулки на свои труды, морщится мужиковатым лицом, и, как заведено у мезенских мещан, сама себя нарочито низит: «Ох-хо-хо, - вздыхает, - и бизе-то не получилось, вяло како-то. Будто морожены лягушки (хотя бизе сверкает снежной белизною в хрустальной вазе). И «Наполеон»-то совсем скорчило, корки сжежились, крема не держат. Уж тако нынче масло пошло, одна вода да пена, хоть и не клади совсем... А на слоенки, деушки мои, и глядеть не хочется, запрыщавели все да замодели».

«Нет-нет, слоенки, Нина Александровна, ты не похули... Слоенки - видом продать... Ты бы секретом поделилась», - в очередной раз прихваливает Вера Братилова, и бабушка, словно бы дождавшись поощрения, скоро делится секретом: «На стакан сметанки масла возьми граммов пятьсот. Не покупись, Верочка, ведь сметана нонеча нежирная, может, простоквашки уливают. Соли с полчайной ложки. Солено невкусно. Столову ложку вина надо улить да столову ложку песку сахарного. Подмесишь с мучкой да раскатаешь под скалом. Масло нарежь тонкими ломотьями да на тесто уложи рядочками, сверни в поленце да и снова скалкой раскатай. И так на три раза... А жар сильный в печи не держи, чтобы низ не пригорел... Вот и вся хитрость. Было бы из чего стряпать, деушка». Бабушка горделиво обводила глазами стол, на щеках ее вспыхивает румянец. Она сразу молодеет.

«И я вроде бы также выпекаю, а как бы чего не хватает», - оправдывается родничка.

«Ага... То и не хватает, талану не хватает, мать. Одна мучка, да разные ручки», - весело говорит ее сын Юрий, рыжий, как пламя, спички о его волосы можно поджигать. И с этими словами смотрины стола заканчиваются.

Гости начинают греметь стульями, протискиваться по чину и ряду под фикус и чайные розы в кадучках, каждый знает свое насиженное место. И уже за столом женщины снова ревниво прицениваются, каково напечено да каково уряжено, словно бы с венского гнutoго стула видно всё до мелочей. А мужчины, степенные, деловито-стеснительные, накурившиеся до такой степени, что, кажется, уши покраснели, как волнухи, и опухли, усаживаются в нижнем конце стола, второго приглашения не ждут, их стряпня не волнует, и закуски не задерживают взгляда, но сразу принимают на грудь по граненому стакану морощечно-желтой браги да вдгонку и по второму тянут, пока посудинка не остыла и чтобы разгорячить натуру. Бабушка этот момент ловит, боится пропустить, и, не промедля, уже несет чай в фарфоровых тонких чашках; зорко дозорит хозяйка, чтобы не окривел кто второпях, ведь с морозу коварная брага скоро себя выкажет и подставит задорному гулевану ножку. А там недолгах и под стол кувырк. «Пей-то пей, почто не выпить-то, да ума не пропивай, - говаривали старики. - Не говорю: не пей, а говорю: не упивайся. Не проклято вино, а проклято пьянство. Ибо вино есть кровь Христова». Вот чай-чаище и умирят пыл ретивого человека, не даст ему дурного разгону, когда все трын-трава, когда разбуженный норов не только попускается на веселье, но и на всякую дрязгу и буйство: ведь что у трезвого на уме, то у пьяного на языке...

И долго ли вилкой повозят в тарелке, осадят закускою хмель, помирволят благоверным, что дозорят возле, а уж и песня занялась, будто кто в распахнутую фортку вздохнул протяжно, впустив в горенку сеево морозной трухи, - такой тонявый, жалобный, неверно-робкий голосишко вынырнет из сумеречного угла, из-за чайной розы, гордовато расщеперившейся в пузатой деревянной кадце, и прощелестит по-над столом. Звук этот, наверное, не толще человеческого волоса, и лишь чутыстый, подготовленный слух уловит его за бряком-гряком посуды и монотонными бабьими пересудами. «Эй, кому там не утерпелось? Кого за язык потянуло запеть?» - недовольно вздернется иная женочонка, еще не успевшая толком отпробовать угощений иль занятая досужей беседой, когда новость цепляется за новость и тем перетолкам не станет конца. Но невольно навестрит гостя ухо и мысленно потянет за ниточку такой памятный с детства мотив, хотя в песню включаться душа еще не готова и сердце стопорит. О грустном, быть может, перетирали вдовицы, о незаживаемом, и не дело перекрывать воспомина-ния песнею, когда мужние косточки еще не истлели в чужих землях. Ох-хо-хонюшки... Святыи Боже, Святыи крепкий, Святыи Бессмертный, помилуй нас. Мертвым вечный покой, а живым - живейное, и от него ничем не заградиться...

И вот пока не умер зачин, тут и подхватят боевые на глотку мужики, высоко поведут старинушку, аж потолок прогнется и воспарит крылом в черное морозное небо, и керосиновая лампешка пугливо вздрогнет и шатнется. Я малой еще, головы кочашок из-за стола едва пророс, но и я - участник дружины, застольный

воин, и мой тонявый голосишко, оказывается, тоже нужен для подтягу, чтобы заливицей, тенористей, с выносом выпевалось.

Со вчерашнего похмелья болит буйная голова...

Тройка скачет, ямщик плачет,

А седыки песню поют...

И так весь вечер одна песня подхватывает другую, и «питухи» едва успевают горло промочить, утробушку помаслить.

И никто спать меня не выпроваживает, но всяк старается подсунуть пирожок послаще да приласкать мой вихорок на макушке с приговором: «Хороший, Нина Александровна, у тебя сынок растет...» А бабушка, вроде бы не обращая внимания на прихвалки, зорко, по-орлиному сверлит застолье одним глазом, как бы не упустить гостей, не обделить закусками. И вдруг подхватит песняку высоким фальцетом, часто невольно, всхлопает руками по бокам: «Ой, кабыть позабыла!» - и снова спешно на кухню.

Где-то ночь-за полночь какая-нибудь из пожилых гостей, в слежавшемся темном платье с оборками, приторно пахнущем нафталином, и в повойнике кустишками, вдруг встрепетается, будто ей приспичило, невтерпеж домой, где у нее дюжина «толстокореньшей» по лавкам, и давай гомозливо двигать стул, шепериться локтями, выбираясь из-за тесного стола, и, конечно, невольно, но с умыслом поднимет всех, попутно сердито «борша» на мужиков, дескать, «окаянные, все ум пропили и хозяев нисколички не жалеют, а Нина Александровна и Петр Назарович уже не молоденькие, им тоже отдых нужен». И с недовольством, вроде бы век собрались гостевать, выпыют мужики «отвального-походного».

И снова горница пуста, а в кухне невпродых, сряжается народец, роется в шапках и пальтоухах, сваленных в угол, и хозяйка каждому сует гостинца, ибо так повелось: с гостыбы с пустыми руками не уходят, чтобы домашние, стар и мал, кому нынче не довелось праздновать, отведали печеного.

А мне с белой матроской так трудно расставаться, и потому я не сдаюсь, готов всю ночь коротать, выглядывая мутным взглядом из-под свинцовых век, как хлопчет бабушка на кухне, прибирая после гоститвы, моет и перетирает посуду, елозя в тарелках вехотком, тяжело шаркает по полу валяными калишками-басовиками. Ей-то бы только до постели добраться, так дурно и тяжело, и, наверное, невольно западает на ум, что пора с богом Радигостей распрощаться, ибо все тяжче справлять большой стол. Я не помню, как оказываюсь на печи и чьи руки вздымали меня под потолок, но проголосная песня и в блаженном глубоком сне не замирает в голове и на сердце, будто все закоулки моего тела заполнены протяжным жалостным звуком. А может, это ветер плачет в трубе, просится в избу? Мне кажется, что остатки древнего проголося не изветрились из меня и поныне, они как бы скрепляют невидимым вервием мое прошлое с настоящим. Молитвенный дух русской песни и поныне обитает во мне... Самое тут время и поклониться ей.

9. «ДУША НЕИЗЪЯСНИМАЯ»

«Мне думается, сначала появилась музыка природы: посвист осеннего ветра, шорох листы под дождем, скрип деревьев, грохот камнепада, разгул грозы, трубный зов мамонта, вой волков. Это же симфония многоголосия, и в каждую пору года особенного звучания. В стремлении к небесам, где меж гневных туч метались птицы, древний человек однажды потянулся вверх всем телом, чтобы вернуть утраченные крылья, и, выпрямившись, извлек из груди и выпел первые неверные слова.

Так появилась молитва-песня.

...По русским песням можно понять, как возросла, наполнилась чувствами душа человеческая, как вызревала нация. «Сказка - вралья, песня - правда», - говорят в Поморье. Их многие тысячи на Руси, целые необъятные своды исторического знания, потиху тускнеющие, опадающие в неги под гнетом ростовщического города, поклонившего под себя деревню. «Чтобы петь, нужна глубокая память: на беседе - беседошны, на вечерке - вечерошны, на лугу - луговые, в хороводе - плясальные». А еще были песни величальные и свадебные, солдатские и шутошные, виноградье и песни духовные. А после к ним согласно пристали и застольные-советские: песенники, заведенные девичьей рукою, обычно были в каждой русской избе. Это были зачастую самосшитые толстые тетради с рисованными розочками, целующимися голубками, сердцами, безжалостно пронзенными стрелой Амура, засушенными луговыми цветами, короткими выдержками из мировой фило-

софской мысли, где речь обычно шла о любви и семье. И у сестры Риты тоже был такой пухлый альбом, и, когда в разгоряченном застолье одна песня с ходу поджигала другую, как скворчащее в печи бересто, а память гостей поисскакала, тут-то и раскрывался в помощь верный помощник-песенник; помню, как я, недоросток, притулялся к сестриному боку, чтобы подглядеть забытую строку...

Один старик в Поморье признался мне: «Последние годы доживаю, а куль песен ещё не развязан».

И прежде тяжельно жилось на Руси, а пелось; песня - это праздник сердца, это просьба-молитва души, это торжественный поклон Господу, это горестный поминный плач по ушедшим, это страх перед забвением, предупреждение и остережение живущим. Песня духу дает здоровья, она крепит утробу и полирует кровь, очищает слух, возбуждает сердце и ярит плоть, побуждая к чувствам. И какие бы горя русские люди ни претерпевали, но песню тешили. Я еще сам застал ту пору, когда на сенокос бабы едут - поют, домой возвращаются - поют, на жатве поют и у реки; цветисто сплетали голоса в полдень под копною и в праздничном застолье, на околице в хороводе и на посиделках. А я особенно любил выкрикаться наодинку в лесу или на лугу, когда снежок щекотный сыплется с небес иль метель подбивает в спину, чтобы заглушить тревогу или выплеснуть щенячью радость. Запеть в полный голос в одиночестве под родимыми небесами, когда ты один на весь белый свет, - это испытать особенное наслаждение.

«Песельница» с Мезени Параскева Масленникова рассказывала мне: «Бывало, работаем с мамкой в кузне - поем, молота не слышно. Или когда избу ставили, сижу на срубе, топором тыкаю и песню пою о бабьей доле тяжелой. Тоска по сердцу так и перекачивается. Стонет, бывало, какой-нибудь мужик, помирать собрался, а я песню и заведу. Да не простую - игровую. Смотрю, стонать перестал, а немного погода уже плечами в лад мне заподергивал... Потом баб сбила петь. С работы - и в клуб, поесть не успею. Жёнки идут на спевку, одна шаньгу по дороге доедает, другая кулебяку в рот доталкивает, а Нюрка-водовозка та на ходу песни учит... У меня ухо остро. Услышу, не туда повела: ну-кошь выйди, подружка, из хора, посиди, послушай. Сама врешь, дак других не смущай. Бывало, кто помоложе, губу на сторону и слезы в кулак; таких быстро домой выпровожу, чтобы не мешали...»

В Поморье поют наособинку, не как в срединной Руси. Поют, как вяжут тончайшие кружева: цветисто, с протягом, с выносом, на самых верхах. Так зимняя вьюга пристанывает в дымнице, пробираясь коленами печи в теплый кут. Слушаешь поморок - и обжигает всего, и на слезу невольно запозывает, и не знаешь, куда глаза спрятать. Наверное, простор этот, безбрежность земли, моря и неба, долгие зимы, ненастье, частые неизбывные тягости и породили этот орнамент, незримой цепью соединяющий нас с утекшей за тысячи лет русской родовой. Поют женочки так высоко, так пронзительно, что выше и не взяться; кажется, сердце сейчас от натуги лопнет и голос вот-вот сорвется, как перетянутая струна.

Поют поморки, чтобы слово с губ вспархивало и летело, не присыхало к зубам, как коровья жвачка, без невнятицы и гутни, ибо правда песни, ее искреннее чувство живут лишь в образном слове; только слово дает песне родового и исторического смысла, без чего она становится первобытной и скатывается в пещерные дикие времена... Надо понимать, что прежде пели песни на людях, на кругу иль на вечерке лишь девицы-хваленки, хороводницы, что на выданье, девицы-княгинюшки, у кого в груди не сохлось от забот и зубы, как ядрышки... Женщины-матери пели в избе колыбельные иль на покосе в гурту. Мужики пели на промысле иль на лошади едучи: «Ямщик, песенку запевши, сам гонит тройку лошадей...» Но я уже того хороводного девичьего пения не застал; чаще всего тянули песню крестьянки изжитые, изработанные, беззубые, но и эти бабени старались любовное слово донести, как предание, как воспоминание о минувшей жизни.

Хранительнице народной песни профессору Нине Константиновне Мешко уже под девяносто. Она не просто сторож, ключница при кованом сундуке с сокровищами, но на учительница и учительница русской музыкальной эстетики. Из последних сил вроде бы упирается, старенькая, но не сгибается, духу не теряет, упорно стоит на страже, не дает обрушить народный строй песни, ее душу; пестует, выпускает своих птенцов по уголкам России, чтобы оборонить песню от шутовских ряженых одежд, ибо народной песне были свойственны строгость, порядок, выход, торжественность, благопристойность, скромность, душевный покой, сердечная радость. Профессор Мешко подхватила школу народного пения и, несмотря на искусы, держит ее в верности преданию; легко все изветрит, пустить в пыль

и труху, но так трудно сохранить в прежнем чине, не подрезать песне крыльев. Вот она своим ученицам и внушает: «Народный звук - звук открытый. Как из кудели ниточку тяни. У хорошей пряжи нитка тонкая, ровная, а у плохой - вся в уздах. Головой думать надо, - и показала на голову. - Есть закон - думай всё наперед. Не когда запела, а прежде, чем голос подашь... Голос должен звучать на губах, там, где у тебя слово. Если весло глубоко в воде, лодка едва плетется, а если поверху пускать, то она летит. Так и голос не надо прятать в горле... Надо научиться, как бы стоять в стороне от собственного голоса и слушать его, и думать о нём, и руководить. Важно знать, тот ли это звук, от которого голос начнет развиваться или сразу замрет. Прислушайся, чтобы песня запела внутри тебя. Северное пение самое трудное, текучее, звонкое, плавное, тонкое, проголосное, всё в изгибах и коленях, как тундровая река, переливах; голос вяжется, льется, прячется, но только не толкается, не бросается вон...»

Для русской песни нужен особенный настрой, зажиг, напряг; песня ждет своей поры, подпирает человека изнутри, она рвется наружу из подвздошья, как из клетки, ей, как и человеку, нестерпимо хочется воли. И чем меньше воли в России, тем скуднее чувства: как редко нынче запоят в застольях, уже за чудо услышать песню на луту или в поле, на околице у деревни, у реки. Это замирает, скукоживается, как шагреневая кожа, мертвеет наша национальная сущность. Вот будто властный и злой чуженин пришел на Русь со своим уставом и иначит, кроит народ без устали на свой лад, опошляет всё, к чему бы ни прикоснулись его руки...

10.

20 февраля 32 г. *«Тонюся! Ты нисколько неходишь в мое положение. Почему ты поступила со мной так грубо в тот вечер? Ты не знаешь, что у меня сердце разрывалось на части, разве мог я ещё веселиться. Ты говоришь, что любишь меня, значит, ты должна помогать мне в этой любви, чтобы легче мне перенести этот груз. Ты не знаешь, сколько наговорено неправды, а надо все перенести.*

И после всего этого, разбитый донельзя, я едва мог тебе сказать: «Идем». И ты, не зная, видела-нет мою боль, ты отказала.

Ты отказала из-за того, что захотелось танцевать тебе. Ты променяла сердечную любовь на бездушную громыхающую трубу «пад-эспани» и «краковяк».

Ты отбросила в тот вечер меня истерзанного, измученного, любящего тебя больше всего на свете.

Ты не подумала, что я должен был пережить дома!

Ты не подумала, что настало до отъезда два дня. Все это говорит, что действительно твои слова насчет моего отъезда - это ложь, ты говорила, что тебе скучно будет. Нет-нет... тебе будет очень весело, что я не буду к тебе приставать. Я ждал тебя вчера, ты не пришла. Тебе не жалко времени для танцев хоть до часу ночи, а жалко времени для сердечного свидания, ведь я уезжаю в Мезень.

Сегодня последний день, если я тебе хоть немножко дорог, то ты должна прийти к нам. Возможно, поедем вечером.

Тогда ты мне объяснишь, почему ты так поступила со мной. Мне было так горько, когда пришел Николай и сказал: «Тонька танцует в одном платье. Веселая. Я с ней танцевал». Я в то время только стиснул зубы и промолчал. Вот, думаю, вас пара. Вот так любовь! Один плачет, а другой веселится... Столько накопело у меня на сердце, что всего не напишешь. А лично сказать тебе не могу. Будут только пустые слова на ветер. Тебе меня нечего жалеть. Я тебе не брат, не сват. Я для тебя совершенно чужой.

Как я не хотел идти в избу-читальню. Ведь из-за тебя я шел, из-за тебя я так близко все принял к сердцу.

Меня унизили, закопали в могилу, а ты еще положила сверху камень. Ой, тяжело! Ты в тот вечер была маленькой деточкой, не понимавшей, что делают с другом сердца.

Все перенесу один. Пускай оборвалась еще одна жила. Хватит их. Теперь только мечтаю отдохнуть. Еще желаю увидеть тебя. Приходи, я тебя не обругаю, я тебе ничего не скажу, чтобы не обидеть тебя. Я письмом этим принесу тебе боль. Ты должна знать, как мне было тяжело.

Любящий тебя Володя. Уничтожь это письмо».

...Тосе только четырнадцать, пусть она на сельских работах рано вошла в тело, но умом-то ребенок, совсем еще девчонка (давно ли в куклы играла), и потому родителей-лишенцев страшит этот привязчивый, «самасшедший» учитель, что, как смола, прильнул к дочери и не хочет отставать. А как оборонить-

ся? Только и остается: двери на запор, девку под замок, подальше от соблазна и греха.

Но запретный плод так сладок; смутительна, темна, как омут, и таинственно обавна, прельстительна и доверчиво-наивна первая любовь, когда все внове, и каждая подробность от встреч вспоминается с томлением и сердечным трепетом, и подушка ночами как-то странно комкается и кувыркается под голову, а под утро вдруг оказывается мокрой от слез, словно пролило через ветхую крышу дождем, и постеля, прежде такая уютная, надежная, вдруг стала горбатой, комковатой, постылой, холодной и неудобной - тут сквозит, а там поддувает - иль покажется вдруг нестерпимо жаркой, как сердито накаленная русская печь, и все окутки внезапно сойдутся в ногах.

«Принесешь в подоле, бесстыжая, на улицу выгоню!» - грозится отец, топорща рыжие усы.

«Тосенька, послушай мати, не торопись, милая, замуж, еще успеешь на чужой постылой сторонушке наплакаться-нареваться, - увещевает мать. - Еще покажется тебе жизнь в родном доме мед да сахар. И не ровня он тебе, гордоус и похвalebщик, больно себя на вышины числит. Сливки сымет, чести лишит, кому будешь нужна, дочень-ка-а!»

Слушать-слушала маму вполуха, а сама писемко от учителя, торопливо начерканное карандашом, не порвала, но спрятала под сголовнице и уж на пятый раз, наверное, пробежала глазами, да и не раз ту страничку из школьной тетради омочила слезами. И какая это любовь, коли столько муки?! И тут же как-то повзрослому корила себя: «Эх, девка, позарилась ты на чужой кусок... Не подавиться бы. Больно урослив и горяч... И сулит много. Права мамка: омманет. Уж больно на слова-то щепетливый, вроде и любит, а невпросто пишет, все требует, словно венчаный муж».

А сестра Аниська - ну и прокуда! - глазки, как смородинки, так и играют в них бесенята; десять лет девочке, а все чувствует, никуда от нее не деться. Надолго ли выскочила в деревню прогуляться по мартовскому снежку и уже тайное посланьице тащит: «Тонюся, я не получил ответа от моего письма. Я больше не знаю, что и делать. Неужели всё кончено? Тонечка, когда я вчера был у Качеговых, мне там сказали, что произошло между нами. Сказали, что ты говоришь обо мне, что я, мол, хулиган и др. Я с этим согласен, не спорю. Я стую этого названия. Но, Тоня, думаю, что они многое прибавили, чтобы очернить тебя передо мной. Например, они говорят, что ты о случившемся с тобой рассказывала ребятам на вечеринке. Настасья Семеновна печалится, что так произошло, но в то же время говорит, что, мол, я тебя предупреждала, что случится разрыв. Этой Тосе не скоро угодишь! Оставляли посидеть до тебя, но я ушел только потому, чтобы моим присутствием не расстраивать тебе сердце. Сколько у них теперь хлопот. Они все берутся уладить нашу ссору наперебой. Но я велел только передать от меня привет тебе. Тонюся, я не могу жить ни часу, не думая о тебе. Так тяжело, так скучно, не видя тебя. Вчера вечером пошел было к вам. Была половина девятого вечера. Подошел к крыльцу. У вас был огонь, и мне было совестно зайти. Было страшно, что я тебя расстрою, коли ты меня совершенно не хочешь видеть. Посмотрел на крыльцо, где не раз проводили свидания и дарили друг другу горячие поцелуи. Скрепя зубы за свою необдуманную шутку, доведшую до такого положения, пошел домой. Но дома я сидеть не мог и пошел к Илье Ермакову, где и скоротал вечер. Тонечка, милая, могу-нет я теперь тебя так называть? Прости меня... Я виноват перед тобой. Многое я уяснил и понял, как я тебя оскорбил...»

Тонюся, мне у Качеговых сказали, что ты больше не хочешь видеть меня. Тонечка, если ты не хочешь быть близкой мне, так просто будь товарищем, и то веселее будет моему сердцу. Ты сейчас страдаешь, но и я не рад настоящей жизни. Остаются последние дни, и я не рад совершенно отъезду. Мне охота, чтобы ты дала мне окончательное слово, а то, Тонечка, я не знаю, чем все это кончится, и, может, ты, бедная, будешь страдать из-за меня 15 дней. Вспомни, Тонечка, твои слова о любви ко мне. Ты говорила, что, несмотря ни на что, ты не полюбишь никого. Что никто не дорог, как я. Я верю, что тебе очень обидно и горько, и тебе будет тяжело, покуда все это не скажешь мне в глаза...

Тонечка, прости за все сказанные слова. Не думай, что я тебе изменяю. Я сейчас тебя люблю больше всего, больше родителей. Тоня, приходи ко мне или напиши ответ на эти письма. Я жду с нетерпением. Иначе ты будешь страдать и я буду страдать в эти каникулы. Да будет проклят этот вечер, когда я напился пьяный и так грубо поступил с тобой.

В знак искренней любви дарю самое для меня дорогое - эту фотографическую

карточку, которую я берег к твоим именинам. Что хочешь, то с ней и делай, сломай, разорви, уничтожь письма. Но я тебя люблю, люблю, люблю крепко. И никакие преграды не сломают моей любви к тебе. Жду тебя или письма. Люб. тебя. Володя».

Из воспоминаний:

«Учитель-то ездил в том же году в Москву, сказывал после, как всего наглядно, и картин всяких, и про коров-то говорил, как большие удои достигать, и про ячмень, который выше головы растет, и про всё, про всё. После нам докладывал в избе-читальне, кто хотел, дак ходил слушать».

«В избе-читальне тем же летом, как раз на Ильин день, представление шло. Илья Ермаков коммуниста играл, а Владимир Петрович - белого полковника. И должен был тот полковник нашего человека наотмашку саблей зарубить. И только сноровил сделать, замахнулся сплеча, а тут и заскочил кто-то из молодых и вскричал: «Церква горит!» Ну, мы все и кинулись... А это розыгрыш был, чтобы спектакль сорвать».

«...Он такой мягкий был, Владимир Петрович. Тридцать пять учеников нас было, взглядом всех обведет, будто отец родимый, никого не забудет, не обделит. А что нам на уроках говорил, мы наизусть знали. В церкви бывшей три года учились, где алтарь. Холодно было, в непроливах чернила застывали. Он на свои деньги платков напекучал. Кто плохо учился, тот черный платок получал, а кто хорошо, тот с цветочками получал... А домой-то пойдет из школы, мы дождемся его, окружим всеми, затормошим, такое у нас веселье поднимется».

...Надо сказать, странное было то время: церкви ломали, на иконах с ледянок катались, подложив под подушки, в сани подстилали вместо поддона, а душа-то не изварначилась, не испроказилась в лихолетье и смуту двадцатых годов, не оставалась православной, ибо замысел «невольников чести» был милосердный: сделать людей счастливыми тут, на земле-матери, не дожидаясь грядущих райских кущей. Мечтание блаженных и наивных? Наверное, но оно обряжало сердце «простецов» не в железную кольчужку гордыни и честолюбия, но в серебряные ризы праведного служения народу. И война, на которую скоро угодили эти новоявленные мечтатели, проверила духовную высоту этих людей...

Учитель был крещеный. Мама Нина Александровна (моя бабушка) всегда паску из творога с изюмом делала и куличи пекла. И вот, завернувстряпню в чистую холстинку, шла с сыном в Богоявленский собор освящать, и мезенский поп кропил с просяного веничка на крашенки, и на куличик, и на паску, и те капли святой родниковой водицы падали не только на дары, но и на лица богомольников; ребенок невольно улыбался, зажмурив глаза, слизывал влагу с пухлых губ, и она казалась сладкой, пахнущей карамельками. Отчего-то праздник Воскресения Христова был всегда красивым, солнечным и вкусным, по-особенному звенели колокола, по-особенному светило солнце и сияли голубые небеса, необычно пахнул воздух близкими вешними разливами, вербами, осевшим ноздристым снегом, травяной ветошью на проталинах, болотными моховыми потинами и вечно-зеленым канаварником, густо растущим сразу за окнами. И из каждого дома выпархивал на волю густой, пряный дух печива. Все целовались, восторженно восклицали: «Христос воскрес!» «Воистину воскрес!» - умильным голосом отвечала Нина Александровна, подставляя для лобзания щеки, каждый раз поправляя на густых, черных, как вороново крыло, волосах кружевную накидку. Казалось, так будет вечно... (но я-то не застал даже отголосков Великого Дня).

И вдруг сошло на Россию всеобщее наваждение, похожее на водоворот, погрузило в себя, а на поверхность выпихнуло вроде бы новых мечтательных молодых людей, охотно поддавшихся перековке. Но внутри-то, в самой своей сердцевине, куда не достучаться «лукавому», не подозревая о том, они остались прежними, с непоколебленным русским духовным устройством. И жестокосердые управители нового мира тоже оказались в неведении: они собирались Божественную высшую правду перекрыть своей куцей тленной правдой, этим «тришкиным кафтаном», что вроде бы был ближе к телу, понятнее и сугревней, но, на удивление, скоро испрохудал, изошел в дыря.

Вот и деревня Жердь не избежала перемен, и здесь решили церковь переделывать в храм знаний. «Конец света настал. Соплей перешибить, а на что решился, безумец!» - сокрушались старики, слушая учителя. «Товарищи! - выкрикнул в толпу деревенский учитель и от возбуждения задохнулся. - Я учил вас первой букве, делал вместе с вами первый шаг к свету. Теперь вы знаете, что Бога не было, нет и не будет. Есть только мировая свобода, которую мы во главе с пролетариатом должны организовать, и есть наша темнота, которую мы должны вымести из советской избы поганой метлой. Дорогие мои, вы видите, в каких условиях учатся ваши дети. Теснота, грязь - и по этой причине сплошная неусвояемость знаний. Так сделаем же из этого очага суеверий и мракобесия храм света и науки. За дело, за дело, друзья!»

Откуда-то взялась веревка и двуручная пила-дровянка. Учитель и деревенский его приятель Илья Ермаков полезли на купол церкви. Уже похолодало к ночи, отволгло, потому по куполу взбираться было опасно. Когда нога учителя оскальзывалась по осиновому лемеху, толпа внизу невольно испуганно охала, сминала в горле дыхание, и только парни понадежнее устроились возле креста, начала голосить: «Хоть бы сверглись, окаянные, хоть бы черт вас к себе забрал, стомоногие!» Никто еще не верил в страшное, думали каждый про себя, дескать, побалуется парни да с тем и слезут на землю, но те уже привязались веревкой и вгрызлись пилою в просохшее основание креста. И когда рухнул крест, заскользил по темной кровле, а после громово, как показалось всем, ударился о череп земли, тут и вскричал сквозной женский голос: «Проклинаю отступника вовеки. Будь ты проклят, нехристь!»

И во второй раз прокляли деревенского учителя Владимира Личутина.

Внизу полыхал костер, красные мухи, обтекая церковь, жались к самым ногам и на излете меркли покорно. Люди что-то кричали внизу, чей-то устрашающий голос пронизывал толпу, но в небо восходил непонятно и зло. Учитель не догадывался, упоенный затеей, что это проклинают его, но, если бы и знал, это нисколько бы не уменьшило его задора, не поколебало в намерениях. Черные распятые тени ползали по зыбкой разъятой земле, как бы на дне глубокого колодца, и сами люди чудились странно, уродливо преображенными в изменчивом свете. Учитель перевел взгляд в небо и не увидел его; тугие вихревые токи исходили из знобкой вечной пустоты, бились в лицо, пытались сшибить с ног. Это были вихри небытия. «Где там Бог? И как ему зацепиться за пустоту?» Учитель пытался разглядеть в толпе Тоську, хотя верно знал, что там ее нет. Даже мелькнула безумная мысль прыгнуть вниз, разбиться. Вот бы зарыдала, прибежавши, а уж всё, поздно... навсегда.

Вдруг почудилось, что ещё мгновение, и церковь, качнувшись, поползет накось, распадаясь в связях и подточенных жучком углах. Восторг, давно ли еще переполнявший учителя, незаметно истек, и в эту душевную пустоту хлынула такая неизбывная тоска, что впору было захлебнуться от нее. И уже торопливо, с новой надеждой вгляделся он в меркнувшее розовое озерцо, на дно которого медленно погружались распятые люди, и ему нестерпимо захотелось скорее вернуться на землю.

Перемогая невольный страх и горловую дрожь, он сказал деревенскому другу нарочито сурово и возвышенно: «Пойдем, спустимся к людям... Они ждут нас».

Пока добрались до земли, толпа уже разбрелась по избам, и только девки да парни устроили веселую топотуху у жаркого кострища. Заиграла гармонь:

У сударушки во спаленке

Лампадочка горит.

Она малюточку качает

И меня благодарит.

«Выпить охота», - утрово признался учитель. Послали гонца за бутылкой. Пили прямо из горлышка. Водка не забирала, так накипело в груди. Взгляд невольно заворачивал по деревенскому порядку, все казалось ему, что от избы Житовых появится такой родной человечек и весь мир сразу оживеет, преобразится. Послали гонца за второй. Тут и хмель ударил в голову. Вспомнили вдруг: Бог Троицу любит. Послали гонца за третьей бутылкой. В ожидании зло пластами крест топором на чурки, закидывали в огонь, пламя с гудением золотым столбом поднялось в небо. Всполошилась баба из соседнего дома, заголошенила: «Злыдни, деревню-то спалите! Вот уж погодите-ко, Господь-то вас припрет, небо с овчинку станет! И ты-то, учитель, туда же... Тьфу!» - плюнула на землю, растерла выступкой.

«Иди отсель, каравая ведьма! - закричал кто-то пьяно. - Будешь нявгать, подпалим хохол-от».

В руки учителя будто сама собою вспрыгнула тальянка, рванулась мехами от плеча и до плеча. Запел охальным голосом:

*Воробей прилетает
В оржаное полюшко.
Милый хочет, я не смею.
У обоих горюшко.*

*- Ой, девка на меду,
Дай до дому доведу.
- Не веди меня до дому.
Вали сразу на солому.*

*Меня милый провожал
Ельничком-березничком,
Всю дорогу поднимал
Юбочку с передничком.*

*Я гуляла день и ночь,
Принесла мамане дочь:
На-ко, мамка, покачай,
Кто-то сунул невзначай...*

Парни реготали на всю деревню, наверное, и до избы Житовых донеслось. Знали, что сплетницы-переводницы нынче же притащат дурную новость до их дома... А может, и сама впотемни за пряслами прячется, слезу глотает. Невольно вспомнишь тут мамкины утешливые слова: «Бедная девочка, водилась бы ты лучше с куклами. Они не пообидят, не надсмеются»...

*Хулиганом называешь,
Тоська, ошибаешься!
Так зачем за хулиганом
Здорово гоняешься.*

Вот из-за этих-то частушек и винулся учитель перед любимой.

11.

...Прежде говорили, дескать, «гриб да огурец в брюхе не жилец». А ведь гриб крепко вырuchал русского человека в его скудной выти, без него и обед не в обед; он и в закуску, и в шти из квашеной капусты, и в солянку с бараниной, да и в поджарку, если припустить к грибу маслица гретого, молочка коровьего да сметанки; а груздочки соленые хороши с горячей рассыпчатой картошкой и с лучком, да и в пирогах они добры. А беляночки, синявочки и волгоночки, покиснув в кадушке под грузом дней сорок, вдруг меняют свою личину, становятся лаково-желтыми, пахучими, хрусткими и, политые маслицем постным, ну так и просят-ся на зубок, и сами, без натуги, проскальзывают в животишко. А коли под рюмочку! Тут все слова лишние...

Случается, что грибов неурожай в засушливый год иль морозы-утренники рано ударят, значит, Господь пообиделся на русского человека, зачерствел к нему за его «каждоденные» невольные грехи и не помирволил ему в столь малой радости. А куда деваться суземной каргопольщине без рыжика, малеханного, с пятак, а поморянину без масляного груздочка? Чем еще взбудоражить утробушку и взбодрить сердце в долгие посты, чтобы бесконечные овсяные кисели и ячменные колоба не застряли в горле? Даже тертая редька с квасом и редька со щами не вызовут подобной ествяного розжиги. Нет, братцы мои, без гриба русскому человеку прямая тоска, и с каким нетерпением после неудачного года ждешь осени, ну прямо дни считаешь и приметы всякие выискиваешь, чтобы заранее настроиться на добычу, и в который раз мысленно обходишь свои, только свои, тропы и даже кочку знакомую, что о край осотного болотца, вдруг увидишь середка зимы в полусонной памороке именно ту самую, возле которой однажды наковырял штук десять ковыльных белых, и ту ягельную полянку в сосеннике, где выстали бугровые, как молодцы-богатыри на строевом плацу, и шапенки, похожи на бурые солдатские каски...

В старину ломать грибы ездили на конях всей семьей. Подгадывали время, близкое к заморозкам, когда червь затихает в своем обжорстве, ставили на телегу корзины, кади, палагушки, ушаты - в общем всякую тару, без чего не стоит крестьянский обиход, и подавались в лес, и там, живучи в вицянном в шалаше иль

балагане, в несколько дней насаливали ушаты груздей и волгонок, синявок и белянок, наваривали бочонки черного и белого гриба на всю долгую зиму. Грибы ножом не срезали, ибо плоть та живая, от матери-сырой земли, как и большим грехом считалось воткнуть острое железо в землю... При мне этот обычай суеверного поклончивого отношения к грибу, как к живому существу, почти изжил себя.

Если дерево - это стоячий великан, головою подпирающий небеса; если человек - это блуждающее дерево с невидимым взгляду паутинчатым корнем, то гриб - их детеныш в красной шляпке, съехавшей набок, иль в багровой панамке, гордовато присбитой на затылок, иль в зеленоватом берете. Боровик-толстокореньш, вылезший на беломошниках, далеко виден своим зазывистым видом и словно бы призывает тебя: «Эй, христарадник, не промахнись, не обойди, забери и меня!»

Во всякую пору грибы - эти таинственные существа, живут своей жизнью и ведут себя по-разному. Красноголовик-колосовик в березовом редколесье, продуваемом летним ветерком, приосыпанном зеленым пыреем, еще не заглубившим от июньского солнца, похож на малиновый сигнальный флажок, ему досталось короткое время быть на миру, он вызревает на часах и на минутах истлевает, ему, зеваке, случайно выскочившему из прятных потемок на белый свет, ужасно хочется угодить к человеку и по-сыновьи приветить, приободрить, вызвать на лице изумленную улыбку тихой, внезапной радости. В июне человек всякому обаян рад, ибо первый грибной суп самый желанный, с него как бы затевается лето и берет разгон.

Уже потом, на Петровщину, белый гриб пойдет косяком, целые орды, призванные под атаманское знамя, взойдут по солнечным опушкам, в ковьях, по краю елушников и серебристым курчавым мхам парящих сосенников. У этих боровиков шляпа толстая, темно-бурая иль охряная, в каких-то волдырях и вулканах от неистраченной энергии, в неровных проточинах от поползух-улиток; голова будто бы принакрыта зимней овчинной шапкой, туго завязанной под борою. Когда срезаешь бутровой иль выкручиваешь из мхов, он словно бы покряхтывает, обдавая жаром ладонь; присев на корточки, ты не спешешь сразу опустить его в коробейку, но сквозь осыпь ресниц ласково озираешь это тайное нездешнее существо от макушки до пят, сдуваешь с него иглицу и лесной прах, гладишь, тетешкаешь в руках и осторожно, боясь ушибить, укладынешь в корзину, стараешься не помять. Но, увы, июльский гриб сколь красив, столь и обманчив: и шляпенция вроде бы упруга, и нога, приосыпанная буровой мелкой шерстью, скрипит под ножом, но внутри по сладкой парной мякоти уже обжились червочки, уютно заселились в своем доме, и выеденное мясо походит на частое сито.

И сколько жалости тогда на сердце, сколько разочарования, и ты оглядываешься вокруг, словно бы сыскиваешь виноватого в обмане, и с обидою смотришь на добычу, как ребенок, у которого отняли дорогую игрушку; и с этим колебанием - выкинуть иль нет - однако со вздохом укладываешь в коробок, на всякий случай оправдывая свою жадность деревенским присловьем: «Белый гриб червивым и худым не бывает». На Петровщину гриб хоть и спорядлив, но украдчив, выпадает скорым слоем, спешит покинуть землю. И вроде бы короткая у него жизнь в июльскую пору, но от человека прячется, выставляя для каждого табунка своего дозорного. И если ухватил этого зеваку-часового за горбину, не спеши бежать, охваченный азартом, не приглядись, призадержись, будто спутанный по ногам, и тогда за спиною в мелкой травяной щети, иль на склоне моховой кочки, иль за палой трухлявой деревинкою вдруг окажется собрат его по табору, а там еще и еще... Это грибы затеяли с тобой прятки иль бегут в скрытии, и весь лес в эту пору будто назначен для шалости... Ну а в середине августа, когда пурпуровые мухоморы в нарядных шутовских колпаках станут вдоль дорог, то следом явятся в мир и самый плотный гриб, которому место в соленьях-вареньях: тогда-то и наступает долгожданное время настоящего промысла. Но что удивительно: даже в эти предосенние дни, когда лес полон изобилием, когда сыроежка иль масленок уже не идут за товар, к «царскому грибу» (так в Поморье называют белый) по-прежнему молитвенное, восторженное отношение. Пороку не удержишься и поцелуешь его в прохладную макушку, очистив от праха и иглицы, собьешь ногтем студеную улитку из укромной пазушки под головизнюк и невольно понянькаешь в ладонях. Нож с хрустом врезается в белоснежную, девственно чистую мякоть, и ты всякий раз невольно отпиваешь от природы

сытного духа, будто причащаешься во вселенском храме. Все-таки как богата русская природа на чувства...

Гриб - это бессловесное земное существо, которое вроде бы непритязательно бытует под ногами, как некая блазнь, Божий гостинец, «лешева» еда, но дает человеку множество теплых ощущений, ничего не требуя от нас взамен, кроме любви к матери-сырой земле.

Иной бабене уже далеко за семьдесят, и горбик-то у нее за плечами нажитой, и глаза почти не видят, но и она в грибную пору норовит сбродить на запольки деревни, в ближние перелески, опираясь на кляку, и от найденной в ковылях добычи вдруг осветится лицо, и корявая ладонь, цветом похожая на бурую голову бугрового, с ласкою оботрет макушку гриба, будто погладит крохотного внучонка.

В средней полосе гриб обычно живет возле деревни, на ближайших опушках, вдоль полей, по скотинным выпасам, где бычки и коровенки выедают траву. И вот тут-то, возле человеческого жила, и сохраняются плодильни. Где нет скота, там и гриб пропадает, потому что все обрастает дурниною и чертополохом. Гриб привлекает к жилью человека, как близкий родич. На рязанщине, где «грибы с глазами, их едят, а они глядят», за ними ходят, как на охоту, есть свои родовые путики, тайные тропы, по грибы отправляются, как прежде шатались за боровой дичью. Грибники - люди скрытчивые, они таят свои уголья, они - раноставы и обычно срываются в лес, когда роса еще лежит на травах, как искрящийся студень, и солнце едва приподнимается по-над лесами. Заядлый лесовик, ложась спать, уже мысленно обслеует грядущий путь, любимые свои ухажья, кои навещает из года в год; в бору он приподнимает куртинку беломошника, едва вздыбленную от напора, где и дожидается его плотно сбитый, младенчески чистый плотью боровичок. Охотник обстругивает ногу гриба ножом и эту стружку захоранивает, прячет под мох, чтобы чужой глаз не наткнулся на добычливое место...

♦ ***

В тундре обычно грибов как насыпано, их и искать не надо: шляпенция красноголовика зачастую выше березового стланика и далеко видна. Северные деревни окружены лесами; перелез через прясла - и пасись, тут тебе и масленок, и обабок, и разноцветные губы (заячьи грибы); взрослые обычно идут в боры, сосенники и ельники, минуя старушьи места; парнишке и древней старухе там далеко и «опаско», можно и на медведя угодить; тронуть не тронет, но крепко выпугает своим видом.

У нас же в Мезени добрый лес далеко, начинали ломать гриб обычно с Большой Ворги, что на третьем километре, и оттуда уже попадали к Тове, глухой, почти стоячей лесной речке, сонно текущей меж лесных крутых склонов. Вихлявая, путаная, враждебная грибнику всем своим сумеречным видом даже в солнечный день, со множеством колен и отвилков, где так легко заблудиться даже взрослому, с темно-коричневой, как чай, запашистой водой, испятанной палой недвижимой листвою, она истекала из морошечной рады (куда забредали лишь взрослые мужики с берестяными пехтерями за плечами, в которых выносили зрелую ягоду), из дальнего озера, окруженного гибельными бездонными павнами, и только километров через пять речка Това, изрядно поплутав среди бурелома, пересекши сырые калтуса, поросшие дудкой-падриницей и белыми зонтиками морковника, ягодой-кислицей и корявым ольховником, впадала в лутовое озеро Лебязье, о котором я много слышал, но там не бывал.

По склонам Товы в мелкой осыпной травичке, в рыжеватых папоротниках и прячутся желтые грузди - толстые, жирные, с моховой оторочкой по кромке узорчатой шляпы, с пахучим горьковатым природным маслицем, налитым в самое сердечко гриба. Бывало, найдешь хотя бы один груздочек с пятак, и сразу сердце замирает от волнения, и начинаешь тут ползать по крутосклону вверх-вниз, скоркать и ногою, и рукою, раздвигая и заячью капусту, и осотник, и травяную ветошь, ибо обязательно где-то рядом затаилась благословенная семейка, если еще не наискана, не оборвана охотником-раноставом, кто меньше тебя спит. Но, коли пособили небесные силы, угодил удачно на стайку желтых груздей, какой тогда, братцы, восторг!

Я помню, что для каждого лесного ухажья подобал свой возраст. До десяти лет мы, дети, ходили на Малую Воргу (в двух километрах от Мезени). Это березовое довольно чахлое мелколесье, от северной падеры склонившееся, поникло в южную сторону. Искали гриб в высоком, по колена, густом ягоднике и пахучем ба-

гульнике (канаварнике), от которого в жаркий день кружилась истомно голова. Тут подосиновики выбивались из вязкого мха, рослые, на длинной ноге, с большой шляпенцией и толстой бахромой (мездрой). Обычно низ застарелого гриба сдирали, оставляя лишь тонкую мякоть, чтобы не переть лишнего груза. Да и коробок не безразмерный; поначалу с жадностью хватаешь что попадет, не брезгуя, и жидкий, рыхлый снизу болотный обабок, и козленок, и масленок, и сырое-гу, ибо суеверно: а вдруг не попадешь на урожай, и тогда нет на свете более несчастного человека, чем тот, что уныло плетется домой, помахивая пустой корзиной, принакрытой для обманки собственной одежкой и ворохом папоротника. Ведь любой встречный невольно стриганет глазами по твоей посудине и, зная все повадки коренного мезенца, догадается, невольно ухмыльнется и, не сбаывая бодрого шага, минует тебя, будто его подбивает в спину спутный ветер... Ему-то, конечно, повезет больше, думает про себя встречный, ведь он человек хожалый, у него все загодя высмотрено и улажено, и остается лишь, часто нагибаясь за добычею, повторять дурацкую припевку: «Грибигуси сами в короб скачут? Как же, как же, должно быть».

Подросши, я ходил в лес с матерью уже под Голый холм. Помню, как собирались с раннего утра, подбирали коробье по своей руке и плечу, одевались в «ремощье», самое бросовое, натягивали на ноги носки иль чулки, ибо обувки не было, а босиком ступни твердой дорокою набьют, а в кустях иль по иглицам и боровым беломошникам плюсны «вередит» до кровички. Бывало, выйдя из города на тракт, подбросишь коробейку в воздух, если набор упадет, то полкорзины набираешь, если станет на донце - полную набьешь, а коли вверх дном окажется, значит, напусто возвращаться домой. Примета древняя, но особой веры к ней у детей не было, но для какой-то нужды (наверное, из шалости) драночную корзину каждый раз вскидывали над головой не жалея, отчего мать постоянно ворчала.

В поход мама обязательно брала подорожники - вареные с вечера картошки, кусок хлеба, в коробок из-под спичек насыпала соли. Эта неприхотливая крестьянская еда после долгой лесовой бродни казалась особенно вкусной. Помню, отмахиваясь от комарья, присядешь отдохнуть на выходе из леса на трухлявое бревнышко где-нибудь возле Голого холма (десятый километр от Мезени), осоловело взглянешь на солнечный свет, мрело, таинственно сочащийся сквозь густой еловый лапник, истомно протянешь гудящие ноги в чулках, перевязанных под коленом резинкой иль веревкой, мокрые, донельзя изжеванные кустарником и мхами, и, плямкая пересохшими губами, сквозь тряпицу позобаешь водички из прозрачной лужицы, на дне которой видна каждая соломинка и иглица, и, освежив нутро, невольно потянешься за пазуху, где лежит подорожник, и, как подзаборный псишко, торопливо заглотнешь холодную картофелину, пересыпанную крупной солью, не позабывая с любовью поглядывать на свою коробейку, доплотна набитую грибом. За весь поход я раза три перебирал добычу, все схваченное по первости лишь из жадности давно выброшено на коротких привалах, и каждый оставшийся грибочек, тугой и звонкий, без единого червочка, темно-синий на срезе, похож на крохотного лесового человечка в бордовой панамке.

Мать ест неторопливо, мусоля в жмени картошину, отщипывая от хлебны по крохе, и задумчиво смотрит на огромную корзину с «лешевой» едою, которую нужно еще дотащить до городка, а там часок погода надо и на работу собираться в вечернюю смену. И никто не спросит, как тебе живется-может, поморская вдовца, некому попечаловаться, поплакаться в жилетку, ибо сиротские слезы невидимы и неслышимы миру. Вот и я, ребенок, чем могу пособить, чем порадовать? Детское сердечко мое еще не готово посострадать матери, утешить хотя бы словом, понять ее страсти; и душа моя, пока нема, молчит, не ворошится от жалости. Меня занимают лишь свои детские забавы, что поджидают на улице.

В лице матери нет радости, она погружена в себя, ее гнетут бесконечные заботы о хлебе насущном; она вяло, равнодушно проводит ладонью по сбору, по прокладной шелковистой грибной шляпе, попавшейся под руку, и посохлые, потрескавшиеся от ходьбы губы ее невольно отмякают, и уголки вздергиваются от призадушенной меланхоличной улыбки. А если улыбнется, осветится глазами, как рублем одарит, так вся переменится видом... Все же не зря схожено-сброжено, не напрасно мяли ноги, вставши спозаранку, не даром и время убито: возвращаемся домой с добычею, а это, братцы мои, заметный для семьи харч в зиму.

Я взваливаю корзину на плечо, мать продвигает через ручку тряпошную скрутку и огромный короб с трудом поднимает на горбину. И вот так, потупив взгляд к родимой земле, загребая ногами по пыльной дороге-тележнице, тупо бредешь с ношею десять километров до околицы, невольно сосчитывая каждый шаг, и

березовая дрань, из которой сшита корзина деревенским мастером, удрученно и тяжело всхлипывает: «скрып да скрып», будто жалостно вздыхает на небесах сам Господь Бог. А прежде машинешка в Мезени была за чудо, и потому редко когда послужится подъехать в расхлябанном кузове и облегчить путь. Ой, корзина надоест, батюшки мои, плечо-то все смозолит! Вроде и притерпишься, но вдруг такая надсада к груди привалит, невмочь, хоть тут же бросай ношу в пыльную дорогу. Думаешь: пропади все пропадом и гриба никакого не надо! Возмолишься, заканючишь, а мать лишь сурово оборвет: «Вовка, не ной, и без тебя тошно!» Вот и тащешься с туманной головою от привала до привала: Това, Большая Ворга, Малая Ворга, Чупров, а от него уже и конек родимой крыши видать.

...Приволокешь тот уловец, долго и нудно чистишь, пока мать собирается на работу, прихорашивается у зеркала, снимает с тарелки напыленный белый берет с острыми краями, укладывает сзади волосы на валик, сурьмит черным карандашом бровки, наводит губы, пудрит густо крутые скулы, легонько охlapывает впалые щеки, и белесая пыль облачком осыпается на комод, придиричиво вглядывается в зеркало, ловя в своем туманном отражении каких-то перемен, выглаживает пальцем высекившиеся в углах рта морщины. Потом раскоцегаривает паровой утюг, похожий своим видом на буксир «Реушеньгу», на котором местный люд переправляется на морскую пристань; ретиво машет, ходя по комнатенке; в оконцах утюга, как в иллюминаторах парохода, вспыхивают малиновые огоньки, выпархивают колечки сизого дыма, запах березового уголья заполняет убогое жильё - домовитый, такой вкусный запах. И вот гладит белую блузку, форменную синюю юбку, выводя на ней острые складки. Мама любит «показать себя», выйти в люди во всей красе, отчего колченогая соседка тетя Паша называет ее «форсуньей»: форсит, дескать, баба, завлекает мужиков. Я ухмыляюсь, мне непонятны «прихилки» матери, ее ковыряние над своим лицом, ее томление и внезапные капризы, когда безо всякого повода она вдруг раздражается слезами, и все труды смываются в один миг.

«Будешь топить печку, пожара не наделай... Да Ваську из детсада не забудь забрать, - наказывает мне сухо и уже наново, наспех, «починивает» лицо, прищипливает к волосам берет. - Ой, дура, я, дура, и на кой леший нарожала вас столько?!»

Я отмалчиваюсь, занятый грибами. Две корзины прибрать, оторопь возьмет от одного вида, но глаза страшатся, а руки делают. Мать уходит, я подбегаю к боковому окну, провожаю взглядом, как неторопливо удаляется она с гордо вскинутой головою по хлипким деревянным мосткам Первомайского проспекта, выбирает половицу понадежнее, чтобы не оступиться каблуками в щель. Ее фигуру так красиво облегает темно-синяя «почтарская» форма.

Я, радуясь долгожданной свободе, выдвигаю верхнюю жирку комода, достаю пачку махорки, скручиваю «козью ногу», завешиваюсь пахучим дымом. Теперь работа не будет такой нудной: табачок скрасит волокиту. Вот и печка затопилась. Грибы помыты на три воды, порезаны, загружены в чугуны и чугуники, поочередно полезают в огонь, покипчивают, серая пена вздымается шапкой, что успеваю, сымая с отвара ситечком, остальное с шипением проливается на уголья. Лицо окидывает жаром, кажется, что кожа полопается. Мешаю шумовкой, чтобы не пригорели... Наконец-то гриб в первом чугуне осел, пошел ко дну. И какой сладкий дух тут поплыл от этой «лешевой еды»! Блаженный запах выпархивает из сиротской комнатенки на сентябрьскую улицу, а из соседней избенки высакивается такой же вкусный парок, смешивается с нашим, и вот волны грибного аромата уже плывут по всему околотку. И вот грибы насыпаны в миску, сбрызнуто на них постным маслом, призасыпано лучком... Эй, где там моя самая большая ложка? Младший братик уже притащен из садика, таращит на варёво голубые ангельские глазенки, не церемонясь, запускает крохотную ладошку в посудину, пробует выловить скользкого гриба, и наконец это ему удастся, заталкивает кусок «лешева мяса» в губы, и он сам заскакивает в нутро, как крохотный лягушонок, и жевать не надо. Проливается радостный дребезжащий смех, будто мальчонку щекочат за пятки, Васька снова лезет в миску, но я осаживаю братика, он вырывается, я его шлепаю, он ревет заголошнито и в перерывах, когда плач стихает, своевольно, твердым голосом требует: «Дай гриба!»

Однажды, когда старший брат Гена жил еще с нами, мама, отправляясь по грибы, наказала к ее приходу согреть самовар. Ему, пожалуй, тогда шел тринадцатый год, а мне девятый. Был он пареньком серьезным и просьбы матери не

позабыл, часто взглядывал на часы, подгадывал время, чтобы встретить ее горячим («непростыгшим») чаем. Сестра Рита тогда лежала в больнице с ногою, и брат оставался в доме за хозяина.

Удивительно, многое вроде бы выветрилось из памяти навсегда, но этот случай помню в подробностях, как братец вытряхивал из самовара на заулке старое уголье, деловито щепал лучину от березовой растопки, хранящейся в узком запечье, поджигал пук щепья, просовывая в узкую закопченную горловину, но самовар никак не разжигался, и тогда братец насунул на горловину старый валенок и начал ретиво продувать им топку, как мехами в кузне, и вскоре из самовара заструился горьковатый дымок. Генка напихал из морельницы свежих угольев, надвинул на горловину трубу, а потом, как водится, мы заигрались и опомнились лишь, когда раздался в комнате странный сердитый шум, что-то в утробе самовара заскрежетало, заурчало, труба вдруг покривилась, а кран отвалился на пол. «Ой-ой! - запоздало спохватился братец. - Вовка, мы забыли воды налить и самовар-то распаяли! Мать нам задаст...» Его охватил ужас от содеянного, он побледнел, заострился и без того худеньким лицом, представив картину, как войдет в дом мать и что с нею случится при виде такого горя...

А тогда самовар считался за богатство, это был такой чудный простонародный инструмент в сельском быту, такая удивительная «механизма», что замены ей практически не было. В самоваре готовили картошку, постяной супец иль ущицу из рыбьего сушняка, когда приходила нужда приготовить быструю ужну, варили яйца, если они чудом оказывались в магазине, кипятком размачивали соленую треску иль камбалку печорского засола, а после всеми макали из ладки, ну а чай ставили раз пять на дню. По праздникам в нём заваривали «кофий». Самоварной водою мыли и посуду. В его сияющие бока можно было глядеться, как в зеркальце, и корчить рожи. Об него можно было греть замерзшие на улице ладони. Самовар-самоварище, наш верный друг и помощник, не слезал со стола день-деньской. Он был такой свойский, домашний, добрый, терпеливый, из косоватенького краника у него всегда покапливало, и мать подставляла под него чашечку, в окружении посуды и шанег с пирогами самовар выглядел господином, домовым хозяином. А когда на конфорку мать ставила заварной чайник, то наш самоварище вообще выглядел королем... И вот эту-то голосистую, пошумливающую чудо-машину, спокойную, безотказную, мурлыкающую по-котовьи, в зеркальные бока которой можно было глядеться, как в зеркальце, мы и погубили. Теперь воду на чай придется кипятить в чугунике, для этого специально вытапливать печь, переводить напрасно дрова. Столько лишней волокиты поднималось вдруг из ничего, хоть волком завой, такая наступила непроглядь...

С меня-то какой спрос, я ещё малой ребенок, вся вина ляжет на старшего, на него посыплются ежедневные упреки со слезами, а может, и таска за волосянку.

А брат хоть и худенький был, недорослый, но серьезным видом - настоящий мужичок, знающий себе цену. Он считался гордостью школы, ходил в отличниках.

И тут мы, к ужасу своему, услышали, как хлопнула калитка, и кинулись к окну: в заулоч, тяжело волоча ноги, вошла мама, накренившаяся под тяжким коробом; лицо ее было мучнисто-серым, облепленным лесовым комарьем, в кровавых потеках по скулям, белый плат сбился к затылку, волосы от пота скомались неряшливо, дорожные истерзанные чулки слезли до лодыжек. По её виду было понятно, как неимоверно устала она, намокла, как тяжело доставалось ей «лешеву пропитанье».

Братец бросился в сени, оттуда по лестнице на чердак. Я - за ним, канюча: «Гена, ты куда? Не бросай меня».

«Отстань, зануда!» - прошипел братец, торопливо зарываясь в сено в дальнем темном углу, куда едва проникал скудный свет из оконца. Я стоял посреди подволоки, не зная, куда мне деваться. С крюка, свисая почти до половиц, висели сети, колыбаясь, шурша берестными наплавками, шевелились березовые веники, кто-то скашлывал и поуркивал, может, на меня сердился доможирко, что я потревожил покой хозяйнушки.

«Гена, Гена, где-ка ты?» - со страхом прошептал я, вглядываясь в полумрак. И как из-под земли, донеслось грозно: «Иди отсюда... Смотри мне, матери не выдай...»

Куда мне-то пристать? С опустошенным сердцем я медленно спустился по лестнице. Возле двери приостановился, стал отчаянно мусолить, тереть глаза, выдавливать слезы, чтобы мать пожалела меня, и тем отвести от себя грозу. В комнате мать стонала, увидев разор, на несчастную страшно было смотреть, так ее ошеломило случившееся.

«Где он, где?! - закричала мать, едва на меня взглянув. - Найду, шкуру спущу!»

«Не знаю, - соврал я, - побежал куда-то, мне не сказался».

Тупо соображая, мама отправилась искать Генку, ткнулась туда-сюда, скоро вернулась домой, опустилась на стул, заливаясь слезами, раскачиваясь, обхватив голову руками, стала причитывать: «Ироды, вы, ироды! Ой, что вы наделали, леший бы вас побрал! Навязались на мою голову! И на кой ляд я вас столько нарожала? Ой, дура, я, дура... Придешь, до смерти залуплю!» - закричала, задравши лицо в потолок. Наверное, уже догадалась, что сын спрятался на чердаке.

Но искать было некогда, мама постенала недолго, поревела, потом начала прихорашиваться, прибирать себя перед зеркалом, пудрить воспаленное от комарья и слез лицо. Щеки у нее были покрыты странными желтыми пятнами осеннего загара, хотя каждый день с неба бусило сиротским дождем. Не обращая на меня внимания, помылась под умывальником за кроватью, стала натугу запеленывать вспухший живот, чтобы не выширал из-под почтарской формы. (После-то я оразумел: мать скрывала от соседей, что была на сносях. Через месяц она неожиданно для всех родила сына).

В полночь мама вернулась с работы, сына дома не было. Зажгла лампу, меня будить не стала. Я слышал, как взбиралась скрипучей лестницей на чердак, звала: «Генка, ты здесь?!» Темнота не отзывалась. Мама ни с чем вернулась назад, расчесывая гребнем волосы, уныло, с близкой слезой говорила сама с собою: «Ну и сиди там, подыхай с голоду... Он обиделся... А я не обиделась? Оставил без самовара. Ничего нельзя доверять, пустая голова. Одна игра на уме. Ведь большой уже... Вот вернулась с работы, и чайку не попить... Устала, как лошадь. Всё для вас, все для вас, поганок, а мне-то когда будет от вас помощь? Лодыри поганные! - возвысила напоследок голос. - Вот вернись, заporю! Меня не жалеете, так почему я вас должна жалеть?» Мама совсем сникла, потухла голосом, последние слова уже договорила шепотом. Я лежа на полу делаю вид, что сплю, но, слегка приотпахнув ресницы, наблюдаю, будто картинку в кино, как мать, сидя на кровати, широко разоставя ноги, медленно распеленывает живот, и вот он освобожденно вспучивается, словно его накачали насосом, потом утешно поглаживает вокруг пупка, что-то ласково бормочет, уговаривает кого-то погодить, не пихаться ножонками и не воркотить. Глаза ее слегка закатились, а губы отмякли, поплыли в улыбке, обнажив зернь зубов. Мама была так близко, что, высунув из-под одеяла ладонь, можно было погладить ее белоснежные ровные ноги. Опомнясь, а может, почуяв, что за нею доглядывают, она устыдилась своей растелешенности, тут же жалобно всхлипнула и, накинув просторную ночную сорочку, зашлепала по полу босыми ногами. Задула лампу. Оседая под тяжестью тела, протяжно заскрипела пружинами кровать, и в комнате стихло. Я окончательно проснулся, уперся взглядом в сентябрьскую темень, мне вдруг почудилось, что по потолку кто-то ходит и тихо, жалобно поскуливает. «Как-то там Генка? - зажалел я братца, уползая с головою под одеяло. - Голодный, одинокий. А страшно-то как там... Как бы не загрыз его чердачный домовушко».

Утром мать поднялась на чердак, вскричала в сумрак: «Генка, вернись, кому говорю! Чего прихилиешься!? Иль с голоду хочешь сдохнуть? Вот и подыхай! И тут же, еще суровя голос, сменила гнев на милость: «Ступай домой, ничего не сделаю!»

Вернувшись в комнату, приказала: «Снеси дураку поесть. Вот сколь настырный. Чтoб всё по-евонному... Нет бы сказать: мама, прости! И неужто бы я не поняла? Ну, с каждым бывает. Вот и я, помню, тоже самовар упустила, распаяла... Тоже краник отпал, труба отвалилась... Будет время, попрошу дядю Ваню, он запаяет...»

Генка вернулся с чердака на четвертый день.

Самовар мама отнесла лудильщику, и вскоре сама отправилась в больничку на другой конец города. А домой вернулась на третий день с новорожденным. Так в тесном нашему куту появился братик Вася...

На дворе стояла осень сорок девятого. Значит, в том году мама перестала ждать мужа с войны, вот почему с того времени она всё реже доставала из комода наволочку с его письмами.

12.

Мой отец предчувствовал войну. (Войну ждали все, и это долгое ожидание не то чтобы отбирало волю, но пригнетало душу. Это как перед грозой, когда маревит, когда темень сгущается на западе, уже и погромыхивет вроде, и молоньи просверкивают, но неподвижная туча, набухая, никак не наползет и не разре-

шится дождем. Судя по воспоминаниям, многие тогда уже мысленно торопили войну, находясь как бы в некотором затмении, позабывши гибельные, ужасающие свойства войны, хотели, чтобы она скорее началась и завершилась победой, чтобы кончилась эта неопределенность. Ведь что суждено, того не избежать). Отец за полтора года до войны знал, что погибнет, потому все письма загодя (весной сорок первого) вернул жене, чтобы они не затерялись. И вот отцовы «треугольники» сохранились, а письма жены, которые отец отослал назад в Мезень, пропали бесследно, а может, в минуту душевного неуроя были порваны матерью или сожжены. И уже никогда не узнать, почему мать так безжалостно расправилась с посланницами. Зная ее застенчивый характер, нельзя даже предположить, что они хранили исповедально-откровенные подробности, выдавали то глубоко личное, интимное, что не следовало бы знать посторонним. От матери вообще не осталось не только писемка или крохотной записки, но даже слова на бумаге, чтобы по почерку можно было понять ее склонности... В этом была своя тайна: переписку мужа сберегла, а свою уничтожила. Учитель всю свою короткую жизнь домогался от жены ответа, а она чаще всего упрямо отмалчивалась. Каждая веселуха от любимой была за праздник...

«16.6.32 г. Здравствуй, дорогая Тонечка. Пишу привет из д. Николы. Тоня, с того времени, когда я тебя увидел, я почувствовал какую-то близость к тебе. После того я все время стремился узнать, видишь ли ты или нет, что я тебя полюбил, но так и не мог узнать.

Надо сказать по правде, ты относилась ко мне хорошо. Так же ты относилась и к другим. После того я решился тебе написать, чтобы узнать, как ты относишься ко мне. Но ответа не получил.

Тоня, я у вас буду скоро, обязательно приготовь мне ответ.

Я вижу, что ты близко относишься к Илье Ермакову, так же близко, как и к Алексею Кузнецову.

Итак всего хорошего. Жду ответа. Твой знакомый Володя».

«5.7.32 г. Здравствуй, милая Тонюся, шлю тебе привет, желаю тебе здоровья. Тонюся, я доехал до Мезени благополучно, но в Мезени жить скучно, так и охота в деревню (видеть тебя). Никуда в город не хожу, даже в кино. Весь вечер пропадаю дома. Лежу на постели, семечки грызу или граммофон заводжу. Вот и вся моя работа. Ехать сейчас пока никуда не собираюсь. Думаю к вам на Петров день приехать, отдохнуть у вас, посмотреть на тебя. Тонюся, пиши мне ответ на эту записку, оставленную тебе в день отъезда. Если приеду, ты должна мне сказать, почему ты бросила так халатно «в тот вечер» меня. Тяжело было переносить... Ой как тяжело. Теперь немного успокоился. Чем писать, лучше поговорить с тобой. Жду письма. Любящий тебя Володя. Письмо твое не уничтожил. Почитываю его. Хорошо бы было, что в нем написано - это бы правда. Тогда-то мы живем. Ну, пока до свиданья. Целую заочно - Володя».

...Можно лишь догадываться, что было в письме любимой девушки, которое учитель не порвал, но многожды перечитывал. Конечно, оно давало надежду, что учитель прощен, все недоразумения отпали, никто не помешает их любви. Но эта проклятая ревность! Куда её-то деть, а? Как она испепеляет сердце, низит самого доброго человека, пробуждает в душе темное, мстительное, сколько сомнений, подозрений, ночных терзаний, недоразумений вспыхивает порою из пустяка - слова, взгляда, недомолвки, сплетни. Ревность - обратная сторона любовного чувства, тяжелая нервная хворь, что может довести не только до потери рассудка, но и до губительного поступка. Она трудно излечима, порой неустранима до самого конца жизни, и никакое вразумление, увещание не помогают упавшему во мрак человеку. В голове - пожар, сердце захлестывает отчаяние, стучит молотом, и такая непроницаемая темень вокруг, куда бы ни обратил взгляд, такая вокруг тоска и безрадостность, и неоткуда ждать спасения. Один на краю света, и нога уже обреченно занесена над обрывом...

Осенью, после «обработного», от деревенского застолья молодежь отправилась в заречные луга, и учитель тоже увязал следом, но чуть приотстал, замешкался, и, когда выскочил из «нардома» на околицу, лодка уже отвалила от берега. Учитель крикнул запоздало: «Эй-эй, лешаки, постойте... Вы куда без меня-то?!»,

но услышал лишь ответный смех. Заиграла гармоника, ребята ударили в весла. От обиды сердце учителя темно взыграло: вот не могли, окаянные, секунду одну погодить, хоть бы немножко уважили человека! В расстроенных чувствах сбежал с берега к глинистому урезу реки, и сапоги с галошами сразу застряли в иле, вода пролилась через голенища. Учитель увязил в трясине ноги, оставляя галоши, стал выдираться на сухое. В лодке, видя такую картину, ехидно загоготали...

Поездка эта - ну бог с нею - сплошная мокрядь и неуют, только зубовный марш играть, но на последнем уножье у кормы сидела Тоська, это ее плат алеет, как тундровой мак, а сама она что-то неразборчиво вопит голосишком - иль зовет кого-то, иль песняку высоко вздымает, но головой-то не обернется назад, хотя, конечно, чувствует, как на берегу пурхается в грязи деревенский учитель. А еще с полчаса назад не она ли отыскала в подстолье его горячую ладонь и спрятала в ней влажную ладошку и так замерла, глядя в никуда, и учитель заметил, как вспыхнуло под русой прядью крохотное ушко с бирюзовой сережкой. Но что же случилось, что переменилось за это время, кто объяснит? И сердце так защемило, так больно заныло от ревностной обиды, в такие горячие обручи оно заклепалось тут, что воздух разом выпарился из груди. И, задыхаясь, спеша по берегу, часто теряя галоши и снова подбирая их, он кричал парням: «Эй, вы там! Возьмите же, черт бы вас побрал... Хватит изгаляться над человеком!» Парни лениво шевелили веслами, посудина долго не причаливала и не отдалялась на ту сторону реки, но мерно плыла вдоль берега. И, когда учитель накалился до крапивницы на щеках и голосом осип, тут молодежь смиростивилась, перестала разыгрывать и приткнула лодку к отмели.

«Владимир Петрович, прискакивайте! - закричали, шутейно подначивая. - Тосеньку-то пошто кинули? А тут уж к ней всерьез засватались!»

Учитель молча выдернул девушку из лодки и поволок в можжевелник на веретье. Парни гикнули вслед, отпехнулись на глубину шестами, и учитель еще долго слышал их пьяный смех, пока-то тянул Тосю подальше от чужого догляда, как жертву иль невольницу. Учитель хрипло дышал и даже не заметил, как в очередной коричневой бочажине утопил новые галоши с алой байковой подкладкой. В его глазах, искривленных толстых губах, во всем его мертвенно бледном лице было сейчас столько слепой ненависти, близкой к безумию, что девушка невольно поникла и потеряла себя. Ее вдруг охватила невольная трясунка, и девушка заплакала от отчаяния. Учитель остановился, тупо глядя в подурневшее от слез лицо, прикрикнул грубо: «Ты чего, а? Ты-то чего реवेशь? Такой я тебе противный? Ну да, я некрасивый, я урод! Ну, так смейся же надо мной! Чего не смеешься?»

«Владимир Петрович, отпустите меня, - попросила жалобно. - Зачем над простой девушкой изгаляетесь? Грех-то какой...»

«Любовь сильнее смерти, вот! - выкрикнул учитель накаленно, но в табачного цвета глазах уже не было прежней ярости, что-то припотухло в их глубине, помертвело, утонуло, не играла обычная золотистая искра, по-особому освещавшая его лицо. - Знай, Тося, любовь сильнее смерти! А ты как поступаешь? Ты не любишь меня! Ты меня обманываешь, ты смеешься над моими чувствами, вот! - учитель выдернул брючный ремень, стал лихорадочно путаться с узлом, загигать упрямую кожаную петлю. Тонкие, слабосильные пальцы его дрожали, не могли совладать с опояской. - Задавлюсь, слышь? Я не шучу! Сейчас повешусь!»

Ольшина рядом оказалась грустная, рахитичная, корявая, с редким, свернувшимся вытлевающим листом. Под зыбью кочек мертвенно светилась торфяная жижа, похожая на загустевшие кровавые печенки. Учитель оглядел дерево от вершины до подножья, отыскивая подходящую ветку, и торопливо переспросил, словно жизни осталась минута: «Значит, ты не любишь меня?»

Девушка не ответила. Учитель был столь потешен сейчас в расхристанной на груди рубашке, с потеками глины на скулях и ременной удавкой на тонкой кадыкастой шее, что слезы на глазах просохли и Тоська невольно засмеялась: «Ну и вешайся, дурачок... - и рванула в деревню, но на взгорке еще обернулась и крикнула напоследок. - Знайте, я не ровня вам!»

Учитель опомнился, сдернул с горла ремень и кинулся вдогон.

«Тося, Тосенька, стой!» - кричал учитель потерянно. Туман стоял в голове, и горькое отчаяние душило. Ему показалось, что жизнь тут же закончится, если не выскажет какого-то единственного слова. Учитель догнал девушку возле своей избы, где квартировал, и втащил Тосю к себе в боковушку.

...Это ночью все вспомнится со стыдом, в ярких подробностях, и тогда, проклиная свою скверную натуру, он будет приставывать в отчаянии и виниться перед невидимым судьей. (Позднее он покается перед любимой: «Тося, прости

меня окаянного, я тогда весь ум потерял... Ночью-то сижу на изгороди, смотрю в твои окна и думаю: любовь сильнее смерти»).

...А сейчас заволок девушку в светелку, нож хлебный лежал на столе, так схватил и давай тыкать острием лезвия себе в грудь и причитывать: «Мама, мамочка родная, эта девчонка меня до смерти довела!» Тося с болью выдернула руку, пытаясь выскочить в сени, но не успела, учитель настиг. Только и вскричала в отчаянии, полумертвая уже, ослабевшая душою: «Люди добрые... помогите!»

Хозяин вышел из своей половины, выбил нож, отшатнул учителя в угол. Учитель очнулся от наваждения, дрожа всем телом, вытирая липкие ладони о рубаху, притерся спиной к бревенчатой стене, будто хотел раствориться, потеряться в ней.

«Ты же учитель, как тебе не стыдно, - увещевал мужик. - Владимир Петрович, ты зачем к девчонке приставаешь, если она тебя видеть не хочет? Так ведь и под худую статью пойти можешь».

«Я не её, я себя убить хочу! Без Тоси для меня жизни нет...»

А на следующий день кто-то, озорно дурачась, вывел углем по всему передку избы: «Тося, Тосенька, стой!»

Учитель два дня валялся на кровати, угрюмо уставившись в потолок, он не хотел жить. На третий день отослал Тосе записку: «Выйди хоть на минутку встретиться. Я уже два дня в школу не хожу. А не выйдешь, все одно посватаю, у меня дружки в сельсовете, запишут».

...Тося появилась в комнатенке учителя рано утром, когда тот угрюмо чаевничал в одиночестве, и объявила от порога: «Володя, я к тебе насовсем».

В тот же день они записались в сельсовете. Из лодки учитель выносил невесту на руках. Возле берега запнулся о травяной клоч и уронил молодую жену в воду. Сглазливые старухи на деревенском глядене шептались, сулили: «Девочонка ведь ещё, слупа запехалась замуж... Ей бы в куклы играть... Не к добру всё это... Ой, не к добру... Без благословения почтенных родителей чтоб да самоходкой-самохвалкой сбежать... Знать, зажгло нетерпением. Видит Бог, не живатъ ладом».

Деревенской свадьбы во весь размах, как заведено в Жерди по обычаю, в три дня, не было: никто не пропивал невесту, на лошади с бубенцами не катались, кулебяку с рыбой не пекли, в баню молодых не водили, протяжных песен не пели и хороводов не водили, у тещи с тещей первую ночь на перине пуховой не спали, у свекра со свекровью в Мезени не отгащивались. Пришли учителя, посидели за скромным столом, выпили по рюмке...

Поселилась молодая семья при школе и сразу принялась налаживать быт.

...Маме ещё не исполнилось и шестнадцать...

«3.1.33 г. Здравствуй, милая моему сердцу Тонюся, шлю тебе сердечный привет и желаю всего хорошего, а особенно здоровья. Тонечка, почему ты после лавки не зашла к нам спроводить нас. Я тебя поджидал. Стояли в Николу у ваших. Тут уж пришла весть, что мы с тобой поженились, и я тебя везу на каникулы домой. Приехал я в Мезень в 10 ч. вечера. И теперь уже живу 3 день, и так скучно в Мезени, как никогда. Конференция начнется с шестого января. Не знаю, как дожить до нее. Охота быть вместе с тобой. Третьего дня ходил на призыв, и знаешь что, я не ожидал, что совершенно здоровый, ведь немного не попал во флот, и, не поверишь, из-за чего оставили, из-за пальца на левой руке. Из пятнадцати человек во флот взяли только одного. Тося, напиши мне письмо, как только получишь мое. Обязательно напиши. Мой адрес: г. Мезень, улица Чупровская, дом 1, Личутину Вл. П. Я жду, мне всё будет веселее. Если конференция кончится 10 или 11 января, сразу же поеду в Жердь. Отец у меня болен, лежит в больнице, матери я, не скрываясь, сказал, что люблю тебя.

Тонюся, к тебе просьба, подметь, кто из школьников в Рождество будет ку-десить (сыпать дорожки из золь). Потом мне скажешь. Пока, всего хорошего. Жду писем. Целую тебя крепко. Любящий тебя Володя».

Нет, не с досады иль от каприза напоминала Тося Житова учителю: «Я тебе не ровня... Напрасно ты преследуешь простую деревенскую девушку».

Вот передо мной фотография 1904 года. Род Назара Андреевича. Пятеро сыновей, две дочери и жених Апполинарий Назаровы Петр Яковлевич Кыркунов. Все они приписаны к мещанскому сословию города Мезени, но служили кто по полицейскому ведомству (некоторые уездными приставами, станowymi), другие по почтовой канцелярии, то есть все кормились от государственной службы, от чина, от стола, все были при жалованье, имели в магазине купца Шевкуненко забор-

ную книжку и отоваривались под будущую получку. Крепкий корень от крепкого мужика, бывшего ратмана уездного городка: у него лицо иконописное, длинная борода разобрана по-раскольничьи в два седых крыла, высокий лоб, голова без проплешины, узко посаженные глаза. Рядом благоверная супруга Александра Петровна, дородная, благонравная, видом купчиха, легко выносившая и воспитавшая семерых. С родителей только портрет писать маслом. И сыновья - копия родителей, как и отец, завязавшие с морем, сошедшие с векового рискового промысла на хлебы пусть и не слишком прожиточные, но надежные и безбужд-ные, со временем утратившие память по тяжелой прадедовой жизни, когда ой как маятно, со своих ногтей, с риском потерять головушку добывался «хлеб наш насущный». Я не знаю, хлебнул ли Назар Андреевич ещё в юности морского рассо-ла, хватил ли лихого смертного горюшка в отношениях иль на промысле, скитающийся по морским просторам, зимуя в становой изобке на дикой Новой Земле: я не знаю, был ли он музыкальным человеком, но вот многие сыновья, сидящие вокруг него, - с музыкальным «струментом» в руках, так полагалось прежде хорошо воспитан-ным людям: кто с гармошкой на колене, кто со скрипкой, иные с балалайкой и мандолиной. Передо мною семейный оркестр. Значит, это кровное, семейное - неотвязная тяга к музыке.

Вот и мой отец был в ладах с тальянкой, балалайкой, мандолиной, гитарой, имел страсть к игре незамирающую. И младший брат его, дядя мой, Валерий Петрович, до самой смерти играл на баяне; в нашей боковушке из-за тонкой переборки, оклеенной шпалерами, хорошо слышны были его музыкальные страда-ния. Он мог часами «жать на кнопки», чем постоянно досаждал моему брату Ва-силию, любителю тишины и покоя. «Все веселятся и веселятся со своей Маргари-тушкой, - жаловался мне, багровея от отчаяния. - И не надоест ведь! Какой-то вечный праздник у них за стеной... Просто ужас один. С ума сойти можно». Мы даже могли узнавать настроение Валерьюшки; когда он был «в худых душах», то тянул музыку гнусавую, песню вел печальную, с тоскливой ленцою, едва пере-бирая лады, наверное, уронив голову на полку баяна, а когда подпирало его жи-тейской радостью, то гремел на весь дом, рвал мехи от плеча до плеча...

Но в меня, как и в братьев, музыкальная стихия не перешла от отца, я умею играть лишь на патефоне...

В четвертом ряду на фотографии стоит в одиночестве мой дедушка Петр На-зарович, из всех братьев самый худенький, subtilный, в мундирчике, лицом особенно похожий на родителя, только без бороды и усов. Мне кажется, что он прожил жизнь, не снимая мундирчика с начала века до конца жизни, при всех режимах - при царе, при белых и красных, при всех вождах и управителях. Он и в гробу-то лежал, смиренно сложив руки на груди, в потертой темно-синей по-чтовой форме с петлицами и начищенными латунными пуговицами...

И, конечно же, в семье видели судьбу старшего сына совсем иной, его, навер-ное, собирались учить дальше, чтоб пошел по стопам своего двоюродного брата Мельникова, а он вот взял и выкинул такой фортель: бежал из дома в глушь, в тундру, подобрал девку из крестьянской семьи лишенцев, несколько не задумы-ваясь о будущем, закинул тяжкую ношу себе на горбину преж времен, вот и тащи теперь, упрямый дурачок, надсажаясь.

Свекровь похмурилась, побранилась, но, когда пошли внуки, невольно прими-рилась с невесткой и даже полюбила её за доброе сердце. Но Петр Назарович, по-моему, так и не одобрил выбор сына: до конца дней своих он был всегда ровен со снохою, не повышал голоса, но был холоден и никогда не заступался за Тоню, особенно когда пришла в дом младшая сноха Маргарита и стала задираться, от-воевывать свое место под солнцем.

13.

Писатель Сергей Васильевич Максимов обозвал уездный городок Мезень, при-ткнувшийся о край тундры, «Мерзенью», так «шибко» не показался он ему, не за-любился не только внешне, но и своим устроением, бытом и нравами, царящими в отдаленном захолустье, когда полицейский исправник полагался за Бога и царя... Но поморы - тамошний люд, населявший берега Белого моря со времен царя-гороха, их спокойный, добрый нрав, их внешняя красота и душевное благород-ство покорили сердце исследователя, и он поведал о русских старожилах со всей любовью и почтением в своей не теряющей значения книге «Год на Севере».

...Но для меня это родина.

По осеням, когда шли обложные дожди, городок заливало грязью, трудно было

перейти на другую сторону улицы. Подкидывали доски, поленья, клочья травы, случайную щепину, кусок фанеры или кирпич и, задирая штанины, приподнимая подол юбки или полы пальто, постоянно чертыхаясь, перебирались на противоположный тротуар, чтобы там в сырых травяных куцах, обметавших половицы мостков, почистить обувь. Более прожиточные насовывали на ботинки и сапоги зеркальные галоши с алой подкладкой - это была самая ходовая, фасонистая обувь на все случаи жизни: хоть во двор выйти, навоз из-под скотины убрать, хоть на огород, иль в город в «шмудочный» магазин, иль в гости. Надел галоши на шерстяные головки - и ступай куда хошь: красиво, носко и шнурков завязывать не надо. Наверное, и у меня были какие-то галошишки, уже и не упомню. Самая ноская, долговекая и неистребимая обувь, не требующая починки, - это своя шкурка на босых ногах. От разливов грязи спасали лишь тротуары: вдоль дороги по проспекту рыли канаву, поверх выкладывали лаги, а к ним приколачивали толстые доски; уж где ты их достанешь - твое дело, но под окнами своей усадьбы изволь устроить мостки из пиловочника, чтобы сидели они на своем месте крепко и добротно, чтобы в щели не пролезал женский каблук и не пролетало колесо велосипеда, чтобы не утраздило пешеходу, ступив на один конец половицы, полутьчу другим по лбу...

Лишь в центре Мезени проспект был уложен торцовыми шашками - короткими чурочками, напиленными из бревен, но грязь от гужевого транспорта и сюда натекала тонким жидким слоем, как блинное тесто на сковороду. Торцовые шашки часто выбивало из дорожного полотна, и, когда колеса попадали в невидимые просовы и зазоры, телегу сильно встряхивало. В июльские жаркие дни над этой частью проспекта обычно стлался хвост пыли. Но лето такое короткое, с поросычий хвостик и непонятно, когда и куда оно снова просочилось сквозь пальцы. И вот который уже день бусит за окнами сиротский дождь, напоая землю. Ушаты и ведра, выставленные под потоку, давно наполнились через край. Скорее бы зима, что ли.

Вот пробрался через улицу дядя Валерий, на нем просторный серый макинтош, черная шляпа на голове и хромовые сапоги с галошами. На другой стороне улицы дядя сорвал пук жесткой травы-отавы и тщательно вытер обувь в ручье, бегущем от болота через Первомайский проспект на Чупровскую улицу, в котором по веснам я пускаю бумажные кораблики. Вымыл руки, встряхнулся, оправил шляпу и отправился на службу. Он человек хоть и молодой, но солидный, служит сразу в трех местах: военрук, физрук начальной школы и библиотекарь в райкоме партии...

Набегает порывами ветер-сиверик, морщит лужи на дороге, и, когда проблескивает сквозь морок солнце, жирная грязь лоснится, как яблочное повидло в бочке, стоящей в третьем магазине, хоть черпай ложкой даровой продукт и намазывай на хлеб. Когда же затягивает небо свинцовая туча, то хляби напоминают солидол, которым сосед наш Немко смазывает оси и шкворень телеги. Он мастер по обжигу на кирпичном заводе. А вот и сам он попадает в нашу сторону, вынырнул из-за угла дома Левкиных, у него на ногах обувь надежная - бахилы, сшитые из нерпичьей кожи на медвежью ногу, перевязанные кожаным ремешком под коленями и жирно смазанные ворванью. Мужик низкоросл, пригорбл, руки висят ниже колен, будто клешни, у него докрасна обожженное квадратное лицо и постоянно приопущенный долу угрюмый взгляд, на плечах кожаный широкий фартук в рыжих проплешинах; сосед перебродит улицу пряником, не выбирая пути, с намокшей овчинной шапки стекает ручьями вода. На мостках он не перетапывается, чтобы оббить с обуви грязь, а вперевадку, не глядя по сторонам, бредет по скользким мосткам домой. Он - немко, немой, значит...

Припадая на левую ногу, стараясь попасть босой ступнею в чужой след, еще не замыйтый дождем, пересекает улицу, прискакивая будто коза, колченогая безумная Паша Шаврина. На ней легкая ситцевая кофтенка без рукавов, юбка высоко подоткнута, обнажая тощие бедра, выражение на лице такое, будто она только что сбежала с поля битвы от своего бухгалтера, который частенько, когда выпивши, поколачивает бабенку, гоняет с печи на полати, учит покорности ухватом иль солдатской опояской, а когда и поленом угостит, если нечаянно угодит под руку. Но эта простонародная наука тете Паше явно не в толк. Она оборачивается и грозит в сторону своей избы пальцем и что-то вопит, может, и материт своего благоверного, но из комнаты ругани не разобрать, лишь видно, как широко щерится беззубый рот. Тетя Паша снова только что «опросталась», принесла бухгалтеру одиннадцатого ребенка из родилки: на, дескать, корми, оглашенный, своего выродка, всё меньше пить будешь, жерево ненасытное. У Паши под мышкой ла-

тунный таз из-под рукомойника и вехоть; соседка уже в который за день раз спешит на болото к яме, чтобы ополоснуть помойную посудину.

Вот появляется мужик новый, незнакомый для нашего угла: рослый, худощавый, в кепке-восьмиклинке, на плечах холщовый серый кабат, перепоясанный желтым ремнем с цепями, как лошадиной сбруей, с плеча свисают блестящие монтерские когти. Дорожную хлябь он пересекает уверенно, вдруг останавливается на мостках напротив нашей избы и долго не снимает голубых глаз с наших окон, будто нашел в них что-то необычное. Он вроде бы не видит моего приплюснутого к стеклу окна: я кручу пальцем у виска и показываю ему язык. Мужик, оставляя без внимания мои проделки, сдирает с головы намокшую кепку и вытирает ладонью влажную просторную лысину, и я вдруг узнаю в чужаке того самого гостя, который однажды в февральскую вьюгу будто случайно, чтобы обогреться, забрел к нам в гости, и мать его радостно встречала, прихорошившись в лучший наряд, поила его чаем и, сославшись на непогоду, оставила его ночевать... После того случая появился в нашей боковушке Василёк, и мать в порыве частого «нервного» расстройства костерила на чем свет стоит и тот разнесчастный заполошный вечер, и свою бабью слабину, за которую теперь нужно держать ответ перед мужем. (Этот почтарь ещё два раза два приходил под окна и долго торчал на мостках с жалобным лицом, желая высмотреть сына, но в дом мама его не пускала, а где-то невдалеке он замерз в тундре, восстанавливая телефонную линию).

Братик лежит в кроватке и понявгивает, поскуливает, но шибко не ревет, не капризит, только дупит в потолок бессмысленные глазенки. Это моя обуза, мое ярмо: Васька лишил меня улицы, лишил меня, вольницу, свободы, он спеленал меня по рукам и ногам. Его охота прибить, но он ещё так мал, его носик похож на красную кнопку, а глазки - на мутные осколки бутылочного стекла. Мне остается, пока мать на работе, торчать в своем углу и наблюдать с горючей тоскою, как наваливается на окна вечерняя глухая темь. Вот появляется мой закадычный дружок из соседнего дома Вовка Окладников, по прозвищу Манькин, крепенький мальчишка с плутоватым косеньким взглядом, на скулах, несмотря на скудное питание, незамирающий горячий румянец. У приятеля в руках - замечательный лук из черемухи, штанины закатаны по колена, и, несмотря на осенний дождь, Вовка Манькин бредет по моим лужам, замеряет их глубину, нарочито вставляет в тетиву стрелу, выскобленную из лучины, и натягивает до упора в мою сторону. Дразнится, значит... И мною овладевает ещё большая тоска, я почти с ненавистью кошусь на люльку, где мой братик, выбившись из окуток, задирает в потолок толстенькие ножки в перевязках. Дружок вызывает меня на улицу, но я грожу ему кулаком. И тогда он сам переступает порог и напряженным взглядом озирает комнату, наверное, выискивает мою маму, а не найдя ее, облегченно вздыхает, резво натягивает черемуховый лук. Я стою в переднем простенке и, не ожидая подвоха, смотрю, как подрагивает клюв стрелы, в который вбита швейная игла. Вовка водит луком по стенам комнаты, размышляя, куда выстрелить, но тут пальцы устают от напряжения, и приятель мой отпускает тетиву. Стрела вонзается мне в грудь и дрожит опереньем. Я тупо смотрю сначала на стрелу, потом на закадычного дружка. Он остолбенел, глаза его вовсе сошлись к носу. Но и у меня в те поры тоже были «глазки сбежавшись»; и вот мы, как два драчливых воробышки, нахохлившись, косо выглядываем друг друга и чего-то выжидаем...

- Что ты наделал, дурак? - прошептал я. - Ты же меня убил.

- Подумаешь, убил, - хихикнул Вовка Манькин. - Но ты же не умер... Если бы ты умер, тогда другое дело, - деловито подвел он итог и протянул руку: - Давай выдерну...

- Не подходи! - зарычал я, - а то сейчас схлопочешь...

Дружок по-утячьи вытянул короткую шею, стараясь получше рассмотреть следы своей проказы; густая волосня на голове вздыбилась.

- А здоровски получилось! Смотри-ко, и кровь... Настоящая кровь. Только ты матери на сказывай, что это я тебя так. Я тебе красной резины дам на рогатку, - Вовка перестал противно хихикать, лицо его удлинилось и побледнело.

Бордовая брусничина выточилась из ранки, скоро набухла, лопнула, и ниточка крови протянулась по коже. Стоять навтыжку со стрелой в груди надоело, и я выдернул её за наконечник. Плюнул на ладонь и, как водится в народе, слюною замазал ранку. До свадьбы зарастет.

Вовка вдруг наклонился над зыбкой и сделал пальцами козу рогатую. Я испугался, что братик заплачет, и закричал остерегающе:

- Не лезь грязными пакшами куда не просят! Не тобой положено, вот и не трожь!..

(Мы, дети, не замечая того, повторяли речи взрослых).

Но Вовка, не обращая на меня внимания, низко склонился над кроватью, любопытно разглядывая ребенка.

- Гли-ко, сколь малеханно, а уж всё при ём... Настоящий мужичок, - и добавил грустно, развесив губы: - А у нас мамка девку в капусте нашла, вот... Такая рёва-корова. А мне водись.

Вовка Манькин запустил руку в карман, помедлил и вдруг добыл пригоршню острых сажных осколков, сверкающих на изломе, высыпал мне в ладонь. Похвастал, густо зардевшись. «У меня ещё много... У мамки чутунник нынче разгрохал. Еще не знает... Здоровски бьют. Фанеру наскрозь».

Вовка потускнел, наверное, представил, как мать нынче выходит его ремнем за проделку.

Сколько подобных картинок детства не оследилося в памяти иль померкло, затаилось в уголках таинственной души, чтобы вспыхнуть неожиданно во сне! Если бы их каким-нибудь неисповедимым образом вызволить из забвения друг по дружке и сплавить звеньями воедино, то получилась бы неповторимая золотая цепь детства, которую и приторачивается неизбежное ярмо грядущей жизни к матери-сырой земле...

«ДУША НЕИЗЪЯСНИМАЯ»

«Нынче расплодилось прорва психологов. Они уверяют, что омертвелость души, глубокая душевная хворь начинаются в младые годы; якобы корни её можно отыскать, исследуя детство преступника: дескать, птичек стрелял из рогатки, собак таскал за хвост и бедным кошкам досадил, привязывая к хвосту консервную банку; якобы от ранних дурных наклонностей до жестокого преступления - прямой путь...

Но тогда как понять нас, миллионы послевоенных детишек, у кого любимыми забавами были игра в деньги («в пристенок», «в лунку», «в вертушку») и стрельба из рогаток. Помню, с каким азартом трудились над своим «оружием», хвалились противоголозной резиной, а после с замиранием сердца шли на охоту в городской сад, окружавший кинотеатр и танцевальный пятачок; скрываясь в тенистых зарослях черемухи, скрадывали синичку-теньковку с ее серебристым прерывистым голосишком и со всей силой тщедушного малорослого тельца лушили по птахе осколками домашних горшков. Боже мой, сколько было перебито чутуников, сколько грозы насылали на наши головы уставшие вдовы-родительницы за детские проказы, как пытались совестить и увещевать! Они-то знали, уже пройдя этот же путь взросления, что нельзя убивать понапрасну божью тварь, попущенную Господом на белый свет. Но все такие верные вроде бы слова отскакивали, как от стены горох...

Помню, как мелко дрожая от возбуждения, словно от лихорадки-знобеи, тискаешь в горсти крохотное пушистое тельце синички с замирающим клювиком, закатывающимися горошинками глазенком, и сердце не смущалось, не замирало от этого бессмысленного на первый взгляд убийства, потому что мы воображали себя охотниками, добытчиками, пополняющими семейный котел. В нашем провинциальном саду на скрытых его глинистых тропинках, в зарослях морковника и лопухов мы проходили первые уроки мужского взросления.

Но вот по прошествии многих лет я не припомню никого из нашей уличной орды, кто бы споткнулся в будущем, совершил недостойное, иль уклонился от воинской службы, упал в воровство и обман, «снасильничал», покусился на чужую жизнь. Все выросли духовно здоровыми людьми, близко подошедшими к Богу. Ведь ребенок по животной своей природе жалостливо жесток, его душа воршится пока в пеленках, едва сучит ножонками, и сколько страстей придется перетерпеть в будущем, пока душа научится печаловаться за ближнего. Ребенок - существо вечное, он не осознает всего ужаса смерти, даже наблюдая его вплотную. Раньше детей не берегли от печальных картин, всегда подводили ко гробу усопшего, не прятали за спины, чтобы не смущать сердечко; на глазах ребенка резали скотину, разделявали коровью тушу, рубили птицу... Помню, с каким трепетом и ожесточением я откручивал голову первой добычей в лесу куропатке, потом подвешивал к поясу, вытирая кровавые ладони о жесткий снег и о полы ватной поддегушки, и пока попадал на лыжах домой через болото, всю дорогу радостно представлял, как обрадуется мать моей добычей, как примется теревить птицу, после опалит на огне и поставит в печь упревать. Ведь я нес на поясе еду для всей семьи, а значит, стал настоящим добытчиком, кормиль-

цем. От рогатки в кармане до куропатки, пойманной в сило, - целесообразный путь природного оформления человека.

...Но почему не споткнулись мы? Да потому, что нас окружали цельные, духовно здоровые простецы-люди, хотя и жестоко опаленные войною, да и сами-то мы были в большинстве своем безотцовщиной, много было средь нас байстрюков, сколотых, нажитых вдовами от случайной любви. И вот эта с малых лет трудная жизнь, полная невзгоды, не только не уничтожила в нас наивности, стыдливости, жалости, поклонения старшим, но, опалив душу, очистила её от мусора.

Русский народ в своей истории выдержал сотни войн и не насадился, не ожесточился, не впал в истерику, безо всяких ныне расплодившихся психологов сохранил свою особость, потому что всегда правило крестьянами чувство свободы и воли, любви к Богу и Отечеству. И не рассолодился, не истолокся в пыль, не разбежался по застопоркам, но всякий раз с новой прочностью и незамирающими надеждами собирался в груд (общину). Нынче же при странных бесцельных войнах, когда ум спотыкается, не находя оправдания крови, а душа немотствует от разочарования, наверное, требуется уже подпорка, некая нравственная, но жалостная, сочувственная держава военному человеку, чтобы вовсе не свихнулся он от той неправды, что царует в России.

Не надо было мучить полковника Буданова, таскать по судам и лечебницам, чтобы понять, что его вины в проступке нет, что солдат неимоверно устал от долгой бессмысленной кампании, он надорвался душою; чечены вели с ним волчьую страшную резню, а он должен был отпугивать безжалостную дерзкую стаю мелкой дробью и солью. Разве могут понять банкиры-процентщики, телешулеры, паркетные генералы, отославшие своих детей на прожитие в «америки», и ловкие кремлевские гешефтмахеры всю тягость и грязь изнанки войны, очень далекой от лживого пацифизма и фарисейских добродетелей, что вчинивают русскому служивому «двоедушные и троедушные»?! Их, ожиревших душою, цинично запаливших кавказский пожар, и надобно судить по всей строгости Закона Правды.

...Конечно, всякая тварь рождена для жизни и оплождения. Как сложно отнять у неё жизнь, и сколько при этом испытывает мучений жальливый совестный человек, не передать словами. Хотя, казалось бы, выращивать и резать скотину для семейного благополучия благословил сам Бог, но сердечных томлений это разрешение ни сколько не умаляет. Мой сосед Сергей Фонин (ныне покойный) по всей деревне забивал бычков, закалывал свиней, пускал под нож баранов, но в конце жизни суровую работу делал уже с трудом, как по принуждению, сквозь внутреннюю невидимую слезу: сердце шло вразнос, и жалость к скотинке стала одолевать. Признался однажды: «Прежде чем кабанчика резать, граненый стакан водки надо хватануть, чтобы внутри ожгло и руки не тряслись. И после, как опалил свинью, надо снова стакан пропустить. Такое, брат мой, вышло нынче постановление. Иначе уже не могу».

И особенно жалко скотинешки, которую со своих рук растил. Жалко коровы-кормилицы, которую баба холила добрый десяток лет, и вот пришла пора пускать под топор. И хозяйка плачет по ней, как по роднице своей, и не может есть того мяса, «душа не примаает». Но вот бездушная лиса напускается на зайца и поедает его безо всяких сердечных мук. Человеку же Господь дал совесть и жалость, и если они негнеленно живут в груди, то любой ученый психовед без надобности. Оказывается, душа человеческая от сердечных страданий и жизненных терзаний не темнеет, но наполняется светом.

Лет шесть я держал кроликов. Существа беззаботные, забавные и ужасно прожорливые. К осени все клетки заселятся вплотную, а в зиму надо пустить лишь пару крольчих и лобастого красноглазого «мужика», ретивого в любви. Но всех остальных - в прокорм семье. Ушастые крольчата еще не закорели от возраста, с умильными туповатыми глазенками - ну сущие пока дети, одевшиеся в теплые шубы! И вот смотришь в клетки на эту веселую суету, кишеные тел, игривую беззаботность скотинки и чувствуешь томление в себе и непонятную уму душевную борьбу. Ну, казалось бы, чего сомневаться, коли рощены животинки на еду (диетическое мясо на всю зиму), у них один удел и нет другого пути; придется стаду идти на заклание, на заколание, как ведется от веку в живой природе по закону целесообразности и продолжения рода. А в душе тоска и смута, и, кажется, ничем ее не обороть. И вот через силу берешь палку-хвостягу потяжелее, хватаешь верещащего кроля за уши, тянешь его из клетки, а он упирается, неисповедимым образом чуя близкую смерть...

Дальше нет смысла описывать. Убойина без шкуры имеет вид пренеприятный и постоянно напоминает нам, что мы лишь звери в Христовом обличье, если душа продана Фармазону.

По зиме-то стосковались, устали грязь месить. Это после обрыднет она, зима-обжорница, и валенки устанешь таскать - превратятся в пудовые гири. Но пока детское сердчишко жаждет обновления, неясных перемен, торопит природу. Время, кажется, застыло, словно бы мать постоянно позабывает подтягивать гири на часах и переводить стрелки.

...Наконец-то осенним обложникам пришел конец, значит, полностью опорожнилась небесная бочка. Земля не разжижла, не забрюхатела от дождей, как-то слушается веснами, но затвердела, запрудила в себе внутренние протоки, и потому каждая лощина, овражец, крохотная бочажинка налились водою. Ночные заморозки слегка прихватили грязь, лужи призакрылись тонкой пленкой перламутрового сала, правда, уже с утра телеги и машины заново расквашивают дорогу. Но вот слюдяная пласть на воде приотвердела, начала с краев разбежисто трескаться, грязь уже не проливается, как тесто в квашне, а затвердела хребтами и отрогами, и нашу родную улицу можно пересечь сухой ногой. Вот и перенова выпала, забелила землю, лишь желтая стерня просвечивает на полях сквозь легкое кисейное покрывало, да в замежках при порывах ветра шуршат и качаются иссохшие будылья. Дали проредились, осветились, природа наскоро прихорошилась до оттеек. Воздух процежен через солнечные марли и вкусом напоминает родниковую водицу, голубое сияющее небо до слезы щемит глаза и хоть на короткое время изымает из груди тревоги и печали; наступило предзимье - торжество духа и молодеческой удалы. Даже у взрослых неожиданно посвежели, запеклись от мороза лица, очистился взгляд и в крови появился хмель. Значит, осенней распуте пришел конец, под утором в ручьях и прысках закрепился первый лед, и пришла пора направлять коньки...

Река Мезень от городка далекононько своенравная, она встает долго, страдательно: до января лед волочит приливами-отливами туда-сюда, пока не оторосится, не осядет на песчаных кошках и прибрежных лутах «несяками и стамухами». По реке на коньках не побегать, там не сыщешь чистого раздольища, скользкого зеркальца, даже обзор с навагой иль волочуга с сеном едва проташится на другую сторону меж ледяных увалов, призасыпанных снегом. Да и зачем переться ребенку в такую даль, если хватает и лужи под угором, чтобы натешиться коньками.

...Почему я так подробно вспоминаю детство? Да потому лишь, что это «золотое времечко» только мое и больше ничье, оно неповторимо таинственно-обворожительными мелочами, от которых нынче сердчишко мое тает и млеет. Как бы красиво, с обаянием (чаровным) изыществом ни вспоминал о своем детстве Виктор Астафьев в классической повести «Последний поклон», все его свидетельства, все пасторали и признания в любви к былому отправлены в иную, чем моя, канувшую жизнь, да и пером водила другая, сибирская натура...

...Как водится, мать достала с чердака чиненные-перечиненные валенки с обсоюзками. (Лет двенадцати я уже сам наловчусь латать «катанцы», займею необходимую справу: шило, дратву, вар, кожу, обрезки от калишек и всякого старья. В сиротской семье я за мужика и, чтобы никого не просить из соседей, а тем более не тратить скудными деньжонками, приходится учиться многому с младых лет. И это умение непреходяще... Помню, когда подшиваешь обувь, таская медную проволоку, проволоку с дратвой туда-сюда - а работа эта нудная, требует большого терпения - то кожа на руках покрывается красными рубцами. Правда, за лето шрамы заживают, но взамен появляются ципки и раны, занозы и заеды от воды, ветра, солнца и рыболовных снастей).

Из-под кровати я добываю конек-ножик фабричной выделки и толстой конопляной веревкой приматываю к катанку. Пока попадаешь до подугорья, конек невольно расхлябается, не раз свихнется на сторону; но вот спускаешься в калтусину, толсто призасыпанную рыхлым снегом, под этой пуховой периной не видно глухих бочажин меж кочкарника, где долго стоит, не замерзая, коричневая пахучая вода. Невесомый предательский снег словно бы висит на травяных ломах, и пока пурхаешься, торишь тропу до льда, не раз провалишься в промоину, валенки набухнут, станут от воды тяжелыми, как водолазные башмаки, но и веревки тут же намертво прихватит морозом. На мне кацавейка без ворота, черная шапенка на вате, варежки, связанные матерью, а на ноге блестящий «ножик», невед откуда попавший в наш угол. Может, на нем в своем далеком детстве бегал мой отец? Но у многих приятелей и такого конька нет, они, конечно, завидуют мне и, катаясь на валенках, норовят подставить ножку и сделать «куча мала».

Боже мой, скользишь на коньке, прискакивая, отталкиваясь другой ногой, и ветер-сиверик плещет в лицо, выжаривает скулы до багреца, и на щеках скоро нарас-

тает не то куржак, не то странный колкий иней, напоминающий на ощупь шерстку!

В тепле, когда лицо оттаивает, кожа станет шершавой и упругой, словно по ней, как по речечному хвосту, драили мелкой теркой. Глаза застилают слезой, а грудь распирает блаженным чувством счастливой воли, которое иногда невольно вырывается наружу победительным криком. Угоришь от бега, свалишься на прозрачный лед, невольно запуская в рот косячок студеного снега, и под хрустальной пластью нарисуеться взгляду иная таинственная жизнь, будто в кино: желтая травка колыхается под водою, как от сквознячка, несуетно, спокойно проплывают перед самыми глазами разноцветные крохотные рыбешки с колкими иглами на горбышке, а за ними неотрывно тащится зыбкая дрожащая тень; вода рябит, переливается золотом, как в драгоценной скляшечке, все в ней живет, повинуюсь таинственной воле. От нахлынувшего щенячьего восторга стукнешь кулачишком по тонкому льду, и разбегутся по ней кругами паутинки и трещинки, всплунутые рыбки кидаются в травяные кучи, и весь подводный мир замирает на короткое время в ожидании грозы. Но все спокойно, тревога напрасная, и снова под водою продолжается хоровод...

И тут вдруг замечаешь серый налет пыли на льду с альими потеками, невольно взглядываешь по-за реку, а там уже развесились над синими лесами багровые языки пламени, и домашние оконницы тоже закрасели отраженным пожаром, а от болот, подпирающих наш городок с тыла, резко запотыгивало знобящим полуночином. Невольно взгляд ищет родимую крышу, жар от тела отпрядывает, озноб прокрадывается под стылую одежду, становится сразу неуютно, зябко, и вот бредешь к дому весь измерзший, зальдившиеся варежки едва висят на кончиках пальцев, запястья побурели, рукава съезжились от намерзшего снега, губы затвердели так, что и рта не открыть, ресницы заиневели, глаза спрятались в ледяную скорлупку и почти ничего не видят вокруг. Невольно думаешь, омрачаясь, что снова забегался, потерял время, уроки забыты и мать будет ругать. И таким вот изморышем, с трудом влачаясь по дороге, окатываясь и гремя в сених чугунными катанками, вваливаешься в комнату, и сил уже никаких нет, чтобы разоболочься.

- Ну что, налетался? - строго спрашивает мама, оторвавшись от зыбки, и с усталой полуулыбкой разглядывает меня, непутевого.

У нее забинтована шея и грудь натуга шерстяной шалью.

- Не-ка, - онемевшие губы едва шевелятся.

- Господи, и когда же ты набегаешься, обалдуй? Только бы тебе обувь рвать и больше ничего. В чем в школу ходить будешь, непуть? У меня денег таких нет, чтобы новые валенки покупать.

Я бессмысленно шурюсь на мать, ресницы скоро оттаивают, лицо оживает, начинает нестерпимо гореть, будто натерли его наждаком, я бессильно обваливаюсь спиной на дверь, еще пытаюсь распеленать от веревок конек, стянуть валенки, но тут невольный стон вырывается из груди - и я сдаюсь на милость победителя.

- Значит, набегался, - утверждает мать и стаскивает с ног обувь, пихает их на просушку в запечек, освобождает меня от пальтошонки и гремящих жестью портков, кидает сухое. - На, переоденься, - говорит уже спокойным оттаявшим голосом, - да за уроки садись... Не тяни резину. Учиться совсем перестал. Пустой ты, Вовка, человек. Ну, почто ты не берешь примера со старших, а? Они из пятерок не вылезают, а ты едва тянешься с тройки на двойку.

Мама запалает лампу (значит, нынче давали в лавке керосин), в боковушке сумерки раздвигаются, становится празднично и светло. Крашеный потолок над головою маревит, зыбится, как замрелая под ледком водица; отчего-то, не падая на пол, над головою плавают рыбки-кости, шевелятся водоросли, бегают, суча ножками, жук-плавунец. Лохматая тень от моей головы елозит по полу, отчего-то занырявает в угол за маминой кроватью и там замирает под табуреткой, на которой стоит таз для умывания. Значит, я малость призапнул, как уличный псишко, прямо на пороге.

Но не долго нам баловаться коньками. Скоро запуржит, заметелит, света белого не видать, да порою падет погода с морозцем ядреным, с ветром-хиусом с океана, что до костей продерет, как ножом-клепиком, коим скоблят от сала тюленьи шкуры. Окна в ледяной броне, отбирающей из комнаты остатки дневного света; ино продышишь в накипи омуток, вглядишься одним глазом, и при виде снежных вихорей, змеею встающих в небо, так вдруг запотыгивает на волю. Да не сыщется, братцы мои, на всем белом свете такой веревки, чтобы надежно привязать тебя к стулу!

Как сейчас помню: высунешь нос на улку, будто псишко, сожмешься в корчужку, нос упрячешь в варежку, рот - в шарф, дышишь натужно, и от пара подбородок

намокреет, а ресницы толсто оденутся в куржак. Люди тащатся середкой улицы, как привидения, их замечает на ходу; снежные хвосты облизывают спины, путаются в полах пальто и шубняков, на плечах и шапках сугробы, ноги в катанцах и бурках заплетаются в бродной санной колее, и такой человеченко, почти глухой и незрячий, так и норовит ткнуться носом в забой и утонуть в нем... Потопчешься так, выглядывая в замесели закадычного дружка, и, не найдя его, нырь обратно в свой угол, и таким благословенным, проникающим в каждую телесную волоть вдруг покажется домашнее тепло. «Бр-р!» - вздрогнув, переберешь плечами и невольно вспомнится приговорка: «В такую погоду добрый хозяин и собаку со двора не выпустит».

Нет, то воистину были русские зимы, когда от крещенского мороза, похожего на пушечную пальбу, изба садилась на все четыре угла, и было так озорко сидеть дома в сумерках при свете коптилки, когда мать ещё на работе и неведомо, вернется ли домой живою, иль задерут дорогою леший и оголодавший волк. Снегу к январю наваливало по самую крышу, едва успевали отгребаться лопатой, и для нас, домашних, это была одна из хлопотных всedневных забот - очищать мостки, крыльцо и заулок. Зимы были обжорны, бесконечны, обдирали русского человека, как липку, сколько ни наготовь впрок. Пустели поленницы и лари, кадцы и тuesa, полки в шкафах и погребнице; немилостивой метлой подметало сусеки вчистую, брюхо, что пустой чугун, добра не помнит, сколько бы в него ни пихай. Живому - живое, а если еще по лавкам четверо, только есть подавай, и грузный чугун картошки в мундире, исходящей сладким паром, пустеет в какой-то миг.

...Только нынче, наверное, на старости лет, когда душа стала понятлива к чужим страданиям, когда и самого поджигает со всех сторон, дошло до меня во всей истине, как трудно было маме поднимать нас, прожористых, сколько бесконечных ночей промучилась с мыслями о хлебе насущном, сколько слез исплакала в наволоку, сколько невольных проклятий насулено этой затрапезной неудачливой обыденке, крутоворот которой ежедень творился вокруг ненасытного брюха... Наверное, мама так и прожила свой век в потаенном недоумении: за что же так немилостиво покарал её Господь? И оттого, что она не знала за собою тяжкого греха, не видела своей вины, душу не отпускали обида и надсада, особенно утяжелявшие дни, делавшие жизнь беспросветной: дескать, все бабы вокруг живут, как куколки, и только ей досталось такое наказание. Хотя и в соседях были одни вдовицы, столько же детишек по лавкам, те же шти пустоварные на столе да картоха с редькою, но они в иной день, а особенно в праздник, и бражку пригубляли, и песню вели, а завивая сплетенку, хохотали как оглашенные, лупили на мир счастливые хмельные глаза. Я всегда завидовал этим женочкам, их легкому характеру. И, возвращаясь из гостей домой, видя её тоскливые глаза, невольно упрекал мать: «Мама, ну все же так жили, как и ты. Не ты одна страдала... Но только ты почему-то живешь, как трава под бревном. Ну, распрямись душою-то, улыбнись, посмотри вокруг себя другим, размягченным, взглядом». «Так да не так, - раздраженно отвечала мама, и глаза ее наливались скорой тоскливой слезою. - Ты ещё меня учить будешь... Вам никогда не понять, как трудно было поднимать вас... Это вам все на блюдечке поднесли... А пожили бы с мое! Ужас!» - вскрикивала она с протягом, глядя в пространство покосившейся комнатенки розовыми от близкой слезы глазами. Я сразу прикусывал язык, жалея, что завел словесную волюнку, ибо в комнате на несколько дней обязательно поселялось меж нами невразумление. Но было уже поздно...

К долгой зиме невольно принаравливались повадками и всем бытом, притерпевались телом, смирялись душою, понимая, что природу не обмануть, не провести вокруг пальца, да и вековечный опыт помогал вынести невзгодицу.

«По Сеньке шапка», - говаривали в подобных случаях. «Где гриб рожен, там и заморожен», «Своей родовой не выбирают, чужой земле не кланяются», «Где человек родился, там и сгодился». «Кому мясо кусками, а кому молоко шилом ясти». «Всякому по судьбине, да не всякому по горбине». Я уж и не знаю сейчас, какие присловья из народа, а какие в эту минуту сами из-под пера на бумагу выпали. Но смысл их один: Родину, братья мои, не выбирают, она от Бога.

...За ночь житышко вымерзнет, в углах иней, у порога куржак, пар изо рта ви-тою струей, и кажется, что сейчас превратится он в снег и выпадет порошею на мою постелю. Но так сладко, безмятежно спать-почивать в уютной норе, похожей на беличье гайно, зарывшись с головою в одеяльце, и никакие девки-знобеи и уличные колдуньи-морей не отыщут щелку в твою укромину.

Мать не дает понежиться, подтыкивает да окрикивает, ей недоело каждый раз

переступать через меня, творя вековую обрядню. «Век бы из постели не вылезал, - невольно прижимаешь себя, тянешь время, хотя лежать уже надоело. - И чего такую рань вставать? Такой долгий день впереди».

На улице ещё не развиднелось. Иль морозные узоры на стеклах не пускают света? Печка потрескивает, погуживает яростным пламенем, высакивая из дверки, на полу приплясывают огненные белки, дразнятся, подбираются к моим пяткам, хотят обшелкать мои сладенькие мосолики. Заскворчала на сковороде картошка, в комнате запахло ествяным духом. Я невольно подбираю ноги в коленках, готовый к прыжку, глаза мои посверкивают, как у мышки-норушки при виде беспризорной хлебной корочки. Мать замечает мой взгляд, немилостиво сдергивает покроец. «Хватит, належался... Ешьте и ступайте с Геней за водой», - шепчет строго, боится разбудить маленького.

Вскакиваю. Пол ледяной, бегу к печуре за валенками. Сквозь рубашонку все тощее тельце туго обнимает стужею. Для близиру, чтобы лишний раз не гневить мать, плечу на лицо студеной водою, вернее, мокрым пальцем ковыряю в глазах. Какой это дурак придумал, что надо по утрам умываться и чистить зубы? Глупости все это, от нечего делать... Так можно все лицо истереть, дырьев наделать. Вон медведь никогда не моется, а какой силы...

На столе покипливает самовар. Словно бы и не приключалось с ним беды, правда, краник слегка покривился и, как прежде, покапливает из него в подставленную черепушку. На канфорке красуется чайник со щербатым носиком. Ждет на сковороде жареная на маргуселине картошка. Я люблю намазать на ржаной ломоть маргуселина и посыпать солью. Жир со странным названием, приплывший в Мезень, говорят, из жарких стран, откуда-то с Африки, он рыхловат, вязок, видом смахивает на вазелин и имеет странный нездепный запахок. В магазине продавщица ковыряет маргуселин деревянной лопаткой из огромной бочки-сельдянки, стоящей в углу. Рядом стоит такая же бочка удивительно вкусного повидла, смахивающего на солидол.

Мама достает ситечком из самовара пару яиц. Соображаю, что за праздник. «Сегодня много понадобится воды», - объявляет мама и втаскивает в избу голубой ушат, насыпает из ведра просеянной золы, достает прихватками из «голландки» первый чугунок и выливает в посудину, накрывает сверху пальтухой. Мама наводит щелок, значит, сегодня стирка, грандиозная суматоха на весь день.

Тоня Личутина (это моя мама) - известная на весь околоток чистюля. В нашей убогой боковушке кругом висят полотняные белые шторы, занавески с вырезными узорами, подзоры, кружева, за их чистотою мать следит строго и неуклонно. Можно сказать, сурово. Мы с малых лет приучены не трогать их, не мять и не крутить, хотя этой привычкой, наверное, страдают все дети мира. Каждый ребенок любит вытирать о занавески руки, свивать их в жгуты, дергать, висеть, совать в прорези вышивок пальцы, ковырять швы, добывая из них нитки, подстригать ножницами покрочки, чихать и сморкаться. Но мы намуштрованы, и нам в голову не приходит даже прикоснуться к «одеянию» комнаты, которое мать каждый месяц приводит в праздничный вид. В этой тесноте стирка похожа на подвиг. Когда к нам являются друзья, они обычно останавливаются у порога, дальше пройти стесняются (да их никто и не приглашает) и напряженно смотрят на хозяйку, а пальцы тем временем невольно шарятся возле двери, хватают штору и начинают лихорадочно мять и крутить, на что получают гневную отповедь: «У тебя что, чесотка на руках? Стоять спокойно не можешь? Не для тебя повешено, и не тронь. А ну оставь занавеску в покое!»

И вот весь комнатный убор стащен к порогу в огромную кучу, отчего жилье приобретает вид особенно невзрачный, всякая неурядь, что обычно прикрыта белой завесой, подзором или кружавчиком из ниток № 10, сейчас назойливо лезет в глаза, заявляет о себе, подчеркивая вопиющую бедность и сиротство. В эту же кучу летит постельное бельё, которое мать по обыкновению стирает каждую неделю, изгваздывая до дыр свои пальцы, наши порточки и рубашонки; от горячего щелока и хозяйственного мыла, если удастся добыть кусок, ее руки становятся вываренными, словно бы с них слезла чулком ошпаренная кожа.

Потом заволакиваются корыто и ребристая стиральная доска. Ушат заполняется кипятком, щелок настаивается. Мать склоняется над корытом, подпирая доску набрякшей грудью, волосы осыпаются на глаза. Начинается на весь день стирка. Тем временем из-под угора мы таскаем на чунках воду. К вечеру мороз усиливается, снег скрипит под валенками, визжит под полозьями, покряхтывают обледенелые копылья санок, ком снега качается в воде, как шмат сала, но вода все равно выплескивается, и кадца обмерзает сосульками, будто серебряное ожерелье надевают на её грудь.

Снежная равнина за осеком тускнеет, словно натрусило сажей из печных

труб, с неба ручьями истекает таинственный свет, звезды пламенеют, будто раскаленные березовые уголья. С севера вдруг начинает шуршать и потрескивать - там, над Белым морем, сквозь дегтярную темь сначала робко проступают призрачные цветные полога, будто неровно раскатали по окоему китайские шелка. Потом краски наливаются, становятся гуще, свет пламенной. Пестрые завески колыбаются под неслышимую небесную музыку, шевелятся под вышним ветром, невидимые руки Господних прислужников то решительно скатывают их в трубу над болотом, то вдруг одним ловким движением снова раскидывают уже над чохлыми воргами, где тонко, с протягом плачет волчица. Завораживающий живой сполох северного сияния струит от края и до края неба, то угасая, то вновь разгораясь...

Мама складывает настиранное в бельевую двуручную корзину, ставит на чунки, я беру дворовый фонарь, и мы, несмотря на «глящий» мороз, отправляемся в подutoryе к роднику. Снег хрустит под валенками, повизгивают полозья саней, каждый звук в вечеру пронзителен, ветер-хиус драит щеки, прихватывает нос. В зальдельх окнах на нашем пути едва пробрезживает желтый, неясный свет керосинок, и, когда мы спускаемся с угора к поскотине, избы западают за гривку снега, и ледяная темь торопливо хватает нас в полон. Ни огонька кругом, ни соринки света, лишь едва брезжит по западу алым и зеленым, а там, где только что стояли сполохи, высыпало сеево звездного проса. Мы одни на весь белый свет в этой таинственной угрозыливой тишине, и лишь покорно тащится следом, покачиваясь возле ног, будто притороченный к моим катанцам, расплывчатый круг света от фонаря, едва проявляя тропинешку. Я напрыгаюсь сердцем, испуганно вглядываюсь во мрак, мне невольно везде чудятся зубастые волки. Зеленые огоньки порскают за родником, куда мы попадаем сейчас. Они ловки, заразы, живо выпотрошат из пальтjюшки, останутся лишь одни валеночки. Где-то за речкой Товою раздался протяжный вой, через заснеженные калтуса докатился и до нас. В ответ дружно забрехали в околотке собаки. Тишина обрушилась, на миг оживело вокруг нас, даже темнота, казалось, сдвинулась и проредилась. Мне страшно, но я не жалуюсь: мужик, ведь... Мама упорно молчит, наверное, язык примерз к зубам. Ей не до меня. Она, наверное, думает, сколько ещё дел впереди...

Возле родника, где мы берем воду для питья, чуть ниже по течению вырублена портомойня, тут же лежит проволочный черпак для шуги. Мать разбивает майну, выбирает ледяное крошево, обравнивает края проруби пешнею, кладет под ноги дощечку, становится на колени и начинает неторопливо полоскать белье в ледяной воде студенца. Это вода живая, а значит, она изгоняет таинственные хвори, запрятавшиеся в наволоках и занавесках. Казалось бы, пустая бабья затея, ведь можно бы дома обиходить настиранное, довести до ума в корыте, но тогда у белья не будет природной свежести, особенной белизны и сладкого запаха. И это не причуда матери, но так издавна заведено в народе полоскать белье в проточной бегучей ледяной воде. Пальцы заледеневают, как сосульки, уже готовые обломиться, и, когда станвится совсем нестерпимо выжимать длинные занавески и простыни, мама, приставывая, прячет ладони в полах пальтjюшонки, под подол юбки, елозит, трет меж колен, где сохранились остатки телесного тепла. Ее одежда обмерзает от брызг, ледяные окатыши блестят, искрятся при свете фонаря, как глызки сахара, и обшлага, длинные обтерханные полы пальто, и головки валенок чем-то напоминают мне ногодные козули, испеченные бабушкиной рукою.

Мамин характер меня дивит, я мысленно тороплю её, мне и скучно, и боязно отбежать от проруби, вот и торчу бездельно, вглядываясь в дегтярный мрак, где суетливо порскают по выгону зеленые волчьи глаза, всё ближе придвигаясь ко мне. Я начинаю прыгать, хлопать себя по бокам: дескать, заколел совсем.

- Всё-всё, потери не много... Сейчас домой... Ну и шебутной ты, Вовка, беспокойный какой-то... И в кого такой, не пойму. На одном месте дыру вертишь, - завершая полосканы, сипит мама, с трудом шевелит мерзлыми губами, покряхтывая, поднимается с колен.

У нее стонут больные ревматизмом ноги, замлела поясница, будто вставили в спину железный штырь, ноют воспаленные шейные железы. При свете дворового фонаря у мамы темное, почти черное, как у ненки, скуластое лицо и глубоко ввалившиеся незрячие глаза.

Маме нельзя застужаться, но куда деть характер и застарелые привычки? Мы вдвоем водружаем тяжеленную двуручную корзину на санки, беремся за веревку. Я прощально вглядываюсь в замлею, черную, будто чугун, недвижную воду. «Ердань» на моих глазах схватывает ледком, звезды меркнут, уплывают в глубину под белесую пленку «сала».

- Ой, как я замерзла! - жалуется мама, когда мы наконец-то попадаем в свой заулок. - Прямо все жилы стосковались и зуб на зуб не попадает.

Но при этом голос у нее повеселевший, ведь экую тяжесть с плеч свалила.

Дома мама разводит в корыте «синьку» и «подкрашивает» настиранное, потом идет на улицу и развешивает белье на веревках. Мороз к ночи окончательно вошел в силу, сразу схватывает наволоки и шторы, они до утра и еще весь день висят враскоряку без прищепок, скребутся на ветру, и, когда мама заносит белье в избу, оно гремит, как железное, сутырится и с трудом влезает в комнату. Пока-то отмякнет на спинках кровати и стульев. Мои и братневы мерзлые штанишники и рубахи стоят у порога, как живые, словно бы приготовились без нас бежать на волю, но через час, приоттаяв, падают на ледяной пол и досыхают лежа.

Грубое белье мать «гладит» рубелем: наматывает холщовые порточки на гладкий березовый валеk и гнутой ребристой доскою-«рубелем» катает по столу до тех пор, пока не сгонит со штанин шершавину и жесткие рубцы. А что ещё мальчишке надо? Лишь бы не стелились колени да ягодиčky. Вымяв порточки, швыряет их мне, беззлбно ворчит:

- На, одевай... Да береги. Настираться на вас не могу, честное слово... Как трубо-чисты, всю грязь на себя собираете.

Я натягиваю чистые штанишники, побывавшие в родниковой воде и на морозе, они сейчас будто новые - прохладные, ласковые на ощупь, так и льнут к телу. От них исходит особенный запах свежести. А мать тем временем разводит паровой утюг: надо гладить стопу «белого» - постельное белье, полотенца, ночные сорочки и носильные платица, занавески на окна, шторы, подзоры - весь сряд нашей норы, которая, стыдливо упрятав бедность, празднично принарядившись, вскоре неузнаваемо переменится, похорошеет, как засидевшаяся невеста на выданье, которую вдруг высмотрели жениховы сваты из другой деревни да неожиданно и нагрянули. Словно для того и затеяна была стирка, чтобы незваный гость, переступив порог, поразился убранству комнаты, невольно развел руками и ахнул: «Ну, Антонина Семеновна, как у тебя дома-то хорошо да богато!» - «Чего нашили богатого? Не в грязи же зарастать... Не деньги и плочены, от своих рук».

Но ведь лицом-то расцветет на такую похвалу...

...Казалось бы, братцы мои, ну зачем вспоминать этот унылый послевоенный быт, самые затрапезные, невзрачные картины его, которые не дают пищи ни уму, ни сердцу и вроде бы ничему полезному не научают, и ничего, кроме уныния, не откладывается в нашей памяти? Но через эту чересполосицу насущных забот, через то, как ты их исполняешь, насколько готов терпеливо нести на своих раменах уготованную судьбою крест, и открывается во всей полноте национальный характер.

Да, у наших родителей был крутой природный замес, они были слеплены из ячменного (житного) теста грубого помола, из той нажористой «оржанухи», что не только жилы прочно ставит, но и душе не дает упасть...

...А мы, увы, уже другие, «диджинные шаньги», растеклись душою и никак не можем собраться внутренне в «естяный колоб», чтобы был внутри нас должный закал к терпению, а не терзал бесконечный изнурительный вопрос: «Для чего мы явились на белый свет?»

Нас, нынешних, постоянно терзает внутренний червь слабодушия и малодушия, мы легко впадаем в ересь уныния, нам все вокруг нехорошо да неладно, страшно да непереносимо, будто мы по ошибке из дворянской усадьбы угодили в калашный ряд к худородным, из барского тарантаса пересели в крестьянскую телегу. И потому, недоуменно озираясь кругом на страсти-мордасти, все стонем да причитываем, нам все худо, несвычно, тяжело, вся жизнь кажется мерзкой и неурядливой, прописанной кому-то иному, но вдруг доставшейся по злему умыслу нам. А так тянет пожить «вполеготку да впотяготку», чтобы утром кофию в постелю, а вечером на бал, чтоб осенью скататься «до Парижу», а зимою, продлевая лето, до египетских мумий и Мертвого моря. Да и со всех сторон ежедень дуют в уши, дескать, жизнь человеку дается один лишь раз и надо прогуляться по ней в свое удовольствие, всласть испытать стояных медов из полного ковшика, чтобы после, спохватившись, не возрыдать в отчаянии по навсегда утекшим годам, что так мало ухватили веселья...

Где-нибудь в европах баня в диво, нам же, северянам, это «истязание» за радость. Точнее сказать: без бани - прямая смерть. И потому в одно время с избою, без промешки, рубили на задах усадьбы и мыленку. В бане не только размывались, но зачашую и дети рожались...

Банный день - святой для каждого русского, а особенно для поморянина. В обзогах и на долгих промыслах тело твое так зачужеет, закоростовеет, так истоскнутся жилы и каждый мосолик от стужи и житейского неустроя, кажется, и даже сердце само так иззябнет и свернется в груди в едва живую корчужку, что невольно душа взмолится по березовому венику... и запросит его, как благословенного праздника. Едва переступив порог, даже дорожной поклажи не разобрав, позабыв об усталости, о еде-питье, русский человек первым делом невольно в баню-то кинется, несмотря на недельный день. Уже знает, христовенький, носом чует по запашистому парку из дымницы и оконницы, что баенка готова.

Добрая хозяйка, поджидая благоверного с лесного ухажья или с морского похода, как заведено исстари, загодя мыленку готовит, не скупясь на дрова. И не дай Бог, если промахнется: муж на пороге, а у нее, простоволосой, не у шубы рукав, и если хозяин - гроза характером, то достанется бабе перцу под хвост, чтобы впредь порядком вела дом. По случайной весточке от пешего-конного или по сердечному наитию жена накануне обязательно слегка протопит каменку, чтобы вдохнуть в баенку живого духа, а уж весь следующий день дым из бани коромыслом... Нагонит хозяину жару такого, что волосы на голове трещат. Мужик в студеных сенцах торопливо разоболочется, стоптав грязные исподники под ноги да завязав уши овчинной шапки под бородою и насунав рукавицы, нырь скорее в парильню, где уже березовый веник в кадлушке набряк, распустил оживелые листья. И сразу обдаст хозяина сухим жаром от макушки до пят, так что мурашки высыплют по всему телу - это стужа из костей вон. Почерпнет из бочки водицы ковш, плеснет на каменницу - и давай охаживать замлелые телеса. Эх, лихой, однако, русский человек, нагоняя на себя такую добровольную пытку, что даже банный хозяйнушко, живущий под полатями, терпеливо ждущий мужичка с промысла, и тот от непосильного жара сморщится в печеную картошину и, не снеся такой насмешки, упрямчет нос в пыльную куделю бороды, забьется в мышиную нору да и заткнет её клюком паутины, чтобы лишнего не видеть и не слышать. Ибо вскоре брякнет дверь, появится в бане сама хозяйка в белой исподнице, сквозь сутемки едва различимая, и давай мужа своего привечать да утешивать веником, да после мылить и скоблить его уставшие мосолики, да обихаживать вехотком. И какое сердце тут не встрепенется, не вздрогнет каждый удар? Ну, а дальше, пожалуй, и не стоит напрасно изводить чернил, дело известное, откуда и как дети на свет появляются...

У нас, вернее у бабушки, тоже была своя мыленка, торчала она в дальнем краю огорода возле болота. Неказистая внешне, вроде кушной изюбки в тайболе, в какой жилали прежде ямские конюха, наблюдавшие сменных лошадей, с крохотным окномцем в тетрадный лист, баенка едва выпказывала себя из снежного разлива сажными разводьями вокруг деревянной дымницы... Дорожку к бане обычно не расчищали лопатой, чтобы не тратить зря силы, а натаптывали глубоким, по пояс, корытгом. После снегопада, попадая на помывку, даже взрослые пурхались, утопая по рассохе. Нам же, «робятёшкам», было особенно неловко брести, попадая в чужой след. Не удержишься на ножонках - да и бултых носом в сугроб, растопыря руки. Пока-то тебя выгребут. И смех, и грех, все рыло в снегу, когда выберешься из того плена.

Баня была маленькая, рублена из тонкомера, а с годами и вовсе скукожилась, съезжилась, поехала крышею к болоту - подобное постоянно случается со старым человеком. Срубец был поставлен низко на еловые комельки. Веснами вода подтапливала, подходила под половицы и прыскала ледяной струйкой по ножонкам. К мыльне, как принято, прирублены крохотные сенцы (предбанник) со щелястым полом; черного пола не настилали, и потому от болотины тянуло сквозняками, а зимами углы обмерзали толстым куржаком, будто бараньей курчей, порог обрастал ледком, и оттого двери плохо закрывались. В узкий предбанник вмещалась лишь скамейка, раздеться даже одному было тесно, особенно взрослому, в двери поддувал ледяной хиус (ветер с полуночи). Чтобы хранить тепло и зря не переводить дрова на истопку, пороги нарубали высокие, потолки настилали низкие, а двери навешивали маленькие и потому входили в баню внагинку, каждый раз невольно кланяясь баннушке... Забывчивый человек или гордоватый, кто привык голову высоко носить, обязательно прикладывался лбом к верхней колоде и набивал шишку. Но даже я, малорослый ребенок, затаскивая воду и дровишки, нередко забывал о коварстве любимой баенки, и потому со лба не слезала печать - синий рог, который со временем желтел, сходил на нет до нового «утощеньица». Когда гость стукался «головешкой» о притолоку, стесывая макушку, и невольно рычал от боли, то хозяйка лишь добродушно посмеивалась: «Ничего, до свадьбы зарастет... Всем доставалось. Это Бог науки тебе дает, чтобы не был ты ломоватый да гордоватый... Не забывайшний раз поклониться баннушке да шапку сронить. Чай, не переломишься».

Сама баня (мыльня и парилка) была размером два метра на два. Крохотное, с тетрадный лист, оконце в одну шибку, выходящее в огород, низко сидящее в лопушатнике, едва ли когда мытое, было похоже на старческое бельмо даже в яркий солнечный день. В пазя немилосердно парило, и потому зимой нарастал на раме и на ободверинах толстый каракуль желтоватого куржака. Обычно в баню ходили в сумерках, а кончали мыться уже впотемни, то уличный свет был вообще без нужды. Да и кого, и чего было разглядывать в парилке? В бане надо обихаживать тела, а не стрелять по сторонам глазами, тем более что в них дуриком лезет едучее до слезы хозяйственное мыло да и немилосердная жара гнетет сердчишко и гонит вон. Тут, дай Бог, скорее ополоснуться... Напротив низкой дверешки были сколочены полати. Возле - скамья для взрослых, а для нас, дитешонок, небольшая колченогая скамеечка, она же служила и стульчиком для старух, и подставкой для таза... В левом углу стояла вальжкая, осадистая, в половину мыленки битая из глины печь-каменка без дымохода, над тонкой - гора закопченных валунов и чугунный котел ведр на пять. Старинная русская баня, как водилось тогда повсеместно, топилась по-черному. Открывались обе двери, пятник в стене (круглая дыра, которая при мытье затыкалась кляпом или задвигалась доскою), и дым клубами выметывался на огород, сизыми волнами слоился к дому, разнося по окрестности горьковатый запах. Все в околотке знали, что у Личутиных банный день, точно так же соседние бани, затопившись, напоминали и нам, что хозяевам не до гостей, они готовятся к помывке.

Задымленные стены нашей баньки блестели, словно обтянутые начищенной гуталином хромовой кожей, до потолка тоже нельзя дотронуться - всюду копать толстым слоем, жирная, как гуталин. Добрые хозяева, наверное, мыли стены, шоркали голиком с дресовой лавки и полати, потолок и пол, но эта нудная работа требовала сноровки, времени и терпения. Я не знаю, как мылись взрослые, ибо даже я, малолетний ребенок, не мог приподнять рук над головою, чтобы не испачкаться. Зимой в сенцах ноги примерзали к полу, потому торопливо одевались в мыленке, казня и себя, и столь неурядистую баньку, и женщин, что опять не сподобились вышпоркать баенку, и потому в такую оглашенную жару приходится терпеть божье наказание. Ну, а кто мыть-то возьмется? Одноглазая бабушка уже не в силах, ей бы по дому обрядиться да мужиков обиходить и накормить, маме же моей было не до подобных забот, наверное, казавшихся простой блажью...

Я долго, наверное, лет до восьми-девяти, ходил в баню с мамой, но странно, что внешне она никак не сохранилась в памяти, как бы осталась за непроницаемой колышавшейся завеской. Ведь в углу мыльни висел дворовый фонарь со свечою за стеклом, и его тусклый свет должен был выявлять из тени и запечатать в моей памяти яркий осколок жизни во всех подробностях. Но помню лишь мамины ласковые руки, словно бы живущие отдельно от тела, то и дело выныривающие из сиреневого плотного тумана, безжалостно натирающие мне голову едучим хозяйственным мылом; помню слезы в глазах и почти ненависть к бане, в которую надо обязательно ходить, чтобы не заели вши (так назидала мама); помню немилосердную жару, от которой отваливались уши, но почему-то всякий раз остававшиеся при мне; помню первые горьковатые клубы пара, когда мама сдавала на каменицу ковшик воды; помню черный щелястый полук, куда мать приказывала лечь, и я нехотя взбирался, больно стучаясь костлявыми коленками о доски; даже эмалированный таз помню с длинной ржавой щербинкой на кромке и вехотек из спутанного склизкого мочала; помню, как одевался, с муками протискиваясь в рубашонку и обязательно испачкивая рукава о сажный потолок, а мама с ворчаньем помогала мне натянуть ее, липкую исподницу, со спины. Но моющейся мамы, а ведь она была тогда совсем молодая, в самой бабьей поре (ей только тридцать два года), не помню совсем... Словно не было у ребенка глаз. Какая странная у человека, выборочная память!..

И вот кой-как прикрыв тельце, насунув в предбаннике валенки на босу ногу, высканиваешь на волю: в морозном небе яркая круглая луна, все вокруг обито переливистым вспыхивающим серебром, длинные темно-синие тени пересекают огород, застыл посреди огорода стожок в один промежек с голубоватым сугробиком снега на острой хребтине, кривая стежка, едва протоптанная через искрящееся море разливанное, а вдаль, куда спешу, настороженно проступают громада нашего дома и белесый столб дыма из трубы. Стужа как-то мягко, ласково обжигает мои голые ягодицы, проникает через рубашонку и осыпается на влажные горячие плечи легкой изморосью. Прежде чем стремительно взбежать по крыльцу в сени, каждый раз непонятно отчего на миг задерживаюсь и, унимая отчаянно бьющееся сердце, расширяемое радостью, что уже не нагонят меня голодные волки, полукругом рассеявшиеся за изгородью и сердито клацающие зубами, оглядываюсь и отстраненным взглядом схватываю оцепенелые болотные кущи в осыпях снега, стертые во мгле

очертания баньки и морошковой желтизны оконце, словно бы приколоченное к темноте; нет, не глазами, облепленными инеем, но каким-то особенным внутренним зрением я вижу, как за стеклом, будто на экране, шевелится смутная тень, - это домывается моя мама...

В зиму пятидесятого, после Нового года, в этой баньке едва не погиб старший брат. Со своим классом он собрался в лыжный поход и потому решил помыться первым. А баня спешки не любит, особенно зимою. Ее выгнали долго, почти все светлое время, чтобы смогла намыться, не попрекая худые руки истопника, вся семья: сначала взрослые мужики идут, отчаянные парильщики (хозяин с сыновьями и зятьями), потом старики, у кого густая кровь жарку просит, следом - старухи из древних лет, кто веника еще не забыл и страсть как хочется пробудить остамелые косточки и вдохнуть в иззябшие жилы живого духу. Их-то из бани под руки выводят дочери иль невестки, потом бабы «робятишек» своих притянут и через слезы и куксы намоют-нашпоркают от пяточек до макушечки и, переведя дух, когда вся семья обихожена, а на себя, кажется, уже и сил не осталось, принимаются неспешно намыывать свои разопревшие розовые тела, с которых, пока детворе терли, не один пот скатился. Потому изрядно надо нагнать в баенке жару-пару, чтобы до ночи перемыть всех и чтобы каменья допоздна не умирили, испустив однажды вместо волны терпкого жара струйку кислого духа. А в иных семьях так натопят, что если ввечеру припозднились, то по утру идут в мыленку и в ней същут такого же жара, как и ввечеру.

Вот и калят нашу терпеливую баньку до той поры, пока не нагорит в каменке изрядная горюшка березовых угольев, подпирających небо печуры, и по ним, поначалу раскаленным, с пробежистыми алыми волнами и с белым притаенным пламенем порскают голубоватые и зеленоватые сполохи. Кочережкой-то долбишь, ворошишь, мешаешь уголья да иной раз второпях иль по лености и не доберешься до самой глубины иль дальнего заулка печуры, где может затаиться предательская головешка, порою всего лишь с палец. Вот принакроется она серым пеплом, ей бы, кажется, мгновенно истлеть под неистовым жаром истопки, но никакой огонь не берет, и вот скапливается в бане от головнюшки тяжелый дух (угар), которого и не видно, и не слышно. Этот настой слаже малиновой наливочки и ядренее любого винца, он и самого джогого богатыря с ног свалит. И тогда настигает любителя баенки смертный сон.

По себе знаю, как в такие минуты незаметно наплывает в голову истома и тягучая паморока, глаза сами смеживаются, наливаются свинцом, ничего видеть не хотят, уже с трудом разбираешь веки, в пору спички вставлять, в уши плывет неземная медоточивая музыка, изредка перебиваемая валдайскими колокольчиками. И входит в сознание странная мысль: как хорошо сейчас заснуть и не проснуться вовсе... И такая лень разбирает всего, рукой не ворохнуть. Вот тут-то самая пора встрепенуться, в страхе окрикнуть себя: «Не засыпай, дурак, а то смерть приберет!» А девкамаруха уже в голову стоит, наваливается грудью на твой безвольный рот, запечатывает губы, пресекает дыхание. Сколько русского люду навсегда уснуло в баенке, о том людская память умалчивает, ибо счету не ведет. С трудом, из последних уже сил, сваливаешься с полатей и бессознательно ползешь на коленках в предбанник, а оттуда - в сугроб, чтобы охватило стужей голову и привело в чувство. И вот, полежав в снегу, поднимаешься на ноги, притрешься плечом к баенному углу, и тут схватит тебя маета - и давай вытрясать свое нутро до самых потаек, только что кишочки из рта не ползут вон...

Вот почему русскую баенку надо выстаивать не меньше часа, чтобы уголья принакрылись ровным мохнатым покровцем, под пеплом сохраняя огняную силу. Да и «сдав на каменку» ковш воды, первый горьковатый пар надо выгнать на улицу. Но братик же спешит и позабыл вековечный устав.

Женское сердце - вещун. Словно бы кто в спину толкал маму, спохватилась вдруг, побежала в баенку навестить, а сын в сенцах лежит мертв, укутав голову рубашкой. А уж маленький парень, четырнадцать лет, сил не хватит, чтобы на руках отнести, так нагого отволокла по снегам в дом...

Как сегодня всё и случилось, помню до мелочей... Вот лежит Гена голый в сенях на полу, кто-то притащил одеяльце, сделав скрутку, подложил под плечи. Двери нарочно распахнуты, клубами вваливается морозный пар в коридор. Голова у брата слегка запрокинута, задрался узкий подбородок, напряглась в кадке тонкая шея, сам сголуба-бледный, черные подглазья, зубы стиснуты, на губах желтая пена. Мама, простоволосая, в глазах ужас, мечется бестолково, не зная, что предпринять: то упадет на колени, безжалостно нахлестывая сына по щекам, так что голова болтается,

взрыдывает в слезах: «Гена, очнись! Гена, не умирай!» То, вскочив, зло озираясь вокруг, шарит по лицам взглядом, кричит, не теряя надежды: «Чего ждете?! Хотя чем-то помогите! Он же умирает».

Я стою осторонь, через склоненные плечи и спины всматриваюсь в лицо брата: не вздрогнут ли ресницы, не колыбнутся ли брови, не протянется ли облегченный вздох. И боюсь пропустить этот миг, чтобы первому подсказать маме, что Генка проснулся... Я никогда не видал мертвых, и потому причеты матери мне непонятны. Вот он, братик, на полу: худенький, с костлявыми прямыми плечами, впалая грудка, иссиня-черные волосы осыпались неряшливо... Мало ли чего с людьми бывает? Живут-живут, а после незаметно уходят куда-то с глаз долой, и уже никогда не встретишь их на улице. Но то старые люди помирают, говорят, их складывают в могилки. А что может случиться с братом? Ну, полежит, полежит пока не надоест, а после расхочется и встанет. Разве может человек так быстро пропасть, если только что, и часа не прошло, как укладывал заплечный мешок, натирал огрызком свечи лыжи, принаравливал к валенкам ремни, выплаживал осколком стекла самодельные березовые палки? Потом с тазом под мышкой побежал в баню, и мать громко наставляла вослед с крыльца: «Смотри голову хорошенько помой!» Я крутился возле, мешая, толкая под руку, чем досадил ему, а сам втайне завидовал брату, что он такой взрослый и его никто не смеет держать дома.

Спокойней всех казался дедушко Петя. Пожалуй, если бы и гроза разразилась, и небо обрушилось сей миг на головы, старик бы ни капли не устрасился. Но если он так спокоен, значит, ничего страшного не случилось. Дедушко Петя стоит в тесном полыселом мундирчике, туго сцепив на животе пальцы, и пристально смотрит в лицо внуку.

- Врача бы позвать, - посоветовал едва слышно, ни к кому не обращаясь. Тонкие сизые губы, обметанные густой серебристой щетинкой, даже не шевельнулись, и мне показалось, что это не дедушкин голос раздался, но грустно провещал кто-то сидящий у него в животе.

- Ну и зови... Кто не велит, - вспыхнула бабушка. - Пока ползешь, парень помрет. Она стояла на коленях, шарила на шее у внука пульс, прислонялась ухом к груди, и от наклонки щеки её дрябло обвисли, покрылись алой паутинкой...

- Помрет, значит, помрет, - рассудил с внутренней обидой дедушко, я увидел, как вздрогнуло бледное, как сырая картошка, лицо. - А врач все одно понадобится. Хотя бы и для сверки.

- Помрет!.. Что ты такое говоришь? Умом тронулся, да? - вспыхнула мама на свекра. - Отойди, не заступай света! Иди, куда задумал!.. Геня, очнись! Геня, ты чего это решил?

Мама упала в головы сына и стала отчаянно тереть ему уши, оттягивать веки, чтобы заглянуть в глаза, хлопать по щекам. Ведь свекор сказал такое, о чем она боялась даже подумать.

- Сынок, не умирай! - заплакала мама, роняя слезы на лоб сына.

Ей вдруг померещилось, что ресницы дрогнули и легкая алость просочилась в лице.

- Пол-то ледяной... Он не простудится? - спросила мама, и никто ей не ответил. - Он же воспаление легких может схватить...

Дедушко Петя странно ухмыльнулся и ушел к себе.

И вдруг явился из города дядя Валерий. Наверное, Господь привел его за руку в эту минуту. (Так я размышляю нынче). Деловитый, уверенный в себе школьный военрук, он сразу размыслил, с чего начать, а повелительный голос невольно заставил всех шевелиться осознанно.

- Мать, тачи молока... - приказал, и бабушка Нина, не переча, живо исчезла на кухне. - Для начала откроем рот, иначе парень захлебнется рвотой, и вытащим язык, чтобы не прикусил... Сделаем искусственное дыхание... Тоня, давай полотенце, - решительно распорядился он. - Раз-два, раз-два, - сам себе командовал дядя, раздвигая Генкины тряпичные руки и придавливая их к груди. - Вовка, смотри и учись, - это уже ко мне. - Принцип насоса: нагнетаем кислород и включаем в оборот... В жизни все пригодится. Знаний не бывает много... Без науки и вшу не убить.

- Ты смотри, осторожнее, руки ему не оторви, - с досадою подсказала мама.

Сейчас для неё все были виноваты: и свекор, что до старости дожил, а ума не нажил; и свекровь, имеющая самую плохонькую в околотке баню; и школа, что бестолково сорвала ребенка в лыжный поход; и деверь с его самоуверенным голосом и широким бабьим задом.

- Чему ребенка учишь? Взрослый человек, а болтаешь чего ни попадя...

- Никуда и с руками, если помрет... А говорю, что надо, - буркнул Валерий, почувствовав неприязнь к невестке.

Его мощный молодой загривок налился кровью. На минуту отвалился от племянника, чтобы перевести дух. Взгляд невольно ухватил ровные, без проточин, ноги невестки в пестрых вязаных носках; легкое платице в суматохе призадралось, и были видны плотные белоснежные бедра с окрайком зеленых байковых трусов. Мать перехватила назойливый взгляд, смутилась и торопливо оправила подол. Тут бабушка принесла кружку молока, дядя пробовал влить в Генку, не получилось. Рот спекся, и зубы не разжать.

- Дайте нож...

- Какой нож? Уродом хочешь сделать? Куда он без зубов-то? - возмутилась мама.

Дядя Валерий неожиданно согласился. Ему было трудно спорить с невесткой. Она вела себя с деверем, как с недоростком.

- Хорошо... хорошо... Тогда принесите ложку.

- Володя был не такой... Он все умел, - вздохнула бабушка, вспомнив старшего сына, погибшего на войне.

Вернее, она никогда и не забывала его. Бабушка пристально вглядывалась в младшенького, сидящего на полу раскорякой, и глаз ее скоро стекленел, наливался слезою.

- Володя на всё был мастер, за что бы ни брался.

Мама благодарно взглянула на свекровь.

Валерий не отозвался, кряхтел, низко склонившись над Генкиным лицом, орудовал ручкой столовой ложки, как рычагом, но, видно, у него ничего не получалось.

- Помогите, чего усталились...

Мама опустила на колени, я подскочил с другой стороны. Мама старалась раздвинуть губы, дядя расцеплял ложкой стиснутые зубы. Ему невольно лезла в глаза грудь невестки, набрякшая после родов. От вдовы сладко пахло невысуженным молоком. Пора было кормить ребенка. Волосы невестки лезли ему в глаза, мешали видеть. От них горьковато пахло баннным дымом. Генка в беспомоществе упрямо сопротивлялся Валерьюшке, будто действительно хотел умереть.

- Валя, губы ему не порви. Ему же больно, - мягко прищептывала мама над самым ухом. - Кому он будет нужен без губ-то. Его ни одна девчонка не полюбит.

У дяди была розовая молодая кожа без морщин и гладкие скулы. Он был не намного младше мамы. Удивительно, но война не оставила на лице никаких страдальческих примет. Только при ходьбе Валерий высоко задирал обмороженные ноги.

Морозный пар с улицы стлался над полом. Я, босой, в одних заплатанных штаннишонках, выкроенных из материнной юбки, топтался в сенях на ледяном полу, не замечая холода. Казалось, минула вечность, а прошло (как нынче я полагаю) минут десять, не более. Наконец, удалось отворить зубы, полотенишком ухватить за язык, вытащить его наружу, влить в рот молока. Что-то взбулькало у брата в утробе, заклокотало, пролилось по жилам, желтая пена, смешанная с молоком, закипела на губах, Генка изогнулся от судороги, как рыбка-наважка, выброшенная из майны, рыгнул, изо рта у него прыснуло на дядю, пролилось ручьем на пол, на виски высыпала легкая испарина. Брат протяжно вздохнул, веки заколыбались, приоткрылись бессмысленные глаза, похожие на бельма, и снова закатились.

- Пей-пей, - приговаривал дядя, наклоняя кружку. - Намылся в смертной банечке? Старших не слушаете, всё для вас шуточки... А баннушко шума не любит... Наверное, комсомольские песни орал, вот и огорчил его.

- Валя, смотри, чтобы парень не захлебнулся, - прищептывала мама теплым голосом и бережно вытирая деверю лицо полотенцем, доверчиво прислонялась к нему грудью.

Валерий краснел, но не уклонялся.

Бабушка, глядя на эту картину, жевала оперханные, в пятнах губы и, вспоминая погибшего старшего сына, беззвучно плакала. Единственный желтый зуб то выкуркивал из усатого рта, то обратно прятался, как гномик в свою обжитую избушку. Дядя подхватил Генку на руки, занес в комнату и уложил в постель.

Тут проснулся Васятка, завозился, закричал в зыбке, заверещал, запозывая маму.

...В ту же зиму пятидесятого бабушка Нина Александровна ослепла совсем. Не помог и ленинградский племянник, академик медицины Александр Мельников. Глаз не закрылся, но странно выбелился, покрылся пленкой, округлился, как фарфоровая плошечка.

С этого времени стал я для бабушки поводырем, батожком, ключкой подпиральной.

ИЗ ПИСЕМ ОТЦА:

Январь 36 г. «Сердечный привет от Вовки моей милой крошке Тосику. Целую и крепко прижимаю к своему сердцу. Да, Тонюшка, разлука затягивается. Жизнь становится скучнее, особенно когда от тебя нет весточки.

Тонюшка, неужели ты взаправду рассердилась? Ведь я как-будто не виноват ни в чем. Милая Тонюшка, с нетерпением жду от тебя письма. Каково-то ты у меня поправляешься. Каково-то детки живут. Скучаешь ли по мне и Азаполью?

Милый Тоник, за одно я тебе премного благодарен, это за посылку хлеба. Я уже получил 2 кг белого, 2 кг черного и ещё 1 кг белого. Ведь я, благодаря этому хлебу, и живу. Тонюшка, я вижу, что ты ещё не забыла своего Вовку, ты ещё о нем заботишься, хотя сама живешь без денег. Тоник, пишу письмо 25 янв., а денег всё нет и нет. Уже четыре дня живу без единой копейки, ничего не покупаю. Конечно, Тоник, тебя расстраивать бы неохота, но приходится писать, что я живу не очень. Ты мне теперь становишься во много раз роднее, я вижу, какой я одинокий, какая без тебя плачевная моя жизнь...

Ведь я, Тоник, не едал ещё настоящего супа, варится суп из баранины, а получается картофельный или капустный. И не едать мне до тебя тепленькой шанежки и тепленького пирожка. Все хлеб и хлеб. Хорошо ещё, что и хлеба ты мне посылаешь. Тосенька, посылаю тебе посылку с Иваном Егоровичем Скуратовым, если завтра придут деньги, то пошло с ним руб. 350..."

«Милый Тоник, получил письмо 10 апреля. Очень тебя благодарю. Только недоволен тем, что ты болеешь, а второе - остаешься в Мезени до пароходов. Во что бы то ни стало попадай к своему Вовке. Ты пишешь, что я долго не писал. Неправда. Я писал письмо 3 апреля и отправил его с председателем колхоза и 20 руб. денег, а второе письмо отправлено 9 апреля по почте.

Милый Тоник, целую тебя крепко, крепко. Целую и детишек, желаю здоровья. Завтра, в выходной день, хочу сам готовить обед. Харюсы с рисом и блины. Не знаю, что выйдет. Постарайся привезти гитару, или сейчас с кем-нибудь пошлите. Жду приезда к 20 апреля обязательно...» (отрывок из письма. Апрель 36 г.)

Отца перевели завучем в Азапольскую школу. Пятнадцатого января родился брат Гена. У матери снова открылся туберкулез шейных желез, отказывают руки и ноги, барахлит сердце; пришлось поселиться в доме у родителей мужа, отношения сразу не заладились. Петр Назарович смотрел на невестку косо, наверное, письмоводитель был уверен, что эта «непутняя» крестьянская малограмотная девка из Жерди обманом вскружила Володе голову, навесилась ему на шею гирею, нарочно обросла детьми, и теперь от нее никак не отвяжешься. Судя по намекам, так все и происходило со стороны свекра со свекровью. Да ещё эта окаянная прилипчивая болезнь, которая открывалась у мамы после каждых родов. Боже мой, сколько мук она перенесла за свою жизнь, сколько хворей будет преследовать до самой кончины! Маме невольно приходилось бедовать в Мезени, жить у мужних родителей, чтобы ходить в больницу на токи. Питание скудное, денег постоянная нехватка, тоска по мужу, болезнь, что загуляет, хотя повода вроде бы никогда не давал. Но вдруг попадет мужнику перцу под хвост! Всякое случается, когда кругом столько соблазнов; жена в отлучке, а рядом молодые учительки, долгие вечера... Чай, картишки, рюмка водки, гармонь, а за окном весна... Мужу-то что: поматросил - и бросил. А тут - больница, ребенок на руках, пеленки, стирка, косые взгляды свекра со свекровью: дескать, нахлебница навязалась на их шею. Прямо пусть и не говорят, но так думают... Разве можно женщине с такими мыслями ждать скорой поправки? Да и норовом мама была поперчивая: что у неё на уме, то и на языке. Порою лучше бы смолчать, потупить взгляд, подладиться, уступить в малом, прикусить язычок. Да куда там: отбреет по простоте крестьянской, как бритвой... Вот и напал кремь на кресало; тут тебе и искры во все стороны.

...Не помню случая, чтобы дедушко Петя когда-нибудь заходил на нашу половину. Бабушка Нина подружилась с невесткой Тоней особенно в годы, когда ослепла совсем, и каждый день навещала нас, выручая из последнего (порою украдкой от своих), что наскребала в «сусеках».

Мне думается, что за эти годы мама не однажды пожалела, что так рано выскочила замуж, не послушалась родителей, натянула на себя тугой хомут. Подружки ещё

на игрища бегают, на вечерках на жениха сгадывают, с парнями на деревне хороводятся, а у неё весь белый свет на малых детках сошелся. Да ещё эти болезни посыпались на ее голову, как из короба... А коли была она характером нравная, по молодости лет на горячее слово скорая, дерзкая, то, наверное, не раз наносила мужу сердечные раны. В письме отца из армии за 18 июня 41 года проскакивает намек на её норы: «Вот сижу в канцелярии, ребята ушли спать, а я хоть и устал, работая всю ночь, решил хоть несколько строк черкануть тебе. Тосечка, впервые в твоих письмах я увидел, что очень резко изменилось твое отношение к мужу. Раньше ты часто спорила со мною, что лучше никогда не выходить замуж, а теперь пишешь, что без мужа жить чрезвычайно тяжело. В этих строках видно, что ты уже стала женщиной».

В ответах матери, которые не сохранились, наверное, были жалобы на родителей, и отец, как мог, успокаивал молодую жену: «...Со времени твоего отъезда не едал ещё хорошего супу. Да, очень плохо жить «холостяку»! То ли дело ты у меня, моя крошка. Как мне хочется тебя крепко обнять, положить мою голову к твоему сердечку. Только бы тебе поправиться, а там все это будет.

Прости своего Вовку за резкие письма. Это есть признак моей горячей любви к моей крошке. Эти письма писаны в результате глубочайшего потрясения. Я не знал, что с тобой. Что я хотел делать, об этом расскажу по твоем приезде. Хлеб ещё не продавался. Спасибо тебе, что ты меня не забываешь. Раз отдавал печь хлеб Апполинариш Петровне. Я очень обижен на родителей, которые принесли тебе большие страдания. Ну, авось, скоро будем вместе! Милый Тоник, у нас была Чурсанова. Проводилось собрание, на котором я делал доклад об антисоветском троцкистском центре. 5 февраля проводили Пушкинский вечер. Я делал доклад. Присутствовало свыше 110 человек. 10 февраля будет юбилейный вечер. Я опять делаю доклад. Работы очень много. Не горюй, моя крошка. Вовка твой навечно. Вовка тебе не изменит! Целую тебя крепко, а также моих деток. 8 февраля 37 г.» (нарисовано алое сердце, пронзенное стрелой.)

3. 4. 37 г. «Милый Тоник, сердечный привет тебе от Вовки и крепкий, крепкий поцелуй. Наверное, ты на меня сердись, что я тебе так долго не писал. Милый Тоник, все ждал от тебя весточки. Тонюшка, я слышал, что токи (в больнице - авт.) стали работать с 1 апреля, и ты возможно, уже посещаешь их. Если так, то напиши, как твое самочувствие. Милая Тонюшка, тебе, наверное, скучно одной! Думай только о выздоровлении. А тогда, сама знаешь! Дашь Москву! Долгожданную Москву! (Родители собирались поехать в столицу). Милый Тоник, я тебе написал небольшую записку насчет моего пребывания в Жерди. Ах, ты бы знала, как Ритка обрадовалась моему приезду! И как трудно было мне уезжать. Когда я уже оделся, она сказала: «Папа пошел в школу ребят учить». Но меня твои родители заверили, что она будет хорошо жить, и я жалел, что написал зря в письме, что Ритка стала скучать, и этим тебя разволновал. Давал матери 30 рублей. Никак не хотела брать. Едва навязал девять рублей.

Попажка от Жерди до Азаполя была страшно плохая. Шел весь день дождь. Дорога под лошадей проступалась. Поэтому пришлось стоять в Городке, а в Погорелец приехал ночью.

Милый Тоник, я живу ничего. Конечно, в смысле питания с тобой несравненно лучше. Ну ладно, дождусь того дня, когда ты меня будешь откармливать. Насчет денег, то немножко осталось. Везде долги. Рассчитался за молоко - февраль и март - 5 руб. 25 коп. Чл. взносы - 16 руб. да за мясо 19 руб. Хозяйке 35 руб. За лошадь ещё не отдал. Осталось 12 руб. Тончик, у нас нет масла и больше не предвидится. Пошли мне хоть полкилограмма. Блинов хочу. Да и папашу жду. Бутылку водки купил.

Милая Тонюшка, большое спасибо тебе за хлеб. Ведь благодаря этому только и живу. У нас в деревне дело плохо. Нет ни муки, ни хлеба. Целую тебя крепко, крепко. Скорее бы увидеть тебя. Не едай мне до Тонюшки горячих пирожков. Эх! Чего-либо вкусенького!»

Только к году к тридцать девятому жизнь успокоилась, наладилась. В старости то короткое время (всего лишь год) будет вспоминаться матерью, как самое лучшее, сытое, благополучное. «Так хорошо, пожалуй, я больше и не жила. Это был мой сон золотой», - признается мама.

...Однажды, когда муж был в школе, появилась цыганка-сербиянка: тутие бедра враскачку вызывающе облиты тяжелым вишневым бархатом; иссиня-черные воло-

сы распушены по плечам, как бог на душу положил, видно, что давно не жилал в них гребень; лицо бледной болезненной желтизны, и в половину его - загадочные, ночной темени глаза. Вошла, не постучавшись, как к себе в дом, небрежно стряхнула шелковую шаль на плечи, и тусклые монисты всколыхнулись на вздернутой груди. Пахло от женщины потом и застарелой грязью, видно, шла сербиянка откуда-то издалека, как мрачный вестник или рок, так будет думаться маме позднее, ибо отчетливо именно её избу выбрала странница в деревне, и столько всего насулила дурного, памятного до самой кончины.

- Хозяйшкa, дай испить...

Слова были ласковые, а высказаны сурово и гордовато, словно бы не просила гостя, а приказывала. И пока Тося принесла из кадцы воды, цыганка быстро осмотрелась. Пила она жадно и много, тонкие пальцы с каймой грязи под ногтями цепко держали ковш. Но во всей стати ее было столько ладного бабьего склада и нездешней неистраченной красоты, что Тося невольно прониклась к гостье странным чувством поклонения, зависти и некоторой робости, и внезапно вспомнилась мезенская девка Сара, три года назад покинувшая родину с цыганским табором, и захотелось невольно об этом выпросить, ибо почудилась здесь тайная связь.

- Позолоти ручку, родная, - сказала цыганка. - Сгадаю, что выпадет.

Она была, наверное, очень молода, судя по мягкому овалу смуглых щек, обрызганных легким золотистым пушком, и по незамутненной чистоте небольшого выпуклого лба, но повадки имела вкрадчивые и властные. И Тоня, подчиняясь просьбе и тайно уже боясь цыганки, еще не зная зачем, протянула грубоватую широкую ладонь с желтыми грошиками мозолей.

- Дорога у тебя случится длинная, голубушка, шагать тебе не перешагать. И встретятся на ней два близких человека. И любовь станет горем, а горе - любовью... Позолоти, родная, ручку, не пожалеешь.

Тоня достала из шкапика рубль и подала: бумажка ловко скользнула в вырез платья на груди. А цыганка прошла к столу, на середине которого высилось блюдо с картофельными шаньгами, и высыпала печеное в холщовую торбу, потом оцупала их в суме, еще горячие, масляные, и облизала пальцы.

- Что вы делаете! - уже нервно дрожа и бледнея, окрикнула Тося, но голос ее прозвучал нерешительно.

Цыганка, наверное, уловила испуг в душе.

- Слышу, еще есть в печи... сгорят скоро, - подмигнула жарким глазом, в черноте которого растворялся невидимый зрачок. - Ну-ка, голубушка моя, покажи ладонь... Будет у тебя два сына, и через них ты останешься одинокой.

- Неправда, лгунья ты. Грязная лгунья. Как через сыновей одинокой быть?

- Всё во власти судьбы. Мы для них, они для своих. Шаг по шагу, от милости к милости, - оплела хозяйку туманной скороговоркой.

«... Прогнать бы надо сербиянку. Негодяйка она, врунья и воровка, каких свет не видел. Но и неудобно как-то, нищенка ведь, сумой кормится. А убогому не откажи, протяни руку. Добро впереди человека бежит, - противился другой голос. - В леса бы, в пахоту ее немятое тепло. Девка здоровая, красивая, а как-то непотребно живет».

- Лови мгновение и утешься им. Человек живет памятью. Болезнь душевную прирмешь ты за любовь и будешь ею счастлива.

И не успела Тоня опаматоваться, как скоро проскочила сербиянка к шкапу, распахнула дверцу и пробежалась ладонью по одеждам.

- Подари платьице, хозяйка.

Схватила шелковое, семужьего цвета, с черной кружевной отделкой по вороту, самое любимое платьишко.

- Положь на место! - закричала Тоня в гневе. - Негодяйка, в гости заявила, так будь гостьей и пакши грязные не распускай.

- Гордыня в тебе и зло. Смири его, милая, а я тебе путь укажу, - и повернулась цыганка спиной, примеряя платье.

Тоня растерянно заметалась по избе, выхватила из подпечка ухват сажный, ещё горячий, с синими завитками на кованых рогах, и сунула его сербиянке сзади под круглые подушки, в алый потасканный бархат, да так ловко, будто чугу́н с паревом поддела.

- Прочь, негодяйка, на месте приколо!

Цыганка метнулась к порогу, но дрожь в голосе подавила, и лишь в сумерках глаз плеснулся мгновенный страх.

- Иди-иди, - двинулась на неё с ухватом Тоня. - Чего выстала, иль русского слова

не понимаешь? Так я тебя сейчас выучу! Ишь, ей платье подай, ей всё подай. Совести в тебе нету, побирушка!

Цыганка сникла, пятась, отшагнула за порог, оправила юбку и вдруг закричала пронзительно:

- Слышь, подавись своей тряпкой, жадюга! Вдоветь тебе скоро... Это я говорю, сербиянка! Куковать будешь кукушкой, слышь? Наревешься тебе, навьгься в одиночестве...

И хлопнула дверь. И, словно дождавшись этого мгновения, зазвенел школьный колокольчик за стеною. Учитель пришел с урока, потирая ладони, возбужденно потянул носом дух печеного.

- Ах, шанежки ешь, дак поколачивай в плешь! Милая моя, драгоценная, да у тебя что-то горит?

Жена смутно улыбнулась, открыла заслон, поддела противень лопатой; творожные шаньги уже приобуглились, и в избу потянуло гарью. И отчего-то вдруг так нестерпимо схватило под грудью, с такой болью сдавило сердце от внезапной обиды, что Тося горестно простонала и припала к печку. Учитель, не зная, что случилось, приобнял жену, жарко дышал в шею, ворковал: «Да мы и такие шанежки смолотим, чего нам, казакам. Тося, не переживай, экая беда... Кто горелое ест, тот в воде не утонет».

А жена, подавляя в себе крик, плакала неутешно; ей хотелось сейчас лишь одного - чтобы Володя подольше стоял вот так, бережно обласкивая ее волосы, плечи, тепло сутулился рядом, чтобы навечно поместился в самой сердцевине испуганной доверчивой души. В каждое слово, насыленное цыганкой, уже суеверно верилось, как в неизбежность.

...Сербиянку мама вспоминала до глубокой старости, пока не потерялась умом.

15.

Летом пятидесятого брат уехал в техникум в город Молотовск. Сам решил уйти в люди, а мама особенно и не держала его: раньше на ноги встанет, семье будет легче. Мама плакала, провожая сына: «Ну куда ты один, такой худенький да маленький. Будто тебя из дому кто гонит... Пропадешь ведь, Геня, один на чужой стороне. Может, не поедешь?» Отворачивала взгляд, чувствуя вину. А был он действительно худенький, узколицый, с тонкими мосоликами и черной волной волос. Ну, вылитый отец: зубы такие же, неряшливым частоколом, и губы его, и глаза. В дорогу даны были Гене деревянный сундучок со сменой белья, пятерка деньгами и житная кулебяка со щукой. Это всё, что могла осилить мать.

Жито мы иногда добывали на стороне. Сразу за городскими воротами, за осеком лежали колхозные поля. Помню, как бабы жали серпами ячмень, вязали в снопы, ставили их в суслоны. Позднее и мне приходилось помогать. В сеногнойные годы, когда лето выдавалось дождливое и рано выпадали утренники, хлеб не поспевал на корню, и его скашивали «зеленью», потом вывешивали на высокие прясла. Помню, уже перенова выбелит землю, и жито, ещё не свезенное на гумно, шевелится под ветерком на жердях, как забытые рваные половики.

Порядки были тогда в стране суровые. Но они не подвергались сомнению. Я ни разу не слышал ропота от взрослых, каких-то мстительных пересудов в сторону властей. Все, даже дети, понимали: России надо непременно, без промешки и волокиты восстать из пепла, и на благую задачу изымались усилия каждого из нас. И это не считалось тяжелой повинностью, несносимым оброком. Непосильную лямку тянул каждый с неугасимой надеждою, что вот скоро все выправится в стране, вздохнем спокойно, в полную грудь, заживем сыто. И потому даже на убранные поля нельзя было «покушаться». Их усердно «зачищали» школьники и сдавали колоски государству. Потом запускали коней на выпас копытить землю... Самовольник же, покусившийся на колхозный колосок, мог легко угодить на полевого сторожа, а после твое будущее зависело от его милости. Взрослых и под суд подводили, а с мальчика что возьмешь: ну турнет, ну плеткой огреет по ватной пальтошке для острастки лишь, неволью прикаливая, ну ухо надерет. Эко диво... Да кто мальчика не учит? Разве что совсем душевно ленивый... А ты не попадайся. Живи по приговорке: «Украл не поймали - Бог подал. Украл, поймали - судьба подвела». Не тот вор, кто украл, а кто оплошал... Да и не за чужим ползали, а за своим; земля-то Божья, а значит, общая, и нет тут никакого греха, остуды для души. Родители нас не спроваживали на этот рискованный промысел, но и препон не ставили.

Тут ещё и игра была, кто кого облукавит: да ты сначала поймай, а потом и гоношись, выхаживайся над малым. Мужество проверялось и нором; это, братцы мои,

словно к поганому немцу в тыл сползать на разведку. Вот мы, дети, и проникали через изгородь в легких сумерках, когда еще различима стерня, ползали на коленях, ворошились на сжатом поле в пелеве и соломе, как мышшки-норушки, подбирали в коробейку усатые колочие колоски. Порою не удержишься, тут же обдобишь колосок, сунешь горстку зернеца в рот - и давай дробить зубешками. Тут же шершавая ость-злодейка к языку прилипнет иль к нёбу - и ну гнетить и мучить рот, а того хуже, если в глотке застрянет...

В сенях под лестницей у нас хранились жерновцы. Я уж и не знаю, стоит - нет описывать их устройство, но предполагаю ныне, что подобным простейшим способом добывали мучицу наши давние предки-русы лет тысяч пять тому назад. Мешки хлеба из корзинки усатого ячменя не надерешь, но на колобочки иль «шти» пустоварные, добыть можно. Весь механизм: два тяжелых плоских камня, водруженных друг на друга, и ручка. В отверстие сверху всыпают горсть зернеца, крутят за ручку верхний камень и истирают жито в муку. Из этой мучицы и испекла мама уезжавшему сыну житную кулебяку со щукой.

Если был жир-маргуселин или маргарин, то мама из житной муки заворачивала на скорую руку воложные (сдобные) колобки и калачики иль пекла шаньги дижинные и крупяные, порою готовила в чутунке «шти» пустоварные - это мука житная, сваренная в воде. В похлебке по крайней бедности хозяев не плавало ни жиринки. Эти щи-«помаковка» особенно вспоминаются и поныне; они были хороши (для нас) с тертой редькою, их чаще всего не хлебали ложкою, как обычный суп, но макали в миске куском хлеба.

Пожалуй, этим же летом иль чуть погодя, но просторные сени, из которых были двери на обе половины дома, стали причиной глубокого и долгого раскола: бабушкин двор в короткое время «разделился наполю» и уже никогда не воссоединился душою.

Нет, того открытого раздора, чтобы всю свару и голку выплеснуть на улицу, такого не случилось. Никто со стороны не пересуживал, не влезал в тихо тлеющую ссору, чтобы помочь: двое дерутся, третий не встревай. И деревенские родичи тоже не сошались выпрямить кривое, ибо дочь замужем - отрезанный ломоть. Они и прежде-то не особенно гостились, и я не помню, чтобы дедушко Семен Житов хоть однажды принял стопарик винца на другой половине... Но чувство незамирающей неприязни и обиды в мамином сердце осталось до конца дней.

И дело даже не в том, что Валерий женился, скоро пошли дети и невольно пришлось потеснить невестку. Дядя решил из сеней выкроить комнатку для родителей, а вдове посоветовал дверь выставить на улицу из боковушки. Мама в штыки, мама в слезы, нервы закипели, мама потеряла голову. Горькие ее мысли были понятны каждому в околотке: нет бы помочь вдове, так её, живую, хотят закопать в землю. И некому пожалеть безмужнюю, но всяк норовит пнуть да унижить. Шурин стал лепить покой родителям, не посоветовавшись с невесткою, как бы была для него вдова пустым местом; и жена его, Маргарита, краснощекая, веснушчатая «кубышка», отчего-то сразу пошла в штыки на свойку, загрузилась, принялась попрекать ее склотным: дескать, нагуляла, притащила в подоле с улицы, а мы из-за нее, дескать, теснимся в одной горенке. Однажды, проходя мимо, злю пихнула маму плечом на заулке, обозвала старой потаскушкой и ушла. Мама упала в сугроб, застряла руками и долго не могла выдраться из снега, а после долго сидела на мостках, обвалившись спиной о калитку, и плакала, уливаясь слезьми. Её никогда в жизни не обзывали так грубо. И Валерий, узнав о случившемся, жену свою не окоротил, не прижал сутрыливой язычок, но сразу взял ее сторону.

Короче, взялись дедушко Петя с сыном плотничать, стали неумело тпать на заулке свежие лесины (об этом я уже упоминал), окорять суковатый елушник, а коли топорилки тупенькие да и не к рукам, то обдирали они дерёва, почитай, до следующего лета. И вот целыми днями доносилось с улицы тюканье топоров; впрягшись в лямки, волочили мужики неровно окантованные бревна в свой угол на зады, вырубали пазы и углы, накатывали, воздвигали двор, а заодно и баньку, и хлевнишко, и сенишки, и ход на чердак. Так затеялась у родни целая стройка, и той щепой, ворохами лежавшей на заулке, они топили печи целый год. Не из блажи горбатились, не от безделицы били на руках мозоли (как я понимаю нынче), но из нужды: денег таких не было, нанять работников. А может, и прижаливали. Дескать, сами с руками...

А мама тем временем прозябала в недоумении и тоске, у неё снова открылись нашее железы, похожие на вулканы, назревавшие под кожей и вдруг чередую проры-

вавшие наружу, ревматизм терзал ноги, нервы стали заедать сердце. Ей всего лишь тридцать три, а она уже развалина. А как детей доводить до ума? И мама вовсе упала духом. Пожалуй, в те дни она и надела на шею веревочную петлю середка ночи, но, слава Богу, опаматовалась.

- Не стану я в стене дыру делать! - кричала она на шурина. - Лучше выкину все барахло на улицу и буду на улице жить, и пускай все соседи видят, как вы со своей толстомясой кадушкой издеваетесь над несчастной вдовой!

- И никто над тобою не издевается, Тоня, опомнись, - багровел дядя, утягивал голову в шею, воровски оглядываясь вокруг: не дай Бог услышат ненароком, пошлют на службу донос, и ему в райкоме не поздоровится. - Ты сама возьми в толк... Тебе тяжело, я понимаю. Но кому сейчас легко? Мы что, с жиру, по-твоему, бесимся? Подсчитай, сколько нас. Я с Маргаритой, да детишек малых двое, да родители... Нам что, на потолке спать?

Но мама его разумных доводов не слышала.

- А ты свою дуру-кадушку приструни, - кричала она на весь дом. - Скажи, чтобы пакшей своих не распускала. А если боишься, я сама с ней поговорю. Небо с овчинку станет... Мы её хлеба не едали. Пусть мы нищета и голь перекатная, но корок на стороне не собираем. Хотя и бедно живем, да в чистоте, а твоя «царевна» и в баню-то никогда не ходит, и пахнет от неё, как от худой козы. Из-под себя лень убрать...

Свет мерк перед её глазами, когда она представляла свое несчастное будущее. Если в стене прорубить ход на улицу, то надо ставить и сенцы, и крыльцо, лепить уборную. Надо доставать где-то материал, звать работников, занимать денег. А тут пятеркой, которой всегда не хватает даже на хлеб перед получкой, не перебьешься. И уже морозы на носу, скоро начнут прижимать да пощелкивать...

Спасла бабушка Нина - пристыдила сына, и тот сдался, отрезал от сеней узкий, клином, коридорчик, похожий на слепую кишку. Пусть дверь из комнаты не полностью открывалась, но для нашей семьи это был единственный выход из тягостного состояния.

Ослепнув, бабушка Нина не впала в морок, не села на лавку сиднем, но стала решительно привыкать к новой жизни. И прежде гарчавая, с пригрубым хрипловатым голосом и властным поставом головы, она и с «темными очьми» не обнаружила слабости и слезливости, не стала обузой дому, не передала правило своей невестке, но осталась у руля, и сама продолжала вести дом, удивительно скоро приносившись к своему бедственному положению. Помню, накружившись по хозяйству, заползет на горячую русскую печь, чтобы погреть кости, туда же, конечно, и внучата прискочат, да и я, нередко, намерзшись на улке, приткнувшись подле, и какая-то блажь вдруг найдет на меня, и я, дурачок, войдя в запал, давай бабенку щекотать за мозолистые натоптаные пятки, входя в задор, и подхихкивать, а слепенькая, задирая ноги в потолок и попеременно работая, как на велосипеде, начинает грохотать на всю избу, изредка перемежая заливистый смех задышливыми всхлипами: «Вовка, уймись. Ха-ха! Ой, уморил, лешак! Вовка, ну перестань дурить. Ха-ха-ха! Вовка, пожалей бабушку. Ха-ха-ха!» А проказнику-то нейдет: если бабушка смеется, значит, ей хорошо, значит, ещё пуще наддай. Пока кто-то из «мелких», жалея родненькую, не зальется визгливым плачем. Тут бабушка, опомнясь, запускает в меня катанцем, и я, спрыгнув с приступка, мигом удираю на улицу или в свою боковушку.

Бабушка лет семь, наверное, варила и стряпала, по-прежнему пекла торты и крендели, собирала стол, встречала гостей, обстирывала семью, строчила внучатам белышко на «Зингере», нянчилась с детьми, писала письма. Складывала тетрадный лист в гармошку, сдвигала на сгибе желтым толстым ногтем так, чтобы отпечатывалась линейка, и, постепенно разгибая лист, выводила карандашом посланнице. Это не был, конечно, каллиграфический почерк мужа и сыновей, но, однако, частоккол высоких букв не походил на тараканьи бега и читался без усилий. Бабушка страшилась выпасть из мира, стать обузой и потому вела себя как зрячая, с прежней энергией и норовом, порою невольно вызывая у людей недоумение. Дескать, не придурился ли Нина Александровна слепую с тайным умыслом, не ведет ли со всеми какую-то странную свою игру?

Наш кривой темный коридорчик соседствовал с бабушкиным закутом, и, когда дела были все переделаны, а энергию больше некуда направить, страхась одиночества больше всего на свете, бабушка ежедень басовито кричала нам из-за дощатой перегородки: «Тоня, ты дома?!»

Или мама выходила в коридор, стучала в стенку и зазывала: «Нина Александровна, приходите на чай, самовар уже на столе!»

Первое время, пока не освоилась, бабушка до нас попадала долго. Помню, вот я высккиваю на крыльцо, чтобы встретить, и вижу, как бабушка, уставив лицо в небо, медленно выступывает по мосткам, робко перебирает калишками, боясь свалиться с половицы, пальцами цепляется за шероховатые, морщиноватые бревенчатые стены дома. На ней шерстяная, с чужого плеча кофта, толстого сукна длинная юбка, изрядно обтерханная по подолу, в правой руке бидончик. Не зная, что за нею следят, бабушка скоренько приседает около крыльца, и юбка встает вокруг ног, как колокол. Бабушка напористо «чишкает», из-под юбки бежит ручеек. Вдруг большие обвислые уши встают топориком, бельмастый круглый глаз отражает испуг, и бабушка недовольно вопрошает во тьму: «Вовка, ты здесь?! Я знаю, что ты здесь». Я не отвечаю, стараясь не скрипнуть половицей, отодвигаюсь в глубь сенец, стою, затаив дыхание. Для меня это игра. Бабушка взбирается, перебирая руками ступеньки и далеко отключив зад, преодолевает порог, помедлив, со вздохом разгибается, нащупывает ручку двери, ведущей в коридор, и вдруг обращается в пространство: «Вовка, своди меня к Антипиным за молоком, конфетку дам. Вот я и бидончик припасла». Разоблаченный, я прыскаю в кулак, бабушка тоже смеется: «Вовка, дурачок ты, ей Богу, истинный дурачок... Озорник, от меня не спрячешься. Если раньше я что видела, то нынче это же самое я слышу и нюхом чувствую».

Я по-новому разглядываю бабушку и никаких особенных перемен с прошлыми годами не нахожу. Тот же поклопаватый нос с большими черными норками, из-под коротко подрубленных жестких волос, присыпанных сединою, выглядывают обвислые желтые мочки ушей, посеченные морщинами. Только погуще, пожалуй, стали черные усишки в углах горестно опущенного рта. Бабушка вдруг протягивает в мою сторону ладонь, я даже не успеваю отскочить, цепко хватает за спутанный вихор, притягивает к себе и целует в лоб.

- Ох, горюшко, ты, мое, - она скоро обтяпывает ладонью мои узкие плечики, тонкую спину, словно бы измеряет меня наощупку. - Сколь ты мало, да сколь худо, - прижимает к своей груди. - Ничего, Володенька, не переживай... Были бы кости, а мясо нарастет... Ну, веди давай в дом, а то самовар совсем простыгнет.

- Вас только за смертью посылать, - «боршит» мать, прихватывает свекровь за рукав, усаживает на табуретку. - Садись давай... Не свались только... Уж три раза наново подогревала.

- Ой, Тоня-Тоня, всяко век-от наживешься... Было время, и я бегивала с почтовой сумкой на боку, была скоро на ногу. А сумка тяжеленная, одной почты сколько, да газет. Уж лишней минуты на стуле не просидела... Сама знаешь... А сейчас ползком да на карачках... Вовка, ты где?

- Да тут я, бабушка...

- Чаю-то попей... Тоня, налей Вовке чаю.

- Да налила я, налила... Успокойся... Что старый, то и малый... Он-то мимо рта не пронесет, не беспокойся.

- Вот и молодец... Куда бы я без него? Вовка для меня - батожок... Володя-то погиб на войне, а за себя нам его оставил.

Бабушка протяжно вздыхает, привычно поворачивает голову к той стене, где висит портрет отца. Левый глаз зарубцевался совсем, остался один шрамик, правый - бельмастый, словно бы наполненный молоком. Сейчас бабушка смахивает на Кутузова, не хватает только черной перевязи на лицо.

Мать не отвечает, наливает по чашкам чай.

- Тоня, ты мне кипяточка, - просит бабушка. - Крепкий чай на здоровье отражается.

- А некуда и со здоровьем... Это мне лошадиное надо иметь, - вздыхает мама. - Сам-то погиб, а я надсажайся. Дура я, дура... нарожала столько... И зачем замуж записалась? Счастливой-то жизни и не знала совсем... Ну с год разве, в тридцать девятом, когда за хлеб не бились.

Подсовывает под ладонь свекрови толстую зажарную баранку и две «манпасеи». Бабушка долго обтяпывает калач, примеряет к чашке. Нет, не влезает.

- Дай я помогу, - мама разломила сушку, половину сунула свекрови в кипяток.

- Зря ты так, Тоня... Жизнь тяжелая задалась, это верно. А у кого она нынче легкая? - бабушка лизнула «манпасейку», отпила из блюдца водички, пахнувшей вареным тестом. - Зато детки какие... Любо-дорого посмотреть! Это разве не радость? Видел бы Володя, какие у него детки.

Бабушка заплакала, мама зло фыркнула:

- Детки-кушают котлетки... Забрал бы их леший... Знать бы, ни одного бы не надо. Всё здоровье на них убила, а помощи никакой.

Лицо у бабушки закаменело, пошло пятнами. Значит, близко до ссоры.

- Ты-то вот, Тоня, худо-бедно живешь, а сына-то никогда больше у меня не будет.
- А подавись такая жизнь... Хуже каторги...
- Может, ещё кто возьмет? - бабушка оттепляет голос. - Ты женщина молодая, собою видная, форсистая... А дети... Что дети... Бывает, что и с детьми берут... Может вдовец какой посватает.

- Спасибо, наелась чужих пирогов... Досыта наелась, - с намеком отрубает мама. - Лучше вдовой жить. Хотя никто куском не попрекнет.

Тут братик проснулся, «занявгал», полез из люльки. Волосики льняные осыпью, глазки лазоревые, меж пухлых щечек носик пуговкой - ну чистый ангел слетел с небес. (Это мама так называет Васюку, когда в добром настроении).

Я худо слушаю разговор старших, только чувствую, что дело пошло наперетью, словно черная кошка прошмыгнула мимо стола и укрылась за комодом. Бабушка, зная вспылчивый нрав невестки, умело заминает назревающую ссору. Опрокидывает на блюдце чашку, кладет окусочек «манпасейки». (Это для меня).

- Тоня, я тебя не осуждаю... Как получится, так и получится. Знай, я тебя без помощи не оставлю, пока жива. Хотя какая нынче от меня помощь, когда свет померк, - горько жует губами. - Вова, ты где? Пойдем, сыночек...

У бабушки грубое выразительное лицо революционерки, толстые смоляные волосы, прошитые сединою, коротко подрублены; грубая обвисшая кофта, толстая коричневая юбка с замызганным подолом, на ногах боты. Мама говорит, что в этой юбке бабушка обряжалась во дворе ещё в те времена, когда водила корову. Бабушка никогда особо не фасонилась, ей все хорошо, всё ладно, лишь бы нашлась тряпочка мощи прикрыть. Она улыбается, подставив скудному осеннему солнцу белёсый глаз. Солнце пробивается сквозь слепоту и оседает на душе благодатью, отчего и сердце старенькой от небесного тепла радуется жизни. Бабушка цепкой клешнею ухватила мою руку, наверное, боится, что я, пострел, ускачу и брошу в одиночестве посреди городка. У бабушки ладонь корявая, жесткая, как терка для редьки, с грошиками мозолей, с грубыми ногтями и вместе с тем бережная. Я зачем-то всматриваюсь в её лицо и вдруг замечаю, что на подбородке выметались две волнистые седые волосины. Прежде их не было. Знать, к старости чего только не прорастает на человеке... Мне привычно быть поводырем, и я не собираюсь никуда срываться. Я недоросл и шутил, и людям со стороны, наверное, кажется, что это одноглазая старуха тащит меня по городку, ещё совсем малеханного: скрашивая дорогу, я порою выделяю кренделя ногами, машу бидончиком, и крышка брякает, как коровий шаркунец. Истертые, местами расхлябанные деревянные мостки ещё хранят шелковое тепло, по ним хорошо идти босиком.

Конец августа, но пока стоит ведро, удивительное для Мезени; вот прогрохотала улицей телега, и за нею протянулся змеистый хвост желтой пыли. Бабушка повернулась в ту сторону, ей всё интересно:

- Проехал кто? - спросила бабушка деловито.

- Иван Пихто да мужик в пальто, - хотел заглубиться я, но тут же прищемил язычок.

- Федя Я косорукий жмыхи на скотный повез...

- А-а... Да у него, кабыть, своя фамилия была, - встрепенулась бабушка.

- Зато у него орден с войны...

- Ордена зря не дают... Значит, заслужил... Никогда, Володя, не якай, иначе лицо своё потеряешь... Вперед не лезь, куда не просят, и назад не застревай... Чего ползешь, как запомирал? Шевели ногами-то...

Мы поравнялись с третьим магазином, на крыльце которого я порою продаю ягоды. Бабушка почуяла по скрипу-бряку тяжелой двери, где мы идем, и тут же сменила разговор.

- Почему вчера сторговал стакан?

- По десять копеек...

- Ну ты, парень, и заломил цену, - хихикнула бабушка. - И хорошо брали...?

- С руками оторвали. Надоело кульки крутить.

- Ишь, вот как... Значит, люди с деньгами, - бабушка пожевала губами, усиленно соображая. - За ягодами-то надься ходил - нет? Сколько насбираешь, хоть бы и корзинку, я зараз у тебя откуплю. По пятнадцать копеек стакан. И тебе прибыль, и Тоне помощь...

- Ба-а... надоело... Каждый день в лес. Думаешь, легко? Комары зажрали, пятки смозолил, - канючу я. - Побегать даже некогда...

- Ой, Вовка-морковка, одна беготня у тебя на уме! Ты уже парень большой, семье помощник... Знаю, что тяжело... И ноги, конечно, не казенные... А маме, скажи, легко? А бабушке твоей легко? Ты уж крепись, сынок. Без труда и виш не убить. Зима обжор-

ная, всё подберет. Зимой каждая ягодка станет золотой... Как хорошо в киселек истолочь иль в компот запустить. Да в обед выпить наверхосытку иль на ночь перед сном. Опять же хорошо черничку и голубель испарить в печи, чтобы сахар не переводить. Иль в пирог закатать... В каждой ягодке живой витамин. Ты, парень, не ленись, помогай маме. За труды тебя Бог отметит, - бабушка грустно заглямкала бесцветными губами, единственный желтый клычок вынырнул изо рта и скрылся обратно в темной избушке. - Хотя где он, Бог-от? Эх-ма... Совсем скрылся с наших глаз. Всё молчок и молчок, сколько ни зови. Может, спит иль вконец осердился? А за что, миленький Боженька, ты на нас сердце-то держишь? За какие такие грехи? Говорят, роптать грех... Экую притужаловку на своих плечах вынесли, последнее на войну стащили... Уж больно много, Батюшко наш, горей вокруг... Слышь - нет? Чего молчишь- то? А мы тут слезами улились. Объяви, за какую провинность?... Вот и я нынче, будто коза на вязке, да. Коза бодучая... Вовка, козла-то нашего Яшку, помнишь, нет? Тоже такой был поперечный, никого не слушал, - намекая, бабушка больно стиснула мои пальцы. - Я от него натерпелась... Прямо беда! Было на рога-то меня подсадил под подушки, черт стаманогий, как на ухват, - бабушка прыснула, - и метров десять пронес. И козла того Яшку, осердясь, забили да и съели. Хоть и вонькой порато был... Вот и я, милый мой, совсем отемнилась. Нынче-то думаю: лучше бы без руки абы без ноги остаться калеке... На тебя одна надея, Володенька... Ты у меня батожок, клочка подпиральная...

Бабушка бормочет себе под нос, занятая своими мыслями, голос её замирает, ноги начинают запинаться о каждую половицу. Будто готова моя бабенька тут же на мостках растянуться и всхрипнуть, подсунув под голову пожухлую на сгибах дерматиную кошелку, которая висит через плечо на веревочной лямке. Я нарочно сгрозхатываю бидончиком, подергиваю бабу Нину за руку, она вздрагивает, водит покладыватым носом с широкими черными норками, чутыисто вынюхивает место, где идем.

- Кажись, притопали... Так быстро, что я и не заметила.

А мы действительно подобрались к избе Антипиных.

- Бабушка, а откуда ты знаешь, что мы у места? - спрашиваю я недоуменно.

- Назьмом пахнет, сынок... Сенчком... Молочком... Паревом... Дух такой вкусный... Иль не чуешь? Я эстолько лет корову водила, так мне ли не знать, - смеется бабушка, у знакомого порожка тщательно вытирает опорки, потом, решившись, снимает и идет в сени в одних грубой вязки носках.

Антипины (по прозвищу Соболи), по нашим понятиям, жили прожиточно, хотя изба была низкой, угрюмоватой, но с большим двором и скотиной. Бабушку с уважением усадили у мелкого оконца, мне по обыкновению подали стакан молока с ломтем хлеба. С бабушкой хорошо гоститься, её везде привечают, малая толика почета невольно достается и ребенку. С голоду не пропадешь. Где баранку сунут, где пряник... У стола бунчат голоса: перемывают косточки, пересуждают сплетенки, которые бабушка понесет дальше. Слушать скоро надоедает. Мне скучно от непонятных разговоров взрослых. Молоко бурчит в животе, просит второго стакана, а его не подают. Старый Соболи при свете керосиновой лампешки готовится к зиме, сучит дратву, подшивает катанцы. Пахнет варом, куриным пометом, пойлом, что заварено в кадце возле печи. У порога в курятнике возится птица, клохчет, снеся яичко. Каплет из медного рукомойника. В дальнем сумеречном углу кто-то мохнатый, с бороδοю до пола, наверное, доможирко, поблескивает желтыми глазенками, насылает дрему: спать... спать... Я не могу отвести от него взгляда и чувствую, как веки мои склеиваются, наливаются свинцом. В озеночки будто песку насыпано.

- Ба-а... ты скоро? - канючу я.

- Скоро, сынок, скоро, - в который раз живо откликается бабушка и не трогается с места.

- Дядя Валя ругаться будет... Скажет: пропала бабка, только за смертью посылать.

- Пусть ругает... Ругань, сынок, к доброму человеку не прильнет.

Наконец бабушка склоняется к тому, что пора домой, тянет ко мне руку. На улице светло, покойно, дремно, как бывает в ожидании грозы, пока ещё вызревающей поза лесами. Мама идет на службу в ночь, с братишкой нянчиться не надо, ещё наиграюсь. Но радость моя преждевременна.

- Сейчас зайдем к Братиловым, - говорит бабушка, - потом к Партизанке, до неё дело есть, запогутём к тете Анюте, чтобы сто раз ноги не мять, а тогда и домой. Наверное, дома уже потеряли меня, - бабушка, широко раздувает ноздри, водит круглым слепым глазом по мгlistому небу в лохмотьях облаков, наверное, отыскивает солнце. - Вовка, смотри мне, молоко не пролей, а то конфетку не заслужишь.

Продолжение следует.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ народных художественных промыслов Вологодской области

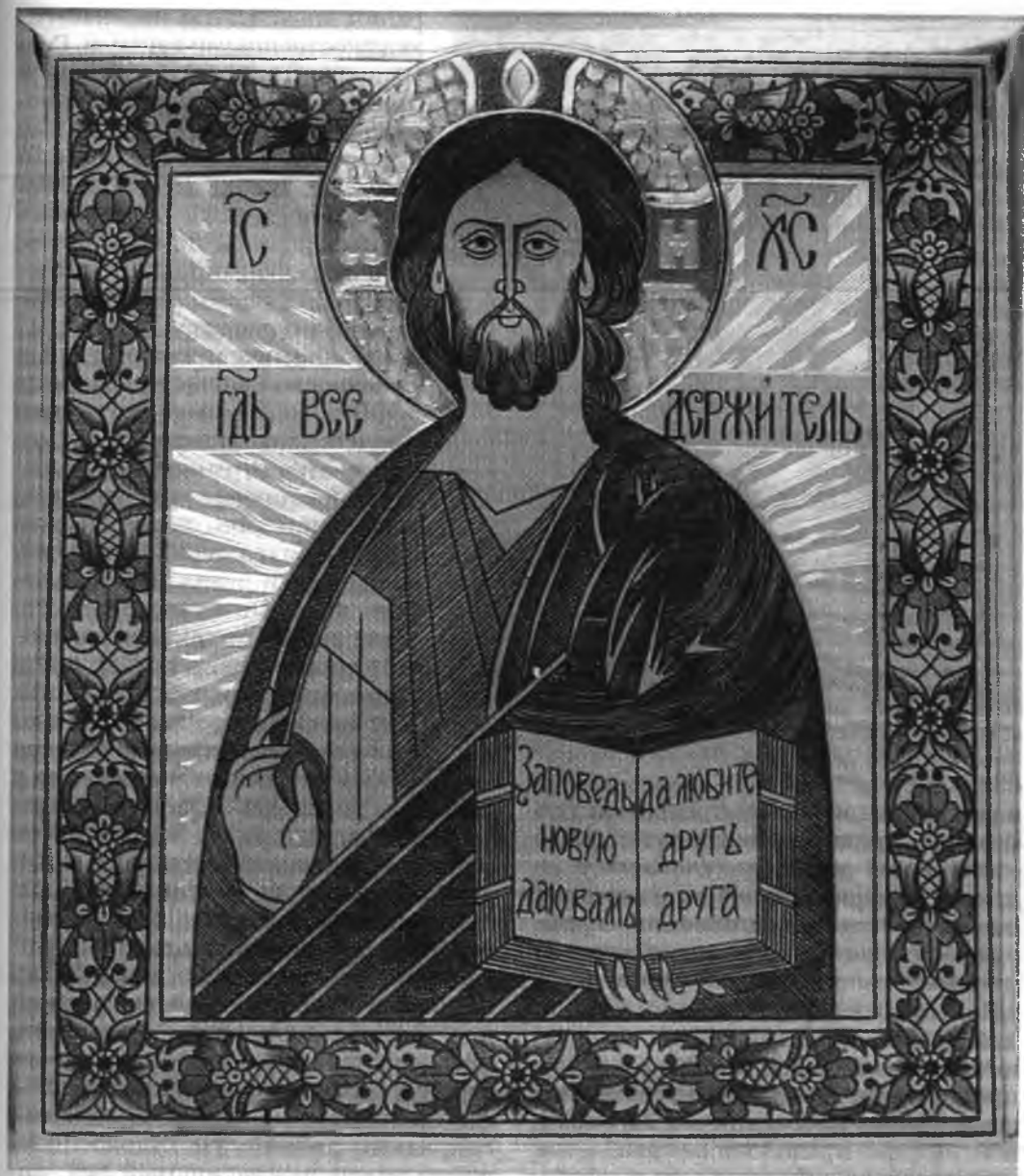
Вологодская область, край с богатым историческим и художественным наследием, является местом традиционного бытования всемирно известных народных художественных промыслов, таких как вологодское кружево, северная чернь, шемогодская резьба. Широкой популярностью пользовались перегородчатые и усольские эмали, череповецкое узорное ткачество, уфтыюгские и устюжские росписи, успешно развивались традиционные вышивки. В Вологодской области промыслы в основном существовали на организованных предприятиях с соответствующей «системой планирования по валу» и находились в подчинении Министерства местной промышленности, кроме завода «Северная чернь», занимавшегося изготовлением изделий из драгметаллов с чернью, который был в ведении Министерства приборостроения и средств автоматизации СССР, и поэтому долгие годы произведения северной черни не попадали на большие художественные выставки.

В 1980-е годы в стране начался настоящий бум на изделия художественных промыслов. Значительная государственная помощь¹, строительство больших и светлых корпусов, оснащенных необходимым оборудованием, вызвали небывалый приток мастеров на художественные предприятия. С течением времени на про-

мыслах сложились профессионально обученные коллективы, но на первых порах многие мастера не имели ни достаточных знаний по традиционной народной культуре, ни опыта работы в промысле. Большую помощь в развитии местных видов искусства в Вологодской области в 1970-80-е годы оказал Московский институт художественной промышленности (НИИХП). При поддержке института возник Вологодский завод опытных и художественных изделий (ВОХИЗ), на котором силами группы вологодских художников под руководством В.В. Попова восстановили старинный промысел горячих перегородчатых и живописных усольских эмалей, под кураторством сотрудника НИИХП В.М. Вишневской на заводе осваивались графические глубоковские росписи, бытовавшие в XIX - начале XX века в Вельском уезде Вологодской губернии. Художниками НИИХП Л.А. Бызовой и И.Л. Карахан в конце 1980-х - начале 1990-х годов была начата работа по сбору материалов и изучению старых технологий по возрождению устьянского рога. Администрация Вологодской области была крайне заинтересована в возрождении этого, не менее известного в свое время, вологодского промысла в месте его бытования - в селе Фелисово Усть-Кубинского района.

Социально-экономические преоб-

¹ В декабре 1974 года было принято постановление ЦК КПСС «О народных художественных промыслах», которое определило государственную политику в области народных художественных промыслов на два десятилетия.



ТРОПИНА Е.Ф. 1930-2006. Великий Устюг.
Икона «СПАС ВСЕДЕРЖИТЕЛЬ». 2002. Серебро, гравировка, чернь, позолота

разования в стране, начавшиеся в 1990-х годах и приведшие к ломке всех устоявшихся связей и форм бытования, негативно отразились на экономическом положении вологодских промыслов, хотя предприятия вошли в «перестройку» со слаженно работающими коллективами, профессионально подготовленными кадрами. Реорганизация предприятий, как промышленных, так и художествен-

но-промысловых, в стране проходила практически по одной и той же схеме - акционирование и организация обществ открытого типа - ОАО, позднее - закрытого - ЗАО.

Свобода предпринимательства в первые годы экономических реформ вызвала в области появление многочисленных кооперативов по производству изделий художественных промыслов. Так, в Вологде было образо-



КОПЫЛОВА Н.А., ШЕРГИНА К.А. Великий Устюг.
Икона «БОГОМАТЕРЬ КАЗАНСКАЯ». 2005.
Дерево, береста, резьба, темпера

вано вышивальное производство «Елена», предприниматель которого нанимал по договору художников из других городов, возможно, и хороших специалистов по вышивке, но имеющих смутные представления о традиционных вышивках, развивавшихся в Вологодском крае, особенно вышивках «вологодское стекло», «шов по письму» и «цветной тамбур». Частное предприятие по плетению вологодского кружева, созданное Г.А. Базловой, вскоре пришлось закрыть, так как использование сколков и образцов «Снежинки» привело бы к судебным искам, а попытка создать свои разработки кружевных изделий не увенчалась успехом. Многочисленные кооперативы, занимающиеся выпуском изделий «под художественные промыслы», наводнили вологодский

рынок малоинтересными антихудожественными вещами. Размывание традиционных основ национальной культуры, экономический кризис, поразивший всю страну, способствовали тому, что народные промыслы «оказались в трагическом положении с угрозой гибели»². Дальнейшее реформирование системы НХП привело, действительно, к банкротству некоторых акционерных предприятий в Вологодской области. В конце 1990-х годов шел активный процесс скупки акций у акционеров предприятий художественных промыслов, особенно у пенсионеров, в результате чего значительная часть акций оказалась в руках перекупщиков, которые совершенно не были заинтересованы в развитии промыслов, а только лишь в приобретении собственности. Так был обанкрочен и прекратил свое существование завод ВОХИЗ³. Прекрасные здания с

производственными цехами, оборудование, коммуникации - все оказалось в руках собственника, в планах которого производство изделий традиционных промыслов вовсе отсутствовало. Такая же «метаморфоза» произошла и с череповецкой фабрикой «Красный ткач», развивающей традиционное узорное ткачество - промысел, широко известный за пределами страны. Прежде всего новые владельцы из экономических соображений сократили должности художников, ликвидировали красильный цех, сократили и количество ткачих. Сегодня изделия этого промысла еще появляются в продаже, но это только повтор старых разработок художников или тканые изделия, не связанные с традициями северного узорного ткачества. Со сменой собственника еще

² Некрасова М.А. Народное искусство в условиях массовой коммерциализации культуры. Неотложные задачи. Полхов Майдан. Гибельное положение народного мастерства / М. А. Некрасова. Народное искусство России в современной культуре. М., 2003. С. 20.

³ 17.03.2003 года с предприятия были уволены последние рабочие, художники ушли еще раньше.

одно предприятие промыслов - ООО «Вологодская вышивка» - было пере-профилировано на швейное производство постельного белья и предметов с машинной вышивкой. На грани банкротства оказалось и предприятие «Великоустюгские узоры», и только вмешательство Правительства области и района удержало его от полного уничтожения, хотя сегодня им владеет также частный предприниматель. Резкое снижение объемов реализации продукции и большая дебиторская задолженность во второй половине 1990-х годов появились и у завода «Северная чернь»⁴, однако необходимо отметить, что за все годы реформ, благодаря мудрому руководству, это наиболее стабильно работающее предприятие среди всех художественных предприятий области в настоящее время.

Специфика многих вологодских промыслов такова, что над изготовлением одной вещи трудится большое количество специалистов. Это относится и к кружевному промыслу, и к финифтяному⁵, и к промыслу чернения по серебру. Реорганизация же художественных предприятий, особенно кадровая политика новых владельцев, привела вологодские промыслы в крайне тяжелое положение.

В условиях рыночной экономики на предприятиях, прежде всего, был пересмотрен ассортимент продукции и найдены новые направления. Так, на «Северной черни» начали увеличивать долю столовой посудной группы, которая в советские времена составляла только 15%. Изготавливают винные наборы, столовые принадлежности, чайные и кофейные сервизы, наборы для воды. Столовое серебро в общем объеме продукции предприятия начиная с 1996 года постоянно

увеличивается, и сегодня оно составляет 80%, а ассортимент включает более 500 наименований⁶. В угоду запросам состоятельных покупателей, которые, прежде всего, ценят сам материал, появилась и новая эстетика изделий. Если раньше форма предмета почти сплошь покрывалась черневым узорочьем, золотились ободки, внутренние и оборотные стороны изделий, то сегодня мы видим большие серебряные поверхности, не украшенные орнаментом, ценится блеск, дымчатая матовость металла, а черневой узор опоясывает ножки, бортики сосудов, узор идет фризобразными полосами, узкими лентами, черневые орнаменты лаконичны и скромны. Модными стали и произведения с монограммами владельцев. В изготовлении единичных заказов художники вновь обратились к сюжетной миниатюре.

У молодого поколения художников - Александра Тельтевского и Ольги Петровой наблюдается тяга к математически выверенному лаконичному черневому рисунку. У художников старшего поколения - Л.М. Бобылевой и Л.С. Меньшиковой, последователей заслуженного художника РСФСР Е.Ф. Тропиной, черневые узоры пластичные, мягкие, отличаются богатством растительных элементов. Однако необходимо отметить, что на предприятии все же нет хорошего дизайнера по разработке форм посудной группы, нет и большого разнообразия этих предметов, зачастую в столовом серебре наблюдается «пластическая неразработанность форм, аморфность и невыразительность»⁷.

Значительно лучше обстоит дело с авторскими и малосерийными ювелирными изделиями. Учитывая спрос состоятельных покупателей, худож-

⁴ Народный художественный промысел «Северная чернь». Сост. С. Н. Ромашкина. Вологда, 2007. С. 73.

⁵ После распада завода ВОХИЗ группа художников и работников бывшего предприятия (12 человек) объединились и создали ООО «Творческая мастерская «Вологодская финифть», которая существует с 01.04.2003 года. Занимается мастерская только эмальями.

⁶ Народный художественный промысел «Северная чернь». Сост. С. Н. Ромашкина. Вологда, 2007. С. 86.

⁷ Перфильева И. Ю. Традиционные ювелирные центры сегодня: кризис или перестройка? Великий Устюг. Красное Село. // Некрасова М.А. Народное искусство России в современной культуре. М., 2003. С. 176.

ники активно начали работать над новым ассортиментом ювелирных украшений. Появились всевозможные заколки, гребешки, зеркальца, зажимы для платков, разрабатываются письменные принадлежности, предметы для рукоделия и т.д. По чертежам художников на заводе изготавливают украшения не только с черневыми орнаментами, но и используют драгоценные камни и самоцветы.

Новые виды продукции и разумное ценообразование позволили заводу занять свою нишу на рынке изделий из серебра, найти своего покупателя⁶. Художники и мастера «Северной черни» в 2002 году получили благодарность от Российской академии художеств за продолжение традиций народного промысла и формирование современного направления ювелирного искусства. Многие работы, созданные в творческом содружестве художников, гравиров и мастеров по черни, являются подлинными шедеврами декоративно-прикладного искусства. Среди них кубок «Юбилейный» (2007), выполненный к 860-летию трех российских городов: Москвы, Вологды, Великого Устюга. В трех клеймах, обрамленных растительно-условным орнаментом, - изображения Вологодского и Московского кремлей и комплекса храмов Соборного дворища Великого Устюга. Рисунок и орнаменты кубка отличаются тонкой прорисовкой, чернь заполняет гравированный рисунок с мягкими градациями черного цвета - от серебристого до густого темного. К лучшим произведениям следует отнести и патриарший посох (2007), созданный творческой группой художников и мастеров экспериментального цеха под руководством Л. Бобылевой, который был вручен Патриарху Алексию II Губернатором Вологодской области по случаю приезда Патриарха в Вологду.

Мастера и художники ООО «Воло-



ШЕРГИНА К.А. Рад. 1961. Великий Устюг.
Тарелка декоративная «ПТИЦЫ НА ВЕТКЕ». 2001.
Дерево, береста, резьба, тиснение

годская финифть» также много работают над новыми изделиями, они практически поменяли весь ассортимент. Если раньше на заводе ВОХИЗ выпускали в основном ювелирные украшения и сувенирные плакетки и панно, то сейчас мастера развивают религиозную тематику, изготавливают иконы, образки, кресты. Вторым направлением является создание сувениров с изображением памятников - церквей, монастырей, видов городов. Предприятие небольшое, поэтому массовой продукции нет, выпускают только то, что пользуется спросом.

Ассортимент фирмы «Снежинка» стал также более разнообразным. Предприятие много выпускает сувенирных изделий: подстаканники, маленькие розетки в виде звездочек-снежинок, цветочные мотивы, небольшие панно с изображениями храмов, женских стилизованных фигур «берегинь», разнообразные формы бабочек. Такие предметы потребовались с развитием инфраструктуры туризма, а более всего сувенирная продукция востребована в связи с реализацией проекта «Великий Устюг - родина Деда Мороза». Художники разработа-

⁶ Народный художественный промысел «Северная чернь». С. 77.

ли в кружевных изделиях образы Деда Мороза, Снегурочки, многочисленные вариации на темы снежинок и елочек. С развитием этого проекта связано и появление сюжетного панно автора Т.Н. Смирновой «Дед Мороз», в котором волшебный персонаж с мешком подарков за плечами изображен на фоне архитектурного ансамбля сказочно прекрасного города.

С 1990-х годов художники вновь обратились к теме костюма, которая была очень популярна на рубеже XIX - XX веков. Огромное количество воротников, отделок, манжет, пелеринок, жилетов, косынок изготавливали в 1970-80-е годы, художники сотрудничали с Домами моды Ленинграда, Москвы, Киева. Кроме того, художникам в работе над костюмом большую помощь оказали семинары, проводимые лабораторией кружева НИИХП, а в 1990-е годы они принимали участие в семинарах известного московского модельера А.И. Веселова⁹. Сегодня художники фирмы моделируют, предметы одежды самостоятельно или пользуются услугами художника-дизайнера А. Фомина, работающего на этом же предприятии.

На рубеже веков заслуженным художником РФ А.Н. Ракчеевой, М.Ю. Пальниковой и Н.В. Веселовой была создана целая серия манто и пелерин с динамичными крупными растительными побегами, заполняющими практически все изделие.

Большой простор для творческих поисков художников открывают религиозно-нравственные традиции, которые постепенно возвращаются в общество. В изделиях вологодских промыслов появились предметы культового назначения: у кружевниц - покровцы, пелены, крестильная одежда, в черневом производстве - иконы, потиры, крестики, евхаристические наборы.

Необходимо отметить, что ранние культовые предметы - дарохранительницы, потиры, диски, звезды, лжицы, пелены, покровцы XVIII-XIX веков, составляющие гордость воло-

годских музейных собраний, помогают художникам нового поколения глубже понять и ощутить смысловое значение форм и орнаментов, их духовную основу, обрести уверенность в создании современных предметов религиозного назначения.

Экономический кризис и новые рыночные отношения поставили промысловые предприятия в трудное положение, но эти же факторы сделали художников более свободными, понукали их к активной творческой деятельности. Художники «Снежинки» за последнее десятилетие создали целую серию выставочных работ со сложными композициями, с богатой фактурой, тонкими цветовыми решениями. Такова «пушкинская» серия, посвященная 200-летию со дня рождения писателя, которое отмечалось в 1999 году. А.Н. Ракчеева и Н.В. Веселова выполнили круглые скатерти «Золотая рыбка» и «Град на острове стоит», Г.Н. Мамровская и Т.Н. Смирнова создали занавес «Сказка о царе Салтане», М.Ю. Пальникова разработала рисунок небольшого декоративного панно «У Лукоморья». Все художники и технологи экспериментальной лаборатории под руководством главного художника Г.Н. Мамровской работали над сюжетом большого кружевного панно «Храм Христа Спасителя» (1997), за которое они получили на выставке «Народные художественные промыслы России - юбилею столицы» первую премию Правительства Москвы и Диплом Академии художеств. К лучшим произведениям современного вологодского кружева относятся также круглая салфетка «Полюшко-поле» (1999) заслуженного художника РСФСР В.Д. Веселовой, панно «Святыни Вологды» (2003) заслуженного художника РФ А.Н. Ракчеевой, скатерть «Татьянин день» (1994) Т.Н. Смирновой, шторы «Витражные» (2007) Н.В. Веселовой. Работая над выставочными и заказными вещами, художники часто используют более тонкую полотно, которая позволяет усложнять рисунок, делать его более инте-

⁹ Сорокина М.А. Художественное развитие вологодского кружева в XX веке. С. 136.



ПАЛЬНИКОВА М.Ю. Род. 1962. Вологда.
Манто. 2002. Лен, х/б нити, кружево,
сцепная техника

ресным. Не секрет, что красоту вологодскому кружеву, кроме пластичного рисунка, придают также мелкие детали, заполнение фрагментов узора различного рода дополнительными элементами, использование в одном изделии различных фоновых решеток. Научиться «читать» кружевные узоры, увидеть за «строками» рисунка душу автора, его мысли - это не так и просто. Великолепна работа заслуженного художника России Г.Н. Мамровской - небольшое панно-картина «Материнская нежность» (2008). Его можно считать классикой современного вологодского кружева. Логически выверенная композиция, глубокая по содержанию и вместе с тем чрезвычайно декоративная. Символично, что именно в год, посвященный семье, появилось произведение, в котором так трепетно выражено чувство материнской любви и нежно-

сти. Творческий потенциал этого художника огромен, каждая ее работа образна и высоко духовна.

Коллективы мастеров и художников, носителей глубинных традиций народного искусства, сумели сохранить тот высокий потенциал творчества, который всегда отличал вологодские промыслы. И это доказала прошедшая в Вологде в 2008 году с большим успехом Всероссийская выставка «Современное народное искусство России. Традиции и современность».

С приходом нового поколения руководителей резко изменился статус художника на предприятиях промыслов. На некоторых из них художников сократили или низвели на положение простых исполнителей, хотя опытные мастера и художники являются также золотым фондом нашей национальной культуры. Такое «разбазаривание» талантов может привести к плачевным результатам. Сегодня остро стоит вопрос о преемственности поколений, о молодых кадрах, которые придут на смену старшим. На некоторых предприятиях, как на заводе «Северная чернь», этот вопрос уже решен, в промысел пришли выпускники Красносельского училища, они органично влились в коллектив и многому сумеют научиться у работающих старших и опытных художников-прикладников. На вологодской кружевной фирме «Снежинка», необдуманно расставшись с большей частью художников и мастеров экспериментальной лаборатории, обратились к старой и испытанной системе обучения - наставничеству¹⁰. Руководство предприятия также находит художников и на стороне, в других городах, хотя такое сотрудничество может привести к нивелированию и размыванию традиций вологодского кружевного промысла.

Состояние вологодских художественных промыслов, как и многих других российских промыслов, в настоящее время вызывает определен-

¹⁰ А. Н. Ракчеева обучает свою дочь Ю.С. Захарову, имеющую неполное высшее художественное образование.

ные опасения. В массе «га-лантерейной» и сувенирной продукции трудно найти вещь хорошего художественного уровня известных отечественных промыслов. Настоящие же авторские произведения ведущих художников можно встретить на больших областных или всероссийских и зарубежных выставках, на тех выставках-ярмарках, которые разворачиваются и набирают темп по всей стране (положительное явление в последние годы), на выставках художественной направленности.

Несмотря на утраты, вологодские художественные промыслы по сравнению со многими известными российскими промыслами находятся в лучшем положении. Исторически сложилось так, что местные власти всегда проявляли заботу о ремеслах. Одним из них столетие назад был губернатор М.Н. Кормилицын. Именно при его участии в Вологде был создан Кустарный комитет, а в 1885 г. он обратил внимание и на кружевной промысел. Желая воздействовать на этот промысел, он пригласил в Александровский приют Вологды для преподавания плетения и рисования кружев учительницу, обучавшуюся в Мариинской практической школе кружевниц в Санкт-Петербурге. Затем земством был открыт склад под названием «Вологодская кустарная выставка» для скупки кружев. При складе была организована школа для усовершенствования работы местных кружевниц¹¹.

В 1970-80-х годах развитию и прославлению вологодских промыслов много способствовал первый секретарь обкома КПСС А.С. Дрыгин.



ПАЛЬНИКОВА М.Ю. Род. 1962. Вологда.
Панно «У ЛУКОМОРЬЯ». 1999. Лен, кружево, сцепная техника

Именно при его руководстве областью строились новые корпуса для промыслов и восстанавливались забытые художественные ремесла.

Нынешний губернатор Вологодской области В.Е. Позгалев также уделяет особое внимание традиционной культуре края, промыслам и ремеслам. Именно по его инициативе Правительством области создается целая система поддерживающих и развивающих промыслы мероприятий как экономического, так и законодательного плана. Когда в 2003 году возникла реальная угроза исчезновения кружевного промысла на фирме «Сне-

¹¹ Давыдова С. А. Очерк кружевной промышленности в России // Кустарная промышленность России. Женские промыслы. СПб., 1913. С. 122.

жинка», которая практически стала частным предприятием, в Правительстве области было принято специальное постановление «О развитии и сохранении художественного промысла «вологодское кружево» на ЗАО «Вологодская кружевная фирма «Снежинка», в нем, наряду с целым комплексом поддерживающих мероприятий, поднимался вопрос и о создании на базе ЗАО «Вологодская кружевная фирма «Снежинка» предприятия, гарантирующего сохранение народного художественного промысла¹².

В 2005 году Губернатор дал поручение Департаменту экономики области проработать вопрос уже о создании государственного предприятия по кружевоплетению, так как «стиль работы с кадрами, изменение маркетинговой и финансово-экономической политики, организационные нововведения и отсутствие опыта работы в промысле новых собственников вызвали опасения за сохранение промысла как основного хранителя традиций кружевоплетения»¹³. Благодаря решению Губернатора в Вологде создается Музей кружева. Музей будет расположен в исторической части города, в памятнике архитектуры XIX века - бывшем здании Госбанка на Кремлевской площади. По словам самого Вячеслава Евгеньевича: «Мы делаем не просто музей. Это будет не просто изюминка Вологды, это будет бренд России»¹⁴. При Музее кружева планируется открыть ГУ «Творческая мастерская «Вологодское кружево», основной задачей ее будет сохранение сложившегося стиля и характера, технологических приемов и тех традиционных особенностей, которые создают самобытность промысла. С целью поднятия престижа искусства круже-

воплетения ежегодно в Вологде в рамках Всероссийской ярмарки «Российский лен» проводятся конкурсы мастеров кружевоплетения. Для поддержки промыслов и развивающихся традиционных видов искусства в области на протяжении ряда лет существуют грантовые конкурсы, одним из которых является «Звездное кружево Севера». Благодаря поддержке Правительства области и администрации города Вологды удается ежегодно пополнять музейные собрания лучшими современными произведениями НХП. Правительство области решило поддерживать деятельность и музейной студии «Вологодские росписи», где занимаются освоением традиционных видов народного искусства и художественных промыслов на подлинных произведениях народной культуры. В помощь народным художественным промыслам Правительство Вологодской области сейчас решает вопрос о создании большого художественного салона, где бы могли реализовать свою продукцию как предприятия промыслов, так и индивидуальные мастера, носители местной традиционной культуры.

Перспективы сохранения и развития художественных промыслов Вологодской области зависят от многих факторов. Нужно содействовать восстановлению промыслов в местах их традиционного бытования и обеспечить преемственность традиций. Это можно осуществить только в том случае, если в местах традиционного бытования промыслов будет введено массовое обучение основам мастерства существующего промысла. Так, в Вологде и окрестностях, а также в исконно кружевных центрах в районах области во всех школах желательно обучать девочек

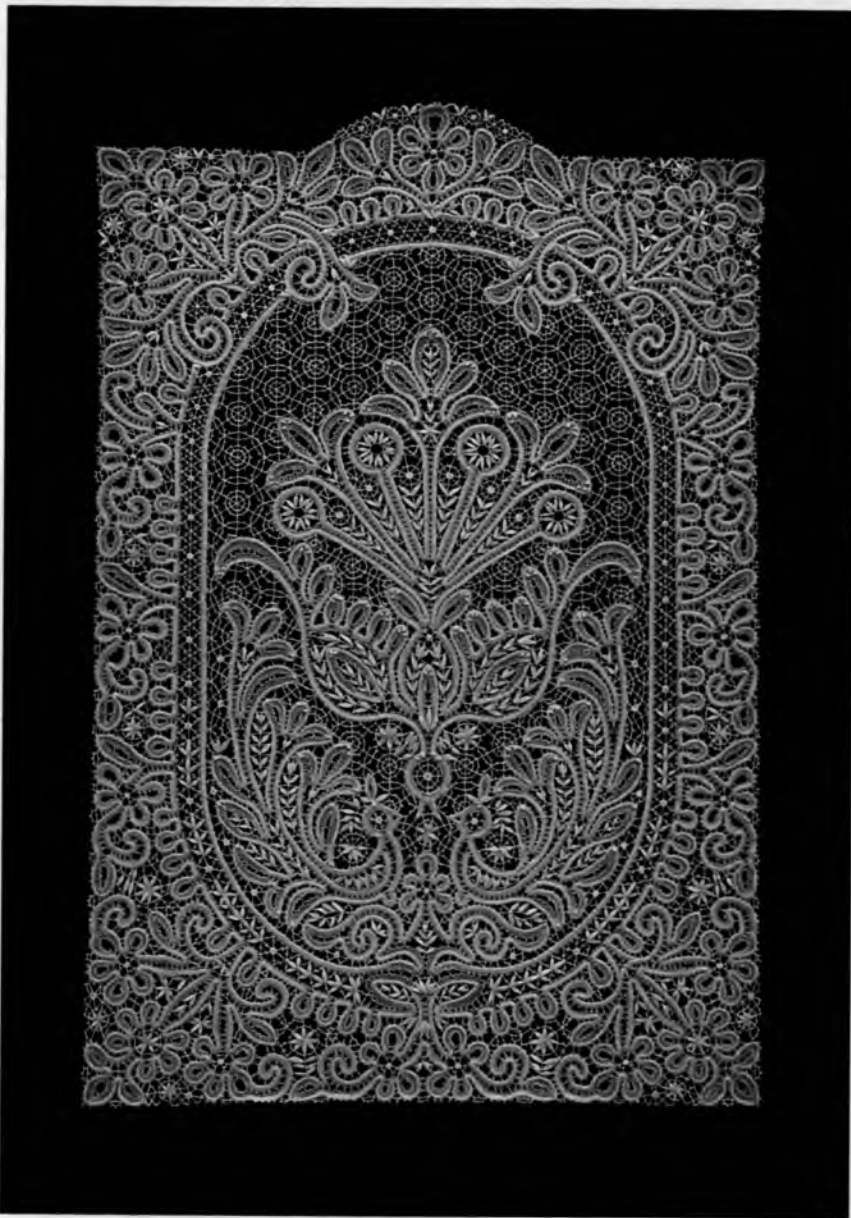
¹² Постановление Правительства Вологодской области от 24.11.2003 г. за № 1088. (Прежде всего фирме было рекомендовано увеличить объем выпускаемой продукции на 25%, обновить ассортимент на 50 изделий. Рассматривался вопрос о предоставлении льгот на прибыль до 100 тыс. руб., по транспортному налогу, налогам на землю и имущество до 400 тыс. руб., применить упрощенную систему налогообложения, по возможности списать просроченную задолженность по платежам в областной бюджет и отсрочить взыскания пени на 2004-2006 гг. Вместе с этим были подготовлены предложения в Ассоциацию «Народные художественные промыслы России» и в Правительство Российской Федерации о предоставлении субсидий из федерального бюджета).

¹³ Справка о выполнении поручения Губернатора области от 16.09.2005 г. №248-ПОР.

¹⁴ Газета «Красный Север» от 25.05.2008 г.

ВОЛОГОДСКИЕ НАРОДНЫЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОМЫСЛЫ

Иллюстрации к статье Ангелины Глебовой (стр. 156)



МАМРОВСКАЯ Г.Н. Род. 1946. Вологда.

Панно «МАТЕРИНСКАЯ НЕЖНОСТЬ». 2008. Лен, кружево, сцепная техника



МАРОЧКО Е.С. Род. 1977. Вологда.
Панно «ГЕОРГИЙ ПОБЕДОНОСЕЦ». 2008. Лен, кружево, сцепная техника



ЦЕПЕННИКОВЫ О.В. и Е.Г. Великий Устюг.
Икона «ПРОКОПИЙ УСТЮЖСКИЙ». 2000.
Дерево, левкас, паволока, береста, резьба, темпера. Разм. 50х37 см



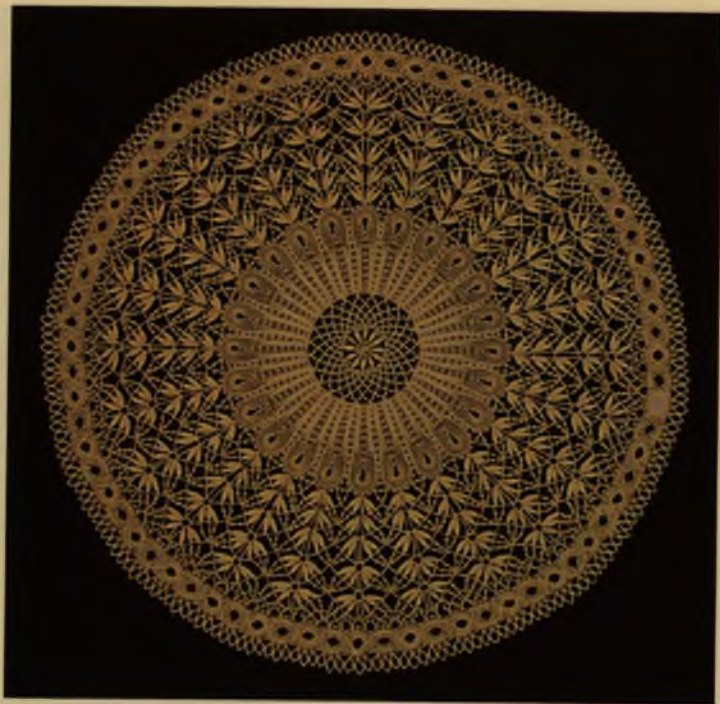
ВЯЗОВА Т.Г., ШЕРГИНА К.А., СТАРКОВСКАЯ Н.В. Великий Устюг.
Тарелка «ВЕЛИКИЙ УСТЮГ. ТЕРЕМ ДЕДА МОРОЗА». 2003.
Дерево, береста, резьба, тиснение, тонировка



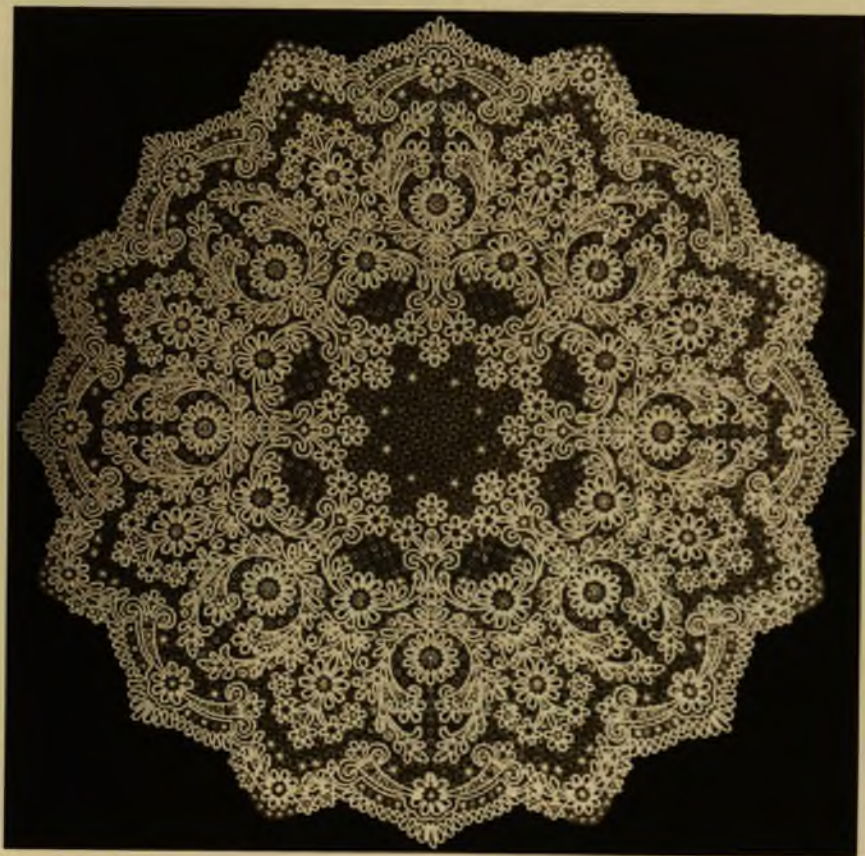
СМИРНОВА Т.Н. Род. 1961. Вологда.
Панно «ДЕД МОРОЗ». 2003. Лен, люрекс, кружево, сцепная техника



РАКЧЕЕВА А.Н. Род. 1947. Вологда.
Пелерина «АНАСТАСИЯ». 2005. Лен, х/б нити, кружево, сцепная техника



ВЕСЕЛОВА В.Д. 1919-2006. Вологда.
Салфетка «ПОЛЮШКО-ПОЛЕ». 1999. Лен, кружево, сцепная техника



МАМРОВСКАЯ Г.Н. Род. 1946. Вологда.
Скатерть «СЕРЕБРЯНЫЙ ИНЕЙ». 1994. Лен, кружево, сцепная техника



ВЕСЕЛОВА Н.В. Род. 1952. Вологда.

Шторы «ВИТРАЖНЫЕ». 2007.

Лен, цветное мулине, кружево, сцепная техника

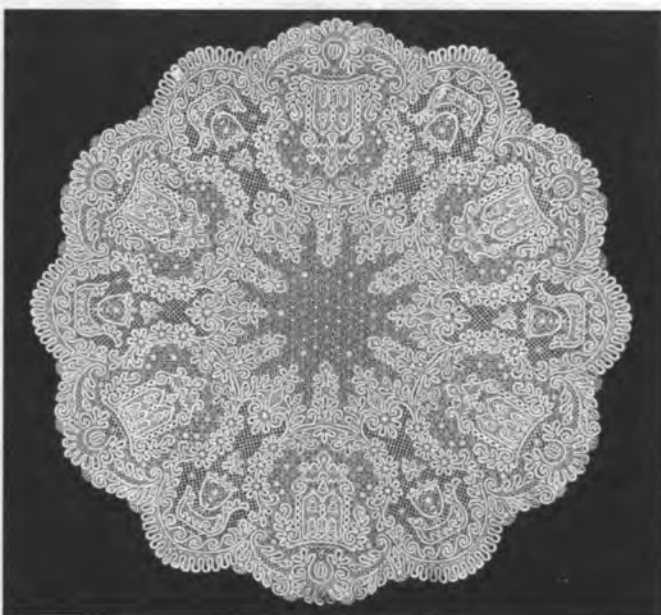


Кубок «ЮБИЛЕЙНЫЙ». 2007. (Посвящен 860-летию Москвы, Вологды и Великого Устюга).
 Авторы: БОБЫЛЕВА Л.М., МЕНЬШИКОВА Л.С., ПЕТРОВА О.А., ТЕЛЬТЕВСКОЙ А.Н. Великий Устюг.
 Серебро, гравировка, чернь, позолота



ПЕТРОВА О.А. Род. 1975. Великий Устюг.
 Винный набор «ЦВЕТОЧНЫЙ РАЙ». 1998. (Поднос, кувшин, рюмки - 6 шт.). Серебро, гравировка, чернь

кружевоплетению, а в Череповце и окрестностях - узорному ткачеству, соответственно, в Великом Устюге учащихся необходимо обучать резьбе и росписи по бересте, давать им навыки работы с металлом. Большое значение в Проекте отводится и формированию рынка услуг, а также привлечению предприятий НХП к реализации проекта «Великий Устюг - родина Деда Мороза». Это благотворно скажется на расширении ассортимента выпускаемой продукции, и у туристов, посещающих Вологодскую область, появится возможность приобрести произведения действительно традиционных вологодских промыслов, а не однотипные поделки и небезопасные китайские сувениры, заполнившие в настоящее время все рынки страны¹⁵. Правительство также предлагает размещать в организациях НХП заказы на производство аксессуаров для оформления интерьеров номеров гостиницы и гостевых домиков в Вотчине Деда Мороза, изготавливать сувенирные изделия для комплектования детских новогодних подарков, реализуемых в Вотчине. Важным представляется и создание условий для развития малого бизнеса в сфере НХП. Осуществить это предложение крайне сложно, так как, кроме материальной составляющей, произведения промыслов содержат духовные ценности, которые неизмеримо больше в условном финансовом выражении. Но хотя промыслы и не обладают инвестиционной привлекательностью, но как часть духовной и материальной культуры общества они должны быть сохранены, и эта задача должна быть решена государством,



ВЕСЕЛОВА Н.В. Род. 1952. Вологда.
Скатерть «ГРАД НА ОСТРОВЕ СТОИТ». 1999.
Лен, кружево, сцепная техника

иначе через некоторое время может оказаться, что российские промыслы, как и во многих странах Западной Европы, будут существовать только в форме любительских организаций. Вологодские промыслы доказывают, что Северный край богат не только лесом и знаменит своим гигантом «Северсталью», но что здесь живут трудолюбивые и очень талантливые люди, создающие Красоту жизни. Произведения промыслов развивают эстетические чувства людей, активно воздействуют на духовно-нравственное становление личности, они украшают нашу жизнь и оказывают существенное влияние на формирование имиджа области.

**А.А. ГЛЕБОВА, заведующая
художественным отделом
Вологодского историко-
архитектурного и художественного
музея-заповедника**

¹⁵ «Сохранение и развитие народных художественных промыслов Вологодской области на 2008-2010 годы». Проект постановления.

АЛЕКСАНДРА МАРТЬЯНОВА

МАМИНО СЛОВО

Окончание.

Начало в № 4(2008) и 1 (2009).

ПРО САХАР

Самые тяжкие голодные годы для нас оказались не в войну, а после. В конце войны даже до Тимонихи доходила американская тушенка.

Непередаваемый аромат кружил голову. Сама баночка - удивительно организованное произведение рук. Она четырехугольная, слегка зауженная книзу. С неправдоподобно яркой по сочности наклейкой.

Кончилась война, от внешней помощи Сталин отказался. В деревне стали умирать с голоду люди, истощенные до последней степени.

Понятно, на американской баночке свет клином не сошелся (мне она необычностью своею, запахом, наклейкой врезалась в память). Но вот о сталинской политике, о ее полном равнодушии к крестьянству узнали спустя годы. И до сих пор не всё знаем.

Проклятые это были времена. Океан горя. Но и в этом океане мама умела иногда на какое-то недолгое время выкинуть нас на зеленый островок тепла, доставить нам, малым деткам, радостное волнение своими придумками, неординарным отношением к нам, юмором, незлобивым и тонким.

Воистину, талантлива она была, ибо впитала с детства азы православия, и все доброе, божественное не просто прикипело к ней, а это была сама естественность, непоколебимость.

Сама она держалась за веру как за каменную стену, и не нужно ей было придумывать, как воспитывать нас.

Хрупкая и кроткая, в то же время стойкая и непобедимая, если дело касалось детей. К месту насмешливая и ироничная.

Вот случай. Купила она килограмм сахара. До этого бывал песок. Всем -

по ложке. Смакуем, обводим кусочком хлеба вокруг кучки. Это мы, трое. Василий съест сразу и вон из-за стола.

Сейчас все получили по куску сахара, и сладкий мешочек «ушел» на кухню. Спрятала мама. Мешочек был из-под отцовской дробин. Стиральный-перестиранный, грубый, холщовый, бурого цвета, с надписью «дробь». Белые тесемки пришиты мамой.

Белоснежные куски сахара, правильной формы. Так хочется подержать в руках хотя бы, пососать. А уж погрызть - это вообще недостижимое блаженство!

Мы весь долгий день занимались многочисленными делами на улице, дома. И у каждого не выходил из ума купленный сахар.

Василий отсутствовал, работал где-то. Мы трое решили мыть пол. Вымыли только до шкафа, утомились, пошли на улицу.

Я говорю: «Подайте засов, надо вставить в скобу: мешок с сахаром украдут еще».

- А где он? - дуэтом спросили младшие.

- Стойте тут, я поищу, - побежал на кухню Иван. Мы все трое пошли искать сахар. Подставили стул, заглянули на полицу: вроде бы мама туда вчера совала мешочек. Но там ничего не видно. Под решетом, в квашне, в сеяльнице... Запачкались мукой; вот где - еще в тушилке, что под уголье, не заглядывали. Запачкались сажей. Пусто.

Удрученные, побрели в поле за киселкой. Ближе к вечеру жалуемся Василию, что искали сахар, но не нашли.

Василий подходит к печурке, заткнутой рукавицами, выбрасывает рукавицы и ... вот он, сладкий мешочек. Какой тяжелый! Василий развязывает и дает всем по куску.

Вечером, встречая маму, мы все рассказываем.

- Мама, мы сахар нашли... В печурке!



ВОРОНОВ Ю.А. Иллюстрация к книге
В.И. Белова «Лад». СЗКИ, Архангельск, 1985

- Завтра спрячу, ни за что не найдете, - смеется мама.

- Найдем, найдем, - верещим мы весело и скачем, - Ты только из избы не выноси. Если на улице или в сених, то так не играем!

- Спрячу в избе. А вы, сорванцы, не найдете!

На другой день приступали к поискам не один раз. Перебрали посуду в шкафу, одежду, в валенках на печи... Василий не стал на этот раз участвовать в авантюре.

Перевернули всю избу. Пусто. Значит, мама схитрила и спрятала в сеннике или еще где-то. Мешочек, ополовиненный, пропал, как в воду канул.

Мама возвращается с поля. Мы бросились к ней. Забрали корзину, веники.

Лида берет за руку маму, заглядывает ей в глаза и грустно жалуется:

- Мама, а у нас сахар уклали!

- Сахар украли? Неужели? Кто же это мог? - подыгрывает мама.

- Плиходила Тлезола, - вздыхает Лидушка, - все обнюхала. Навелно, она унесла...

(Трезора - это соседская собака. Когда щенок появился на свет, его называли Трезор. Вскоре оказалось, что щенок не кобелек. Кличку немного подправили. Стала Трезора).

Мы все улыбаемся, в хорошем настроении; все хотят узнать, где мама нашла укромное место, чтобы спрятать остатки сахара.

- Мама, ты обманула, спрятала на сарае? - спрашивает Иван.

- Нет. Я не обманываю и вам не советую.

Мы окончательно заинтригованы: ведь в избе все перешерстили.

Доедаем большую ладку картофельной оладьи (пюре), глаза искрятся. Потешно и той и другой стороне. От нетерпенья чертики в глазах играют.

- Вот смотрите, маленькие хвастунишки, «найдем, найдем!». А и не смогли! Никогда вперед не хвастайтесь.

Поднимает футляр со швейной машины.

- Мы там искали! - кричим.

Откидывает машину набок, достает мешочек. Мы ошеломлены. Оказывается, там внизу под машиной пустота. Под возгласы и восторги по случаю маминой выдумки смакуем свою порцию сладости. Счастливы случившимся, довольны сахарком!

Милая, незабвенная! Все лучшее - от тебя! И честность, и трудолюбие, и юмор!

МАМА МОЕТ ПОЛ

Василий Иванович привез из Японии поговорку: счастлив тот, кто умеет выполнять любую грязную работу.

В этом мы маме явно уступаем. Слабоваты, признаюсь. Ибо быка за рога берем в труде, который по сердцу. Тут мы упиваемся.

Вот мама моет пол перед Новым годом.

На дворе тридцатиградусный мороз. Вася убежал на гору. Нам велено посиживать на печи.

Мама в кофте, платке, опорках. Носит снег в избу. Спешит, захлопы-

вая дверь, но густые клубы белым облаком врываются, скрывают маму.

Мы замороженно помалкиваем, созерцаем, как куча снега на кухне, а потом в комнате растет, снизу начинает подтаивать.

Маме надо успеть натереть пол снегом - это вместе и влага, и дрова. Она начинает шуровать на кухне, под столами, лавками. Подол юбки заткнут, икры голые белеют. Ноги широко расставлены. Руки мелькают, снуют.

Ручьи потекли, снег почернел: надо как можно быстрее собирать и выбросить за крыльцо грязные комья.

Мама носится как птица, руки красные, как гусиные лапы. Наносит новую порцию чистого снега. Задействованы ведра, тазы.

Нам тепло на печи. Нам удивительна смелость мамы. Она вспотела. То и дело выбегает наружу, на мороз.

Действо яростно и прекрасно, не можем оторвать взгляд.

Ни единой жалобы на холод, невообразимую трудность, ни единого проклятия судьбе!

Белые клубы доносят и до нас прохладу, только опахнут морозной свежестью.

Вот выброшены последние грязные комья. Убирается ледяная вода. Выжимаются последние тряпки. Затираются последние половицы. Пол как желток. Он ледяной, мокрый. Нам нельзя спускаться к столу.

Мама приволокла кучу половиков, говорит: «Подождите пока, все ледяное...»

Она затопляет маленькую печку и начинает под умывальником мыться, сбросив все грязное. Моет руки, лицо долго, шумно, а вытирается холщовым рушником так яростно, думаешь, кожу сдерет... Наступила пора окинуть взглядом плоды своего труда. Улыбнувшись, любитесь продраенными половицами, скажет: «Слава Богу, теперь до весны дотянем...» Мы понимаем: мыть будет теперь только на 8 марта. «И так еле урвала время. Давно хотела, да все дела да случаи. Руки не доходили».

Половики настланы. Чугун кар-

тошки кипит. Дрова в печке трещат. Нам не терпится бежать к столу: рисовать, выстригать, читать. Листать новую книжку, что мама принесла. О фокусах и головоломках.

Вася лупит заиндевелой шапкой по бревну в коридоре, чтобы снег не нести в избу.

Вот мы и за столом. Ужин - чугун картошки.

- Фу, мне гнилая попалась! - скажет кто-то.

- Давай мне, - скажет мама, - я люблю с сухой гнилью.

Или в другой раз за столом кто-то молвит:

- Эта сорожина вроде пахнет уж...

- Не бросай, дай мне. Я люблю милелую...

Святая простота! Только повзрослев, догадались мы, почему мама подбирала то, что мы откидывали: то подгорелый кусок, то блин, случайно упавший в золу со сковородки, то несъедобную рыбину...

Одно ее заботило: были бы мы сыты, а сама - как-нибудь. Ей достанется, что останется.

Убирая со стола, с радостью поблагодарит: «Слава Богу, опять сыты».

Да, Бог благодаря маме незримо присутствовал, советовал, подсказывал, как следует поступать и чего невозможно допустить ни при каких обстоятельствах.

Поверив на слово самому родному, любимому человеку, что существует он, тайный немой свидетель, который следует за мной всюду, слышит меня, наблюдает и или поддерживает в добром намерении, или предостерегает от зорного, запретного поступка, я, как всякий нормальный любящий ребенок, доверилась добрым наставлениям. Они запечатлелись в душе и остались навек во мне.

О ЗАПРЕТАХ

Не раз мы слышали от стариков, сидящих на завалинке, подтверждение деревенских поверий. Дерутся, как два молодых петушка, мальцы. Старики наблюдают, ухмыляются, не вмешиваются.

Но как только поверженный изма-

терился или тянется за камнем, слышится грозное стариковское:

- Ну-ка, сопляк, не трожь! И материться не смей! А то, гляди уже, мамка умрет... Бог-то все видит! - любой сорванец притормозит, услышав такое о матери, о божьем наказании за необдуманный поступок.

Заповедь - не грехи - заработала! Сейчас к месту замолвить слово за запреты. По радио, в газетах, на телевидении шибко ученые буквально талдычат свое кредо, как только кто-то молвит о строгости, о запрете. С пеной у рта доказывают, что запреты никогда ни к чему хорошему не приводили, пустое, мол, вредное занятие, запретный плод сладок.

Но ведь доподлинно известно: воспитание человека зиждется на родительском примере, добром честном слове, полезных привычках, а также посильных запретах и исключительно редких наказаниях.

Говорится в народе: посеешь привычку - пожнешь характер, посеешь характер - пожнешь судьбу.

Главное, соблюсти баланс, не переборщить с запретами и наказаниями. Не ожесточить сердце юноши, девушки.

Руководствоваться следует умом - не скоропалительно, но обязательно - любя человека. Все эти божественные заповеди, которые блюла мама и которые по мере сил и возможностей прививались нам. И небезуспешно. Слабоваты оказались иные в схватке со змием зеленым, коварным, многоголовым...

Виню вынужденную безотцовщину и уход, оторванность от земли-матушки, отъезд в чужие края, отступничество от православной заповеди...

Может, и правда, следовало бы нам иногда отведать березовой каши. Ибо все мы слишком своенравные, упрямые.

Мама старалась, норовила направить нас в божеское русло, оберегая от всего бесовского... Искренность и милосердие - мамины поводыри, помощники в воспитании.

Никогда, примерно, не привьется ко мне бесстыдная напористая наглость,

отвратительная мстительность, притворство казанской сиротой ради корысти, получения блага, подарка, денег. Не горазда мама была на наказании и нудные, изнуряющие нотации за проступок. Характер не тот.

Не случилось, чтобы она устраивала допрос с пристрастием: что? где? когда? как? кто? Не бежала по соседям с руганью, выяснением свидетелей, виновников или защищала бы нас во что бы то ни стало.

Если сын пришел с расквашенным носом, то сам пораскинь мозгами, кто виноват, сделай вывод на будущее, не допускай мордобоя.

Мама успокоит битого без сюсюканья. Обрабатает рану, синяки. Улыбнется: до свадьбы заживет, другой раз будь поаккуратнее, не доводи до греха...

Знаем, как поступают иные мамы в подобных переплетках: мамы всякие бывают. Одна с ходу обвиняет обидчика, не ведая, что произошло: «Кто? Кто тебя так? Я вот сейчас разберусь... Я покажу ему...»

Другая со знаньем дела добавит горечи: «Мало еще... так тебе и надо... Пореву у меня... Сейчас еще добавлю!»

Третья: «А ты! Ты - что? Сдачи дал? Дал, спрашиваю? Нет! Рохля! Дурак! Не мужик!»

Или, заключая в объятия: «Сиротинушка ты моя, иди ко мне, горемычный, иди, поцелую... ироды, что сделали с парнем...»

Очень рано мы поняли, что далеко не всё следует выкладывать маме, чтобы ее не волновать.

Жалость к маме требовала терпения и умолчания. Даже когда Лидушка тонула, а я, спасая ее, чуть не захлебнулась сама, и то не сообщили ни маме, ни крестному, который лежал больной, а всё взрослое население трудилось на покосе.

Удивительно: и те, кто бесспорно был виноват, раскачивая лавы, тоже умолчали. И свидетели - тоже.

Мы шли с омута после купанья. Когда оказались на середине лав, известные озорники, сильно подпрыгнув, так качнули их, что самая маленькая, четырехлетняя Лидушка,

упала в реку. А самая слабая из компании, малышка-худышка, спасала, уйдя под воду с головой.

Шел мне девятый год! Да, было мгновение, я надеялась на помощь более сильных и рослых. Но все как застыли от страха.

Жалость кинула меня, безмерная жалость к сестренке, которая на дне, на спине судорожно дергается руками и ногами, открытый рот хватается воду. Не помня себя, я прыгнула, ушла с головой под воду, подхватила руками Лиду и понесла по дну к берегу. Берег скользкий, глинистый, заросший водорослями, кишит пиявками. Выбросив ее на берег, сама кое-как вскарабкалась, стала ее тормошить. Из носа и рта полилась вода, а когда после рвоты она закашляла, то все обступившие нас тесным кругом и не проронившие от страха ни слова так же молча отчалили по домам. Понурые, виноватые.

ПРИ МАТУШКЕ ТЕПЛО

Божественное милосердие утверждалось в семье. Как-то само собой, не навязчиво.

Сегодня на каждом шагу заклинаят: любите родину, любите родителей, любите друг друга. А не получается любовь. Или получается - куцая. Забывается заповедь: любите ближнего своего, как самого себя.

Вещают по телевидению ученые, знающие, даже гениальные, певцы, поэты, писатели. И хочется им верить, понять, что они богобоязненны и любят, любят. И от того счастливы.

Что это, отчего? Скука, самоутверждение, пиар подталкивает их кричать с экрана: «Я - грешный! Да, грешу. Все люди - грешные. И добро творят и грешат. И я... да. Пять раз женился. Шестеро детей. Всех люблю. Я - православный. Я - счастливый человек. Душа моя открыта, чиста... А это главное...»

Бывает смешно и противно наблюдать нарочитые тусовки с подобными откровениями. «Молчите лучше, - думает простой смертный, - зачем, кому вещаете? Постыдись ты, убогий

духом. Ты счастлив! А счастливы ли твои брошенные жены и дети? Одумайтесь, греховодники, соблазнитель-самоубийцы! Бичуйте себя про себя! Не вываливайте свою пресыщенность на слушателей, зрителей. Всякому, истинно любящему Бога и семью, тяжело и горестно слушать вашу отсебятину, умножающую зависть, злобу, через телевизор».

Лучше вспомните благословенное, мамино, согревающее.

Вот тебя переселили из колыбели, ибо она срочно понадобилась новорожденному, переселили в кровать-качалку, любовно выструтанную добрыми тороватыми руками отца.

Бабушка Александра успевала качать и зыбку - с веревкой на ноге, и кроватку.

Лидушку мне довелось качать. Зыбка летала на очепе от окон к потолку у печи. Ни на что не натываясь, ни за что не задевая. Я научилась без боязни, что выпадет ребенок, укачивать сестренку.

А вот уже Лидя в деревянной кроватке. Теперь она с нетерпением ждет, когда мама склонится над ней, своим ангельским успокаивающим голосом начнет читать пока не очень понятные стихи.

Кроватка поскрипывает, мамины слова превращаются в песню, западают в душу.

Скоро дитя выучит наизусть стих, но все еще он мил только из маминых уст. Он желанен, ожидаем, успокаивает - дитя счастливо.

Дело под вечер зимой,
И морозец знатный.

По дороге столбовой
Едет парень молодой
Ямщикок обратный.

Не спешит, трусит слегка...

Когда-то осилит чтение ребенок, когда-то начнет писать. Но уже в пятилетнем возрасте прочтет наизусть чудесные некрасовские стихи, почувствует песенность, прелесть языка, пусть и не под силу пока осмыслить иные слова, вроде «Господи Исусе!»

Любовь, интерес к стихам передался нам непосредственно от мамы.

Сказки сказывали пришлые люди:

пастухи, нищие, добрая милая горбатенькая Ириша.

А вот рисовали мы все. Где попало, чем попало. Грифелем на грифельной доске, углем, огрызками карандашей, на песке, на снегу...

Сидя на печи, на потолке Василий чертил теорему. Иван там же на стене выцарапал по штукатурке лучиной чуть ли не с полметра высотой двух человечков. Повыше и пониже. Подписал: Ноно, Кия. Известная деревенская чета.

Впоследствии Иван оказался довольно талантлив не в изображении портрета, а в пейзаже и натюрморте.

Немногочисленные его рисунки поражают скрупулезностью исполнения, легкостью, достоверностью. Занимался в юности в кружке у самой Д. Тутунджан, чем гордится.

Сидим, бывало, рисуем. Иван рисует всадников на конях. Говорит: по долинам и по взгорьям шла дивизия...

Все трое - он, Лида, я тотчас дружно грянем:

*По долинам и по взгорьям
Шла дивизия вперед,
Чтобы с боем взять Приморье -
Белой армии оплот.
Наливались знамена
Кумачом последних ран.
Шли лихие эскадроны
Приамурских партизан.*

Когда песню окончили, помолчали, и я спрашиваю маму:

- Мама, почему ты никогда не поешь? Ты говорила, пела на клиросе в церкви. И в октябрьские праздники, я сама слышала, ты запела «По Муромской дорожке» так нежно, тонко, жалостливо. И все подхватили, даже не только бабы, а и мужики. Мне так это понравилось, я загордилась даже.

Мы ждали ответа.

- За меня птичка вольная за окном поёт, - не сразу послышался ровный знакомый голос без горечи, - потом добавила, - не могу я петь.

- Почему? - хором удивились мы.

Мама вышла из-за заборки, оставившись в узком проеме двери.

Головушка слегка набок склонена. Лоб перевязан белым платком «на кулёмку», т.е. с узлом не под подбородком,

как у большинства, а сзади, на затылке. Маме очень идет этот кукольный фасон. Вся она круглолицая, с милыми веснушками, кротким взглядом, сама доброта. Богородица да и только.

- Неделю назад, сами знаете, у Лидушки была температура сорок. Пока бегала за фельдшером, еще подскочила... укол за уколом, укол за уколом. Вы уж спали. Врач не скрывала: кровь может свернуться в любую минуту... Что я пережила в ту ночь! Спасибо, врач не отошла, пока температура не стала падать... Вас боялась испугать. Держалась. Славу Богу, кризис миновал...

- А до этого?

- Давно ли все вы в лежку лежали с корью. Глаза у всех слиплись, жар. То один плачет, то другой зовет. То одно, то другое. Спаси и сохрани... И так все время: из огня да в полымя... Боюсь я петь. Сегодня запую, а завтра... Нет, боюсь петь, ребятки.

Она скрылась за заборкой. Не прерывая стряпню, читает стихи:

*Птичка божия не знает
ни тревог и ни забот.
Целый день она летает,
но и целый день поет.
Птичка домик сделать хочет.
Солнышко взойдет, зайдет.
Целый день она хлопочет,
Но и целый день поет.*

Пускай она поет. Радует людей, вас порадует.

Мы замолкаем, рисуем себе дальше. Но тут Иван вдруг спрашивает:

- Мама, а рисовать ты умеешь? Нарисуй что-нибудь.

- Нет. Ничегошеньки не нарисовать. Вот чего не умею, так не умею.

Но мы, настырные, хором начали упрашивать нарисовать хоть что-нибудь. Что получится. Мама отнекивалась как могла. Но мы, сорванные с мест какой-то озорной силой, подскочили к ней со смехом, обхватили за бока и повлекли ее к столу. Усадили, вручили листок, карандаш. Она смеется. Подносит руку к листу.

- Человечка, мама, человечка!

Наступила чуткая тишина: мама старательно приступила к рисованию головешки. Но как! Мы замерли, пред-

чувствуя что-то необычное. И не ошиблись. Мама неторопливо и прилежно - штришками - начала выводить головушку - яичко, овал. Кругленькие глазки оказались на лбу. Штришки вывели брови дугой над одним глазком, не прерываясь, зашагали вниз, закружили объемистый нос и направились вверх к другой брови.

На месте носа образовалась смешная сумочка из черточек, авоська, мешочек.

Тут уж мы не могли стерпеть, форснули, и все дружно расхохотались. Мама, смеясь, выскользнула из-за стола и убежала, говоря «не умею, не умею». Радостное возбуждение от такого особенного общения с мамой долго не иссякало. И сейчас перед глазами крепкий мамин кулачок сжимает коротенький огрызок, выводит штрихи-следы.

КАРАНДАШИКИ

Карандашики! Карандашики! Блеклые, поцарапанные коротышки, измусоленные пальцами и языками. Бедные невзрачные родственники неотразимо ярких, роскошных акварелей и масляных красок. Увы, в те убогие времена с последними мы не были знакомы.

Как мы их берегли! Круглая коробочка из-под леденцов. Металлическая, с крышкой. Служила жилищем, пеналом для милых гномиков.

Иные были длиной три-четыре сантиметра. Бережливость восходила к скарденности.

Только Василию доверялось чинить: изошренно, чтобы не сломать стержень. Но как бы ни изворачивался каждый в сохранении драгоценности, они все-таки кончались.

Первым скончался самый передовой труженик и воин, любимец всех - красный. За ним - зеленый.

Померкли рисунки, терялся задор. Рисовать синие листья (как описывается в известном рассказе) мы - реалисты до корней волос - не могли! Незабвенны те годы, отмеченные бедностью, постоянной нехваткой того или другого в материальном отношении.

Да будут навсегда благословенные они, возвышающие дух преодоления, опыта, неутомимого поиска, семейного единения под руководством мамы - этого святого пастыря.

От нее - все доброе, божественно-человеческое и красивое.

Мы смогли пережить эти тяжкие времена. Никто из пятерых не умер от болезней и голода. Никто не попал в сиротский приют или тюрьму.

Мы не сидели сложа руки, ожидая у моря погоды. Работали в колхозе, трудились по дому и были вольны рисовать, читать, чего другим, и многим, не позволялось.

Крошечными точечками и штришками отмечали продвижение вперед, преодолевая свои слабости, болезни, соблазны, трудности, ошибки.

Крепка была мамина вера в нас. Она незаметно, без лишних слов, приподнимала, возвышала нас над неприглядной действительностью, поддерживая дух, мечты.

Мило вспомнить ее очаровательные и внезапные подарки из леса: ягодки, грибки, пестрые яички, веточки. Скупым, живым словом подкреплялись эти подарки.

Между тем она никогда не помогала писать сочинения, решать задачи и примеры. Учеба шла как бы сама собой, ведь нас много: кто-то спрашивал непонятное, кто-то отвечал. Наставник младшему всегда под рукой.

Беда в отсутствии тетрадей, чернил, перьев, карандашей.

Мама давала бросовые квитанции. Перо то и дело царапало по мелкой щепе...

Приходилось писать диктанты, решать задачи на старых брошюрах.

Помню, достался мне отцовский учебник по устройству винтовки. Помимо текстов было там множество рисунков. От нечего делать (решала я быстро) изучала по четким, обстоятельным рисункам части, детали винтовки. Эти случайные знания позже в педучилище оченьгодились: собирали винтовку на время.

Нелегко писать на книге. Чернила расплзались ежиками, т.к. мы с ма-

мой «химичили» их из всевозможных случайных красителей.

Пытались - из сажи, но ничего путного не получилось. Сажа не желала растворяться в воде.

Вдобавок домашние задания приходилось частенько выполнять при лучине.

Тут уж не до рисования. Отдыхали цветные коротыши в круглой корбочке из-под леденцов.

В зимние вечера кто-нибудь покажет на стене, сложив одну, обе руки замысловатую тень: лось, собака, козел, птица. Тут же вскакивают другие. Тени мечутся по стене, чавкают, хрюкают, мычат, рычат, дерутся. Чем не представление!

В один из субботних вечеров Василий в избу принес эпидиаскоп.

После пожара в школе он оказался разбит, непригоден к показу картинок на уроках. Возможно, его выбросили из верхнего окна горящей школы. Линза оказалась единственная и все показывала «вверх ногами», т.е. перевернутым.

Мы недолго горевали. Василий организовал нас на поиски битых стекол. Сам развесил простыню на стене.

Рисовали чернильными палочками на осколках стекол, тут же подсушивали над лампой и любовались своими произведениями, вставляя стекло в рамку перевернутым, чтобы рисунок на простыне был правильным.

Василий, помню, рисовал дом, дерево. Меня, естественно, увлекла девушка в модном, как мне казалось, платье. На втором рисунке я изобразила головешку другой девушки. Кудрей - копна. Подошла моя очередь показывать кино. Не досохло. Спешу. И - о чудо! Буйная прическа моей красавицы на наших глазах проворно начала полниться, стала на дыбы, поползла вверх. И под общий восторг, удивление, радость движения, как в кино, скопилась насыщенной фиолетовой каплей, которая уже побежала вверх по простыне, образуя хвост до края рамки эпидиаскопа.

Смеху было! Случай подтолкнул к новым экспериментам в рисунках - к

кадрам. Рисовать тянуло всех нас, всюду и всегда. Но простых карандашей и тех не хватало.

ПЕРВАЯ КРАЖА

И вот представьте сейчас себя на моем месте.

Идете вы одиноко тропкой. Видите - валяется простой карандаш. Да не какой-нибудь коротышка - аж не меньше десяти сантиметров в длину!

Откуда? Посмотришь на небо, вспомнишь мамины заветы: в жизни делай добро, будь старателен в труде, не думай о корысти, а удача уже где-то поджидает тебя. Она придет, но когда, не знаешь. Она внезапно случится, без предупреждений. Так это оно!

Тебе уже одиннадцать лет, ты чертовски умна и под стать хитроумному Одиссею: не побежишь по деревне, крича: чей карандаш, кто потерял? Заповедь «не укради» неуместна. Я нашла!

Нечто похожее произошло со мной, когда я оказалась в гостях у Мартыновых, где пятеро детей. (Николай Ефимович - наш учитель, Толя - мой будущий муж, Тамара - моя подруга).

За широким столом уселись мы все рисовать.

Карандашей на столе видимо-невидимо, россыпь из старых и новых коробок.

Глаза у меня загорелись. Не от зависти! (Это чувство, как и чувство мести, чуждо нам, незнакомо и - слава Богу! - никогда не унизимся и не замахаемся о них).

Я обрадовалась возможности вволю порисовать любимыми, добротными, свежими, хорошо очиненными карандашами.

Склонились, сопим от старанья. Благостная тишина воцарилась за столом.

Вдруг из чьих-то старательных рук чертиком из табакерки выскочила резинка и, оказалось, спряталась под массивным семейным шкафом.

Я, сидящая ближе к шкафу, полезла шарить рукой в темноте и пыли.

Долго ищу, потому что под руку попался первым почти новый простой

карандаш, облепленный пылью. Сердце мое учащенно забилося, прямо колотится. Задумалась, медлю. Тут поспешно кто-то присоветовал, да так настойчиво, почти приказал: сунь находку в длинный рукав кофты. (Это сейчас знаю, кто соблазняет дьявольским советом слабого духом человека).

С трепетом кладу на стол - одну резинку. Ту, что достала из-под шкафа, ту, которой стираем ненужное с листа.

Читатель скажет: можно бы попросить. Да, Мартыановы не скупые и с пониманием. Наверняка подарили бы.

Вот беда: мы-то иные. Какая-то необъяснимая, часто глупая, гордость не позволяет просить. Никогда, нигде, ни у кого. Это от боязливой стыдливости показаться несостоятельными или нищими! Но оно, это чувство, в семье так сильно, так всеохватывающе, что объяснить берусь, вспоминая бабушку Александру Фоминичну, которая, рано лишившись мужа, всю работу справно исполняла сама. Принципиально не хотела никому кланяться.

С возами, дровами, навозом... всё - сама. Об этом много рассказывали старики.

ВТОРАЯ, И ПОСЛЕДНЯЯ, КРАЖА

Мне досталось в наследство и ее имя, и ее мужской характер.

Так, с помощью лукавого, успешно прошла первая кража.

Надо ли говорить, что за ней, нераскрытой, последовала вторая, успешная.

Разоблаченная в детстве, она оказалась, к счастью, последней в моей долгой, полной притягательных соблазнов, жизни.

Вот чем чревато растерянное, неустойчиво-опасное детство. Легко соскользнуть с натоптанной дороги в липкую грязную дьявольскую колею.

Счастье, если есть в семье родной праведный человек, который верит в

твое божественное предназначение. Похвалит, вовремя подхватит, если сорвешься, оступившись, и гордится тобой. Это мама наша.

Спасала нас своим благословенным словом. Конечно, мы не были паиньками. Но слово мамино, не громкое, не надрывающее душу, сказанное прямо и не обидно, действовало как ушат ледяной воды. И до того ее жаль делается!..

Весь сожмешься, замолчишь. И до того тебе пронзительно стыдно за содеянное!..

Плотно сомкнуты губы. Не можешь выдать слова извинений, обещаний.

А ведь как часто мы видим такие искренние увещевания, просьбы, слезы, поцелуи провинившихся. И все это пустое, напрасное, легко преходящее, улетающее в никуда, сиюминутное, отвлекающее от главного.

Один долго, назидательно ругал, другой страстно, многословно клялся, чтобы наказание быстрее сошло на нет и можно отвязаться и бежать гулять.

Через какие-то день-два всё повторяется. Дальше пойдут порки, побеги из дома: жизнь не мила, если в семье нет лада, понимания.

Все начинается со слова. Если человек не понимает слово, значит, он или больной, или испорчен воспитанием. Несчастный этот человек.

Пока мы были при маме, ее чудодейственные слова сдерживали от сквернословия, лжи, вероломства, пьянства, драк, воровства.

Разлетелись. Каждый пошел своей дорогой. Немало без мамы тут случилось промахов и бед.

А мама, оказавшись оторванной от питавших ее энергию, выдержку детей, начала хворать.

Ни разу за всё детство не видели мы маму хворой, лежащей больной, стонущей.

Мама служила источником жизненной силы для нас, мы, пятеро, были опорой для нее. Крепко держась друг за друга, пережили войну и самое трудное послевоенное время.

Именно тогда, в 1948 году, и слу-

чилась моя вторая в жизни кража! И последняя!

Посреди деревни Тимониха стоял пятистенный дом Суденковых. Хозяйка после раскулачивания где-то затерялась или сгинули, а приглядывала за ним Афанасья.

Дом нетронутым стоял себе, потихоньку разрушаясь. Окна высоко. Кое-где занавески с прорезами, иструхли. На одном окне привлекала наше внимание высокая, дивной формы лампа. Волшебная лампа Аладдина манила нас с Шуркой, моей подружкой. Притягивала несколько месяцев.

Мы рассуждали, что, возможно, там, где диковинная лампа, есть нечто невиданное, вроде несметных богатств в тайных пещерах сорока разбойников, что из сказки «Али-Баба и сорок разбойников».

Самое интересное: так оно и оказалось, но никто не додумался лезть в чужой, уже ветхий дом, раскурочивать его, грабить всё ценное.

Поэтому поводу приходится с горечью отмечать: за последние пятьдесят лет страна сделала гигантский скачок в нравственности... назад. Сегодня ни один нежилой дом не устоял в покое. Иконы, самовары, другая утварь, весь металл - всё «вычищено». Обворовывают даже сельские церкви, восстановленные титаническими усилиями подвижников вроде Василия Ивановича.

Мы с подружкой, по глупости, из любопытства, в силу детской тяги к внешней красоты, вычурности, попытались проникнуть в запретные кладовые.

Первыми предположениями были неприступность и невозможность проникнуть без топора, лестниц...

Мы подошли к дому днем (все были на сенокосе) с голыми руками. Замочек, что висел на воротах, - шуточный, для вида, толкнули ворота, он нас сразу и пропустил.

Мы оказались в сенях. В сущности, их не было. Потолочные балки сгнили, плахи обрушились, а вождельные двери в комнаты, где скрывалась лампа Аладдина, маячили ох как

высоко. И на них красовался замок посправнее, чем на воротах.

Мы призадумались, помешкав, переговорив, моя подруга (она постарше) уверила, что мы в безопасности, никто не видит нас, то есть можно попытаться достичь желанной двери.

И мы с удвоенным энтузиазмом принялись сооружать баррикаду из обшарпанных шкафов, ящиков, досок и лесенки, что тут в изобилии валялись.

Не буду тянуть и подробно описывать, как нам с большими усилиями удалось открыть и эту дверь с солидным замком. (Теперь я понимаю истоки детского воровства, особую тягу к экзотике и захватывающее чувство. И к подобному проступку призываю относиться крайне бережно, осторожно, терпеливо. Не рубить сплеча, а набраться терпения и тонко направить подростка в нужное русло).

Просторная комната. Давно тут не пахло человеческим духом. Мебель, одежды раскиданы кое-как, подернуты многолетней пылью.

Золотом светится икона. В глазах Иисуса удивление, но не укоризна.

Необычный полированный шкаф с закругленными углами со множеством потайных ящичков. В них всякая всячина необыкновенной красоты.

Мы перебираем одежды, посуду, безделушки. Восхищаемся, показываем друг другу то одно, то другое. Одновременно схватили необычно большую желтоватую атласовку с длинными кистями. Когда-то была белоснежная. Растянули, она распалась, расплзлась на лоскутья. Иструхшая.

В чемодане покоится в одиночестве дамская шляпа с длинными, пышными перьями. Зеленая, бархатная, широкополая. Невиданная...

Кто-то идет по деревне. Мы присели, чтобы в окнах нас не заметили. Сердце стучит от страха, от возбуждения, от восхищения.

В самом малом ящичке шкафа, внутри другого, большего, лежат бусы, крест, цепочки, браслетка...

Мы берем по золотой серьге, чтобы из них соорудить себе кольца. Тайно, с замиранием сердца, выбираемся из дома. Неумело и долго возимся со старинными золотыми, крупными серьгами, присев за огромным валуном.

Кое-как камнями сплющили с боков и натянули на пальцы. Побежали форсить, счастливые, окольцованные...

Страдания начались дома. Сразу. Вечером кое-как обошлось без осложнений. Сердце болит: напортачила. Что теперь будет? Стыд!

Утром наши встали, попили молока с черным хлебом и разбежались по своим делам.

Я все полеживаю. Встать не могу, в панике: серьга схватила палец и ни за что не снимается. Не могу сдернуть. Хоть плачь. Решила продолжать «спать».

В голове крутится сказка о сорока разбойниках, о пещере с несметными богатствами.

«Сим-сим, открой дверь!» Дверь распахнулась. Набрал мешки драгоценностей. Пытается открыть дверь, да пароль забыл... и так скажет, и этак. Все безрезультатно. Тупик. Все, я ни жива ни мертва...

Неожиданно входят мама и Афанасья, смотрительница злополучного дома с несметными богатствами.

Она рассказывает маме последние известия: в дом Суденковых кто-то залезал. Пропали золотые серьги. Были спрятаны в шкатулке. Шкатулка в укромном ящичке, ящичек в другом ящичке в шкафу. Одну серьгу уж изъяла у той Шурки. Другая, говорит, у твоей.

- Не спит ведь, слышит. Зови-ка сюда ее.

- Шура, не спишь? Иди-ка сюда, - просит мама.

Я надергиваю платяишко и подхожу, не чуя себя.

Афанасья договаривает: «А ну как хозяйка явится, скажет, я проела золотого. Позору не миновать. Да мне легче умереть, чем пойти на такой грех».

Мама берет мою руку. Серьга не снимается. Повела к умывальнику. С

мылом, царапая палец, кое-как стянули.

- Которая это додумалась первая? - спрашивает Афанасья.

- Шурка, - спешу я оправдаться.

- А она говорит, ты; сваливают друг на дружку. Сотонки. Добро хоть сняли, а то ведь пришлось бы соплюшке палец-то отрубить. Серьги-то изуродовали, не выправить уж.

Афанасья с серьгой уходит. Некогда бригадире прохладиться.

Самое тяжелое - разговор с мамой один на один.

- За мальчишек все переживала, - начинает мама, - всюду лезут, не углядишь. Но ты! Никак такого от тебя не ожидала. Девушка ведь ты! Как вот теперь нам жить с такой отметиной! Как людям в глаза смотреть!

Я - ни звука. Потупилась, терплю. Готова сквозь землю провалиться.

Зацепило за сердце словцо мамино «девушка».

Для баб и бригадирши я - соплюшка: худышка в веснушках, слабая, болезненная, никудышная. Белка, и всё.

Для мамы - девушка. А и для девушки у меня только один-разъединственный признак - добрая коса.

Мама надеялась на меня. Не ожидала проказ, а я ... украла! Боже мой! Я! Украла!

Жалость к маме сжала сердце, а что мамино сердце? Как же ей сейчас тяжело, невыносимо. Чувствую: смотрит на меня прямо и так жалостливо, что слов ругать не находится. Да, была в природе мамы какая-то магическая сила, замешанная на милосердии, подкрепленная божественным словом.

Словом не унижающим, а возвышающим, которое обезоруживает виноватого подростка, заставляет задуматься о себе, о проступке, о своих братьях, сестрах. Задуматься о маме, которая умела сказать правду прямо, не унизив злобой, не терзая душу нудными упреками, не обзывая дурными словами.

Никогда бы не унизилась мама до битья дитяти. Рука не поднималась.

Есть воспитатели, родители, которых самих воспитывали скоростными

методами, наказаниями. Мыслят: отобью охоту курить раз и навсегда. Или: буду ругать час, обзову, разревлюсь - навек запомнит, уж больше не повторит. И так иные лупят, пока сын не войдет в силу сам и пойдет в наступление на бывшего близкого мучителя: не задумываясь, безжалостно ударит не только слабого товарища, но даже отца и мать!

«Никогда, никогда не повторится!» - твердила я про себя.

Всей своей жизнью я доказала, что ее веру в нас достойно пронесла: никогда больше, ни при каких обстоятельствах, никто не надоумит, не соблазнит меня соврать или украсть.

Непроизвольно, легко, естественно исполняются заветы мамы, почерпнутые ею в Законе Божьем.

ДОСЬКА

Неслух, забияка, сквернослов - такого мнения придерживалась о пастухе почти вся деревня.

Чем больше я присматривалась к нему, тем чаще убеждалась в обратном: Доська намного порядочней тех, кто его нещадно порочит.

Мне от него не досталось и малого тумака, при мне - ни одного матюга, трогательно-внимателен всегда. Мне с ним не страшно, а уютно.

Я соплюшка, он хулиган. По моим, в двенадцать лет, наблюдениям хулигану положено дерзко схватить соплюшку за шиворот и волочить, подметая ею улицу, на дикую радость сорванцам, на свою показушную чванливую гордость: во каков я!

Поскольку ничего подобного не случилось, то я приписала его всегдашнее заступничество авторитету мамы.

Мама действительно его жалела, оберегала, как своего близкого. И когда он «жил» у нас, устраивала что-то вроде праздника. Старалась по возможности приготовить что-то повкуснее, пооригинальнее, хотя времени у нее всегда в обрез.

Однажды я понесла рогульки на обед пастуху Доське.

Доська давно проголодался, но к еде не приступал, и давай меня развлекать разными штучками. Во-пер-

вых, играл на барабанке, потом пускал через прорванную коросту в щеке дым от сигарки. Рану получил на праздничной гулянке в драке. Щеку прорыжили его крепкие зубы.

Мы непринужденно болтали, хохотали. Оба были счастливы.

Но как только случается безудержное затянувшееся веселье, тут-то и подстерегает тебя несчастье, интрига, подножка, казус, непредвиденный неприятный случай. Так и сейчас.

Только Доська решил приняться за рогульки, как за кустами ивняка в реке послышался смачный шлепок.

Доська вскочил, замер, знаком мне приказал замереть и, как тень, покрался, прихватив крепкий сук. Скрылся за кустами. Не выходит подозрительно долго; я устала томиться в застывшей позе. Догадки, одна страшнее другой, лезут в голову: потонул, «этот» уволок на дно, ранен, почему не зовет на помощь ...

Теперь я с замиранием сердца крадусь к реке. Доська сидел, нервно курил. Догорающая папироска жгла палец. Он не мог на меня взглянуть, окаменел, будто убил человека...

В стороне, в густой траве вытянулось гибкое блестящее черное тело какого-то довольно крупного зверька. Вид белоснежного оскала зубов вырвал мой отчаянный, убийственный для Доськи крик: «Зачем?!» Бессмысленное убийство замкнуло наши рты. Отбросило нас друг от друга. Нарушила согревающую душу дружбу. Я, потерянная, опустошенная, тихо пошла домой.

ОБСУЖДЕНИЕ ПАСТУХА

Детство яркое катилось. Лето красное цвело. Цвело, умытаясь ливнями, пугая детей грозами, поражая непредсказуемыми случаями...

Когда я вернулась от Доськи домой, то увидела, что Василий, Иван и Лидушка толклись вокруг стола.

Вася не первый день мастерил детекторный приемник. Мы восхищенно и жадно наблюдали и с нетерпением ждали момента, когда он попросит найти и принести что-нибудь нужное, подать деталь, поддержать, помочь.

На столе лежало множество разнообразных, нам не знакомых деталей. Меня лично удивила четырехугольная, впервые виденная такая (ведь все катушки должны кататься), катушка изумительно неопишемого цвета. Словами не сказать. Медные проводки - тоньше нити, один к одному намотаны какими-то сверхъестественными силами. Не отрывая взгляда от чудной, блестящей катушки, я с ужасом поспешила сообщить, что Доська убил ондатру.

Василий заинтересовался и стал доказывать, что это не ондатра, а выдра. И привел доводы. Иван со знанием дела добавил свое, что это наверняка бобр, так как, мол, видел в реке бобра. Василий его разуверил: «Бобры живут где лес, ближе к лесному озеру. Там, как заправские инженеры, мастерят свои запруды. Да так искусно, что, как плотиной, перекрывают реку. Под Тимонихой река вдруг обмелеет - это они, инженеры-бобры, постарались. Мужики пойдут, разрушат. В реке опять полноводье. А бобры опять за свое. И никакая сила их не остановит. Такова природа».

Незаметно Василий исчез. И Иван - за ним. Мы с Лидушкой остались одни. Догадались: братья убежали за мост, к пастуху, удостовериться. Нам наказано не мешать детали, но я взяла нецилиндрическую катушку, ещё раз подивилась чуду, вертя ее в руках. Я любила распутывать свалявшиеся спутанные нитки, наматывать на разные щепочки. Но так наматывать... это уж какая-то нечеловеческая сверхъестественная сила...

На другое утро в семье обсуждался прискорбный случай с пастухом. Мама объяснила, что зверьки, писали в газете, выпущены в реки для развода. Это промысловые звери. Истреблять категорически запрещено. Нарушителя грозит тюрьма. Донесет какой-нибудь мужик сдуру. Милиция и прикатит, того и гляди. А кто за пастуха-сироту заступится! Еще и возрадутся иные: мол, бывало, огурец у него спер с грядки, так ему и надо. Есть злые люди, не подумают,

не пожалеют. Давненько, вы не помните, сам председатель колхоза за одно прямое слово посадил в тюрьму молодого фронтовика. Только успел жениться, дети пошли. Как шел он хромой, такой-то юный, по деревне с войны, все бабы плакали. Пьяницей обозвал председателя, видишь ли, прилюдно. Гнал председатель самогонку без зазрения совести.

А тут подвернулся праздник. И каждая семья, где мужики, втихую пристраивалась ночью в лесу самогонку заготовлять для гостей. Председатель вызвал наряд, взяли понятых да и накрыли молодца.

Опять бабы плачут, носами шмыгают, платками утираются: Парфеню, такого доброго мужика, такого труженника уpekли на три года...

Василий спрашивает:

- Где он сейчас? Умер? В тюрьме?

- Выстоял он - фронтовик! И к ворам не примкнул, и мстить не стал. Внуков уж - не сосчитать. Детей-то, вроде, семеро было... О Доське не распространяйтесь; по глупости он... сирота - некому учить уму-разуму. Пожалеть его, и только.

- Мама, а председатель колхоза подлец? - после долгой паузы спрашивает Вася.

- Не знаю, как и сказать... - ответила мама уклончиво.

И снова разговор о Доське.

- Когда у нас барана режут, мы все за стога убегаем на пока. Приходим, уже шкурают, как ты велела, а Доська смеется, хвастается, что не боится. Сам, мол, котенка утопил. И с бараном бы справился... Врёт, поди? - это Иван затараторил.

Мама сжалась вся, поджала губы.

- Послушайте, ребята, что я вам скажу. Доська несчастный, круглый сирота. Был старший брат Пашка, да не откликается. Может, и в живых уж нет. Если с жульем связался... Может, где затаился... Некому Доську предостеречь, поправить, поддерживать. Деревня - община приняла, работу дала, сыт, обносил - ему. Всё вроде ладно. Да не ладно! Кто со всем милосердием к нему, кто приласкает, пожалеет?

Вот ты, Шура, помнишь, плакала, как его, невиновного, взрослые во главе с бригадиром заволокли в баню и двери заколотили. Ребенок ведь! А не свой - можно!

Вам скажу насчет домашних животных. До революции, при царе был закон: не разрешалось забивать домашних животных мужчинам до тридцати пяти лет. До тридцати пяти!

Мы навестили уши, и в глазах мама увидела один вопрос - «почему?» - и продолжила:

- Человек - божье создание. И всякая домашняя живность - тоже божий создания. Человек выращивает животину для себя. Но всегда, всегда жаль скотину резать. Что скотина, всё живое жаль доброму человеку, жучок ли, деревцо ли. Не всякий возьмется да и не всякий как можно безболезненнее справится.

Молодого человека ни в коем случае допускать нельзя. Чем моложе, тем ранимее, легко может набить руку, ожесточиться, привыкнуть. А потом, глядишь, из ухарства где-нибудь ножичком помашет, поиграет. Побалуется... и нет человека! Спаси и сохрани вас Боже от таких игрушек, как нож.

А в тридцать пять человек уж возмужал, полностью отвечает за свои поступки. Он и сердцем окреп, и физически вынослив. Вы-то у меня тоже иногда невоздержны. Как отец, вспыльчивы, да ладно - скоро отходчивы. А ведь разные страсти-напасти в деревне всюду подстерегают. Ой, как надо быть поосторожнее: проруби, лес, озеро, собаки, быки, грозы... трудно, страшно, опасно - соберись, не паникуй и всегда шепчи про себя или вслух: «Спаси и сохрани, Господи!», «Боже, помоги!», «Господи, дай силы одолеть...» И сил у тебя прибавится, и кто-нибудь подвернется на помощь, и беда минует. Ну, ясное дело, и сам не плошай. Головушкой-то соображай. Не лезь сдуру в чужую компанию. Не знаешь - не поучай других. Вот и вы подальше от разных сборищ, лучше - с книжечкой лишний часок, полезнее для ума.

Мы слушаем маму, затаив дыха-

нье. Мы искренне верим ей, отгоняя прочь малые сомнения.

ИСПЫТАНИЯ

В это же лето судьба дважды, один за другим подвергла меня смертельным испытаниям. И в обоих случаях я в ужасе бессознательно взывала: «Мама! Боже мой!» - оба эти слова для меня представлялись равноценными. В них - вся моя любовь, надежда. Я их приняла, усвоила и частым повторением утвердила. Боже со мной всегда и всюду, в радости и горе. И всегда я или благодарю, или взываю о помощи, или каюсь.

А взывать о подмоге, естественно, приходилось не раз. Жутких минут случалось немало. Всякий, кто живет в деревне, испытывает первозданные восторги от смены времен года, любит красотах природы, испытывает страхи.

Одновременно ребенка, да и взрослого подстерегают необъяснимые явления, опасности в грозу, в лесу, на воде, в табуне...

Мы не раз видели измочаленное в щепу дерево после грозы, утонувшего под неокрепшим льдом подростка, убитую молнией девушку, человека, навек изуродованного копытом, рогом. Никогда городской подросток не испытает того, что на себе испытает деревенский. Например, в грозу.

Неистово гроыхает она среди ночи, как обезумевшее чудовище. Мое тщедушное тельце трясется, дрожь не унять. Сую голову под подушку, прижимаю ее рукой к уху, чтобы не слышать трескучих взрывов, не видеть пугающего неземного феерического свечения, выхватывающего четкие очертания предметов.

Вспышки следуют непрерывно, одна за другой. Надо бы вскочить, закрыть самовар, зеркало: вдруг притянет молнию, тут и конец всем. Никакой смелости нет. Забилась еще плотнее под одеяло. Кажется, переломилась матица, боже, сейчас рухнет потолок! Дом ходит ходуном, скрипит, трещит, хлопает оторванным наличником. Точь-в-точь - кораблекруше-

ние, как читала в книге. Косые струи ливня, яростно набрасываясь, то отступая, то меняя направление от шквала, секут стены. Где-то вдребезги разбилось стекло. Страх сковывает все члены, дрожишь всем телом. «Боже мой, когда это кончится! Скорей бы прошла туча. Боже, прогони тучу!»

Лидушка в ужасе зарывается поближе ко мне, под одеяло. У меня нет сил шепнуть ей, чтобы не трусила, скоро, однако, закончится этот крошечный ад. Прислушиваешься, вроде поглуше, гремит в стороне. Гадаешь, уходит или притаилась на секунду гроза. Снова разверзлось небо, озарило. Снова и снова трескучие разряды. Крепче сжимаешь веки, даешь себе слово больше не подглядывать.

Но вот наконец-то гроза сжалась, уходя в сторону озера, рокочет по-стариковски, успокаивает меня: «Ну, что, струхнула маленько, трусишка? Жива ведь. Ничего! Без этого - никак. Гроза - божья благодать. Скидывай подушку, головенка вся мокрая. Дыши спокойно, вольно. Чувствуешь, какой воздух. Хоть пей его, хоть кусай, целебный. Вдохни-ка поглубже, успокойся. Дом устоял. Все живы. Гроза заурядная. Вот если бы шаровая молния... тогда уж...»

ВАСИЛИЙ «ИЗОБРЕЛ» РАДИО

Уходящий рокот - как приглушенный голос, я разговариваю с ним, приходя в себя. И тут же вспоминаю о небольшой дореволюционной пожелтевшей книжце, которую Вася принес читать. И я ее читала. Книжка о многочисленных встречах людей с различными видами шаровых молний. На ломких иссохших листочках черно-белые четкие рисунки.

Непредсказуемо это явление, не изучено до конца, в руки не дается. «Неисповедимы пути твои, Господи». Как и человеческая природа. Страх из-за незащищенности, сама мысль о шаровой молнии приводит человека в трепет.

Во время грозы бабы бросаются закрывать самовары, зеркала, окна,

прячутся в темные углы. Истово крестятся при вспышках и грохоте, «Господи, Боже мой!» - шепчут. От шаровой молнии никуда не ускочишь. Она вывертывает такие зигзаги, что непостижимы уму-разуму.

Вася Белов невольно «изобрел» шаровую молнию, а она напугала Шуру Белову!

Дело случая. Но все по порядку. Василий, как уже упоминала, был малоразговорчив, но зато какие титанические мысли ворочались в его красивой белокурой голове. Можно только догадываться.

Пытливый, настойчивый изобретатель частенько удивлял нас, младших в семье. Мы и мама - все были абсолютно уверены, что родился механик-самоучка, будущий инженер, изобретатель. Мысли его нам неведомы, но его поделки изумляют, они - налицо.

Вот обыкновенная деревянная катушка из-под ниток неторопливо, но уверенно взбирается вверх по наклонной плоскости учебника. Несложные рисунки человечков, чуть подправленные несколькими линиями, оживают, если их быстро протереть через окно в листке. Человек в шляпе, в пальто, в широких штанах «пошел», переставляя ноги, поднимая руку. Чудеса!

Василий сначала нас учит, объясняет, что к чему. Мы сами потом повторяем - не получается. Он найдет ошибку, толково разъяснит и убежит читать. Детекторный приемник увлек его не на шутку. Многие говорили: ничего не выйдет. Кое-каких деталей в деревне не найти. Василий написал Юрию (он служил в армии), а получив необходимое, принялся с удвоенным рвением. И ведь довел до ума, завершил! Бессчетное число раз переделывал, переставлял, заземлял, лез на крышу, соединял проводки.

Иван, Лида и я по-своему переживали за успех, полной уверенности не могло быть. Но мы ничего не говорили, а тайно верили в брата, потому что знали его характер, стойкий, непреклонный, пытливый.

И вот победный час! Василий на-

девает на Ивана наушники. Сначала тот ничего не слышит, потом - писк, потом - голоса... Чудо свершилось в Тимонихе! Задолго до установки радио. Первыми услышали мы: «Говорит Москва». Теперь в нашей зимовке ежедневно толпятся ребята из нашей и соседских деревень. Потом потянулись старики и бабы.

Разговоры различались не очень четко. А тут передают концерт. Песни! Наушники переходят из рук в руки. «Частушки!» - кричит один в восторге. Наушники рвут друг у друга, клянчат - побыстрее, хотят удостовериться. Верно! Здорово! Сама Москва пожаловала в деревню.

Небольшой ящичек и наушники старанием Василия преодолели несметные расстояния. Сделали невозможное возможным! «Господи Боже мой! Не перевелись еще чудеса на свете!» - соседка Марья хлопает руками по бокам.

Но самое удивительное чудо ждало Тимониху впереди. Василий читал запоем, мастерил что-нибудь и писал стихи. Об этом, кроме меня, никто не знал. Василий был скрытен, я случайно наткнулась на его тетради с первыми стихами, читала их тайком.

Одним летним днем начавшийся дождь и подплывающая по небу грозовая туча прогнали нас с улицы в избу. Василий выключил приемник. Все были заняты у стола, строгали какие-то вички, ветки, палочки. Лида сидела смирно, подперев кулачками голову, терпеливо наблюдая за нашими движениями. Я ждала очередь на новый перочинный ножичек, чтобы самой отойти от большого стола и в уединении у приемника стругать тоже.

Как только освободился новенький острый нож, я стала им соскабливать кору с ветки - заготовки.

Над зимовкой погромыхивало, молнии сверкали не часто и никого не волновали. Вдруг из круга на передней стенке приемника (а круг был обтянут бледной зеленоватой красивой тканью) выплыл раскатанный белый шар диаметром сантиметра в

четыре, с легким ореолом вокруг, и направился, поплыл прямо на меня.

Я отпрянула, развела руки, не дыша в оцепенении замерла и широко раскрытыми в ужасе глазами уставилась на шар. Первая спасительная мысль: ни звука, ни движения. Иначе - смерть неминуема.

Шар не торопясь изменил траекторию и поплыл по направлению к острию ножа, ускоряясь.

«Мама, Боже мой!» - прошептала беззвучно и отбросила нож.

Шар исчез. Я, ожидая взрыва, окаменела, не верила глазам своим: ни хлопка, ни взрыва. Точь-в-точь как мыльный пузырь. Больно ранило меня полное равнодушие моих домочадцев к шаровой молнии, которая плавала только что прямо перед лицом. Не поверили. Не вымолвили ни да, ни нет. Не ужаснулись!

Я осмотрела ткань, откуда вылетел шар. Не обуглилась, не закоптела, не прожглась - чисто, как будто ничего не произошло. Наверняка малая погрешность в устройстве, неточность в наладке детекторного приемника, неведомая самому Василию ошибка чуть не стоила мне жизни.

КОНИ

В это же лето произошел второй случай, который мог закончиться моей гибелью. И опять, кроме Господа Бога, мне не на кого было уповать, взывать о спасении.

В тот день подошла наша очередь пасти коней. Всю жизнь к лошадям меня тянет какая-то двойственная магическая сила. Во-первых, самозабвенно люблюсь со стороны безукоризненным гармоничным произведением природы, дрожу вся, стоя рядом с могучим зверем. Во-вторых, чувствуя страх, смутное смятение, не могу устоять и обязательно добьюсь, чтобы мне позволили прокатиться вскачь, слиться в едином стремительном порыве с дикой удалью, ощутить сладость победы над ранее недоступным, сверхъестественным.

Неизъяснимую радость испытываешь, любуясь играми стригунков, подкидывающих задки с еще кучерявым

хвостом. Слышишь заботливое ржание кобылы. Природа приказывает готовиться к будущим схваткам с врагами-волками. Утомился в играх малыш, спит. Кобыла как вкопанная стоит, охраняя покой.

Глазами изучаешь слаженный механизм бега лошади, изумляешься, любуешься, ловишь, мысленно запечатляя; рисуешь в пространстве бесчисленные ракурсы тела, когда лошадь уже скрылась за кустами. Ее не видно, но радость познания не покидает. Прекрасно и жутковато зрелище, когда деревенская ребятня с гиканьем гонит табун на водопой.

Конский топот, ржание, кутерьма, столбы пыли, перегонки. Ветер рвет, пузырит рубашонки. Далеко слышны тревожащие эти шумы. Кажется, вот сию минуту случится что-то страшное, непредсказуемое, непоправимое.

И точно, спускаясь на скаку под гору, кто-то обязательно сползет на шею коню и рухнет, вызывая всеобщий смех и горечь до слез за свою неловкость мальчика.

Слаженное движение могучего лоснящегося тела, где все совершенно: туловище, ноги, шея с гривой, голова с раздувающимися ноздрями, рассекающая воздух, развевающийся хвост, никого не оставят равнодушным. Играет, поет каждый мускул, подчиненный скачке.

И мысленно догадываешься и ни к чему не придешь: Бог ли создал или природа отточила такое совершенство, такую притягательную красоту, такую тайную, недоступную уморазуму идеальную норму красоты и мощи.

Итак, табун колхозных тружеников-коней сегодня пасли мы, Беловы. Наша очередь. За главных были Василий и Иван. Мы с Лидушкой ненадежные помощники, могли присматривать издали, со стороны, какой с нас спрос.

Главные пастухи стойко держали рубежи полдня. Кого хоть когда-нибудь судьба удостоила чести пасти овец, телят, коров, лошадей, коз, тот знает, как томительно ползет время, как томится душа творческой натуры

за этим кажущимся глупым бездельем. Но - надо! Бессчетное число раз глянешь на солнышко. Оно неподвижно сегодня! Тени замерли. Время остановилось.

Изнуряющее терпенье дает сбой и тотчас находит узкую щелку с просветом передышки, когда первая лошадь, покатавшись с боку на бок на траве, не поднимется, а приляжет...

Мысли пастухов опережают факт: сейчас они одна за другой полягут или стоя заснут... Можно расслабиться, передохнуть, добежать до дома...

- Ребята! Беловы! Где вас носит? - слышится зычный голос Афанасья-бригадирши. - Лошади-то уж за Лобанихой! Где вы? Ребята, Беловы!

Василий и Иван опрометью кинулись полем напрямик, по траве, по кочкам в лобановское поле, где озимь.

За траву - тюрьма.

Я увязалась за братьями, продиравшись через кустарник, бегу не чуя себя, сердце выскакивает от страха и напряжения. За ребятами мне не угнаться, но не останавливаюсь, хочется помочь, скорее выгнать лошадей в безопасное место.

Ребята, вижу, обежали табун и, яростно пуляя комьями земли, завернули лошадей. Они несутся по вспаханному участку, прямо в наше поле. Прямо на меня. Бугристые широкие груди, космы, фыркание.

«Боже мой! Боже мой!» - останавливаюсь я и понимаю, что бежать некуда. Все пути отрезаны.

Кони неудержимы, рядом, конец всему. В ужасе, в предсмертном ужасе, бросаюсь в борозду, которая только название, с пологими краями - защиты никакой!

Я падаю на колени и от страха закрываю лицо руками, вжимаюсь в землю, съеживаюсь. «Боже мой! Мама!»

С фырканием и тяжким топотом пронесются кони справа и слева, забрасывая меня комьями, засыпая землей. В таком бешеном темпе малое касанье копытом моей головы - и смерть неминуема... «Мама, Господи Боже мой...» - и тишина.

Слышу, табун проскакал, я засыпана землей и пылью. Приподнима-

юсь и вижу подсакивающие фигуры моих братьев, которые в запале даже не увидели меня и, отстав от коней, бегут, чтобы завернуть поуспокоившихся на свое место.

Я еще долго не могу опомниться, будто снова вижу развевающиеся гривы и нависающие копыта с блестящими подковами, тучу пыли, надвигающуюся на меня, стену широких конских грудей. В тупом оцепенении до моего ума дошло: я только что случайно спаслась от неминуемой гибели.

«Случайно? Может, ангел-хранитель осенил своими крылами, пролетая над местом, где я в силах могла только шептать два слова: Мама и Боже...»

Я вскинула голову к спокойному небу, к легким пушистым громадам облаков и стала глазами искать след: должно же быть что-то доказывающее Его, Бога, помощь! Тут меня покачнула какая-то неведомая ранее слабость - истома, я снова кувырнулась. Стряхнула грязь с плеч, волос, проморгалась и, пошатываясь, направилась к манящей изумрудной луговине. Упала ничком в прохладную траву и долго лежала в оцепенении, пока родное поле не приняло усталость и напряжение на себя, а в мое тело не влило силы и успокоение, что все окончилось почти благополучно.

Мое внимание привлек «землемер», тонкий, гибкий червячок. Он деловито, ходко выгибал зеленоватую спинку петлей, продвигался вверх, бесстрашно по узкому листку. Он спешил по делам, он был целеустремлен, он, равнодушный ко мне, как бы советовал мне тоже не медлить без дела, а приступать к какому-либо действию, ибо жизнь не остановишь, не скажешь ей «подожди, я отдохну»...

Я хотела приподняться, но тут на меня накатило воспоминание о пастухах - моих братьях: почему они не вспомнили обо мне! Может, я уже лежу, затоптана копытами... Ведь они видели, что я побежала за ними, чтобы спасти дальние посевы от потравленных лошадьми.

Неожиданно горькая обида на братьев захлестнула мое сердце, и я рас-

рыдалась. Слезы потекли сами собой.

«Сейчас бы броситься к маме, прижаться к ней, всхлипывать, затихая, когда она шершавой теплой ладонью гладила бы мои волосы, промокала бы платком слезы на щеках и ворковала бы «ну всё, всё, ладно, всё хорошо...»

Точно так, как маменька ласкала своего болезного сынка, что описано в доброй книжке Аксакова «Детские годы Багрова-внука».

Острое ощущение повседневной нехватки родительского тепла (отец погиб молодым, мама вечно на работе), горечь, что некому излить переполняющие чувства и слезы, что страдания и обиды, как всегда, придется преодолевать самой - одной, осталось неизгладимым рубцом на всю жизнь. Желание уединения, отчужденность постепенно становилось моей натурой.

Мне было всюду скучно, тягостно, где толпа отдавалась безудержному, длительному веселью. Оно быстро утомляло, надоедало. Не более часа я выдерживаю шумные праздники. Терплю, но по обязанности.

Все это пришло из детства и от нашего характера.

Праздник для меня, когда читаю, рисую, режу по дереву; не могу без ручки и листа, пусть самых непотребных, грубых карандашей и кусков рваных обоев. Перо и бумага спасают меня от безделья. А других, думаю, могут спасти от пьянства, блуда, наркомании, жестокости, воровства, зависти, тюрьмы...

Только на другой день я подробно поведала маме обо всем случившемся в день нашей пастьбы коней.

Остроту горечи пережила одна, ибо заведено было в семье: как можно меньше волновать маму бедами, ошибками, страхами.

И это отношение тоже, никогда вслух не обсуждаемое, утверждалось само собой: стараться не расстраивать маму.

Я уже спокойно рассказывала, отошла, отмякла от пережитого.

Мама поведала, что лошадь очень умное животное и на живого человека никогда не наступит ногой. Если толь-

ко может шарахнуться в сторону от резкого выстрела, но это случайно.

Я вспомнила, поняла, почему лошади передо мной разделялись на два потока, справа и слева, но ни одна не махнула через голову, хотя легко могла. О, если б я это знала раньше, я бы, может, столбиком замерла, а не падала в панике в борозду. Я бы запечатлела вакханалию дикого конского бега во всей его ужасной красоте.

НАСТАВНИКИ

Вот написала и задумалась. Самой смешно - допустила чистую ложь.

Могла ли слабая девчонка-трусиха с широко распахнутыми глазами, не дрогнув, устоять столбиком и запечатлеть бешеный шквал взметающихся железных подков, жуткое фыркание неуправляемых, разгоряченных коней, несущихся прямо на нее?

И хотелось бы, но - увы. Мама не раз говаривала: выше себя не прыгнешь.

Воистину. Совершенству нет предела, но у всякого человека свой потолок.

О. Хайям в рубаи выразил эту мысль так:

*То, что Бог нам однажды отмерил,
друзья,
Увеличить нельзя и уменьшить
нельзя.*

*Постараемся с толком истратить
наличность,*

*На чужое не зарясь,
взаимы не прося.*

Мечтай, в поте лица карабкайся ввысь, преодолевай ступеньку за ступенькой. Но трезво снизойди до земных реалий: задатки, воля, временные возможности у каждого крещеного свои.

И наставники - свои: природа, семья, религия, общество, учителя.

Наша семья - капля нации.

Необъятные просторы приучили созерцать и восхищаться красотами, восторгаться и ужасаться картинами из жизни дикой природы и общества. Несметные богатства укоренили щедрость: мы готовы все раздарить.

Нам тяжело накопительство, просто, кажется, противопоказано! Также никогда не привьются зависть, месть, чванство, низкопоклонство, лизоблюдство.

Совершенно невозможна для православного кровная месть.

Милая мама ненавязчиво учила, начиная с малого, крепиться против дьявольских козней.

Прививала добродетели через божеское слово и стихи Пушкина, Некрасова, Никитина, Плещеева, Тютчева, Фета, Кольцова, Языкова, Сурикова, многие из которых знала наизусть.

Школьный учитель Н.Е. Мартынов, выучивший всех сохотлян, заслуживает большего внимания, чем могу уделить сейчас. Увечный вернулся с фронта и учительствовал до конца дней. До войны выучил безграмотных взрослых, вел политкружок с колхозными коммунистами, сам - беспартийный.

Пусть православие оказалось в запрете, но Николай Ефимович, не будучи бесчувственным педантом и воинствующим атеистом, нигде не поднял на смех богомольную старушку, не схватился в публичном поединке с истинно верующим стариком.

Как-то тихо умудрялся обходить официальные установки партии, которые мutilовали души, подтапливая к вседозволенности по типу: «Бога нет, царя не надо, губернатора убьем. Платить подати не станем и в солдаты не пойдем».

Несмотря на тяжелые испытания (брата отняла война, сгорел дом, умерла жена, оставив пятерых деток) учитель «сеял разумное, доброе, вечное». Одновременно вел урок с четырьмя классами в одной комнате. Правда, учеников было около двадцати.

Низкий поклон его памяти от всех многочисленных учеников, воспитанников. Вся его многотрудная, негладкая жизнь была на виду.

Помню, склонив голову, сидит наедине с четвертинкой и поет - заслушаешься - одну из любимых песен.

Не осенний мелкий дождичек
Сыплет, сыплет сквозь туман.
Слезы горькие льет молодец
На свой бархатный кафтан....

- Полно, брат-молодец, ты ведь не
девица...

После мамы и школьных учителей
ставлю третьим несравненного поэта
Н.А. Некрасова. Кто из поэтов так со-
чувствовал мужику, жалел страдали-
цу-женщину, не мог равнодушно
слышать «тихий плач и жалобы де-
тей».

Певец и заступник народный он и
сегодня!

Откройте томик. Уверена, упьетесь
языком, глубиной мысли, искреннос-
тью и подивитесь, как сквозь века
видит наши беды его душа.

Эту привычку к труду благородную
Нам бы не худо с тобой перенять.
Благослови же работу народную
И научись мужика уважать.

Но я всю жизнь за женщину
страдаю.
К свободе ей заказаны пути.

Родился я в большом доме,
Напоминающем тюрьму.

Ужас народа при слове «набор»
Подобен был ужасу казни.

То сердце не научится любить,
Которое устало ненавидеть.

Как ни тепло чужое море,
Как ни красна чужая даль,
Не ей поправить наше горе,
Размыкать русскую печаль.

Неимоверно тяжело оторваться от
листов-воспоминаний. Чувства захле-
стывают, выжимают благодарные
слезы, согревают душу на ухабистых
дорогах современности, помогая вы-
жить.

«Благослови, Господи, - шептала в
начале, - помоги приподнять святое
бремя памяти».

В заключение взываю: «Господи,
вразуми, дай сил молодым устоять
перед дьявольскими соблазнами, на-
учи обходиться малым! Да, иногда
невыносимо трудно: человек, в сущ-
ности, одинок. Как поэт».

Хочешь сохранить душу в чистоте,
найти умиротворение - не стремись к
пустым тусовкам.

Поспеши к Богу!



МАРТЬЯНОВА А.И. Земля родная

СЛАВА ПЕСЕНКЕ НАИВНОЙ!

Из новых стихов



ФОТО АНДРЕЯ КОШЕЛЕВА

**ОЛЬГА
ФОКИНА**

Ольга Александровна Фокина родилась 2 сентября 1937 года в деревне Артемьевской Корниловского сельсовета Верхнетоемского района Архангельской области. В Вологде - с 1962 года, после окончания Литературного института. Член Союза писателей России с 1963 года, автор тридцати книг стихотворений и поэм.

За поэтический сборник «Маков день»

в 1976 году ей присуждена Государственная премия РСФСР имени Горького. Лауреат многих престижных литературных премий.

В октябре 2008 года награждена медалью Пушкина.

*Гром грохочет!.. но - не близко,
Тучи бродят!.. но - не низко.
Никакого, значит, риска,
Если ринусь в магазин.
Мне успеть купить бы хлеба,
Да рыбёшки кошке треба:
Потерпи с грозой, небо,
Ливнем-градом не срази!*

*В горсть - авоську, грош -
в кармашек,
Ливня нет, а гром не страшен!
Побежала - знайте наших! -
Через поле напрямик.
(Там, где был колхоз «На страже»,
Ни хлебов теперь, ни пашен -
Председатель не накажет,
Бригадир не запретит!)*

*Напрямик, напротив ветра,
По земле, на травы щедрой,
Сократить с полкилометра
Под грозой - прямой резон!
В зубы - песенку из «ретро»,
(Если что, спасусь под кедром.)
...Гром - расколотые недра!
Наземь - нищ!.. Озноб. Озон.*

*Обошлось. У магазина -
Ни души. Но, дверь разинув,
Продавицу вижу Зину:
На прилавок грудью пав,
В позе странной, некрасивой,
Заторможенно-бессилой
Зина давит апельсины
Вне обязанностей-прав.*

*Не начав качать права, я
Замираю, понимая:
В магазине шаровая
Побывала молонья!
...Убедившись, что живая,
Зину соком умываю,
Мешковиной укрываю...
Нет, не зря спешила я!*

Из Березника берестичко несусь.
Я нашла такое местичко в лесу:
Из поленницы увезены дрова,
Вся берестичком усеяна трава,
Знать, оно берёзурубу ни к чему...
Ну, а я не погнушаюсь - подыму,
Да - в корзину, подберёзовикам

в масть!

Да - в низину: к речке Содонге
припасть!

Ей со мною в одну сторону бежать,
Два ли, три ли километра
проводжатъ

До родимого до домика в конце
Со котом Васильем, ждущим
на крыльце!

Я корзину оставляю на мосту,
На шесток несусь в охапке бересту:
Ярко-жарко загорит она в печи,
От неё дрова займутся без лучин.
Мне светло без керосина и без свеч!
Накалит огонь опять да снова -

печь.

...Как запахнут на берёзовых углях
Подберёзовики в двух сковородах!

«Не ходи, Олѣксан, на болото...»**А. РОМАНОВ**

На Ульяновом болоте
Пень упал - и в труху...
На Ульяновом болоте -
Мох да клюква по мху.
До Ульянова болота
Восемь вёрст от жилища,
Побегай кому охота,
Чтобы клюква - своя.
Кузовок али котомку
За плечо - и айда,
По пока ещё потёмкам
(Рассветѣт, не беда!)
Как версту-другую минеешь
По полям над рекой,
Из корзины хлеба вынешь,
Он духмяный такой!
На ходу-то да на воле -
Без приварка хорош!
Не заметишь, как из поля
В тѣмный ельник войдѣшь.
Ельник - влажный, ельник -
длинный!

Не дорога - беда:
В колее глубокой - глина,

По-над глиной - вода.
Сапоги не раз увязнут
В глубине борозды,
Станешь потным, будешь грязным
После пятой версты.
Но зато верста шестая
За труды наградит:
Дорогих грибочков стая
У тропы, погляди!
Да один другого туже!
Вот - ещё! И - ещё!
Ты нагружен, чист-остужен.
Воскрешѣн! Восхищѣн!
Белогрибная охота,
Наклоняться не лень!
До Ульянова болота
Добежишь, как олень.
По тропе, едва заметной
(Мох следы не хранит),
Вдоль осин полураздетых -
На ковѣр-малахит!
По тому по малахиту
Ткань рубинов узор...
Тут не топтано, не быто
Ни ногой до сих пор.
Ты тут - первый! Ты тут - главный!
Ты - один на весь мир:
Царствуй. Правь. Трудись исправно,
Сам себе командир.
Клюква - ягода заманна!
Бают (может, и врут),
Чья-то бабушка Ульяна
Уходилася тут.
То ль увел Ульяну леший,
То ль огрузла сама...
Ты, однако, вещки вешай,
Не лишайся ума.
Чтобы, выбившись под вечер
Изо всех своих сил,
На крыльце расправить плечи:
- Что просил, то вкусил!

Славный какой получился пирог,
Просто - подарок:
В пору посажен и выдернут в срок,
Не перегарок,
Не недомерок, как вечно у нас
Прежде случалось.
В самый-то раз, словно Бог его пас,
Пряность-румяность!
Видно, всему свой назначенный
срок...

Ставши умелым,
Щуку поймал мой подросший сынок,
В том-то и дело.
Весело тесто месилось, и печь
Жарко топилась.
Дело, как видите, стоило свеч:
Всё получилось!

*Дождик у нас... ничего, кроме
 дождика,
Серого неба и мокрой травы.
Кадка, вчера лишь до дна
 опорожнена,
Снова с поточницей - сверх головы!
Что с нею делать? Заняться
 ли стиркою?
Баню ль внепланово вновь
 истопить?
Веником шваркая,
 носом не швыряя,
Пол ли некрашенный в доме помыть?
...Стирку свершила -*

Воды не убавилось.
Вымыла пол (ведер пять извела!),
В кадке не ubyло!
Кадке понравилось
Переполюняться. Была не была!
Баню топлю. Ополоснута тапки.
Полон котёл. Где огонь, там и дым!
Сунусь на волю - от дыма...

И - праздники:
Звёздно! И кадка - ура! - без воды!

На севере солнышко - в милость,
Минута и та дорога!
...Тут всё убиралось-косилось:
В шоне - угоры - на силос!
В шоле - на сено - луга!
Веками цветам не давали
Доузнать, докормить семена.
Страда!.. И цветы стоговали
И в силосных ямах топтали,
Втугую! Вплотную! До дна!
И меркли цветы луговые
И с каждой весной ядреней
Всходили они - клубневые,
Дуплистые, неедовые -
Хвощ, дудка, крапива, репей...
Я знаю: за место под солнцем
Борьба вековая идёт...
Но есть ещё, словно иконцы,
В траве цветники-перезвонцы -

Лирический, яркий народ.
Родная моя деревенька!
Другие пришли времена:
Истаял народ помаленьку,
Скотинок осталось реденько,
Трава никому не нужна.
Не будем спешить с сенокосом,
Потерпим: пускай доцветут
Все семенники-медоносы,
Как древние великороссы,
Былые права обретут!
Пусть в цветочкоробочке семя
До спелости полной дойдёт
И само себя порассеет,
Всей силой и слабостью всюю
На землю само опадёт!
И сколь ни ревнива крапива,
И сколь ни пронырлив пырей,
Но рядом с ромашкой наивной,
С гвоздичкою светолобной
Они-таки будут добрей!

Март. Бреду по бездорожью.
Снег - в лицо, в лицо, в лицо...
Я прошедшее итожу
Перед будущим концом.
В марте мама умирала.
В марте ж - мамина сестра.
В марте - Сталина не стало.
Март - и смерть. Страданье.
Страх.
Занедужила погода...
Значит, надо! Ей видней.
Только жаль, что год от года
Мне весну встречать трудней.
Туго думаются думы!
Не подводится итог!
Вся сума с названьем «сумма»,
Как метельный завиток:
То раздуется сугробом,
То рассыплется во прах...
Запиши ее, попробуй,
То ли в подвиг, то ли в крах!
...К думам песенка простая
Привязалась и блажит:
«Скоро-скоро снег растает,
Ручейками убежит...»
Эту песенку, бывало,
Со скотиной обрядясь,
Наша мама напевала,
Норовя присест попросту.
Нет для лампы керосина:
Во светильнике едва

Тлеет горькая лучина,
В печке кашляют дрова.
Хлеба-соли нет ни крошки.
«Баю-бай, вздремни, сынок!»
Доедаемой картошки
Закипает чугунок.
На окне рисунок «танкский»
Старший брат внедряет в лёд...
По земле родной, славянской
Третий год война идёт.
Наш отец уже схоронен.
Шесть в избе голодных ртов.
Кроме мамы, мамы кроме,
Не поможет нам никто.
Иней - белым горностаем.

Веретёнышко жуужжит:
«Скоро-скоро снег растает,
Ручейками убежит...»
А вослед за ручейками
Да по руслам ручейков
Мы поесть себе и маме
Накопаем корешков.
После щавеля нащиплем,
Дальше - пучек принесём,
Уцелеем, не погибнем.
Хоть земля не чернозём,
Хоть она песок да глина,
Всё ж родит ячмень и рожь...
Слава песенке наивной!
Без нее не проживёшь.



ФОТО АЛЕКСЕЯ КОЛОСОВА

НЕЗАМЕТНО ПРИДЁТ ОДИНОЧЕСТВО...



**СЕРГЕЙ
БОГДАНОВ**

Родился 28 ноября 1966 года в деревне Никифорово Устюженского района Вологодской области. Окончил Череповецкое медицинское училище и Ярославскую медицинскую академию. Заочно окончил Литературный институт им. А.М. Горького в 1998 году (семинар Валентина Сидорова). Работает врачом анестезиологом-реаниматологом в Устюженской центральной районной больнице. Участник семинаров молодых писателей Вологодской области, четвёртых Костромских литературных чтений «Проба 99». Стихи публиковались в газетах Ярославля и Вологды, в журналах «Вологодский ЛАД», «Автограф». В 1998 году издал книгу стихов «Корни и кроны».

СКАЗКА (отрывок)

*С макушек леса катилось солнце,
Катилось солнце - летели искры.
И плыло солнце рекой изгустой,
Чтоб постучаться в моё оконце.*

*Глаза открылись навстречу свету,
Глаза слезились - им было больно,
Им было страшно - глаза безвольны,
Ко мне до срока явилось лето.*

*Глазам открылись чужие дали,
Святые дали, людские будни...
Где солнце ходит, мы не бывали,
Мы не бывали и вряд ли будем...*

*Бродит осень по двору,
Груды листьев шевелит,
Я тебе одной навру
Короб листьев о любви.*

*Хочешь - верь, не хочешь - верь,
Про тревогу, про тоску...
Между нами - только дверь,
Да и та в одну доску.*

*Осень душит и душит,
Словно хочет нас изжить...
Но взгляни в глаза мои -
В них ни капли зла и лжи.*

*Мороз серьёзно осерчал -
Термометр гонит в минус счёт.
И до корней промёрз причал,
И лодка глыбой вмёрзла в лёд...*

*А на катке - и шум, и гам,
Скользят коньки, гудит народ.
И кто-то нос расквасил там,
Другому - больше повезёт.*

*Зима - потеха, хоровод,
Веселый, праздничный раскрас...
А мы встречаем Новый год,
Дай Бог, чтоб не в последний раз!..*

В недостроенном доме
Дух здоровый, смолистый.
В недостроенном доме
Стружка чуть серебрится...
Сладко-приторный запах
Непросохшего мха.
В изразцах, словно в латах,
В центре печь... На века!..

Незаметно придёт одиночество.
Еле слышно коснётся едва...

А мне хочется, слышите, хочется,
Прошептать грозовые слова!..
Чтобы дрогнули скалы прибрежные,
Чтобы в бездну сорвался гранит...
Были нежными мы...
Были нежными...
Эту нежность лишь память хранит!..
Прогреми моё слово раздольное,
Вопреки подневольной судьбе!..
Если б воли... немножечко воли,
Чтоб хватило и мне, и тебе.



ФОТО АЛЕКСЕЯ КОЛОСОВА

НЕ ХОЧУ ПРОСТЫТЬ НА СКВОЗНЯКЕ



**АНДРЕЙ
КЛИМОВ**

Андрей Николаевич Климов родился 8 мая 1963 года в городе Красавино Вологодской области. Закончил школу рабочей молодежи. Работал разнорабочим, заготовщиком упаковочных материалов, слесарем-ремонтником.

Стихи публиковались в областных газетах, альманахах «Истоки», «Парус», «Великий Устюг», журналах «Мурзилка», «Север», «Автограф» (Вологда), коллективных сборниках. Автор поэтических книг: «Полосатый мир» (Вологда), «Земные звезды» (Красавино), «Под русским солнцем» (Великий Устюг).

ЗИМНИЕ СТИХИ

*Скорей бы лето! Лето бы скорей!
Мне надоели шумные метели,
Что в феврале на город налетели
И разбросали снег у фонарей.
Скорее бы лето! Лето бы скорей!*

*Мне надоели шумные метели
И эта роща белая, и сад,
Где вечерами гнутся и скрипят
Своей судьбой встревоженные ели.
Мне надоели шумные метели,*

*Что в феврале на город налетели,
Что от меня закрыли целый свет.
И я не видел солнечный рассвет
Недели две, а может, три недели.
Что в феврале на город налетели...*

*И разбросали снег у фонарей,
И замели высокую ограду.
А мне цветов сегодня очень надо,
Чтоб подарить их женищине своей...
И разбросали снег у фонарей...*

*Скорей бы лето! Лето бы скорей!
Я жду его. Я это не скрываю.
Я купил конфет блестящих*

к чаю...

*...Но нет и вздоха около дверей.
Скорей бы лето! Лето бы скорей!*

КРИТИК С УЛИЦЫ

*Южный ветер в комнату ворвался
И, как критик, сунул нос в тетрадь.
Полистал стихи, засомневался -
Стоит ли ему еще листать.*

*Вроде нет в стихах ни слова
фальши.
Вроде есть душа в любой строке.
Может, так...*

*Но от хвалы подальше!
Не хочу простыть на сквозняке...*

ПЯТНИЦКИЙ ПОГОСТ

*На угоре среди леса -
Вдалеке от всех селений,*

Вдалеке от шумных улиц
 Церковь старая стоит.
 Рядом с ней растут березы:
 Они ростом с колокольню,
 На которой каждый вечер
 Все грустит горбатый крест.
 А у белых стен могилы
 Еще вроде бы заметны,
 Хоть кой-где и провалились,
 Заросли густой травой.
 Здесь давно прохожий не был...
 Впрочем, я и есть прохожий:
 Я пришел не помолиться,
 А на церковь посмотреть.
 Для меня она - не чудо,
 Не подарок чей-то с неба.
 Просто свет, что здесь когда-то
 Обложили кирпичом...

КАПЕЛЬ

Сердце чуда какого-то хочет!
 Хочешь чуда? Смотри, человек:
 Кто-то щедрый у нас среди ночи
 Постарался и выстирал снег.

А потом его бросил на крышу,
 Чтоб он там хоть чуть-чуть
 пообтек.

Слышу, слышу, родимый, я слышу,
 Как за стенкой ворчит водосток.

Пусть ворчит, он меня не разбудит -
 Я еще не смыкал своих глаз.
 Хочешь чуда? Так выйди за чудом,
 Прихватив оцинкованный таз...

ЭТО ТОЧНО К ДОЖДЮ...

Если дым от костра
 Не желает расстаться с долиной
 Неглубокой реки,
 Еще спящей под северным льдом,
 Значит, завтра с утра
 Вместе с голым кустом и рябиной
 Будет в чем-то плохом
 Тихо плавать мой старенький дом.
 Значит, завтра с утра
 Можно ждать неприветливый
 ветер,
 Значит, завтра с утра
 Можно ждать надоедливый дождь...
 Лишь тебя мне не ждать,
 Не встречать на печальном
 рассвете.

Знаю, знаю: ко мне
 Никогда ты уже не придешь.
 И мне летом бродить
 Одному с почерневшей корзиной
 По зеленым лесам,
 Обходя стороной бурелом.
 Если дым от костра
 Не желает расстаться с долиной -
 Это точно к дождю...
 И к мечте,
 Согревающей дом...

ПОДАРОК

Любишь зиму? Тебе мой подарок -
 Эта поля холодная гладь.
 Чтоб могла ты на ней без помарок
 Мне душевные письма писать.

Я такой, как и все. Я не лучший.
 Не могу я взлететь в высоту.
 У меня есть знакомая туча -
 Я с нее твои строки прочту.

Я прочту их и сразу отвечу -
 Добрых слов мне потратить
 не жаль.
 Жаль того, что в задумчивый вечер
 Я ничем не похож на февраль...

НОЧНЫЕ СТИХИ

Неважно, друг,
 Во что я верю,
 Неважно -
 Чью топчу между.
 Важней для близких,
 Что я зверя
 В себе,
 В себе еще
 Держу.
 О, как там
 Лязгают клычищи
 На грязь, на ложь,
 На светский сброд!
 Я проклиная тех,
 Кто пищу
 Клычищам
 В миске подает.
 Я проклиная тех,
 Кто хочет
 Увидеть хаос
 И погром.
 Внутри меня -
 Зверь на цепочке.
 Я никогда

Не буду
В нем.

РУССКАЯ ОСЕНЬ

Василию СИТНИКОВУ

Старая деревня
Дремлет на холме.
Там колодец древний
Утонул во тьме.
Там ругает Жучка
Весь кошачий род.
Там старик дремучий
Бобылем живет.
Вечерит за чаем -
Дума про поля.
В них твое начало.
Русская земля!

ОБЫЧНОЕ УТРО

Я вышел из дома,
А чайка - кричать.
- Потише, потема,
Разбудишь мне мать.
Побойся же Бога!
Она же больна.
Ей надо немного
Лечебного сна.
Послушалась птица,
Метнулась к реке,
Чтоб там порезвиться
От нас вдалеке.
Метнулась повыше...
Я вымолвить смог -
И то еле слышно:
- А есть все же Бог...



ФОТО АЛЕКСЕЯ КОЛОСОВА

ПОСТУЧАЛИ НЕ В ОКНО, А В ДУШУ...



**ТАМАРА
КРАСНОВА-ГУСАЧЕНКО**
(Республика Беларусь)

Тамара Краснова-Гусаченко родилась в Брянской области в учительской семье. Закончила Брянский педагогический институт и Минский государственный университет. Стихи Тамары впервые были опубликованы в брянской газете, когда ей было 10 лет. Публиковалась в газетах и журналах Беларуси и России, автор восьми книг.

Член Союза писателей Беларуси, член Союза российских писателей. С 1974 года живет в Витебске (Республика Беларусь). Лауреат международной литературной премии имени Симеона Полоцкого, удостоена медали Франциска Скорины.

ЯБЛОКИ В ТРАВЕ

*Мне не сказали яблоки,
Зачем они в траве лежат,
Как горько было падать им
Из теплой высоты.*

*Ведь там их грело солнышко,
Купало небо синее,
И умывала росами
Их алая заря.*

*Не говорила мама мне,
Зачем так горько плакала,
На платье подвенечное
Мое - ее слеза.*

*Как золотая градина,
Упала и растаяла.
А золото оставила
Морщиной на лице.*

*И все ее три дочери
Зачем были оплаканы?
Зачем фата прозрачная
Взлетала, как туман?*

*Когда воскресной раницей
Июльской, февральской
Сыночки мои - соколы
Рождались в этот мир.*

*Зачем от счастья плакала?
И, ни о чем не ведая,
Еще не зная опыта,
Печалилась зачем?*

*Ах, как же время катится!
Ах, как же счастье выковать!
Ах, где найти терпения!
Ах, яблоки в траве...*

*Господи! Какое чудо -
Этот мир и эта жизнь.
Вот стихи мои откуда -
Оглянись и наклонись:
В каждой маленькой травинке
Тайна вечности живет,
Лучик света на пылинке*

Вечный танец свой ведет.
 Проколело солнце тучу,
 Как прожекторами... Лес,
 Темный, влажный и дремучий,
 Весь озвучен, вот оркестр!
 Волшебство и снежность звука,
 Гриб под елью, россыпь рос...
 Утро - вечная разлука:
 Тьмы со светом,

с явью - грез.

Постучали не в окно, а в душу,
 Четко-четко, ясно так: вставай!
 Тишину густую не нарушив,
 Тихо в мире... Только - я и май.

Небу хмель подмешивая сочный,
 Не такой, как завтра и вчера,
 Плыл сирени запах томной ночью,
 Уносил куда-то со двора.

А куда? Кругом лишь тьма
 да звезды,
 Подпеваает Моцарту луна,
 Млечный путь, растянутый обозом,
 И земля, тревогою полна...

Спят блаженно в доме домочадцы,
 Слава Богу, и соседи спят.
 Вот зачем, кому было стучаться?
 И сегодня, знаю, постучат...

1999 г.

И что в этом голосе,
 В этих напевах старух -
 На свадьбах, на проводах
 В путь роковой на кладбище?
 Что - тайною в них,
 То, что душу спасло от разрух?
 Не все еще села
 Разрушены до пепелища,
 Их что-то же держит,
 И в зареве зорном плывет

Какое-то чудо,
 Надтреснуто, невыносимо,
 И, кажется, болью,
 Одной только болью живет,
 В печальном напеве -
 Извечная
 Высшая сила.

Тысячи слов на заре пробуждаются
 в памяти,
 Белое поле листа, как огонь:
 не до сна.
 Я и тетрадь... И в окно полыхнул
 снежной заметью
 Новый февраль, за которым
 вставала весна

Небом всем синим, всем яростно
 дышащим куполом,
 Колоколами пасхальными,
 вербным огнем.
 Почек салюты на ветках
 взрывались, и - звуками
 Утра весеннего шли
 через сердце мое.

Чем же отвечу ему?
 Отглачу всю жизнь и
 Этому зову, проникшему
 в тихое «я».
 Слово проходит сквозь стекла,
 покрытые инеем,
 И на бумагу ложится, стирая края.

Грани стирая, и смыслы,
 и все - только музыка...
 Падают строки, как снег,
 через ночь, не спеша...
 Я ведь впервые живу,
 уходя этой тропкою узенькой,
 Но как ликует, в спасенье поверив,
 душа!

ОЩУТИМЕЙ ЗАТО ВОЛШЕБСТВО...



**ЮРИЙ
МАКСИН**

МАКСИН Юрий Михайлович родился в 1954 году в деревне Плосково Череповецкого района. Автор нескольких стихотворных сборников. Живет в городе Устюжне Вологодской области. Член Союза писателей России, член Союза журналистов России.

Человек, идущий по бульвару
сквозь листву, летящую с ветвей, -
он не молодой, но и не старый,
часть пейзажа осени своей.

Он идет, а листья облетают,
новый путь позолотить спеша.
Где его душа сейчас витает,
золотую памятью шуриша?

Улетела, может быть, к дороге,
насулившей счастье невпопад.
Или, призадумавшись о Боге,
он идет сквозь звонкий листопад...

Осень людям скрашивает время,
помогает мудрость обрести:
хорошо бывает только с теми,
с кем по жизни выпало идти.

ПЛАВУЧИЙ БЕРЕГ

Размытый берег -
зона затопленья.
Куда ещё
податься берегам?
Из-под воды
не выплыли селенья,
покорно
целый мир
остался там.

Не устояли
перед грозной волей
геройские былые города.
Орда
не приносила
столько боли,
как эта
равнодушная
вода.

Отвыкли звери -
Зайцы, и медведи,
и волки -
на размытых островах.
А люди,
потеснившие соседей,
живут теперь

на новых
берегах.

Но те,
былые,
поднимает память.
Они плывут
по вехам прежних дней...
До самой смерти
будет душу ранить
плавающий берег
памяти моей.

ПОМИНАЛЬНЫЕ СВЕЧИ

Сквозь свое отражение в окне
вижу вечер, избу за дорогой.
Три окна в ней затеплены Богу,
словно свечки, всё ярче оне.

Кто там нынче не спит,
не отвечаю.

Приезжают то он, то она.
И горят поминальные свечи -
три простых деревенских окна.

Раскидала судьба, разметала,
как птенцов, из родного угла:
сыну выпало плавить металлы,
дочь - столичная жизнь увела.

Папа с мамой давно на погосте.
Без хозяина дом сирота.
И скрипят деревянные кости.
И былая ушла красота.

Подлатают, и снова в дорогу.
Бросить - жаль, не уехать - нельзя.
Кто ж так молится русскому Богу,
что от дома уводит стезя?!

Это осень, мой друг!
В окна просится северный ветер.
Это осень, мой друг!
И осталось одно воронье.

Да еще воробьи,
легкой стайкой,
как малые дети,
из-под старой стрехи
вылетают.
Все ищут жнивья.

Дом смертельно устал
от гостей,

от сезонных застолий.
Здесь вино забавляло
слетавшихся разом людей.
Но куда подевать
ощущенье
терзающей боли
на краю позабытых,
почти умерщвленных полей?

Это осень, мой друг!
Это силы её на исходе.
Ей чем дальше, тем проще
идти по земле
налегке.
Это осень опять,
поклонившись,
тихонько уходит.
Словно любящий кто-то
ладонью провел по щеке.

Я смотрю по ночам
на звезды,
на реку,
отразившую их.
Берег жизни,
а может,
остров...
Доживаю,
свой век
отразив.

В темноте
незаметно течение,
ощутимей зато
волшебство.
Так
рождается тихо
творение.
Кто-то шепчет
и шепчет
его.

Все умрем. Только в разное время...
Жили-были во время одно
и Поэт, и бесовское племя,
и сражались они, как в кино...

И смотрело на долгую битву
много жителей грешной Земли.
А пропели бы хором молитву,
всю бы нечисть навеки смели!

Но глазели, жевали и пили,
и смеялись Поэту вослед.
Не заметили, как погубили
не Поэта, а истины свет.

Мороз. Кресты заиндевели.
Зима «за горло» всех взяла.
Простуженные прозвенели -
не звон, а лязг - колокола.

Дымы столбом из труб
выходят.
Лед - коробом на бороде.
И тихо при такой погоде
в лесу и в поле - и везде...

ЮБИЛЕЙНОЕ

АЛЕКСАНДРУ ТОРОПОВУ

Торопов - от слова «торопиться»...
Если жизнь идет неторопливо,
Первым не получится влюбиться
Всем своим ровесникам на диво,

Не услышать первым
крик ребенка,
Не поздравить маму
с днем рожденья,

Первым на цветную фотопленку
Не поймать прекрасные мгновенья.

Первому больнее достается,
Весь удар ему, другим - пожизне.
Оттого так громко сердце бьется,
Что оно к другому сердцу ближе.

Торопов - от слова «торопиться»...
Без вина не обойтись, без мата.
Может быть, пора остановиться,
Пенсия надежней, чем зарплата.

С ней начнешь подумывать о Боге
И не надо будет лезть из кожи.
Хватит! Можно жить
и не нажиться,
Наживаться, говорят, себе дороже.

Пенсия, мой друг, такая штука,
От которой люди молодеют.
Помолчи, не говори ни звука,
Грядки тоже людям душу греют...

Не грусти о том, что не вернется.
Что ушло - не повод для кручины.
Пусть все так же звонко
сердце бьется,
Торопиться только нет причины.
2009 г.

КАРТИНЫ РОССИИ, КАРТИНЫ ПЕЧАЛИ

Зренье приходит со скоростью света, знание - со скоростью смерти
Островитянин

В День России, 12 июня 2009 года, Вологда простилась с поэтом Владимиром Валериевичем Поповым-Островитянином. Уроженец Великого Устюга, житель глубокой белозерской провинции, терпеливый и светлый русский человек, подполковник запаса, чистейший интеллигент, учитель, отец - и это всё о нем. Ушел из мира в больнице после десяти дней пребывания в реанимации, не выдержало сердце...

И КОГДА ОН ВСЁ УСПЕВАЛ?..

Говорят, слава - это когда имя поэта набрано крупнее, чем заголовок. «Островитянин» - это имя бросается в глаза прежде заглавия. Сразу понимаешь: Островитянин - это житель острова, а там камни. Редкая и магическая связь имени автора и названия книги. Островитянин, книга «Горсть камней» - третья по счету, еще были «Ять» и «Тень жизни».

«Говорю только об этом, на что опираюсь», то есть говорю самое главное. Главное для него было - собирать камни.

С островом связано большинство стихов той книги. Ощущение отделенности, отгороженности от чего-то важного тревожно охватывает с самых первых страниц. Это не просто красивая фраза: почти вся жизнь его была связана с островом Огненным, где более пятнадцати лет он отработал в психологической службе колонии для осужденных на пожизненное заключение...

А после выхода на пенсию - вовсе не заслуженный отдых, а новая сложная стезя - директор сельской школы. Он мечтал о школе-общине. Писал запросы, искал гранты, обивал пороги администраций. Образования хватало: окончил Вологодский государственный

педагогический институт и Рязанский институт права и экономики. Хватило бы сил... Непонятно, как он урывал время еще и для литературы!

С именем Островитянина связаны самые активные годы работы лит-объединения «Белоозеро» при районной библиотеке. «Всем помогал, всех тормошил», - вспоминает Татьяна Ермакова, - тогда, в 1997 году, компьютер был только у него, и всем он набирал тексты, не жалея времени...

Появились первые книжки... Казалось бы, усилия не напрасны, отчего тогда пронзительная тема одиночества в стихах? Это может понять только тот, кто хотя бы раз ехал четыре часа от Вологды до Белозерска, а потом еще часа полтора до его деревни Анашкино... А когда не было машины, он возвращался домой пешком. Как только мог, ведь это 40 километров?..

Этот поэт умудрялся жить без атмосферы. Он сам себя образовывал, питал, реализовывал. Конечно, рядом была верная жена, подруга и помощница Елена Михайловна! Как сказал один из учеников: «Я их отдельно не воспринимаю...»

*В этом городе я чужой,
Да и город мне чужд и нем...*

Забывость миром здесь читается, забывость Богом: «Господи, доколе ты не с нами?»

Картины печали рисует Островитянин:

Кусты, мосты, волна, стена...

Одно и то же -

Тона шинельного сукна,

Куски рогожи,

Ущербно, выщерблено, зло

Дождем прошиито.

За лето сохлось, потекло

Небес корыто.

Невыносимость бытия выливается в плач - такова основная тональность книги. Особенно ярко выражают это настроение стихи «Жизни маленькая щепотка», «Зренье приходит со скоростью света, знание - со скоростью смерти». Мотив одиночества, определяющий для автора и заявленный в самом начале книги, позволяет обратиться к самым высоким понятиям в жизни человека. При этом тематика и стиль изложения остаются безупречно водяными, каменными, островными.

Родина! Страшно, безумно

и пристально

Смотришь с кержажских

обугленных стен,

Что же ты,

так и останешься пристанью

Или продашься совсем?

Его книга «Тень жизни» по форме - сборник сонетов, казалось бы, устаревшая форма, но по сути - та же вечная тревога современного человека, тоска по справедливости, по верности идеалам. И форма над содержанием не довлеет, ее просто не замечаешь, обжигаясь об откровенность и горячность самих стихов, стихов-исповедей.

Не дай однажды, Господи, уйти

Совсем, во тьму, в осеннее

ненастье,

Лишь маету оставив позади

И не познав неведомое счастье!

В карманах лет сумел бы

наскрести

Я серебра на жалость и участие,

Когда б не пепел, ноющий в груди,

Не лезвием сожженное запястье.

Но разве ж мне вовек не суждено

Ни утереть ничьей

слезы печальной,

Ни удержать ничьей руки

прощальной.

Ни разделить горбушку и вино?

О, Господи, не дай упасть на дно,

Без этого, сознательно ль,

случайно ль!

Островитянин еще раз подтверждает мысль о том, что истинным поэтом может быть глубочайше образованный человек, творчество которого питается многими предыдущими культурными пластами.

Галина ЩЕКИНА

ПЕДАГОГ И ПОЭТ

Владимир Валериевич Попов после завершения службы в органах внутренних дел (юстиции) в учреждении ОЕ-256/5 в январе 2002 года был принят на работу учителем истории МОУ «Бубровская средняя общеобразовательная школа имени Героя Советского Союза А.М. Никандрова», а с сентября 2003 года назначен директором данной школы. С первых дней работы в образовании он проявил себя эрудированным, отзывчивым, хорошо знающим свой предмет учителем, принципиальным, ответственным, требовательным руководителем образовательного учреждения.

Владимир Валериевич старался внедрить в работу педагогического коллектива инновации и сохранить традиции. Первыми в районе в этой школе разработали программу перехода на предпрофильное обучение, реализовали программу «Школа-община», сохранили традиции народного творчества, создав фольклорный ансамбль «Прялица» и выезжая с детьми в фольклорные экспедиции, ввели курс «Истоки» со 2 по 9 класс и предмет регионального компонента.

Владимира Попова-Островитянина я знал и как поэта, члена литературного объединения «Белоозеро», с удовольствием читал его стихи в изданных сборниках. Стихи проникновенные, философские, понятные...

Примеряясь к естественным

циклам,

Ухожу, точно осень под снег,

*Чтоб душа, примирившись,
обвыкла,
Приняла наступающий век.*

Педагогическое общество района будет помнить Владимира Валериевича, очень много сделавшего для школы за такой короткий срок.

Виктор Вениаминович САВИН,
*начальник управления образования
администрации Белозерского
муниципального района*

МЫ СЛУШАЛИ ЕГО ЗАТАИВ ДЫХАНИЕ

Когда я пришел работать в школу, меня встретили Владимир Валериевич и Елена Михайловна Поповы. В течение всего нашего знакомства эти люди воспринимались мною как единое целое. Всегда поддерживали и дополняли друг друга. И даже когда они жарко спорили между собой, жарко, по-русски энергично, то, казалось, это спорят между собой две стихии!

Первое впечатление о Владимире Валериевиче - постоянно занятой человек. Увидеть его отдыхающим с чашечкой кофе было большой удачей. Однако обнаружилось, что, несмотря на загруженность, директор - человек отзывчивый, деятельно, с душой, принимающий участие в решении твоих проблем. Более того, иной раз и не просишь, а он узнает откуда-то, сам подойдет, поможет. Только потом я узнал, сколько всего переделал Владимир Валериевич за время своей работы в школе. Устав, локальные нормативные акты, образовательная программа, «Программа выживания школы» (так он на полном серьезе называл программу развития) - вот далеко не полный список одних только документов, разработанных им. Все это сделано нешаблонно, но в строгом соответствии с законодательством России и особенностями школы. Частенько, когда мы беседовали с Владимиром Валериевичем, он говорил: «Ну не могу я писать по образцу, душа не принимает! Хочется творить, даже когда официальные документы пишешь...» При этом он улыбался загадочной улыбкой поэта...

К любому делу, к которому ему доводилось приложить руку, Владимир Валериевич всегда относился крайне ответственно. Эта черта характера, которую нельзя было не заметить, и удивляет, и восхищает - без нее бы он не был самим собой. Будь то конференция по сложно-заумным педагогическим вопросам, урок обществознания, истории, физкультуры, субботник по уборке парка, во всем - основательность, подготовленность, самоотверженность. Незнакомый с Островитянином человек может подумать: «Откуда такие восторженные эпитеты, откуда взяться в забытой богом белозерской глубинке такому таланту?» Честно говоря, для меня это тоже загадка, как и для того, кто не в силах был измерить аршином русскую душу.

Зачастую мы сетуем на излишнюю звукопроницаемость стен нашей древней Бубровской школы. Сложно вести урок, когда в соседнем классе идет урок музыки... Но мы благословляли эту особенность здания, когда, сидя в учительской, затаив дыхание, слушали лекции Владимира Валериевича по обществознанию, истории...

И не стоит удивляться, что именно в бытность Владимира Валериевича Попова директором - эти короткие, но такие емкие пять лет - школа выпустила двух золотых медалистов (больше за всю историю школы, насколько мне известно, таковых не было...), при том, что численность учащихся за этот период колебалась в районе сорока человек! Напротив, удивительно было бы, если б этого не произошло...

И.В. МАРТЬЯНОВ,
*директор Бубровской школы,
Белозерский район*

ВСТАНУ И ВЫЙДУ В РАССВЕТ...

Владимир Попов - педагог, психолог, поэт. Любил и глубоко знал историю. Мог мысленно перенестись через пространство и время в глубины тех веков, когда по Белозерью ходили калики перехожие, строили свои зем-

лянки отшельники, уверовавшие в Христа, и среди них Кирилл Новоезерский, основавший обитель на острове Огненном. Не случайно и литературный псевдоним Владимир себе выбрал - Островитянин. Было в нём самом нечто от тех времён - неспешная раздумчивая речь, сдержанность, достоинство мудрого человека... И стихи оставил такие же - глубокие, заставляющие задуматься о судьбах Родины, народа, о жизни, о своём месте на белом свете...

Лучше всего о нём говорят и будут говорить его стихи.

Встану и выйду в рассвет...

Небо бездонно и стыло.

...Боже, когда это было! -

Минула тысяча лет...
Ветер погоню промчит
Стоном по всякой примете -
То, что укрылось в рассвете,
Страшно грозило в ночи.
Кони всхрапнут за холмом,
Но ни дыма, ни кострища.
Кто ж это во поле рыщет,
Напоминает о ком?
Гонит предупренный сон
Призрачный звон колоколен...
Господи, я ли достоин,
Я ли тобой наречён?
Рань, и туман впереди,
Путь у порога, и снова
Ветром подхвачено слово -
Встань и иди.

Лидия МОКИЕВСКАЯ

ОСТРОВИТАНИН: ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО

Стихи разных лет

ОСТРОВ

Серые волны в мелком дожде,
Мутный поток облаков,
Медленно кружатся в стылой воде
Несколько бурых листков.
Где-то за мокрым седым

простником,

В моросном куреве дня,
Кто-то на лодке гребет прямиком,
Хрусткие стебли креня.
Кто-то скрипит и плещет веслом
Глухо в холодном дыму...

Кажется - птица сбивает крылом
Свет облепившую тьму.

- Кто там, откликнись!

- Кто там, постой,

Не торопись углывать:

Ветер тяжелой остывшей листвой
Озеро стал засыпать.

- Слышишь, прошу: поскорей

подгони

Черную лодку свою,

Скользко, как листья,

срываются дни

В этом осеннем краю.

Там, где в тумане багрянец рябин

Хмурую тень разметал,
Прячется остров, который один
Я безнадежно искал.
Остров, который найти нелегко
В мире холодно-глухом,
Пахнут пустынные тропы его
Мятой, брусникой и мхом,
Прячут примятые травы его
Чей-то знакомый след...
- Слышишь?! - Кричу.
Только нет никого.
Ну, никого там нет!

Я - последний символист,
Задержавшийся на свете,
Как сухой осенний лист,
Как мечтатель в лихолетье.
Я - не понятый никем
Мореплаватель житейский,
Проводов и микросхем
Замыкатель нешутейский.
Я - безвестный графоман,
Брошен ветреною Музой -
Был короткий наш роман
Для нее большой обузой.



Я - подсвечник не для свеч -
Бронзы выдумка старинной.
Я - тупой железный меч -
Украшение для гостиной.
Я - лампадка без икон
В темноте пустого дома,
Я - от колокола звон,
Запах выпитого рома...

Я - последний символист.

Лене
«Ты - женщина, ты книга
между книг»

В. БРЮСОВ

Единственная книга между книг:
Листов ее невнятные начертанья,
Едва знаком таинственный язык.
Неуловимы мыслей сочетанья.

А в символах теряющийся лик
Распятием извечного страданья
Объявлен за безумные мечтанья
Для тех, кто смысл безумия постиг.

И в каждой строчке тысячи
сомнений
Объяли мир коварной сетью тени,
Но будет миг, пророк еще придет...

Однако недостойный этих знаний
В них не найдет имен и заклинаний.
А посвященный видит - и прочтет!

Макушка лета. Моросная хмарь,
Пропитанная прелью и болотом.
Бубнит свою обедню над кивотом
Лугов скомлящих дождик-пономарь.

Лишь изредка блеснет
за отворотом
Дождевика небесного фонарь,
И потчас, как остуженная гарь,
Земля исходит упарью и потом.

Суглинок развезло на всем пути,
Брести травой, что речку перейти:
То по колено, то по пояс вброд.
Немудрено и насморк подхватить.
И некогда портянки просушить.
И жизнь как дождь.

Идет себе, идет...

Простите мне, не так уж я
и пьян...
В предчувствии душевного разлада.
Как тихий лес в преддверье
листопада.
Уже согласен даже на обман.

А в час, когда над озером туман,
И осень в нем - вечерняя прохлада,
Дрожит листва, как будто хочет
падать
В чужой и зыбкий звездный океан.

Касаясь рук, спешу глаза искать,
Но забываю, что хотел сказать
Про мир тревожной, сумрачной
пустыни.

Так близок срок лесам в снегу
стоять,
И никому друг друга не понять
Без этих слов, что на губах остыли.

С.Д.

Она босая бежит по лужам,
Велит не провожать - она строга,
И на меня глядит как на врага:
Ей близкий враг, наверно,
нынче нужен.

Бреду один. Ну что ж,
бывает хуже.

И тешит мысль, беспечна и легка:
Не я сегодня в роли дурака,
А дождь, ведь он - обижен
и остижен.

Он так старался сделать мир прекрасным.
Да все его старания напрасны -
Пошла домой, не хочет замечать.

Но дождь - хитрец,
Ведь если он захочет -
Подстережет -
и всю насквозь промочит.
Мне ж остается
только промолчать.

Я жизни том хотел пересмотреть,
А в нем всего-то навсего страница:
В бумажной клетке замкнутая
птица,
Не разу не сумевшая взлететь.

Но символов теряется граница,
Лишь памятью заброшенная сеть
Влечет на свет, распахивая клеть,
Живые краски, образы и лица.

*Мгновенья встреч и позднее
 прозрень.
Рутину дел и пыль моих дорог -
Они, наверно, в пару строк
 вместятся.*

*Но вижу в том судьбы
 благословенье.
Что я хотел, пытался,
 пусть не смог,
Над суетой обыденной подняться.*

Забывшее не раз еще вернется:
В сырой траве вечерней на холмах.

В замшелых, позаброшенных домах,
В живом зрачке вечернего колодца

История вдруг ликом обернется,
Не тем - в хронологических томах -
В ее чертах оживший древний прах
Зовёт и любит, плачет и смеется.

И ветхий сук поднявшая рука
Вдруг ощутил железный вес клинка.
Пахнёт земля тяжёлым
конским потом....

И слышится в шуршанье камыша:
Шаги, шаги - толкаясь и спеша..
Река. Непрядва. Там, за поворотом.

Меня сплетают путами корней
 Цветы степи на сумрачном кургане,
 В них плоть моя рождается и вянет,
 За веком век - все ярче и пышней.
 Сойди к земле, прижмись щекою к ней.

Послушай: кровь клокочет
в старой ране,
И слышны вопли
в разоренном стане
И топот дико мчащихся коней.

Россия... Вновь, перед новым
Диким полем,
Меж тем, кто здоров, и тем,
кто ложью болен,
Возведена засечная черта.
И тот же бой... Ни славы,
ни победы.

Все та же боль,
все те ж над нами беды,
Слезится та ж бессонная звезда.

Мне в руки попала рукопись стихотворений Андрея Алексеева. Я не знал такого поэта. Да и название первого же стихотворения - «У памятника Рубцову» - насторожило меня: не очередной ли подражатель и перепевщик Рубцова? Но рекомендация Ольги Фокиной (она и передала мне рукопись) настраивала на серьезное прочтение... Я стал читать...

Впрочем, объяснять стихи прозой - дело неблагодарное...

Читатель, пожалуйста, не торопись, прочти внимательно.

Дмитрий ЕРМАКОВ

АНДРЕЙ АЛЕКСЕЕВ

СЧАСТЛИВ ЖИТЬ БЕЗ СЧЕТА ДНЕЙ

РУБЦОВУ («ЗВЕЗДА ПОЛЕЙ»)

Когда за лесом солнце скроется,
Оставив красный поясок,
И гладь речная успокоится,
И от жары вздохнет песок.

И бросит, скомкав пачку «Севера»,
Усталый за день тракторист,
И под окном на ветке дерева
Замрет без ветра тихий лист.

И вот тогда под звон кузнечика,
Слетев, как перышко с гнезда,
В небесном омуте засветится
Полей вечерняя звезда.

Я сам бывал тому свидетелем,
Когда под тихою золой
Иного времени отметины
Души тревожили покой.
Едва подует ветер памяти...

ЛЕТНЯЯ НОЧЬ

Всю ночь вокруг избушки нашей
Дрожала тополя листва,
И карасем в озерной чаше
Купалась спелая луна.
Сосна пушистой головой
Небес тревожила покой.
Туман в низинах вдоль ручья,
Рубахи, подобрав края,
Тихонько крался. Птицы крик
Ночь разрывал, и лишь на миг
Блеснула, падая, звезда
На задремавшие поля.

ЗЕРКАЛО

Круглый стол, скрипучий стул,
Скатерть, желтый абажур,

На комодке слоники,
Над комодом ходики.

Между створками трюмо
Есть зеркальное стекло.
И живет тихонько в нем
Весь наш тихий милый дом.

Все там есть: и стол, и стул,
Скатерть, желтый абажур,
На комодке слоники,
Над комодом ходики.

Если чуть сомкнуть трюмо,
То волшебное стекло
Многократно преумножит
Все нажитое добро.

Будет много слоников,
Будет много ходиков,
Будет лампы ярче свет,
Будет жизни много лет.

Весна, апрель, одет красиво,
Пломбир кусаю чуть лениво.
Печет тепло затылок лысый,
Свободен мозг от всякой мысли.
Народ шагает чуть устало,
Обувку квася в лужах талых.
Младая пара не спеша
В коляске катит малыша.
Я с октября мечтал об этом
Тепле, что бьет в порог пред летом,
И вот сбылось -
Весна,
Апрель,
Парк ВРЗ,
Пломбир,
Капель.

СКАЗКА ПРО ОСЕНЬ

Между мокрых осин
 ярко-желтого цвета
 Провожал ветерок
 отгулявшее лето.
 Следом девица шла, цветом
 золота косы.
 Звали люди её светлым
 именем Осень.
 Они шли не спеша,
 я шагал торопливо.
 Замирала душа
 в ожиданье счастливом.
 Их просил об одном:
 «Вы побудьте со мною -
 Надышаться хочу
 я девичьей косою».
 Я махал им, кричал,
 крик мой вторился эхом,
 Ветер, лето и осень
 ответили смехом:
 «Мы другие, а ты -
 ты из грешного мира.
 Не сидеть за столом нам
 единого пира».
 Перед злым сентябрем упаду
 на колени,
 Буду долго стучать
 в его желтые сени.
 Через стекла дождей мне никак
 не пробиться,
 В тихом вальсе листьев с ними
 мне не кружиться.
 Но с тех пор в сентябре,
 как прощенья просят,
 Ветер на две недели ненастье
 уносит.
 Осень в косы плетет
 пожелтевшие ивы,
 Лето машет крылом
 косяков журавлиных.
 Я костерчик палю
 в тишине над рекою
 И никак не расстанусь
 с наивной мечтою.

ВЕРА

Платочком носик часто трет,
 Простыла, видимо, бедняжка.
 Старинных стен рисует свод
 Художница, девчонка-пташка.
 Поодаль сяду, погляжу
 На то, как младость
 чертит вечность.
 И сам, глядишь, чего рожу,
 Рифмуя ту же бесконечность.
 «О Господи, как я дрожу!» -
 Сквозь ветки лип донес мне ветер,
 Но предан делу своему
 Художник двенадцатилетний.
 Сидит на стульчике складном,
 В стакане кисточку болтает.
 Макнет - и вот уж серебром
 Макушка церкви засияет.
 Я к ней тихонько подошел,
 Спросил: «Как звать-то тебя?» -
 «Вера».

«Теплей оденься», - «Хорошо», -
 И окунулась снова в дело.
 Как славно встретить все дни
 Таких вот светленьких людей!
 Во дворе краеведческого музея

Июнь, 2008

БЕРЕЗА

Берега. Всплеск не слышен весла,
 Перевозчик от Бога на лодке.
 В пассажирах притихла душа,
 Поминают которую водкой.
 Там спокойно. Мирской суеты
 Не присутствует даже намек.
 Позади растворились мечты,
 Не успевшие сбыться до срока.
 Оглянуться теперь ни к чему,
 В расставанье лишь горечь печали.
 Может, там хорошо одному,
 В бесконечной сиреновой дали?
 Время лечит на том берегу,
 От которого мы углываем.
 А что будет, когда по песку,
 Лодка днищем скользнет -
 мы не знаем...

УРОКИ ИВАНА ПОЛУЯНОВА



**ИВАН
КОРОЛЁВ**

Иван Михайлович Королёв – член Союза журналистов России, работал в газетах «Вологодский комсомолец», «Красный Север», «Маяк», руководил Вологодским отделением Северо-Западного книжного издательства. Долгое время вёл природоохранную тему, был автором и составителем нескольких книг на эту тему. С Иваном Дмитриевичем Полуяновым их связывала давняя дружба и общая любовь к родной природе.

Таких встреч, как на реке Тошне, было много. Но они не были похожими одна на другую, каждая отличалась не столько содержанием, сколько поведением. Иван Дмитриевич бесцельно не бродил по лесу или по берегам речушки. Взглянув на его амуницию, можно было заранее разгадать причину его прогулки или цель, которая привела его в эти места.

На Тошню он пришел слушать соловьев. На нем не было ни ружья, ни длинного удилица, только на плече в полной боевой готовности фотоаппарат.

- Давай присядем на бережок. Я леску на всякий случай насторожу. И покурим заодно... Скоро начнут. Их песни в этих местах такие голосистые, под стать курским...

Закинули леску. Подождали. Поклевок не было. Хотя язь в это время «веселился». Сменили место - то же самое. Зато на берегу повсюду цвела черемуха, зеленели скрюченные листочки смородины, распространяя вокруг острый аромат.

Прошло еще несколько минут. Вдруг справа от нас раздался робкий и осторожный щелчок. Потом точно такой же слева, затем впереди...

- Ты знаешь, - наклонился в мою сторону Иван Дмитриевич. - Может быть, Алябьев создавал своего «Соловья» где-то недалеко от Тошни. Он же в этих местах отбывал ссылку.

Внешне соловей - пичуга неприметная: серенькая, глазастая. Но как поет! - Иван Дмитриевич подвинулся поближе и все так же доверительно продолжал: - Вот он прячется где-то в сереньком ольшанике и веселит нас, не зная, конечно, об этом. Заметит - сразу замолкнет. Не пытался как-то выделить отдельные «коленца» или часть песни? Они различимы, некоторые имеют свои названия - «Почин», «Хрустальный горошек», «Летний гром», «Колокольцы», «Кузнечик» и т.д.



Иван ПОЛУЯНОВ



Обнажение Опоки. ФОТО А.И. ТРУФАНОВА

Знатоки за одну вот такую майскую ночь различают до сорока певучих строк...

Примолкнув, мы прислушались к предрассветной песне. Соловьи будто вошли в раж. Так поддавали жару, что спасу нет. Пение походило на турнир: чья песня мелодичней, кто громче? Усердствуют не щадя себя: с дробью звонкой, с посвистом... Такая соловьиная ночь вряд ли еще когда-нибудь случится.

Поет птица недалеко от своего гнезда - и щелкает, и сторожит. Это самая большая тайна, когда птица на гнезде. Любовь их бывает краткой, но забот несет великое множество. В это время ее благоразумнее всего оставить в покое. Если можно обойти это место, то именно так и надо сделать...

В этот раз я многое узнал еще о тетеревах. Среди нашего северного птичьего царства вряд ли какая другая птица могла посоперничать о своей известности. Посмотрите, сколько он имеет различных прозвищ. Тех, что встречаются в полях, в открытых угодьях, зовут «поляшами», за темное оперение петухов называют «чернышами», за рябое и пестрое оперение самок зовут «пеструхами». А еще из-за того, что перья хвоста петухов загнуты в косицы, их называют «косачами». В сельской местности, пожалуй, эту птицу вообще не называют тетерев, а чаще всего одним из многочисленных прозвищ. Зато пеструю

скромницу самочку в деревне все зовут не иначе как «тетерой». Под именем Терентий и Тетера они встречаются в русских сказках.

Раньше наши края имели большое количество токовищ этой птицы. Но это тогда, когда тетеревов не преследуют хищнически; токование их происходит в одних и тех же угодьях много лет подряд. Сейчас тока возможно разве встретить только в глухих местах Тотемского района и под Чарозером.

Как-то с Иваном Дмитриевичем мы готовили статью в газету о возрождении в Вологодской области животного мира. В частности, о бобрах и кабанах. В своем журналистском блокноте я нашел записи, когда в нашу область производилось заселение бобров. Вот эти факты: в сентябре 1949 года из Березинского заповедника (Беларусь) завезли первую партию бобров. Одну (30 голов) выпустили в речку Комараш, другую (9 голов) - в реку Пексом Тотемского района. Через 10 лет был осуществлен второй завоз: в речки Совзу и Римреку бывшего Чарозерского района выпустили 35 бобров, привезенных из Белоруссии и Воронежского заповедника. В сентябре 1963 года в речки Луженьгу в Великоустюгском районе и Ихалицу в Междуреченском районе, в речки Рыбницу Белозерского района выпустили 32 особей, а в реку Ратцу Чагодощенского района - 20. В последующие два года эти звери попали в Вытегорский район (речка Илекса) и Нюксенский (речки Кондас и Порша). Там нашли приют 35 зверьков.

Когда прошло более трех десятилетий со времени расселения бобров на территории нашей области, опреде-



Обнажение верхнепермских пород мыса «Бык».
Фото А.А. ШАБУНОВА

лили процент приживаемости их. За это время было выпущено 552 бобра. По сообщениям егерей, на начало первой зимовки погибли 16 новоселов (при перевозке). Процент приживаемости очень высок. По их наблюдениям, бобры избегают те водоемы, где вода загрязнена сточными промышленными и бытовыми сбросами. Например, в среднем течении реки Кубены в Харовском районе очень благоприятные условия для бобров, но они там не живут. А вот в притоках Кубены (Сить, Вандаш, Кизьма) бобры обитают с 1960 года.

Первой, как уже сообщалось, появилась тотемская колония (было выпущено 39 голов). Через 25 лет их насчитывалось уже 1340. В этом районе бобры заселили 23 реки и вышли далеко за пределы заказника. Теперь они встречаются в водоемах Тарногского, Верховажского, Бабушкинского, Сямженского районов.

Если ознакомиться с историей образования всех колоний, то легко проследить, как расселились бобры, занимая все новые и новые водоемы. Численность их за 10-15 лет возрастает в среднем в 12-15 раз. За 30 лет было выпущено около 500 бобров, а по учетным данным 1976 года их было уже семь тысяч.

Как видно, речной бобр прочно занял свое место в составе фауны нашего края. Существующие колонии по мере роста поголовья способствуют естественному расселению по другим водоемам. Особенно рост преобразовался в лучшую сторону после прекра-

щения молевого сплава на всех больших и малых реках.

В Вологодской области нет серьезных врагов и конкурентов, которые могли бы сдерживать рост численности бобра, а кормовых запасов у нас вполне достаточно. Они используют в корм лиственное мелколосье, которое пока не имеет широкого применения в промышленной переработке. В то же время эти зверьки являются неплохими мелиораторами: их плотины одновременно служат природе и людям.

А вот в отношении возобновления кабанов Иван Дмитриевич Полуянов меня серьезно поправил. С необычной легкостью в печати приводились примеры переселения кабанов из других областей, примерно так же, как и бобров.

- Никакого переселения не было, - спокойно возражал Иван Дмитриевич. - Здесь все произошло по-другому. Кабан сам по себе уже исключение. Реликт, живое ископаемое. Каким был миллионы лет назад, таким почти и сохранился. Об этом можно судить по ископаемым останкам. Живучесть кабана поразительна. Колебался климат, менялись очертания континентов, тропическая жара уступала снегам и стуже, ледник стирал с лица земли горы, меняя течения рек, гибли мамонты, а он выжил, дикий вепрь!

Иван Дмитриевич заглянул в свои записи, пояснил:

- Когда появились кабаны на Вологодчине, не берусь утверждать. Вероятно, вскоре после войны начали заходить из соседних областей, например, Калининской (ныне Тверской), где проводились тогда выпуски этих зверей. В массе, однако, они стали встречаться в 70-е годы, характерные летним зноем и зимним бесснежьем.

Один постоянный враг у кабанов - это снег. Как ни живуч зверь, силаща неимоверная - одним ударом опрокидывает лошадь со всадником, но перед снегом уступает. Ученые пришли к выводу, что глубина снежного покрова даже в 20-30 сантиметров уже для них губительна. Лишь старые

самцы, которые распаивают сугробы, точно бульдозер, могут существовать там, где высота снега достигает 30-40 сантиметров.

Нет, кабаны у нас не новоселы, - добавил Иван Дмитриевич. - Скорее всего, они старожилы здешних мест. В эпоху неолита кабаны были коренными обитателями наших угодий. Об этом свидетельствуют материалы раскопок, другие данные. Он вернулся к нам - вот и все! Вернулся через тысячи лет. К чести нашей, его встретили хорошо, по-доброму. Пускай живет!

Заходы и залеты птиц и зверей - не такое уж исключительное явление. Свою способность приспособления к перемене мест, погодных условий, обстановке обитания кабан сохранил с тех давних пор. С человеком он давно примирился, не гнушается кое-что перехватить от его щедрот, легко поддается подкормке...

Присутствовал я однажды при интересном разговоре Ивана Дмитриевича Полуянова с череповецким фотоохотником Виктором Николаевичем Михайловым. Речь шла о медведях, об их поведении, повадках. В.Н. Михайлов все время заглядывал в

книгу, где были помещены фотографии многочисленных медведей. Дело в том, что недалеко от Дарвинского заповедника у него была так называемая подшефная семья медведей, к которым он ходил, как конюх к лошадям.

- А слышал ли ты о «медвежьих деревнях»? - неожиданно спросил Иван Дмитриевич.

- Слышал, - ответил собеседник. - Давно это было.

- Давно. В 1915 году в каком-то издании была описана «медвежья деревня» вблизи Белозерска: на небольшом болотистом острове было обнаружено сразу двенадцать берлог.

Разговор завязался оживленный. Известно, что медведь внушал деревенским жителям страх и почтение. Раньше ведь охотник, идя на медведя, пользовался только рогатиной да топором. Теперь такого страха нет: у охотника нарезной карабин с убийными пулями и оптический прицелом. К берлоге он доберется аж на тракторе...

Так уж ли свиреп этот зверь? Виктор Николаевич развернул вкладку в книге с фотографиями медведей, сделанными в диком лесу. Снимки отлич-



ные, хотя звери тоже дикие. Чтобы сделать подобные фото, надо подойти к объекту съемки метров на десять.

- Рука не дрогнула от страха? - спросил вкрадчиво Иван Дмитриевич.

- Признайся, боялся ведь?

- Конечно, боялся. А вдруг убежит?

В коллекции Виктора Николаевича пришлось видеть снимки медведицы с тройней медвежат, медведя, вставшего перед фотоохотником на дыбы, много других. Для В.Н. Михайлова этот дикий зверь был не страшен.

Потом разговор у них неожиданно перешел на тему значения слов, постепенно уходящих из обихода. Охотников стало меньше, они мало общаются между собой, и слова уходят куда-то...

- Вот, например, «снег». Сколько других оттенков отмечал народ в нем? - назвал Иван Дмитриевич. - Например, «пороша». Его не выкрикнешь громко, оно нежно и хрупко. А всего-то это выпавший под утро снежок; идешь по нему и читаешь следы. А «сугроб»? Что-то громоздкое слышится в нем. Или «изморозь», «наст», «кухта». Вроде что-то не ясное по смыслу. Но при слове «наст» слышится что-то твердое, прочное. «Кухта» - скопившаяся на деревьях снежная завесь. «Куржа» - навес инея на берегах. Народ сумел одним словом создать картину, достойную кисти художника.

- А загляни в лес! - воскликнул Михайлов. - Веретья, рада, рамень, согра, сузем... Это на карте лес однообразен. - Рамень - глухомань непроезжая, согра - болотистый лес, веретья - сухие бугры в болотистой заросли...

Перед топором все деревья равны, перед механической пилой - тем более. Теперь это все древесина. Эта лучше, та подешевле, но это прежде всего древесина. Жалко, что и люди привыкли в деревьях одну древесину видеть: от сосны она дорогая, от березы - подешевле. Жалко, что уходят из обихода слова, означающие образные и красочные понятия. Но мы утрачиваем по разным причинам связь



Холмисто-моренный рельеф, сложенный днепровскими отложениями, Северные Увалы. ФОТО А.И. ТРУФАНОВА

с зеленым другом, мы хуже видим и слышим природу...

- Виктор Николаевич, у меня сложилось мнение, что ты, как естествоиспытатель, каких немного, так близко знаком не только с медведями, но и редкими птицами, которые живут у нас?

- Вы имеете в виду, Иван Дмитриевич, наверняка скопу и цаплю?

- Да. И проживают они все там же, в границах Дарвинского заповедника, где встречаются плавучие и земные острова.

- Надо знать эти острова, в целом те места, их историю и природу. И, конечно, искать их и находить. Согласитесь, что редко, то интересно и значимо...

Рыбинское водохранилище образовалось на границе двух областей - Ярославской и Вологодской, в пределах Череповецкого района. Там, где нынче курсируют комфортабельные суда, некогда была суша. После пуска Рыбинской ГЭС образовалась зона затопления. В огромном водохранилище кое-где образовались острова. В зависимости от погоды они частично или полностью уходят под воду. Погода сухая - в наиболее возвышенных местах образуется суша. Название это довольно условно: попробуйте хотя бы попасть туда. На мелководье и этой суше путь преграждают завалы затопленного, загнившего на корню леса. На некоторые острова даже бывалый охотник не отважится ступить.

Продолжение следует.

ЛЮДСКОЙ ИЗЛОМ «ВЕЛИКОГО ПЕРЕЛОМА»

Коллективизация стала, пожалуй, наиболее значительным водоразделом в жизни российского крестьянства в XX веке, водоразделом который изменил облик села практически во всех отношениях. Вместо великого множества мелких, независимых очагов сельского хозяйства - крестьянских дворов - пришли колхозы, главной целью существования которых была всеобъемлющая выкачка государством ресурсов из многострадальной деревни. Рубеж 1920-1930-х годов стал временем смены практически повсеместного господства крестьянской общины на почти всепоглощающее господство представителей советских структур и колхозной администрации. Изменился и сам тип сельского труженика. Из крестьянина собственника и хозяина он превратился сначала в подневольного, а затем в наемного работника на сельскохозяйственном предприятии, где степень участия в принятии производственных решений непреклонно минимизировалась. Наверное, следует признать верным суждение зарубежных историков о том, что вместе с коллективизацией «большевистская революция» пришла в российскую деревню. Все это обуславливает пристальное внимание историков, обществоведов, публицистов и литераторов к эпохе «великого перелома».

В историческом осмыслении сталинской «революции сверху», как и в целом судеб российской деревни в XX веке, преобладают политэкономические модели контекстуализации, связанные с рассмотрением так называемых альтернатив НЭПу, внутриполитической борьбой в рядах ВКП(б) и выбором пути дальнейшего хозяйственного развития страны. Эти теоретические размышления, как правило, уводят от изучения антропологической составляющей коллективизации, от анализа стратегий человеческого поведения в бесчеловечных условиях «великого перелома». Последний аспект стал предметом в большей степени художественного, нежели исторического осмысления. Не претендуя на яркость и красочность облика российской деревни, воссозданного в произведениях В. Белова, Ф. Абрамова и других писателей-деревенщиков, мы все же отметим необходимость научного изучения социокультурных процессов жизни села в судьбоносную для него эпоху.

В настоящей публикации представлен ряд документов рубежа 1920-1930-х годов, по нашему мнению, предоставляющих исследователю богатый материал для изучения человеческого измерения «великого перелома». Разумеется, настоящая подборка не может претендовать на какую-либо

полноту, ее задача принципиально иная - показать сложность социокультурной ситуации в деревне, ее динамический драматизм, отразившийся в судьбах множества обитателей села. Тем не менее, несмотря на всю выборочность, представленные документы дают возможность начать осмысление важных исторических проблем.

Например, исследователи нечасто обращали внимание на отличия в осуществлении коллективизации от кампаний по продразверстке, проводившихся десятилетием ранее. В этом отношении важно отметить, что создание коллективных хозяйств, как и сопутствующее этому раскулачивание, сопровождалось массовой пропагандистской поддержкой. Документы показывают, что последняя имела широкий резонанс в крестьянской среде. При этом следует учитывать, что мы имеем дело не столько со слепой верой в лозунги советского агитпропа или их слепым воспроизведением, сколько с хитроумным использованием крестьянами пропагандистских клише. Так, жители деревни Турово, упрекая местных подвижников коллективизации в разграблении собственности и прочих притеснениях, тем не менее подчеркивали, что последние извращают «классовую линию партии». Вряд ли холмогорская крестьянка Е. Корельская хорошо

разбиралась в сложных перипетиях политической борьбы внутри ВКП(б), что, однако, не помешало ей указать, что один из ее недоброжелателей в сельсовете «держит правый уклон». Изучение рецепции политической пропаганды - важная тема, позволяющая по-новому взглянуть на взаимоотношения государства, общества и индивида в Советском Союзе 1930-х годов. Другим важным сюжетом исторического анализа социокультурного аспекта коллективизации может стать тема общего осмысления крестьянами происходящих в деревне изменений. Ведь пропагандистская интерпретация событий не была в то время единственной в политическом дискурсе северной деревни. Землеустройство, проводившееся при создании коллективных хозяйств, могло оцениваться крестьянами в рамках привычной, характерной для общины системе координат как несправедливый передел. Именно со страхов деревенских жителей перед таким переделом начались события в деревне Могилево Грязовецкого района. Это событие, получившее в пропаганде громкое определение акта «открытой террористической кулацкой борьбы против колхозов», по своей сути представляло вполне традиционную для крестьянского мира модель решения земельного вопроса. Сильны были и религиозные коннотации происходящих событий. Были случаи, когда непосредственно сами устроители колхозов шли на дело «классовой битвы», истово помолившись. С другой стороны, религиозные

мотивы об испытании чаши мучений можно увидеть и в письме жителей деревни Турово. Наличие различных конкурирующих между собой интерпретаций коллективизации вело к конфликту понимания, который, в свою очередь, еще более радикализировал ситуацию в деревне. Представленные документы отчетливо зафиксировали дух нетерпения, злобы, ненависти, пришедший в деревню вместе с «великим переломом». С одной стороны, сельские активисты, организаторы колхозов, подталкиваемые в своих действиях требованиями вышестоящих органов, зачастую нарушали законодательные и общечеловеческие нормы. С другой стороны, в среде сельских жителей росли страх и озлобление. Итогом всего этого стал неимоверный всплеск насилия в советской деревне 1930-х годов. Изучение причин основных форм проявления внутренней конфликтности на селе, по-нашему мнению, позволит лучше понять природу советского общества. Впрочем, не будем, забегая вперед, подробно рассматривать публикуемые документы, предоставив читателю самому судить о том, что испытывал «маленький человек», оказавшись в тисках жерновов «великого перелома».

В подборку включены пять документов из фонда Северного краевого комитета ВКП(б) Отдела документов социально-политической истории Государственного архива Архангельской области.

Выявление документов и подготовку к публикации выполнил Н.Г. КЕДРОВ

№ 1. ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПО ДЕЛУ О РАЗГРОМЕ КОЛХОЗА «ГРОМОБОЙ»

Август 1929 г.

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ
на гр[аждан]н КОЗЛОВА Павла Трофимовича, РОМАНОВА Константина Ивановича обвин. по ст. 58 п. 8 УК. ПЫЛАЕВА Федора Васильевича, РОМАНОВА Николая Федоровича, СОЛОВЬЕВА Василия Ильича, обвин. по ст. 16, 58 п. 8 УК и РОМАНОВА Ивана Матвеевича по ст. 58 п. 10 УК.

11-го Августа с/г. в деревне Могилево, Грязовецкого района, на последнем организационном собрании бедноты, было окончательно решено организовать коллективное сельское хозяйство. В процессе подготовительных работ - на предыдущих собраниях по этому вопросу - в колхоз записалось 17 крестьян бедняков. Но 11-го августа 8 записавшихся решили вый-

ти из состава членов колхоза, о чем категорически заявили на собрании. Таким образом, в составе последнего осталось только 8 бедняцких хозяйств. Основной причиной выхода из коллектива означенных 8 хозяйств [была] кулацкая агитация, направленная против коллективизации сельского хозяйства вообще и ликвидация зародившегося нового колхоза «Громобой» в частности. Агитация эта выражалась в том, что кулаки данной деревни - ПЫЛАЕВ Федор, РОМАНОВ Иван и КОЗЛОВ Павел на организационных собраниях бедноты всячески запугивали желающих идти в колхоз своими предсказаниями о войне, гибели Советской власти, о неизбежной тогда расправе с колхозниками и т.д*. Другого рода агитация заключалась в выступлениях тех же лиц против колхозников которых агитаторы характеризовали - неспособными к труду лентяями, «лежбебоками», «рванью» и т.д. Говорили, что в колхозе с такими работниками «издохнешь» с голода. Такого рода выступления имели место на собраниях - в последних числах июля - в первых числах августа и последних, вызвавшее 50 % отсева записавшихся в колхоз, 11 августа. Этот успех противников колхоза не смутил оставшихся в нем бедняков и 13 августа коллективное сельское хозяйство «Громобой» было зарегистрировано в Грязовце [...]**.

Причины стремления кулачества не допустить в деревне организации колхоза следующие: имея лучшие наделы земли и больше, чем следовало бы по количеству членов семьи - ПЫЛАЕВ, РОМАНОВ Иван и КОЗЛОВ стремились сохранить за собой это, выгодное для них, положение в обществе и недопустить отвода своих наделов под колхоз. На этой почве враги колхоза, от агитации перешли к угрозам, - выразителями которых являлись КОЗЛОВ, сын РОМАНОВА Ивана Константиновича и ПЫЛАЕВ. Все они, особенно КОЗЛОВ в течение нескольких дней, грозили перебить «передушить» колхозников и 19 августа эти угрозы были приведены в исполнение.

В течение целого дня КОЗЛОВ Павел разгуливал в пьяном виде вместе с ПЫЛАЕВЫМ по деревне, ловили и нещадно избивали «колхозников». Первым по счету был избит член коллектива ГОРОДЕЦКИЙ, который от нанесенного ему удара в глаз упал на землю и теперь лишен зрения, чуть-ли не на все 100%, т.к. второй глаз ГОРОДЕЦКОГО потерял раньше, и кроме того, этот удар КОЗЛОВА может, по заключению врача, вовсе лишить зрения ГОРОДЕЦКОГО, т.к. не исключена возможность неизлечимого заболевания поврежденного глаза.

Преследуя ГОРОДЕЦКОГО после этих побоев КОЗЛОВ снова изловил его у крыльца избы и с такой силой ударил об землю, что после ГОРОДЕЦКИЙ кашлял кровью [...].

Расправившись с ГОРОДЕЦКИМ, КОЗЛОВ с ПЫЛАЕВЫМ разгуливая по улице, встретили колхозников мужа и жену СЕРДЦЕВЫХ.

Поровнявшись с ними, КОЗЛОВ со словами «всех колхозников передую» набросился на г[р]аждани[н]а СЕРДЦЕВА и начал кулаками наносить ему удары. Жена СЕРДЦЕВА - Евдокия, имея намерение защитить мужа, хотела отпашить КОЗЛОВА, но последний с такой силой нанес ей удар кулаком по голове, что она упала на землю, а потом своими сапогами так избил ей ногу /голень/, что по заключению врача, причинил временное расстройство здоровья. Когда СЕРДЦЕВ, освободившись от КОЗЛОВА, побежал к своему дому, последний до самой калитки преследовал его с матерщиной и угрозами [...].

После этого ПЫЛАЕВ и КОЗЛОВ встретили колхозника ПУГАЧЕВА. Намереваясь избить его, они оба, со словами: «Ты сукин сын колхозник» бросились к нему. ПЫЛАЕВ схватил ПУГАЧЕВА за руки, а КОЗЛОВ намеревался нанести ему побои, но ПУГАЧЕВ вырвавшись из рук ПЫЛАЕВА побежал к себе домой, там сел верхом на лошадь и поехал в соседний колхоз рассказать о разбойном нападении на членов колхоза. Заметив это КОЗЛОВ перерезал путь ПУГА-

ЧЕВУ и в окoliце изловив его на лошади снова пытался избить, но и тут ПУГАЧЕВУ удалось убежать и скрыться в огородных постройках [...].

Возвратившись в деревню КОЗЛОВ заметил сидящего на крыльце своей хаты члена колхоза - СОЛОВЬЕВА Дмитрия. Подходя к нему КОЗЛОВ с выкриками: «Ты Митька колхозник - так я тебе сейчас покажу... весь колхоз разобью... я бандит колхоза», пытался изловить СОЛОВЬЕВА и избить его. Последний бросился бежать, а КОЗЛОВ преследовал его с матерщиной бранью, до половины деревни [...].

Все показания потерпевших говорят за то, что все эти террористические действия были направлены исключительно против членов коллектива с тем, чтобы путем физического насилия над ними добиться ликвидации колхоза.

К вечеру того - же дня ПЫЛАЕВ пригласил к себе в гости несколько односельчан, а в том числе приятеля КОЗЛОВА и члена коллектива СКОРБЕЕВА.

Здесь, в доме ПЫЛАЕВА, КОЗЛОВ все время, ругая колхоз и членов его, старался вызвать на скандал СКОРБЕЕВА. Выражая свою ненависть к колхозу, он называя себя «бандитом колхоза и обещал до утра» передать всех членов его. СКОРБЕЕВ не обращая внимания на угрозы КОЗЛОВА, сидя за столом, пел песни. ПЫЛАЕВ в это время, как бы уговаривая КОЗЛОВА, говорил ему «Брось Павел, все равно, вся земля отойдет под колхозы, всем нам придется идти и отдать свою землю». На самом же деле эти угрозы являлись разжиганием разбойничьей натуры КОЗЛОВА и он еще больше начал приставать к СКОРБЕЕВУ с разного рода придирками. Но учинить здесь скандал КОЗЛОВУ не удалось. Несмотря на ночное время он пригласил к себе в гости некоторых из присутствующих, а вместе с ними СКОРБЕЕВА и другого члена колхоза МАЛИНИНА.

Кроме двух последних к КОЗЛОВУ

пошли: РОМАНОВ Николай, СОЛОВЬЕВ Василий, его жена и СМИРНОВ Константин. Провожая из хаты РОМАНОВА и МАЛИНИНА - жена ПЫЛАЕВА, как бы предостерегая их от ожидающей неприятности - предложили им не ходить к КОЗЛОВУ, говоря: «Не ходите, как бы там чего не было» [...].

Не придавая значения предсказаниям жены ПЫЛАЕВА, которая является сестрой РОМАНОВУ, - они все же решили обратиться к КОЗЛОВУ.

Через полчаса туда явился и РОМАНОВ Константин. Последний тут же сел за стол рядом со СКОРБЕЕВЫМ и выпил водки, завязал спор о колхозе. На ругань по адресу колхоза и членов его СКОРБЕЕВ изложил свои соображения и доводы, за что РОМАНОВ Константин принялся наносить ему побои.

В это время КОЗЛОВ приступил к другому члену колхоза - МАЛИНИНУ и с криком «всех вас колхозников перебью» пытался наносить ему удары. МАЛИНИН, видя, что он будет избит, вырвавшись из рук КОЗЛОВА убежал. Последний пытаясь задержать МАЛИНИНА, оторвал у его рубашки рукав. СКОРБЕЕВ убежать не успел - РОМАНОВ Константин уже сумел сбить его с ног и продолжал наносить побои.

К нему присоединился разбушевавшийся КОЗЛОВ, оба вместе они до полусмерти избили СКОРБЕЕВА, а затем РОМАНОВ вытащил его в сени и колом добил окончательно.

В момент расправы с СКОРБЕЕВЫМ в сенях, КОЗЛОВ пытался выйти на помощь РОМАНОВУ, но жена непустила его и разоренный КОЗЛОВ ругаясь площадной бранью и шагая по хате повторял: «Всех колхозников перебью». Как только КОЗЛОВ и РОМАНОВ начали свои наступления на членов колхоза, СМИРНОВ имел намерение уйти, но КОЗЛОВ приказал ему «не трогаться с места» и он вынужден был наблюдать кровавую расправу.



РОМАНОВ Николай и СОЛОВЬЕВ Василий, интересуясь последствиями, продолжали оставаться в хате КОЗЛОВА и вместо того, чтобы предотвратить гнусное убийство - поощряли придирки КОЗЛОВА и РОМАНОВА Константина, путем поддержки их мнений о колхозах. В момент расправы в сенях, туда же вышел РОМАНОВ Николай, на глазах которого были нанесены последние смертельные удары СКОРБЕЕВУ.

Убедившись, что «Костик» окончательно добил СКОРБЕЕВА - оба РОМАНОВЫ направились по домам [...].

Наблюдавшая эту расправу жена КОЗЛОВА, войдя в хату сообщила присутствующим свои наблюдения и высказала предложение о том, что СКОРБЕЕВ наверно убит. В ответ на это КОЗЛОВ ответил: «Так

и надо». Но все же желая убедиться в этом, КОЗЛОВ и СОЛОВЬЕВ направили своих жен посмотреть СКОРБЕЕВА. Возвратясь они сообщили, что СКОРБЕЕВ убит и на это сообщение КОЗЛОВ снова ответил: «Ну и черт с ним» [...].

Покойный СКОРБЕЕВ инвалид гражданской войны, потерявший на фронте правую руку.

В среде членов своего коллектива он пользовался общим доверием и уважением. Ему поручали хлопотать о делах колхоза. Неоднократно по поручению членов последнего, он ходил и в Вологду и в Грязовец. Его заметили, как делового товарища и активного организатора колхоза избрать председателем последнего, но террористический акт над СКОРБЕЕВЫМ разрушил планы членов колхоза.

Источник: ГААО. Отдел ДСПИ. Ф. 290. Он. 1. Д. 74. Л. 20 - 20 об. Копия. Машинопись.

* Вообще слухи о приближавшейся войне и скором падении Советской власти были достаточно распространены в крестьянской среде. Известная американская исследовательница Ш. Фицпатрик обратила внимание на то, что по своей природе они являлись производными советской политической пропаганды, информировавшей о неустойчивости международного положения и неизбежности войны с империалистическими державами.

** Из публикации нами исключены ссылки на листы следственного дела, присутствующие в тексте документа.

№ 2. ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА РЕДАКТОРА ГАЗЕТЫ «ВОЖЕГОДСКИЙ ЛЕСОРУБ» В СЕВЕРНЫЙ КРАЕВОЙ КОМИТЕТ ВКП(б)

1 декабря 1929 года.
В Крайком ВКП(б)/ г. Архангельск
30 Октября уполномоченный Вологодского Скрисполкома тов[арищ] Никитин /работает секретарем Вол. УЧК профсоюза/ проводил собрание крестьян деревни Большое Раненье /Липенско Кашкенского Сельсовета, Вожегодского района, Вологодского округа/ с вопросом о выходе в лес. На собрании /по объяснению присутствующих/ было задано ряд вопросов /о нормах снабжения хлебом: как будет выдаваться хлеб с выработки или поденно и др./. Кроме того, крестьяне требовали, чтобы им ответили четко будут ли выданы все товары, а некоторые из присутствующих заявили: «Вот и прошлый год вы обещали выдать мануфактуры, сахару, а не выдали, так может и сейчас ничего не будет». На все эти /и другие/ вопросы крестьяне четкого ответа не получили. Затем, когда тов. Никитин поставил вопрос о немедленном походе в лес - многие крестьяне заявили: «Сейчас не пойдем, а вот отпразднуем праздник, тогда выйдем все праздник у них был 4 Ноября вроде «Покрова»/. На собрании Никитин поставил вопрос резко, а заведующий Уфтыогским учлесхозом Круглов /член ВКП(б)/ заявил: «пока Вас человек 5 не арестуешь и не отведешь в Вожегу то без этого никакого дела с Вами не выйдет». На это некоторые из присутствующих ответили: «арестуйте хоть 10 чел[овек], а до праздника в лес не пойдем». И крестьяне не пошли.

Возмущенный таким положением, тов. Никитин требует от приехавшего в Б. -Раненье зам[аместителя] секретаря Райкома ВКП(б)/ /Вожегодского/ и инструктора РК тов[арища] Чулкова принять решительные меры. Не долго думая, Чулков отдает распоряжение Председателю Сельсовета арестовать пять

участников собрания и отправить немедленно в Вожегу /Райцентр/. 11 Ноября Председовета ночью арестовал всех указанных 5 чел[овек]. И направил в Вожегу.

Дня через 2 арестованные прибыли в Вожегу /до Б. Раненье 80 килом[етров]/, на имя Председ[сателя] РИКа. У них имелась одна бумажка, где было написано: «Препровождаются в Ваше распоряжение такие-то /указано 5 фамилий/, все материалы и показания об ареста даст устно тов[арищ] Никитин».

НИКИТИН ровно ничего не мог объяснить, почему арестованы эти 5 чел[овек], а только рассказал, что написано выше. Среди арестованных оказались: 1 бедняк и 1 батрак, по несколько лет освобожденные от с/х налога, 2 середняка /один из них платит с/х. налога 4 рубля, другой - 5 р./ и пятый платит налога 24 рубля.

Все вожегодские власти не знали, что делать с арестованными. Материалов на них - никаких ни у кого не было. Интересно получилось: Пред[седатель] ВИКа* направляет арестованных в милицию, чтобы последняя занялась с арестованными. Милиция, не зная, что с ними делать, направляет их к уполномоченному ОПТУ, а последний Коптяев идет в Райком ВИКа и заявляет: «Я не арестовывал и никого об этом не просил, арест сделал Ваш работник, так скажите, что вы с этим будете делать?».

Потом, наконец, за дело взялись все вместе, собрали арестованных и стали беседовать. Никто из арестованных не знает /так говорят, по крайней мере/ за что их арестовали. Кроме того, среди арестованных был секретарь комсомольской ячейки, член СИЛР, который 26 Октября работал в лесу и пришел специально из лесу на собрание /30 октября/. За несколько дней до 30/х

этот секретарь ячейки организовал собрание группы из бедноты, на котором из 20 чел. - 14 голосовали за немедленный выход в лес и непразднование религиозного праздника.

Только по чистой случайности удалось узнать, один из арестованных /который платит налог 24 рубля/ является мельником.

Когда к тов. Никитина спросили: «знал ли ты Чулковым при аресте, что этот человек мельник?», Никитин ответил определенно: «Нет».

С арестованным беседовали и вместе допрашивали и по одиночке - никак не удалось ничего найти, хоть какие подозрения в чем либо, за исключением мельника**. Последний, действительно на собрании выступал и говорил против немедленно выхода в лес. Остальные на собрании ни слова ни проронили. Батрак объясняет свой арест тем, что «как то 2 недели назад я был выпивши, шел по деревне, а навстречу идет десятник с дубиной и хотел меня огреть дубиной по затылку, так вот, должно быть», говорит батрак, «за то и арестовали, как за драку».

После беседы четырех отпустили немедленно, начальника задержали, на него набрали материал.

Характерно отметить, что когда на собрании 30/X сказали об аресте 5 чел[овек] / что, мол, не арестуешь, тай не пойдете/ то крестьяне тут же заявили: «мы крепко стоим за советскую власть, это она наша власть, и мы докажем не словами!». И тут же на собрании /30/X/ решили устроить субботник, который состоялся 2 и 3 ноября. Все заработанные деньги /работали на лесозаготовках / решили передать на общественные нужды /на пожар-

ную машину, на радио и пр./. В субботнике принимали участие ещё крестьяне ближних деревень, /в первый день работало на субботнике 350 человек/. Это было ещё до ареста.

Надо отметить, что среди крестьян никакой разъяснительной работы не было проведено. Надо полагать, что если бы по хорошему разъяснить, крестьяне вышли бы в лес немедленно.

Вожегодский Р[айонный] К[омитет] обсудил это положение сразу, после получения таких извещений. Чулкова немедленно отозвали из района, решили снять с работы.

До этого за Чулковым числилось не мало случаев извращения классовой линии. Так в последних номерах «Большевистской Мысли»*** он поместил статью и Тигино, где сказал роль сельсоветов / говоря, что в районе сплошной коллективизации с / советы не нужны /. Не так давно, он был неделю в Марьинском колхозе «1 Мая» и совсем «не заметил», что в колхозе из 21 хоз[яйств] - 8 кулаков и что выравнение находится в руках кулаков. До Вожеги Чулков работал инструктором Вологодского Укома**** Партии. Ячейка ВКП(б) / в которой состоит Чулков, обсудила о поступках Чулкова и исключила его из партии /Теперь Чулков обжалует решение ячейки/. О Никитине - ничего неизвестно.

Прилагаю заметку о колхозе «1 Мая», где Чулков был неделю.

1 декабря 1929г. С Ком[мунистическим] Приветом

Станция Вожега. Вологод[ского] Округа

Редактор / выездной редакции / газеты «Вожегодский лесоруб».

/подпись/ С. Гранский.

Источник: ГААО. Отдел ДСПИ. Ф. 290. Оп. 1. Д. 289. Л. 83 - 85. Копия. Машинопись.

* В данном случае и далее в тексте документа имеется в виду Вожегодский исполнительный комитет Совета рабочих и крестьянских депутатов.

** В данном случае сработал фактор социального положения. Мельников, как правило, относили к представителям зажиточной части деревни.

*** Ежемесячный журнал, издаваемый Северным краевым комитетом ВКП(б).

**** Уездный комитет ВКП(б). Уезды существовали до проведения районирования в 1929 году.

№ 3. ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА КОМАНДИРА БАТАРЕИ П/ПОЛ. МАКАРОВА О ПРОВЕДЕНИИ РАЗЪЯСНИТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ В РАЙОНЕ КОМПЛЕКТОВАНИЯ ПОЛКА.

9 февраля 1930 года.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ

О работе в районе комплектования 8-й батареи 10 артполка / Высоковский и Краснобереговой с[ельский] с[овет]

Кубино/Озерского РИК»а*

В районе прошла сплошная коллективизация, большинство деревень 60% вошло в колхозы в октябре-ноябре м[есяц]е и 30% окolleктивизировалось в конце декабря и начале января с.г. Лишеницы, кулаки и прочие чуждые колхозам составляют около 10% населения.

В Высоковский с[ельский] с[овет] я прибыл утром 29/1-30 г. Получаю сведения о неблагополучии с коллективизацией в Исаевском с[ельском] с[овете], крестьянин мне рассказывал, что у них в с[ельский] с[овет] приехал неизвестный человек, каковой по их мнению или ВРЕДИТЕЛЬ-САМОЗВАНЕЦ или имеющий громадную власть и когда я стал уточнять мне он рассказал следующее: что он вербует в колхоз лишенцев, раскулачивает кулаков, тот кто не идет в колхоз им сулит «Соловки», ликвидацию имущества, в д. Исаево крестьянин спросил его фамилию он ему ответил СУШИ СУХАРИ и завтра в 9 час. Придешь ко мне в с[ельский] с[овет]. Об этих же фактах подтвердил и председатель Высоковского с[ельского] с[овета], который мне сказал, что я мол там палку перегнул, ну да ничего.

Получив такие сведения 1Л1-30 г. я поехал в Исаевский с[ельский] с[овет], остановившись в дер[евне] Дор я узнаю, что кр[естьяни]н д[еревни] Дор обложен индивидуально, каковой собирает подписи у бедняков о том, что он неимущий, т.е. хозяйство его бедняцкое и как будто его научил вот этот тов[ариш]. Попутно я узнал, что это так работает ударник по проведению месячника животноводства, рабочий с ф[абри]ки «Сокол» тов[ариш] КИРОВ.

Заехав в дер[евне] Исаево, остановившись у бедняка АЛЕКСАНДРОВА спросил как он живет. Он ответил, что живет ничего. 4-й день как в колхозе. Тут я попросил рассказать как у них организовывался колхоз, он говорит, что 3 дня тому назад ко мне в дом вечером пришел какой-то неизвестный человек, снял шапку и стал молиться богу и все начинал «господи помоги», потом он обратился ко мне спросил меня «НУ В КОЛХОЗ ПОЙДЕШЬ ИЛИ НЕТ». Я не знал, что ответить и долго ничего не отвечал, потом сказал, что если все пойдут, так и я пойду. Он ответил, если не пойдешь так опишу все имущество. «У меня батюшко нечего» - говорю ему - «писывать-то». Пойдем ответил он, ну говорит собирай собрание да ЧТОБ СКОРЕЙ ШЛИ и тогда собрались крестьяне, он заявил кто хочет записаться в колхоз. Все молчат тогда он начал спрашивать с крайнего дома. Мужики стали просить дать срок до утра, надо говорят посоветоваться с домашними. Он ответил что никаких отсрочек - решайте сейчас и так поочередно дошел до последнего дома. Ни кто не записался и только хозяин последнего дома ответил, что я могу записаться, тогда он обрадовался и сказал, что вот, вот молодец всегда так, а он как - будто лишенец сведений не проверил**. [Затем сказал] - а впрочем тот кто не идет так и не надо, тем место в Соловках, я их отправлю в Соловки богу молиться, ну так никто больше не хочет. Все молчат. Ну теперь товарищи свободны, кто записался в колхоз, а остальные не имеют права отсюда уходить, сейчас пойдем с описью имущества. Одевает шапку и хочет уходить, тогда один из крестьян встает и говорит, ну что ребята видно надо идти в колхоз, иначе нет выхода, тогда запишите меня и за ним стали писаться остальные. Крестьянин ГАВРИЛОВ спросил, что же нам обещают СО-



ЛОВКИ можно узнать вашу фамилию. А [он сказал] кто мою фамилию кто там спрашивает, я спрашиваю отвечает ГАВРИЛОВ. Так вот, что суши сухари и завтра приходи в [сельский] [совет]. Тогда мы уж стали бояться с ним и разговаривать. Тогда я ни попросил позвать ко мне переменников Дранищина и Лаврова, они мне рассказали, что он запугал всю деревню и мы говорит боялись с ним разговаривать, а то ещё арестуют как он уже обещал ГАВРИЛОВУ.

Переменник ЛАВРОВ рассказал, что он ехал на лошади тетки, по дороге его догоняет т[оварищ] КИРОВ, сел к нему в сани, доехал со мной до колхоза Пламя. Тут меня он остановил и говорит, что лошадь твоя арестована, она останется здесь, а ты можешь идти, я спросил за что. Он сказал не разговаривать. Я думаю, если буду спорить то он меня арестует, взял и пошел без лошади.

Через три дня после организации [колхоза] приехал в деревню к нам с обыском к гр[аждани]ну КУСТОВУ. Ищет заколотую телку, а телка

стоит на дворе и ест сено. Тут он обозвал всю деревню бандитами, арестовал КУСТОВА и когда убедился, что телка на дворе тогда говорит ты бандит как - бы корову не зарезал и приказал только что отелившуюся корову перегнать в колхоз Пламя около версты. Кустов стал говорить, что зачем это, тогда он сказал и лошадь ведите не разговаривайте, вступились два крестьянина. Тогда он приказал и этим крестьянам вести лошади в этот колхоз Пламя и так было все уведено. Пришел Председатель Правления колхоза и говорит ну и жару он нам нагнал и Правление у нас выбрано наспех, туда попали не те кого нужно.

Получив таковые сведения, поехал в [сельский] [совет] по приезде я встретил массу людей, оказывается было собрание бедноты и сельского актива, которое было созвано За[ведующим] Окр[ужным] Фин[ансовым] Отделом т[оварищем] ВИНОГРАДОВЫМ и оно уже кончилось. ВИНОГРАДОВ спешил в [село] Кубинское я попросил его задержаться. [но] он

ушел на квартиру к КИРОВУ. В комнате сидел пред[седатель] с[ельский] с[овет] и масса толкалась после совещания гр[ажд]а[н]. Я обратился к гр[ажд]а[нам], что решили на совещании и как они живут. Передо мной стояла молодая женщина заплакала, говорит, что их всех как 4 дня загнали в колхоз и мы боимся, что теперь пропадем все. Я стал рассказывать о значении коллектива мои слова прервал гр[ажд]а[нин] с вопросом тов[арищ] командир скажите могут или нет насильно втащить в коллектив. Опять-таки стараясь разъяснить выгоду крестьянину в коллективе, но тут несколько спросили вы ответьте могут или нет и тогда я сказал, что не могут. Но тут такой поднялся галдеж и посыпалась брань по адресу т[оварища] КИРОВА. Когда я спросил о работе т[оварища] КИРОВА у пред[седателя] с[ельского] с[овета] он мне ответил, что ничего не знает КИРОВ строит у него в с[ельском] с[овете] колхозы и ничего худого не слышал / вообще показал близорукость /. Когда я увидел тов[арища] КИРОВА и стал с ним говорить о случившемся в основном КИРОВ не отрицал, но в некоторых фактах не признавался и тогда я о

всем поставил в известность т[оварища] ВИНОГРАДОВА, то ВИНОГРАДОВ стал расхваливать работу КИРОВА и тов[арищ] ВИНОГРАДОВ сказал, что поддержите проведенную мною компанию по сбору недоимок. Между прочим ко мне подошел кр[ест]ьяни[н] и говорит, что завтра ко мне придут с описью имущества за страховку***, но мне Маслоартель за 4 мес[яца] не платит за молоко, как быть, товарищ. Оказывается, что ВИНОГРАДОВ поприпугнул крестьян и сказал, что я ничего не знаю с Маслоартелью а мне платите недоимку и только, а не заплатите так опись имущества.

ВИНОГРАДОВ мне сказал, что в Маслоартели нет денег, с них нечего взять надо нажимать на крестьян.

В общем, положение шаткое в настоящее время необходима работа по разъяснению крестьянству о значении коллективизации, а главное практическая помощь в организации, а то чувствуется распад и если не будет проведено никакой практической организационной работы то такие наспех созданные колхозы могут развалиться.

п.п. Командир батареи - МАКАРОВ.
9/11-30 г.

Источник: ГААО. Отдел ДСПИ. Ф. 290. Оп. 1. Д. 389. Л. 27 - 27 об. Копия. Машинопись.

* РИК - районный исполнительный комитет.

** В данном случае присутствует ссылка на советский лозунг о том, что колхозы должны создаваться из бедняцко-батрацких и середняцких слоев деревни, исключая кулаков и лишенцев, которые рассматривались как «чуждые элементы».

*** Вероятно, имеются в виду недоимки по обязательному государственному страхованию.

№ 4. ПИСЬМО ЖИТЕЛЕЙ ДЕРЕВНИ ТУРОВО ВОЛОГОДСКОГО РАЙОНА ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б) И.В. СТАЛИНУ

Весна 1930 года.

Генеральному секретарю ЦК ВКП(б) / тов[арищу] СТАЛИНУ
копия крайком ВКП(б) /, Вологодскому окружному ВКП(б) / и Вожегодскому

Райисполкому Вологодского округа.
Гр[ажд]а[н] Вологодского округа Вологодского

Района Раменского с[ельского] с[овета]. Дер[евни] Турова.

Нижеподписавшиеся.

По поводу ликвидации кулачества, как класса в настоящее время во всех изданиях газет уделяется особое внимание т. к. из статей по сему поводу видно, что данная кампания проведена с громадными уклонами и загибами от правильной линии ЦК ВКП(б) / и Крайкома особенно об этом ярко подчеркнул автор «А» в газете Северная коммуна от 3-го марта с /

г. №11, в статье «Ликвидация кулачества, как класса в Северном крае. Остановившись на таком важном и серьезном вопросе нельзя умолчать о таких вопиющих безобразиях какие допущены в связи с этой кампанией в нашем темном медвежьем углу, каким является наша деревня со стороны местных органов власти тем более с народом темным и некультурным. Теперь мы и перейдем к факту действий с какового началась эта кампания. Основной налог* у девяти /9/ чел[овек], которые в дальнейшем оказались кулаками по окладным листам фигурировал от 8 до 24 руб. В октябре мес[яце] 1929 г. Раменским с[ельским] с[оветом] наш налог был повышен от 27 до 77 руб. Это повышение было проведено как %-ое повышение по сельскому хозяйству, но ни одно не было проведено в индивидуальном порядке, т.е. признаков обложения в индивидуальном порядке не было. Деньги со стороны нас гр[ажд]а[н] были уплочены и поспею поводу были поданы заявления в Во[е]жгодскую райналог. комиссию о скидке этих добавочных и незаконных налогов / согласно законоположения о едином с/х налоге. Но результатов, как отказа или удовлетворения просьб отпуда не последовало. Так шло время до 6 февраля с/г. В ночь с 6-го на 7-е февраля со стороны членов с[ельского] с[ов]та и секретаря Роменского с[ельского] с[овета] и др. У нас гр[ажд]а[н] в числе 9 чел[овек] была произведена внезапная опись всего нашего имущества. Некоторые из описывающих, во время описи определенно сказали, что одевайтесь в теплую, но единоличную одежду, т.к. через 5 дней вы будете отсюда выселены неизвестно куда. После окончания описи сразу же были отобраны ключи от амбаров с хлебом и у некоторых ключи от оленков с одеждой. Лично нам дали продовольствия на каждого едока 6 килограмм на месяц, при том лишили всех продуктов питания на л[есо]заготов[ки] и получение продуктов из кооперации. Затем обязали подпиской охранения имущества хранить до особого распоряже-

ния. Поставив нечаянно в такие условия неизвестно за что мы гр[ажд]а[н]е хотели ходатайствовать в первую очередь перед Риком о снятии с нас уже в то время индивидуальности. Но так как мы мужчины были каждодневно заняты на л[есо]заготовках то Кинозров И. и Мозгалева И. 9-го февраля с написанными заявлениями послали в с[ельский] с[ов]ет[?] первый сына, а второй жену и что же оказалось. По приезде их в с[ельский] с[овет] Дубасов им сказал, что никакие просьбы от кулаков ни кем и нигде не принимаются и не разбираются. Заверения подписей рук на заявлениях как бедноты так и членов с[ельский] с[ов]ет[?] со стар** с[ельского] с[овета] не будет. Уполномоченный же РИКа Соковикова добавила, что не разговаривать с кулаками, их нужно арестовать. Женщины и мальчишка испугались последнего пустились в бегство чем и спаслись от ареста, оставив на произвол судьбы лошадей и вещи на саях. Лошадь пред[седатель] с[ельского] с[овета] передал в другой колхоз последняя была возвращена в распоряжение нашего колхоза дня через четыре или пять, как в район л[есо]заготовок. 10 февраля у нас гр[ажд]а[н] был отобран весь скот в распоряжение колхоза кроме лошадей на которых мы ездим на л[есо]заготовку. В период с 10 по 17-е уполномоченный вологодского окружкома ВКП/б/ Варенцов каждодневно делал полеты на наши дома когда мы были на л[есо]заготовке. Забирал у кого чего столы, стулья, шкафы и т.п. для красного уголка.

17 февраля когда мы все мужчины ушли в лес на л[есо]заготовку, Варенцов с членами с[ельского] с[овета] и другими 8-ми час. утра начал выселять наших жен, детей стариков, указав квартиры бедняков куда должны идти. В один дом поместили 4 семьи 3 семьи помещицы в одну не отопленную квартиру при таком страшном морозе в то время. При выселении у Мозголева М.Ф. старухи мать 80 лет Воронцов вытолкнул на крыльцо, где последняя лежала без памяти около 1/2 часа откуда её пе-



ретащила мастеровая маслозавода в дом соседа в бесчувственном состоянии, у гр[аждани]н[а] Фомичева невестку Евдокию в полумертвом состоянии, с полугодовалым ребенком вытолкнули на крыльцо, где за последней закрыли ворота, Фомичева Евдокия лежала на крыльце без памяти уронив ребенка на снег, последнего едва удалось спасти от смерти соседи совершенно не смели подойти для оказания помощи, т.к. были предупреждены чтобы не оказывать никакой помощи кулакам у гр[аждани]н[а] Жителева М. старика 65 лет сняли валенки и дали последние плохого качества и отобрали деньги в сумме шесть руб. 40 к. /6-40/ Гр[ажданин]н Мозгалев Д. Ф. 51 [год] калека разбит параличом еле двигавшийся просил у учителя Кокорина принять его в колхоз, т.к. перейти в другую квартиру нет сил последний совершенно отказал ему. В этом положении, Мозгалев оказался безвыходным почему он покончил жизнь самоубийством, выпив с литр вина. Это факт не самоубийства, а убийства со стороны Кокорина. Все имущество оставшееся после выселения осталось без последствий, а также передачи или принятия кем либо в общем на произвол судьбы без накрытия.

Только спустя дня 3-4 его собрали в одно место и закрыли под замок. В этот период возможно происходит разбазаривание такового, т.к. четыре дома стоят пустые и ни кем не заселены, но ответственность за сохранение с нас не снята, с нас не снята*** и расписка нам нам не все возвращены кроме того в настоящее время вещами описанными пользуются отдельные гр-н с разрешения членов в [сельского] сов[ета] т.к. ключи находятся у последних. Кроме всего этого на продаже всего имущества Роменским в [сельском] сов[е]том, были назначены торги 8-го марта с/с**** через вывеску объявлений на видном месте наших деревень. Но таковые почему то не состоялись, причина для нас неизвестна. Теперь живя в квартирах бедняков, а бедняки в наших, нас удивляет то обстоятельство, что соседняя с нами деревня и район, где эти же кулаки живут в своих домах, и пользуются своим скотом и всем другим здесь, как будто он один закон, а для других совершенно другой. В чем и где правильность? Выходя из всего этого плач вопиющих, но нет слушающих этот вопль. Представить себе /58/ человека только в одной деревне чуть ли не лишены прав. Старики, женщины, дети эти безвинные существа. За что только страдают и проливают слезы. Неужели это все крупные кулаки нет далеко неверно. Это совершенно неправильное понимание линии ЦК ВКП/б/ это крупное отступление от линии партии по поводу раскулачивания благодаря темноте деревенских масс. Благодаря во многом личным счетам, благодаря злу. Здесь мы считаем, что крупное непонимание или крупный перегиб, главное со стороны уполномоченного Воронцова и учителя Кокорина, уполномоченного РИКа Соковой и деревни, а также и [сельского] совета Вот кто главные виновники. Вся наша деревня есть не какая-нибудь промышленная, а только ещё дающая хлеб для прокормления года побочный заработок это лесозаготовка с самой осени до разлива речек вот основное чем живет деревня.

Только все факты неправильностей указанные автором «А» в выше указанной заметке прошли через нас, даже еще хуже чем описано в данной статье т.к. дети и женщины дрожали при посещении Воронцовым чужих квартир, ибо он всегда забегал, как жандарм и смотрел всегда как на собак, обращаясь с грубыми выкриками. Главное обидно то, что мы чувствуем и отлично знаем, что мы не кулаки, но выпили ту чашу, которую должны выпить ярый кулак и противник власти или вредитель, но этого мы никогда не заслуживаем. На основании вышеизложенного убедительно просим вас уважаемый т[оварищ] Сталин обратить на все это серьезнейшее внимание и дать точное указание местам***** дабы и избежать

тех крупных ненормальностей которые допущены к крестьянину середняку.

Тем более желательно расследовать факты указанные нами ибо это чистейшая и не опровергаемая правда но места очень мало уделяют внимания нашим просьбам и письмам. В праве или нет человек отнесен к кулаку, но если попал то испытай ту долю, почувствуй всю силу пролетарского кулака, хотя в результате бывают ошибки, но исправлять их уже поздно факт Мовгалев - это могила уже этого не вернешь.

Вот почему мы и решили вам написать данное письмо одновременно поставить в известность соответствующие органы вплоть до РИКа.

К сему фамилия Могилев, Кинозеров, Левачев Фомичев и другие.

Источник: ГААО. Отдел ДСПИ. Ф. 290. Оп. 1. Д. 453. Л. 28 - 29. Копия. Машинопись.

* Имеется в виду сельскохозяйственный налог.

** Неясно, кого имеют в виду авторы документа. Возможно, старшину или старосту. В таком случае само выражение является анахронизмом.

*** Фраза повторяется дважды в тексте документа.

**** Так в документе. Вероятно, описка, сделанная в ходе копирования документа. Следует читать с/г.

***** Имеются в виду местные органы власти.

№ 5. ПИСЬМО Е. П. КОРЕЛЬСКОЙ В КОНТРОЛЬНУЮ КОМИССИЮ СЕВЕРНОГО КРАЕВОГО КОМИТЕТА ВКП(Б)

Март 1930 года.

В ГУБЕРНСКУЮ КОНТРОЛЬНУЮ КОМИССИЮ

От беднячки Корельской Екатерины Петр[овны],

Холмогорского района,

В.Матигорского [сельского] совета,

[деревни] Климовской

Заявление

Настоящее я Вам заявление подавала накануне старого рождества на ЛЕОНТЬЕВА Михаила Павловича как секретаря парт[ийной] ячейки ВКП(б). Вы послали со мной НИЗОВЦЕВУ в Холмогоры, что было мне неизвестно. 12 января я было уехала со скотом проводником в Санпург. Было общее собрание, на этом собрании ставили вопрос на счет меня ЛЕОНТЬЕВ, что он хотел сделать со мною я не знаю, все гр[ажд]а не зас-

тупились за меня и тут был тов[арищ] НИЗОВЦЕВ, здорово пробирали его за нападение на меня. Еще выговор давал, с кулаком и свадебничал, с кулаком и пили и угощались, а было собрание в молочной артели, разбирали заявления сепараторщиков* без него. Вот теперь НИЗОВЦЕВА сняли от нас с работы, теперь он ЛЕОНТЬЕВ снова дело раздувает совместно со своими друзьями товарищами. Все-таки по личным счетам, как видно хотят меня выслать из своего предела административным порядком, как ранее Вам заявляла вот я ездила в Санпург около месяца, все раскулачивание было без меня и проведена коллективизация. Когда я домой прибыла в феврале м[еся]це слышу кандидат партии женщина ЛЕБЕДЕВА говорила нам



во время, как вещи отбирали, то партиець **НОГИНОВ** из комиссии себе взял часы ручные без всякой оценки женскую шубу, которая стоит пятьсот рублей, а он оценил 170 руб., эту шубу себе взял, потом другие говорят хорошие пимы стоят двадцать рублей, а он оценил 4 рубля, взял своей жене, потом взял самую лучшую постель, одеяло и подушки, отобранные вещи распорядился продавать, а потом обратно относить. Что касается во время отбора много ценной посуды переломали, даже дорогой теряли. Это польза для колхоза? Я вот и пошла на собрание бедноты в [сельский] совет около 17 февраля, на этом собрании бедноты видела только 3 бедняка, а тут средняки. Вот тут был [в] этом [собрании] **НОГИНОВ**, да **ШАНЬГИН** средняк, **ТЕМКИН** Федор. постановляли лишенцев в кулаки. **ЛЕОНТЬЕВ** Михаил Павлович с яч[ейкой] партии втроем такими кулаками ставили рубаха с плеч, а другая на плечи, все по личным счетам. Как

ШАНЬГИН начнет высказываться про кулаков - одного слова правды нет, так и **ТЕМКИН**. Я стала говорить про **ШАНЬГИНА** и **ТЕМКИНА**, вы их слушаете, так и **ЛЕОНТЬЕВА**, они дома не были в 18 и 19-м году были на службе**, а **ШАНЬГИН** был председателем нашего **ВИКа**, большую растрату сделал, а ранее растраты из партии был выгонен. Был председателем, делал фальшивые росписки, его судили, был наказан, потом скрылся в Ленинград. А Федор **ТЕМКИН** большевиков топил в проруби, а вы их слушаете. **ТЕМКИН** не взлюбил [меня за то], что я про него сказала. Он приказал **ЛЕОНТЬЕВУ**, ты дело делай, тебе велено на счет **КОРЕЛЬСКОЙ**. Вот я еще сказала **ШАНЬГИН** второй раз ходил к игумен[ц]у, [когда та] уже была раскулачена, взял в карман себе, серебряные ложки, унес домой, а **НОГИНОВУ** со стороны стали говорить, ты про шубу, я тоже сказала и почему посуду сломали, почему старуху **ОКУЛОВУ** Марью Ильинишну 70 лет

напинали, за грудь давили. Так не надо было делать, надо было аккуратно. Вот что указанное мной все это было справедливо, я сказала им - не понравилось. Руководитель был собрания секретарь яч[ейки] партии ЛЕОНТЬЕВ. [со] своими вышеуказанными товарищами заявили в милицию, а милиция в ГПУ, тут уже к ним присоединилась белого бывшего прапорщика жена БЕРДЕННИКОВА Пелагея, которая все время была напротив советской власти шла, хранила револьверы мужнины, передавала любовнику своему, который имел семью застрелил чтобы жену свою и меня. Она скрывала коменданта и офицера. Вот теперь она записалась в колхоз, взята на работу в телятник. Стала сплетничать председателю колхоза ВАШУКОВУ, а также НОГИНУ, чтобы они меня смели с земли. Эта ВЕРДНИКОВА во время ранее описи скрывала имущество, кое-что кулака. Вот все организовалось тут на БЕРДНИКОВА. Живет совместно с контрольно-ассистентом с КЛЫКОВОЙ, которая ко мне ранее ходила на контроль, я ее более двух месяцев не видала, они начали на меня сплетничать. Я пилила дрова одна, мимо меня шла ОКУЛОВА ПАВЛА, пособила две чурки отпилить. БЕРДЕННИКОВА и КЛЫКОВА мимо нас шли и не видели были дома, они в далеком расстоянии сквозь стены слышали, будто я ОКУЛОВОЙ пристрастно говорила, вот вызывали на допросы. Как я ничего не говорила и она не слышала, только видесь 10 минут, говорили про свое, вот вызывали меня в ГПУ уже насплетничали, ГПУ сказали мне нераспространять про комхоз***. О чем моя душа не знала и не думала, [так о том, что] ты в комхозе не можешь быть и работать, [...]**** на то, что я беднячка. Мне пришлось выписаться и сказали из сельского совета не отлучайся никуда, вот такие пристрастия. Вся напугана, или убейте все равно, ссылайте, раскулачивайте меня с сиротами и ссылайте правду говорит[ь] буду растратчик ШАНЬГИН, ЛЕОН-



ТЬЕВ ребенка крестил попом, партиз[е]ц держит правый уклон, был в белой армии, служил с ТЕМКИНЫМ, топил большевиков. Вот еще скажу Вам партийцы не должны ничего покупать из кулацких вещей, а не то бесценно брать, вот ЛЕНИН не стремился хорошо жить, одевать лисьи шубы, проводили раскулачивание, многих не за что раскулачивали крестьян, а которые заслужили их не задели, идут рука об руку. Возьму пример - много говорили писали о ликвидации неграмотности и малограмотности, моя дочка 1 малограмотная - комсомолка, была секретарем ячейки, она записалась учиться - малограмотная, я сама просила учительницу БУРМАКИНУ, которая учила малограмотных, она сказала ей я накажу, ой выпиши я просила арифметики больше поучить, семь месяцев прошло [...]****, она сама ходила их дома нет все это говорят за то, что учительница жандарма дочь и вышла за попова сына, это доказала ЛЕОНТЬЕВА. Перевели секретаря партийной ячейки в Ломоносовское общество избачом, оттуда ГУРЬЕВА - сын кулака торговца вином,

имел свой маслодельный завод. Вот этих как учительницу БУРМАКИНУ Павла Афанасьевну, ГУРЬЕВА и ЛЕОНТЬЕВА, этих секретарей нужно лишить избирательных прав, отправить на заготовки лесные. Вот ЛЕОНТЬЕВ все силы ложит - меня на высылку, как Вы можете нет его самого наказать, когда Вы приезжали по чистке партии, сами предупреждали, Вы не бойтесь, что знаете говор мы Вам говорили, мы за правду высказались, им не понравится, Вы уедете, а мы останемся, они хуже будут мстить, вы - комиссия ответить не посмеют, если будут, что делать, Вы пишете жалобу на них. Меня совсем претесняют, второе заявление пишу, как проста бумага. Если - бы я была очень грамотная написала - бы Вам четыре строчки. Вы поняли, что я малограмотная,

пишу Вам 6 страниц, все наверное без пользы, нам не знаем куда и где искать защиты. Это позор скажу? если вышлют меня на ссылку, беднячку-труженицу они заставили из колхоза выписаться, где наш дорогой защитник, заступник тов[ариш] ЛЕНИН, пошли его к нам, когда он жив был нам жилось хорошо, но сейчас на его [...] (в вашей Губ. КК таковой защитника вызываю на защиту себе, упомянутые мои враги не могли погубить меня. Я так живу во своим хозяйстве с ребятами в нужде, как напрудилки, неоднократно прошу Вашего содействия привлечь зачинщика ЛЕОНТЬЕВА, всех выше упомянутых тов.тов.*****. Дайте ответ. С часу на час ожидаю ареста. Прошу Вашей защиты спешно.

Заявительница - /КОРЕЛЬСКАЯ Е.П./

Источник: ГААО. Отдел ДСПИ. Ф. 290. Оп. 1. Д. 49. Л. 23 - 23 об. Копия. Машинопись.

* Владельцы сепараторов. В годы коллективизации владение сепаратором считалось явным признаком зажиточного хозяйства.

** Автор письма пытается компрометировать своих оппонентов. В данном случае подразумевается, что они находились на службе у белых. Следует иметь в виду, что Холмогорский уезд контролировался войсками ген. Миллера.

*** Так в документе. Имеется в виду колхоз.

**** Часть текста утеряна. Слово неясно.

***** Повтор в тексте документа.



ИСААК ПОДОЛЬНЫЙ

ПИСЬМА СОЛДАТА ВЛАДИМИРА БОЙКО

Работая над материалами истории 286-й Ленинградской Краснознаменной стрелковой дивизии, я получил истинное удовольствие познакомиться с ветеранами этой героической воинской части, прошедшей боевой путь от Ладоги и почти до самой Вены. Немногие оставшиеся в живых ветераны написали мне письма. Среди них академик Кармишин, испытатель отечественной космической техники, поэт-песенник Леонид Гольдман-Ясень, песню которого «...помнит Вена, помнят Альпы и Дунай...» любит наш народ, солдат Владимир Бойко - участник боев на Зееловских высотах и штурма Берлина.

Рассказы о некоторых из героев вошли в книги «Надо идти на фронт», «Они победили. Жизнь замечательных людей моего поколения» и «Любям XXI века».

Но жизнь продолжается и раскрывает новые детали в судьбах героев...

**Пока он жив и почести достоин,
Пока крепит отечество свое.
Но будет день - уйдет последний воин
Далекой той войны в небытие.
Вы, юные, позиций не сдавайте.
Для вас он рвал захватчиков кольцо...
Смотрите и навек запоминайте
Живого Победителя лицо.**

Ю. МЕЛЬНИКОВ

ПЕРВЫЕ ТРИ ПИСЬМА

В канун 60-летия Великой Победы мне удалось опубликовать небольшой книгой попавшие ко мне воспоминания ветеранов 994-й полка 286-й стрелковой дивизии. Эта дивизия одной из первых летом 1941 года была сформирована в Череповце и на станции Шексна Вологодской области.

Дивизия впервые вступила в бой 2 сентября 1941 года в районе села Вороново Ленинградской области. Главный подвиг дивизии состоял в том, что она смогла ценой огромных

потерь остановить продвижение немцев к берегу Ладожского озера и тем спасла ледовую Дорогу жизни. За это дивизия получила наименование Ленинградской Краснознаменной, а ее полки по дороге к Победе стали именоваться по именам победных сражений. Так, 994-й полк стал называться Краковским.

В книге воспоминаний И. Зыкова, В. Чигиринова и С. Орлова «Надо идти на фронт» написано о первом годе сражений этого героического соединения.

Через Совет ветеранов мы постарались направить книгу дивизии и семьям погибших. В ответ ко мне, как редактору книги, стали приходить отклики. Книга подарила знакомства с очень интересными людьми.

Три года я получал письма от ветерана дивизии, бывшего солдата Владимира Степановича Бойко. Этот очень мужественный человек серьезно болен и практически потерял зрение. Но память его сохранила такие подробности времен войны, мимо которых пройти нельзя. С его разрешения хочу воспроизвести некоторые фрагменты писем с минимальной правкой текста.

Письмо от 8 июня 2005 года.

«Уважаемый Исаак Абрамович!!!

Неожиданно, ровно через месяц после празднования 60-летия Великой Победы я получил Ваше письмо и прочитал его с большим интересом, потому что действительно служил ручным пулеметчиком в 1-м отделении 1-го взвода 8-й роты третьего батальона 994-го Краковского стрелкового полка 286-й Ленинградской Краснознаменной стрелковой дивизии.

Какого-либо отношения ко времени боев на Волховском фронте я не имею уже потому, что на момент начала войны мне было всего 14 лет. Однако в семнадцать лет в 1943 году я был призван в армию... Наш эшелон прибыл в Ленинград в начале зимы 1943 года, и я сразу попал в госпиталь из-за простуды...

Через неделю я был уже экипирован побитой мелкими осколками шинелью, обмотками, одним желтым американским ботинком, безжалостно пропускавшим любую жидкость (очевидно, из обмундирования, предназначенного для войны в африканских пустынях - **И.П.**), и вторым, хо-



Командир батальона 994-го полка
286-й стрелковой дивизии И.А. ЗЫКОВ

рошо начищенным немецким ботинком, имевшим на подметке металлические шипы, от которых при похолодании страшно мерзла нога. Странно, но надо мной никто не смеялся и даже не замечал такой неуставной экипировки.

В самом госпитале меня поразило то, что раненым мусульманам на ужин выдавали маленький кусочек сливочного масла, а нам, славянам, по такому же кусочку американского прессованного сала (шпига).

Вскоре я оказался в ленинградских Казачьих казармах, где мне пришлось присутствовать при расстреле двух дезертиров и грабителей. Они ограбили и убили женщину. Нас, около 1000 человек, выписанных из госпиталей, построили четырехугольником. Одной стороной была кирпичная стена какого-то лабаза... Двух осужденных поставили перед офицерами трибунала. Один из офицеров прочитал постановление о расстреле. Дезертиров держали за руки: один солдат посередине, а двое - по бокам. Раздалась команда «Кругом! Шагом марш!» Дезертиры повернулись и сделали несколько шагов к стене. Один из них крикнул: «Прощайте, товарищи!»

Раздался залп, оба упали и стали биться в судорогах. Я впервые увидел, как умирают расстрелянные. Совсем не так, как в кино... Затем два солдата из караула сделали несколько шагов и выстрелили в упор в бьющихся в конвульсиях людей. Каждый из них, как мне показалось, подлетел на несколько сантиметров и упал за мертвого. Расстрелянных погрузили в машину «ЗИС»...

Таким образом, перед принятием присяги Родине мы увидели, что бывает с теми, кто ее нарушает.

Прослужил я Родине семь лет. И ни за один день мне не стыдно! Считаю, что со службой мне повезло. Могу сказать, что только в армии я стал питаться нормально. А ведь я еще помнил голод на Украине... Особенно хорошо кормили в обороне: два раза в день по полному котелку. Давали и 75 граммов спирта.

На Карельском фронте приходилось ходить ночами в разведку боем. В одну такую разведку увязался с нами и сам командир полка, майор Виталий Константинович Меньков. Мы, солдаты, считали его до безумия смелым. Уже в Польше, на подходе к Кракову, под сильным огнем противника, когда пехота не хотела подниматься в атаку, он сам в передовых окопах вел нас вперед. Уже в Польше во время боев на окружение противника он шел с нами в атаку, призывая: «Даже если убьют, то падай не только телом, но и языком вперед!» Я рад, что и ему довелось пожить после войны.

Помню и нашего генерал-майора Гришина: маленький такой, но уж больно шустрый. Однажды на Карельском перешейке наш взвод куда-то шел по узкой финской дороге, шли вразброд... Вдруг нас догоняет «Виллис». Из него выскочил генерал: «Кто ведет строй?» Помкомвзвода из моряков-балтийцев доложил, как положено. «Кто ж так водит строй?» - и слегка, не больно, ударил его тросточкой по шее. Никто на него не обиделся, это была шутка, а мы впервые увидели машину «Виллис» и нашего генерала...

Когда объявили перемирие с финнами, отремонтировали дорогу через нейтралку, а нас отвели в окопы. Я крепко уснул под кустиком. Вдруг слышу автомобильный сигнал: несколько автомашин едут в сторону финнов.

А я кинулся искать своих... Ох, и попало мне от командира взвода лейтенанта Двуреченского!

Командир, лейтенант, - примерно двадцати трех лет, рослый красавец. Я никогда не видел его пьяным или неуравновешенным. К солдатам

справедлив был и требователен. Солдаты его очень любили.

Но уже в Польше произошел такой случай. Мы шли авангардной колонной. Впереди - боевое охранение. Вдруг на дорогу выскочил заяц. Лейтенант прямо из-под плеча выстрелил из автомата. Заяц убежал, а боец из охранения был ранен...

В тот же день состоялось заседание трибунала: дали нашему лейтенанту семь лет с отправкой в штрафбат. Весь взвод кинулся к комбату и к штабу с просьбой оставить комвзвода в своей части. И нам пошли навстречу: в наступление мы пошли со своим лейтенантом и задачу выполнили. В трудные минуты он говорил нам: «Что ж вы, мальчишки? По уставу я должен идти сзади вас, а мне приходится идти впереди». Он был умен и смел и шел всегда впереди.

Я встретил его в первую неделю после войны: он вел колонну незнакомых солдат. У него прибавились звездочки на погонах и орден Красного Знамени на груди. (Позднее в поисках судеб ветеранов 286-й дивизии я узнал, что капитан Двуреченский 10-го апреля 1945 года стал Героем Советского Союза, а в послевоенные годы отличился тем, что в горах Кавказа возглавил группу лучших альпинистов и в необычно сложных условиях спас группу, попавшую в трагическую ситуацию - **И.П.**)

Служил я вместе со своим одноклассником, но его могила - на старой немецкой границе. Так и погиб мальчишкой, нецелованный, не испытав радостей жизни. Помню множество наших могил около Бунцлау, рядом с памятником, на месте, где похоронено сердце Кутузова. Наверное, там и сейчас сохранилось кладбище павших Героев Советского Союза. Помню кладбище более тысячи наших офицеров около Бреслау, и на многих могилах надпись: «Неизвестный». Бои там были страшные. После очередного ранения мне пришлось участвовать в штурме Зееловских высот, но уже в другой части. Полегли там накануне Победы поротно и побатальонно множество наших. Вечная им слава!

Еще одна мысль возникла в связи с книгой «Надо идти на фронт». Все ее герои и авторы писем - люди штатские. А где же были в начале войны кадровые военные?.. Однажды, когда я работал лектором Сахалинского ОК КПСС, я увидел списки расстрелянных в 1937-38 годах красных командиров всех рангов - от маршалов и до командиров взводов, а еще и членов их семей... После того я не мог читать лекции на тему войны.

Я думаю, что и в этом один из секретов наших поражений первых лет войны.

ДО ВОЙНЫ, ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ И МНОГИЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ ПОСЛЕ ПОБЕДЫ НАШЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ РУКОВОДСТВО СДЕЛАЛО МАССУ ТРАГИЧЕСКИХ ОШИБОК, КОТОРЫЕ ДОСТОЙНЫ НАЗВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ...

Что касается меня, то я и сегодня считаю, что до сих пор мы не до конца выкарабкались из той Победы, которую одержали в 1945 году. Но эта Победа все равно в 1000 раз лучше, чем поражение!»

Второе письмо от Владимира Степановича Бойко датировано 26 апреля 2006 года. В нем - отзывы на мою книгу «Опаленные войной».

Есть в нем и фрагмент воспоминаний, касающихся голода на Украине в 1932-33 годах, когда, по оценкам историков, вымерло там от пяти до десяти миллионов человек. Но автор подтверждает, что и в те труднейшие времена не было на Украине такой межнациональной розни, которую разожгли немецкие оккупанты в Великую Отечественную войну.

Владимир Степанович возмущается:

«...Как простой человек, я не могу понять и простить того факта, что заброшены и забыты множество захоронений, где покоятся зверски замученные фашистами и их пособниками советские люди еврейской национальности. Почти всю жизнь мне стыдно, что после освобождения у захоронений детей, женщин и стариков нет памятников, не проводятся ми-

тинги, не было отдано почестей этим мученикам - гражданам СССР...

Я думаю, что в связи с гибелью трех миллионов советских евреев в годы войны, в связи с выездом евреев в Израиль, в США и другие страны Россия и Украина потеряли такое богатство, которое нельзя оценить ни в каких деньгах, ни в золоте... Что представляло бы наше искусство и наука без Шостаковича, Ландау, Пастернака и тысяч, тысяч других советских граждан еврейской национальности...»

Наконец, в канун 2008 года пришло **третье письмо** из Черкесска, где живет В.С. Бойко. В нем он снова возвращается к теме Победы.

«...Недавно мне пришлось слышать по радио о том, что на Синявинских болотах поглегло по 17 наших бойцов на каждом квадратном метре. Это - рекорд мужества и самоотверженности нашего народа в борьбе с захватчиками. Это и свидетельство преступления нашего руководства, сдавшего в самом начале войны всю нашу армию. 1200 самолетов немцы уничтожили только в первый день войны прямо на аэродромах... А на совести ежовско-бериевской команды тысячи и тысячи уничтоженных **ПЕРЕД ВОЙНОЙ** советских людей, патриотов Родины.

А за что изгнали с родины Виктора Некрасова, написавшего правдивую книгу «В окопах Сталинграда»? За что травили Евтушенко, написавшего о трагедии Бабьего Яра?

Я благодарен вам за брошюру о 994-м полке 286-й Ленинградской Краснознаменной дивизии, из которой я узнал многое о начале ее боевого пути.

НИЗКО КЛАНЯЮСЬ ВАМ И ВСЕМ ТЕМ, КТО РАБОТАЛ НАД ЭТОЙ БРОШЮРОЙ!»

Сегодня совсем мало осталось в живых из поколения Победителей, тех, кто прошел Синявинские болота и Зееловские высоты. Поклонимся ветерану Великой Отечественной войны, награжденному орденом Отечественной войны I степени, медалью «За боевые заслуги» и многими дру-



Владимир Степанович БОЙКО

гими медалями за его ратный и жизненный подвиг и пожелаем преодолеть недуги.

ЧЕТВЕРТОЕ ПИСЬМО

Так случилось, что очерк «Три письма солдата Владимира Бойко» для книги «Они победили» я писал последним. Текст очерка был послан герою с просьбой уточнить некоторые детали. Ответа так и не дождался. Книга ушла в печать. Но что-то беспокоило: чувствовалась в этих письмах недосказанность...

С помощью друзей узнал номер домашнего телефона Владимира Степановича в далеком городе Черкесске. К аппарату подошел хозяин. Он извинялся, что не смог сразу ответить: тяжело болел, долго лежал в больнице, почти совсем ослеп. Сказал, что заканчивает писать четвертое письмо: печатает одним пальцем на машинке почти на ощупь. Поразили его слова, сказанные без всякого пафоса: *«Последние четыре года я тяжело болел. Жить мне осталось то ли месяц, то ли неделя, то ли и вовсе*

считанные дни. Но если хватит сил, постараюсь закончить письмо, без которого печальная повесть о моей жизни не будет полной. Распорядитесь им по своему усмотрению. Прощайте! Мне трудно дальше говорить».

Через некоторое время из Черкесска пришел пакет. Книга уже находилась в печати, и ничего добавить к очерку было нельзя. Но и молчать - нельзя: письмо было предсмертной исповедью, которую сам автор назвал «печальной повестью».

Тут же снова позвонил в Черкесск. Услышал голос жены: «Владимира Степановича мы похоронили позавчера... Он просил благодарить вас за то, что о нем не забыли...»

Опираясь на текст письма и воспоминания замечательной женщины Любви Алексеевны, с которой прожил Владимир Степанович последние четырнадцать лет, попытаюсь рассказать о человеческой судьбе, в чем-то отразившей реалии не лучших времен России прошлого века.

Рядовой солдат Владимир Бойко прослужил в Советской Армии семь лет. После Победы служил в Германии и в Польше. В городе Лигнице познакомился и подружился с немецкой девушкой.

Вот строки из письма: *«За то, что я однажды остался у нее на ночь, начальник части дал мне восемь суток строгого ареста. До сих пор я ему благодарен, т.к. он обязан был отдать меня под трибунал за самоволку более четырех часов.*

На гауптвахте кормили хорошо, но только через сутки. А я в камере бывшей фашистской тюрьмы читал невесть как попавшие туда книги Белинского и Добролюбова. Стихотворение Добролюбова «Для чего вы связали мне руки, для чего спеленали меня...» я помню и сегодня. Во дворе этой тюрьмы фашисты расстреливали советских невольниц. Многих там же и закапывали. Туда же и нас выводили на прогулки.

Вскоре солдата демобилизовали и отправили на родину. А немецкая девушка выдала себя за белоруску и ре-

патриировалась в Советский Союз. Она приехала к любимому. За взятку в 15 рублей, заимствованных в долг у друзей, Владимир Степанович сумел оформить брачное свидетельство. Времена были трудные. Чтобы скрыться от бдительных органов, молодые завербовались на работу в сельское хозяйство Северного Сахалина.

1 января 1952 года они приехали в поселок Ныш. Дали угол в бараке. Три семьи в комнате 30 квадратных метров. Заработки - нищенские, вещей - никаких, продуктов - тоже. Они должны были погибнуть, но помог случай. Как фронтовика, коммуниста, имеющего награды и семилетнее образование, его назначили пропагандистом политкружка. Однажды на занятие зашел секретарь райкома партии. Парень понравился, и предложили ему должность инструктора в райкоме. Так началась партийная карьера, продолжавшаяся 17 лет. За эти годы Владимир окончил Высшую партийную школу ЦК КПСС, стал лектором обкома партии, объездил и облетал весь Дальний Восток. Был секретарем райкома по пропаганде - немалая должность в партийной иерархии тех времен.

В семье рос сын, которого назвали, как и отца, Владимиром. Ездили семьей по всей стране в отпуск. Через семнадцать лет с туристской группой жена, в девичестве Хельга Ригер, поехала в ГДР и нашла там своих престарелых родителей, которые страшно переживали, на многие годы потеряв дочь...

Вернувшись к мужу, она сказала, что хочет восстановить свое немецкое гражданство, чтобы иметь возможность посещать родителей.

Вот тут-то и всплыл на поверхность сознания тот грех, что всю жизнь в глубине мучил честного человека: захотелось ему покаяться в «смертном грехе» обмана партии, в 15-рублевой взятке, которая дала им обоем семейное счастье.

Пойди тогда он с покаянием к любимому священнику, наверняка бы получил отпущение грехов. Но был Владимир Степанович неверующим...

Потому обратился с личным письмом прямо к Леониду Ильичу Брежневу.

Дальше события развивались стремительно. Через три месяца непрерывных разбирательств его уволили с работы со строгим выговором «за неискренность перед партией, за содействие незаконному получению советского гражданства» и пр., и пр. Министр обороны лишил воинского звания, присвоенного в запасе. Лишили наград и ветеранских льгот. Жене предложили немедленно покинуть страну, а ему в выезде с семьей отказали. Отказ обосновали так: «Вы - квалифицированный лектор. Если выедете в ГДР, то сможете бежать в ФРГ и заняться антисоветской пропагандой».

Целый год его нигде не брали на работу. Потом «в порядке партийной дисциплины» отправили на целых 8 лет уборщиком и лаборантом на станцию наблюдения за цунами в пустынный уголок Северного Сахалина. Зарплаты едва-едва хватало на пропитание.

За годы разлуки у Хельги Ригер в Германии и у Владимира Степановича в России сложились новые семьи. Россияне переехали в Черкесск. Немецкая семья приезжала в гости. Вместе ездили отдыхать на Черное море. Сын стал инженером и работает в немецко-российской совместной фирме.

Но фронтовые ранения и контузии, напряженная работа и психологические перегрузки не могли не сказаться на здоровье человека. Лишенный ветеранских льгот, Владимир Степанович и через многие годы не был реабилитирован. Потому в нестабильной обстановке сегодняшней Карачаево-Черкессии кардиоотделение республиканской больницы ему практически отказало в лечении.

Но и в предсмертном письме солдат Бойко не потерял веру в людей. *«У меня в жизни было много начальников и среди военных, и среди гражданских. Удивительно, но почти все они были очень добры ко мне. Просто-му солдату с семиклассным образованием помогли получить высшее*

образование, доверили читать лекции от Хабаровска до Владивостока, от Петропавловска-Камчатского до самых глухих мест Северного Сахалина и островов Курильской гряды. Я всегда старался говорить о том, во что верил сам. Жену любил, сына воспитал честным человеком, но сам себя я всегда строго казнил за грех обмана».

В конце письма были такие строки: «...бесконечно благодарен Вам за рассказ о действительных патриотах нашей Родины, героях 994-го полка 286-й Ленинградской Краснознаменной стрелковой дивизии. Вечная им слава!»

И еще к этому письму была приписка:

«...Бывший солдат, на гражданке ставший офицером и обратно разжалованный в солдаты самим министром. Приказ МО СССР №184 от 4 ноября 1970 года: «...лишить воинского звания старшего лейтенанта...».

Может, судьба солдата Бойко и его семьи в масштабе отечества ничего не значила и не отражала реалии времени, в котором жило наше поколение? Вспомним Маяковского: «Единица - ноль, единица - вздор...». Задаю такой вопрос и не хочу получить на него утвердительный ответ.

Вспомним: браки с иностранками во все времена на Руси не только не запрещались, но и всемерно поощрялись на самых разных уровнях. Женой Ивана III, деда Ивана Грозного, была племянница последнего византийского императора Софья Палеолог. Владимир Мономах был женат сначала на дочери короля Гарольда Английского, а потом на дочери хана половецкого. У трех государей Александров были жены-иностранки, у двух Николаев - тоже. Все это были браки династические. А что можно сказать про брак Петра I, отобравшего у своего сподвижника Меншикова служанку и любовницу, привезенную

из Пруссии Марту Скавронскую? Пленная крестьянка стала российской императрицей Екатериной I.

Но даже официально поощрялось, когда казаки привозили себе жен-пленниц, взятых при набегах на Царьград.

Однажды из похода отставной солдат привез своему барину в подарок пленную турчанку. И стала она матерью человека, достойно прославившего Россию - Василия Андреевича Жуковского. Историки-биографы находят татарские корни в родословных Державина и Плеханова, Тургенева и Тимирязева.

С войны 1812 года русские офицеры привозили в Россию жен-француженок. У полковника Трубецкого женой была графиня Лаваль. А две молоденькие парижанки-невесты добровольно последовали в далекую Сибирь за ссыльными офицерами-декабристами.

Многое же должно было поменяться в маташке России XX века, чтобы так грубо она стала вмешиваться и бесцеремонно ломать судьбы своих солдат-победителей! Посмотрите телепередачи «Жди меня», и вы увидите рассказы о десятках таких разбитых судеб.

Даниил Гранин писал: «Изъять милосердие - значит лишить человека одного из важнейших действительных проявлений нравственности... Думаю, что это врожденное, данное нам вместе с инстинктами, с душой, но если это чувство не употребляется, не упражняется, оно слабеет и атрофируется...»

У тех, кто так распоряжался судьбами, подобными судьбе солдата Бойко, совсем плохо было со знанием нашей истории, а атрофия милосердия и совести зашла слишком далеко. Такие были времена!

Письмо В. Бойко начато 17 февраля 2008 г., отправлено 20 августа 2008 г.

ХОЖЕ И НЕУХОЖЕ

Работая над составлением 11-го выпуска Словаря вологодских говоров, мы обнаружили микротекст со словом *хоже*. На заседании лексикографического коллектива задался вопросом, как подать имеющийся материал в словаре. Материала-то было всего лишь «одна бабушка сказала», то есть только один контекст. Но слово всем показалось интересным. По синтаксической функции оно вроде бы вписывалось в категорию состояния, а вот по семантике не очень-то к ней подходило. Но уж если карточка составлена, надо с ней поработать. Как из песни слова не выкинешь, так не выкинешь его и из картотеки...

У нас разгорелось обсуждение. Оно потом даже по телефону велось: коллега, к которой обратились за комментариями, заинтересовалась словом, увлеклась им на досуге (в тот момент она сидела дома со сломанной рукой!), «озадачилась», как лучше подать это слово в словаре. А ведь всего-то пустяковинка была в картотеке, одна-единственная карточка. В итоге появилась статья: *Хоже, безл. в знач. сказ. О многократном посещении кого-либо. К ним хоже было, семья-то хорошая. Тот. Маныл.*

Почему так лаконично? Да просто не было больше материала. А вот впоследствии ради этого слова диалектологи специально отправились «в экспедицию» к своим соседям по подъезду и верным помощникам Усовым, уроженцам Кичменгско-Городецкого района. В этой семье диалектологов консультируют сразу три компетентных информанта: Прасковья Михайловна Огаркова, Раиса Александровна и Леонид Васильевич Усовы. Они уже много лет терпеливо дают нам разъяснения о бытовании слов в говоре жителей деревень Наволок и Шестаково этого района. Впрочем, не просто «терпеливо». Р.А. Усова всегда рада расспросам: местные слова ей ярко напоминают дорогую родину, проведённые там детские годы. В 1982 году по рекомендации Р.А. Усовой в деревне Наволок в течение четырёх недель работала и научная студенческая экспедиция под руководством автора. Работали увлечённо, азартно, привезли интересные записи - они теперь часто цитируются в Словаре вологодских говоров. Считаем, что деревня Наволок - это

опорный пункт в наших диалектологических изысканиях.

Так вот именно в эту семью, вооружившись авторучкой, блокнотом и диктофоном, и отправились диалектологи. Что же выяснилось? Слово *хоже* или устойчивый оборот к ним *хоже (было)* в этой местности не употребляют. Абсолютно точно. Проверено. Переспрашивали специально несколько раз. Не употребляют. Или - скажем осторожнее - в этой семье не употребляют. Ведь диалектологам известно: в деревнях *что двор, то говор*, всё может быть.

Ну что ж, продолжим поиск, спрашиваем в других местах... Есть ещё хорошие знакомые из Вожегодского района. С ними регулярно раз в году встречаемся на дне рождения в семье наших друзей. Вот у них, в деревне Чужга, как выяснилось, это слово употребляют: *К ним хоже было, семья хорошая*. Нашлось слово! Подтвердилось! Оно означает «просто, легко, приятно <заходить в дом, обращаться>». Более того, собеседники добавили: *К ним всё ухоже было*. А это уже новое местное слово для обозначения того же понятия! Оказывается, в деревенской жизни семью и её дом оценивают: ходят туда люди или нет, приятно к ним заходить или нет. Итак, *хоже, ухоже*... Что-то знакоменькое звучит...

Да, точно, в процессе беседы с Усовыми был зафиксирован антоним - *неухожё*. Проверка по Словарю вологодских говоров показала, что и оно прежде не было зафиксировано. А оно есть, оказывается, существует! Никогда нельзя быть уверенным, что записал все слова... Море их, океан!

Итак, что же мы узнали от Усовых

об этом слове? У нас говорят: к им *неухожё*. Спросят: «Ну-ко ты к им *ходишь* ли?» - «Не, *неухожё* к им». Эта фраза, содержащая оценку употребляемого слова, произнесена Р. А. Усовой. А вот три следующих контекста словоупотребления получены от предстательницы старшего поколения, девяностолетней П.М. Огарковой:

Вот рядом жили - вот как-то к им всё неухожё было. У их старицёк такой хорошей был, а вот как-то всё люди ходили худо. А к Кузиным рядом - уй народу штё набезит! К Кузиным - туда проише. Они простые, дак к им ходят шибко люди.

В какую-то деревню - ой, говорят, туда неухожё как-то идти. Сюда попутнё, а туда неухожё.

Неухожё к им в деревню.

В этих фразах обнаруживаются два разных значения слова: 1 - «неприятно, неудобно <заходить в дом, обращаться>»; 2 - «неудобно, не по пути <заходить куда-либо>» (это там, где говорится про деревню).

Словарь русских народных говоров не содержит слова *неухожё* (а до слов *ухожё*, *хоже* составители ещё не ско-

ро дойдут: сейчас составляются словарные статьи ещё только на букву Т, а на неё очень много слов). Однако в этом самом полном на сегодняшний день словаре с пометой *пермское* содержится слово *неухожь* «не ко двору, не к месту, неуместно»: *Нам в их деревне-то неухожь* (СРНГ 21: 199).

Интересно, не так ли? А ведь если в одном говоре у слова два разных значения, если в соседних говорах есть просто косвенное подтверждение бытованию слова, значит, оно не пустой звук, а весьма значимое явление в деревенской жизни. Если в дом *хоже*, *ухожё* - значит, в доме живут приветливые, коммуникабельные, или, как сказано, «простые» люди, значит, общение с ними приятно, доставляет удовольствие соседям. Именно это и есть норма поведения «в соседнем деле».

Людмила ЗОРИНА,

*кандидат филологических наук,
доцент ВГПУ*

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (Российского гуманитарного научного фонда). Грант 08-04-00-268-а «Систематизация лексического фонда современных вологодских говоров».

ДВЕНАДЦАТЬ ЗАБЫТЫХ СЛОВ

Известно, что во Франции к родному языку относятся очень бережно. Туристам рассказывают, что в стране даже существует особая комиссия, состоящая из образцовых носителей французского языка. Они практически возведены в ранг академиков, получают от государства заработную плату за то,

что образцово владеют своим языком, являя нации эталон родного языка.

В стране сильно патриотическое общественное движение, целью которого является сохранить национальный французский язык, не поддаваться нивелирующему влиянию английского. Французские лексикологи составили словарик из 100 редко употребляемых слов, которые следовало бы сохранить в народной памяти.

В Вологодском педагогическом университете всегда существовал научный студенческий диалектологический кружок. Именно усилиями кружковцев и собран в полевых условиях материал для Словаря вологодских говоров.

Поскольку никогда не может быть полной уверенности в том, что диалектологами записаны все интересные диалектные слова, мы организовали «новый призыв» в кружок, дав ему название «Двенадцать забытых слов». А что? Двенадцать выпусков Словаря вологодских говоров... Даже если по одному слову на выпуск - получится дюжина. О том, что из этого начинания получается, можно узнать по приводимым ниже студенческим заметкам.

Людмила ЗОРИНА

КАК ПРОВЕТШИЛИ ДОРОГУ

Однажды в студёную зимнюю пору... Вы, наверно, подумали, что последует цитата из стихотворения Некрасова? Нет. Просто история эта началась как раз именно в холодное, снежное время года.

Итак, однажды в студёную зимнюю пору пошли мы с мамой из своей деревни в город Великий Устюг. В это время года к нему можно пройти только по узкой тропинке, да притом через четыре речки: три из них небольшие, а четвёртая - судите сами! - Малая Северная Двина. Навстречу нам попался мужчина. Он был весь запорошён снегом. Действительно, снегопад был сильный. Увидев нас, этот человек попросил *проветшить* дорогу. Что сделать? Незнакомое слово мгновенно пронзило мой слух.

Незадолго до этого я стала посещать занятия студенческого кружка «Двенадцать забытых слов». На этих занятиях мы узнавали о том, что такое диалектология, как нужно записывать диалектные слова, ранее не внесённые в Словарь вологодских говоров. А те, кто занимался в кружке не первый год, делились с новичками опытом. Мы узнали о существовании французского движения «Сто забытых слов», ближайшая цель которого - не дать уйти из обихода хорошим народным словам. Как же приятно было сознавать, что и мы не отстаём, идём в ногу со временем! Ведь каждое русское слово дорого сердцу русского человека как частичка родной материи, родной истории.

Услышанное мною слово *проветшить* я тогда не пропустила мимо ушей, информацию о нём привезла с собой в Вологду, решила над словом поработать. Сначала посмотрела Словарь русского литературного языка (БАС), затем Словарь русского языка в 4 тт. (МАС). Но интересующее меня слово не нашла. Обратилась к Словарю русского языка С.И. Ожегова, к «Толковому словарю живого великорусского языка» В.И. Даля - и опять ничего не обнаружила. Но, как говорится, отрицательный результат -

тоже результат. Не останавливаясь на достигнутом, я взяла в руки Словарь русских народных говоров. Там нашла слово *ветшить*, но в значении «становиться старым, изношенным, ветшать». К моему толкованию значения глагола *проветшить* это не подходило. Не помог мне и Этимологический словарь русского языка М. Фасмера. Практически безуспешными оказались поиски в словарях «лесной» зоны: Архангельский областной словарь, Словарь вологодских говоров, Словарь говоров Соликамского района Пермской области не дали никаких результатов. Остался последний вариант - посмотреть Обратный словарь архангельских говоров под редакцией О.Г. Гецовой (М.: Наука, 2006). Но опять же ни слова *проветшить*, ни бесприставочного глагола *ветшить* в них не оказалось. Тогда возникло предположение, что найдено новое слово. Действительно, оно убедительно проступает в следующих записанных мною контекстах: *Проветшите дорогу, пока её совсем не замело; Хорошо проветшили - даже ночью ориентироваться можно.* Глагол *проветшить* означает «обозначить дорогу, втыкая в снег ветки по обеим сторонам её, чтобы они служили ориентиром при движении во время метели». Вспомним: попавшийся нам с мамой навстречу мужчина шёл из Устюга и ему, несмотря на непогоду, предстояло туда возвращаться!

Но как образовалось это слово? Мнения относительно его образования разделились, и возникло несколько версий. По народно-этимологическому истолкованию, предложенному моей мамой, оно имеет два корня: первый *вет-*, второй *ши-*: значение - «прошить дорогу ветками». В доказательство мама привела мне строчки из народной песни: «*Позарастили стёжки-дорожки...*» Думаю, что к истинному значению слова это истолкование едва ли применимо.

За основу объяснения мы взяли иную версию: *про* + *ветчить* с закономерным чередованием *ветк-* / *ветч-*, то есть «проложить, наметить, обозначая ветками». Вероятно, труд-

нопроизносимое сочетание согласных [тг«ш»] упростилось в [тш]. Могло такое быть? Вполне вероятно!

Уже после проделанной работы в нашем распоряжении оказался Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. В нём обнаруживаются слова *провешить, провершить, проवेशивать* в том же значении, которое имеет анализируемое слово. По-видимому, для людей, живущих в лесах, в снегах, этот глагол является наименованием важного

действия, но оно в разных деревнях обозначается по-разному.

Итак, нам удалось обнаружить местное слово из числа тех слов, которые пока ещё не попали в региональные словари. Про такие слова справедливо говорил А.И. Солженицын: это слова, «никак не заслуживающие преждевременной смерти, ещё вполне гибкие, таящие в себе богатое движение» [М.: Наука, 1990. - С. 4].

Тамара ЗЕЛЕНИНА,
студентка 2 курса



ФОТО АЛЕКСЕЯ КОЛОСОВА

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ФОТОМАСТЕРА: АЛЕКСЕЙ КОЛОСОВ

ФЕРАПОНТОВСКИЕ ЗАРИСОВКИ

Алексей Алексеевич Колосов, член Союза журналистов России, член Международной ассоциации журналистов. Закончил Воронежский авиационный техникум, факультет журналистики Воронежского госуниверситета. Работал и публиковался в областных, республиканских, центральных газетах и журналах (Воронеж, Средняя Азия, Москва). Участник и лауреат всесоюзных, общероссийских и международных фотоконкурсов. С 1993 года (за небольшими исключениями) живёт и работает в Вологде.







